

СВОЯ ДУША

(Где-то в городе Марбунгу)

Обычный кабак, каких тысячи в королевстве. Полутемно, по летнему времени душно, во всю середину залы длинный общий стол, по углам и возле окон столики поменьше.

– Едут, едут, кто только сюда не едет...

Приезжий в дальнем углу не то чтобы оглянулся – слегка насторожил ухо на эти слова. Раз уж ходишь с мечом, надо ношу свою оправдывать.

Вообще-то сказано про другого человека. В коронный город Марбунгу прибыл гость аж из Хоба, с дальнего севера. Послушать, что на этот счёт говорят кабацкие завсегдатаи, было бы нелишне, но – позже. Пока более сведущий собеседник готов толковать, лучше выслушать его.

Итак, начальник полутысячи хобского войска, господин Баррай. Здесь его зовут благородным: по рождению он наш соотечественник, дворянин, воевал на хобском рубеже, попал в плен и в плену выдвинулся: через него теперь идёт выкуп пленных мэйанских вояк. Нынче ему около пятидесяти. А что ещё о нём известно?

Собеседник – черноволосый, как почти все тут, усталый на вид, величается мастером, хотя сходу и не скажешь, которым ремеслом он занят. Разнообразными искусствами, в том числе сбором и передачей сведений, не целиком правдивых, но уж какие есть.

– Я слышал, – говорит он, – у Верховного Хоба и его присных Баррай в большой доверенности. И прежде всего это значит: он себя показал человеком отважным. Верным, готовым принять обычаи северян – это всё да, но уже во вторую очередь.

– И выгодным человеком?

– Да, конечно. Если верить тем, кто следит за рынками, Баррай – в первую тройку работорговцев точно входит на нынешний день. И по оборотам, и по... скажем так, разнообразию предложений.

– Как понять: у него невольники на всякий вкус? А где он их берёт, ежели торгует пленными?

Сложно вообразить, что на войну, в значимом количестве едут прекрасные дамы, музыканты или, скажем, счетоводы. Лекаря и оружейники есть, конечно.

– Он достаточно гибко договаривается, – отвечает мастер. – С богатых берёт подороже, а с матери-старушки за единственного сына её может взять один золотой и на том успокоиться. А ещё Баррай не раз сводил людей, кто разыскивает своих родных, с благодетелями, кто даст на выкуп денег. Порой запрашивает и вовсе не деньгами, а сведениями или услугами.

За одного вояку нынче дают от трёх сотен до полутысячи королевских ланг. Вопрос: какие услуги или сведения потянут на такие деньги?

Мастер приглаживает усы. Ненавязчиво показывает: под светлой рубашкой на плече у него видно тёмное пятно – рабское клеймо. Так что в делах невольничьих он и сам разбирается? И уж если кого выставляет почти святым подвижником, то неспроста?

– Вот вам пример, – продолжает он. – Сюда Баррай пришёл на здешнем, марбунганском судне, которое в Хоб товары возит, в основном продовольствие. Его кормчий когда-то угодил в плен, теперь обязан полутысячнику.

За большим столом тем временем кто-то кому-то объясняет:

– Этот господин из Хоба – вроде как наш Нарек Диневанский, только наоборот.

– Чего?

– Ну, похоже ведь: воевал на Рубеже, из плена его не выкупили, сам выбрался, сделался ближним советником... Только не у нашего короля, а у Верховного Хоба.

Нарек-наоборот! – повторяют другие и смеются.

А один поднимается с лавки:

– Да какой он, так-перетак, Нарек?! Княжич Нарек страну нашу поднял! А этот – предатель!

– И рабами торгует!

– Во-во. Ты думай, чего говоришь-то!

– Этот хоть торгует. А по милости того, нашенского Нарека...

– Чего-о?!!

Да ясно: по милости советника Нарека мы тут, простые люди в королевстве, всё равно что рабы, по новым-то законам, и выручать нас некому... Крамола дешёвого пошиба.

Словно бы извиняясь за горожан, собеседник молвит:

– Ещё я слышал, господин Баррай привёз с собою кучу денег. Его парень, оруженосец или кто он ему, этот сундучок еле тащил.

– Или вид делал?

– Баррай давно ведёт дела со здешним храмом Семерых богов. Вот и поселился у них.

– То есть у вас? – сам-то мастер тоже вроде бы оттуда.

– Ну да. А всё же я сомневаюсь, что он нажитое золото в храмовую казну поместить решил, как сбережения на старость. Но в чём его замысел, пока не знаю.

– Приехал с сундуком золота – и без охраны? С одним оруженосцем?

– Странно, да.

У большого стола назревает потасовка:

– Ты мне, так-сяк-распротак, за Нарека ответишь!

Их немного, с полдюжины, скорее дядьки, чем парни. Ни один не похож ни на служилого, ни на матроса – горожане как горожане.

Между двоих, кто ближе налез друг на дружку, вклинивается меч в ножнах. И вопрос:

– Стоит ли?

Осели. Разглядели на ножнах знак Воителя или просто решили не связываться.

Мастер меж тем куда-то исчез.

Приезжий не стал бы встречать, кабы не верил: драка добрая хороша, как и выпивка, и споры о делах державных, только вот мешать одно с другим и с третьим – неправильно.

А может, лучше было не разнимать, а отложить меч в сторонку и просто подраться. Душу отвести. И потом, глядишь, помирились бы, выпили вместе, дядьки рассказали бы что-нибудь полезное... Но уж ладно, пропустил случай.

Приезжий и расспрашивать не стал бы, если бы уже не убедился: полутысячник Баррай шлёт и получает вести через огонь. Не самое редкое умение среди воинов. Важно только, чтоб тот, с кем пытаешься связаться, тоже, как и ты, сидел у костра, у очага... Солгать пред огнём возможно, а всё-таки большей частью люди опасаются гнева Воителя Пламенного, раз уж прибегают к его милости. Оттого многие и стараются научиться огненным вестям, и не боятся, что за это сойдёт на них одержимость – или на тех, кого они вызывают на разговор.

Выходишь из кабака – и только тут вспоминаешь: ты на востоке. Когда вместо дощатого забора на той стороне улицы видишь три ступеньки прямо с мостовой к чьей-то двери. Тут жилые дома такие – каменные или кирпичные, в два уровня, глухие, наподобие складов, окошки только наверху, узкие, как щели, да и те забраны речными ставнями. Старый город-крепость, застраивался плотно – и давно уже выполз даже за новые стены, разросся к западу и к югу. А с северной стороны тут речка, с восточной – море.

Есть тут, конечно, и деревянные домики, и пустыри на месте пожарищ, есть дыры в старой крепостной стене, откуда горожане потихому растаскивают кирпич. Есть усадьбы с садами, как в столице, но большинство домов – как на этой улице, вплотную один к другому. Их зовут кольцевыми: здания по четырем сторонам окружают внутренний двор, там садик, а посередине ещё домик. Приезжий в эти дворы пока ни к кому не заходил. Восток! Запросто не заглянешь, напиши сначала письмо, да лучше на царском наречии или стихами...

Мостовые тоже почти всюду каменные. Горный край Онтал рядом, в каменотёсах и камне недостатка нет? Вдоль мостовых канавки, по ним должна течь вода, но сейчас в них только сухая грязь – давно не было дождя. Приезжий направляется к западу, к двум высоким башням. Там главные ворота Марбунгу, они же храм во славу трёх из семи богов: Воителя, Плясуньи и Судии. Оттуда ведёт дорога в столицу.

Подойдя к негасимому костру у ворот, с молитвой зажигает от него факел, один из многих, заготовленных тут для горожан, кому днём или ночью понадобится огонь для обряда. Будто бы любой огонь – не так же чист и свят, как храмовый... Приезжий поднимается на одну из башен. Наверху засвечивает от факела фонарь, старается сосредоточиться. Дело к полуночи – и как прошлой ночью, и много ночей уже кряду, вскоре в огне слышатся чужие речи. Два разговора, два разных человека беседуют с северными краями.

Господин Баррай заранее договаривался о своём прибытии, это понятно. Как добрался, подал весть по месту службы, в Бунджил. Тоже

ничего удивительного. Сегодня нашёл, что ещё сообщить. Допустим. Вопрос – кто второй здешний вестовой и с кем связывается он?

(Благородный Джанатта Баллури)

Не чучело набитое, не болван, а боевой товарищ. Этим летом одет в старый кафтан благородного Джанатты, величается Джанаттой Вторым. Первый, выходя на площадку заниматься, сначала во славу Воителя зажигает в каменной чаше огонь, а потом, перед тем как ударить, учтиво приветствует соломенного вояку.

Ежеутренний поединок почти с самим собой...

Ристалище при новом храме Семерых богов обустроено неплохо. Для конных ристаний тут места нет, но для юных рукопашников и для Джанатты есть Второй, есть всё надобное для стрелков и мечников.

Чего ты больше хочешь: чтобы тебя любили или чтоб не убили? – спросил сорок лет назад князь Муллаваджи Диневан, отдыхая после охоты, щелкая мальчишку-сокольника перчаткой по перекошенной спине. Джанатта ответил: второе. На что любовь мне мёртвому? Тогда, – молвил князь, – вот тебе три правила: вставать раньше всех, позже всех ложиться и знать о каждом всё, что сможешь вызнать. С тех пор Джанатта этому совету следует, как может. Но и более очевидным путям к выживанию уделяет время. Каждое утро полчаса без оружия – на прояснение в теле и в голове, еще полчаса с мечом или самострелом – на раздумья о предстоящих днём делах. А потом и ученики явятся. Если бы не эти уроки для себя и других, Джанатта к своим пятидесяти годам давно был бы или безнадежно хвор, или убит.

Дела. Главное на сегодня и ближайшие дни – гость наш Баррай. Тоже старый товарищ. Пятнадцать лет, с тех пор как Джанатта перебрался в коронный город Марбунгу, с Барраем он ведёт дела постоянно. Как храмовый прихожанин, вдвоём с настоятельницей, досточтимой Марригунд, и как ходатай Короны по делам севера. Так осторожно, севером, в королевских грамотах принято нынче именовать княжество Диневан в его пограничной части, где – на реке Таггуд, в ближних к ней болотах, лесах и пустошах – идёт война с Хобом.

Двадцать лет эта война – единственная в землях королевства. Целое поколение выросло ребят, кому ристалищная наука кажется умозрительной, вроде математики. Есть исключения, к примеру, отрок Дине, воспитанник Марригунд и Джанатты, но Дине и во всём остальном особый случай. Сыновья и племянники досточтимой – дети мирной поры. И тем важнее судьба тех, кто воюет на Таггуде: поиски пропавших, выкуп пленников. Марбунганский храм Семерых богов занимается всем этим, сотрудничая с Короной. А с хобской стороны переговоры ведет полутысячник Баррай.

Обычно Марригунд и Джанатта ездили к нему в Бунджил. Или Джанатта один – в годы, когда настоятельница носила детей или кормила. Начало положила она. А могла бы ездить в Мэйраа или в Коин, ведь на невольничьи рынки этих двух городов пленные обычно попадают, если кого прежде не вызволит расторопная и богатая родня.

Но нет, сказала досточтимая, зачем же доводить людей до рынка? Люди от этого портятся... Воистину: от рабской неволи – ещё быстрее, чем от войны. Настоятельница тогда, пятнадцать лет назад, оставила в Марбунгу сына-младенца, двинулась на север, и Джанатта с нею.

Пленников-людей Хоб нынче в основном сбывает, и в этом немалая заслуга Баррая и его единомышленников. Как работники выгоднее орки и болотный народ, а чего эти племена не вырастят и не добудут из недр, то проще купить у соседей. Затем добычу с Таггуда и обращают в деньги. Кто-то назвал бы сие торгашеским духом, поразившим весь наш век, но век-то делают те, кто в нём живёт.

Нынче Баррай не к себе пригласил – за товаром, как он выражается, – а сам приехал сюда. С одним порученцем, без свиты, как частное лицо. Принимать его предстоит Джанатте. И докладывать обо всём государыне королевне, а она уже будет решать, что и как передать в королевскую Ставку.

Доклад государыня получит. Не зря же у Джанатты есть Второй – достойный пример, как держать лицо в неудобных обстоятельствах.

В чём неудобство. Не в том, что Джанатта привык приходить к Барраю просителем, а сейчас должен сам принять его как гостя. Главная сложность – здешние диневанцы. Не все они родом из княжества Диневан, но все – бывшие пленные, взятые на Таггуде. По большей части такие люди после освобождения возвращаются по домам, кому некуда вернуться – ищут новое пристанище, работу или службу, а кто не находит, те оседают в Марбунгу при храме. И они-то о Баррае доброй памяти не сохранили.

Смолчали бы, если б не услышали, как кто-то назвал Баррая «Нарек-наоборот». В Марбунгу ценят острое словцо, и прозвище это к нашему гостю теперь приклеится намертво. Сволочь он, а не Нарек! – говорят рубежники, и их можно понять.

Сравнение действительно обидное. Два десятилетия мира, упроченные рубежи, мятежи, усмирённые при самом начале и в основном силою закона, а не оружия, обновлённый флот, крепкое войско – что это всё, как не итоги мер, которые предложил королю и провёл Нарек Диневан? Племянник грозного Муллаваджи, сам мог бы быть избран в короли – и наверное, стал бы великим королём, – только дядя его не выдвинул на выборы. Нарек уехал воевать, был любим у себя в отряде, однажды в боевом неистовстве своих же людей перебил или ранил, взят бы хобами, не выкуплен; после долгого плена очутился в итоге за морем, в Царстве Арандийском, проникся тамошними учениями, вернулся, чтобы создать из королевских земель единую могучую державу... Даже диневанцы теперь своей страной зовут всё королевство, а ещё родители их так не сказали бы. Хорошо, если княжество или боярство, а не собственный удел или хутор числили родиной. И добился этого один человек, хотя, пока был жив, все заслуги приписывал королю своему – прежнему нашему королю – и в целом Короне.

Помимо прочего, у нас в храме уже есть собственный Нарек. Тоже вызволен из плена. Боги ведают, кем был этот воин, примерный ровесник Джанатты, пока не спятил. А теперь считает себя княжичем

Диневаном, говорит, что в Аранде в своё время объявился самозванец и к королю пробился тоже он – видимо, царский лазутчик... Этого безумца досточтимая Марригунд бережёт особенно.

Пять лет назад настоящий Нарек скончался, и тело его нёс к погребальному костру сам молодой король, нынешний король Надрибул, вместе с троими ближними соратниками. Мы это видели только на печатных картинках. Джанатта на похороны не ездил, досточтимая Марригунд здесь молилась – не за упокой усопшего, а чтобы не вышло смуты. Недолго и не особенно громко люди шептались, будто Нарек был отравлен. Как он скончался, свидетелей нет: вечером был жив-здоров, хоть и сдал за последние годы, а утром его уже холодным нашли в рабочей комнате за письменным столом. Возможно, король и прислушался бы к пересудам, но другие возражали: советник сам завещал не чинить расследования насчёт своей кончины. Когда это? А слышали, как в песне сказано: *Отдал всё, и теперь каждой ночью три года кряду не гашу я свечи и открытую дверь держу. Жду я женщину ту – вдруг зайдёт поднести мне яду? Чай всегда на столе, я ни словом не возражу...*

Песню эту сочинил храмовый певец Видаджани Парамелло – от Нарекова лица. Говорил что-нибудь подобное сам королевский советник или нет, теперь уже неустановимо.

Парамелло, незаконный супруг настоятельницы, порадовал вчера: объявил, что отбывает в странствие. В столицу, точнее, в окрестности Ставки, где у него есть другая семья. Певца умоляли остаться, да не особенно слёзно. Среди детей, как водится, раскол: кто-то на мать обижен, а кто-то на отца, – впрочем, Парамелло все эти годы настаивает, что чадам своим не отец, только воспитатель. Тронется он в путь или останется, видно будет, пока мимо ристалища не проходил и не пролетал.

Он способен летать: ходить по воздуху, не очень высоко и не далеко, но и этого довольно. Не раз доказал своё умение вымолить такое чудо у Матушки-Плясуњи. И не раз применял его затем, чтобы благим примером вдохновить кого-то на служение богине. В том числе и досточтимую Марригунд. Сам жрецом не стал, числится храмовым мастером. А она любит его и называет мужем, хотя жрицам Плясуњи по закону брак запрещён.

Несколько раз уже на памяти Джанатты мастер от неё уходил. Впервые – как раз незадолго перед тем, когда она занялась делами севера. Занялась – не из-за него: молодая жрица искала, какие добрые дела будут по силам недавно основанному храму, к чему приложить ум и сердце. И подумала о дальнем родиче, бывалом Дже Таггуджи, воеводе Рубежа...

Спасибо Второму за науку. Джанатта с поклоном отходит, берётся за меч. Не длинный северный и не короткий южный, а средний, выкованный нарочно для его нужд.

С рубежниками нашими надо поговорить. Никто не собирается угождать северному гостю сверх той меры, что начертана нашей собственной честью гостеприимцев. В остальном всё будет зависеть от того, с чем Баррай приехал и какую пользу нам это может принести.

Был бы сам Джанатта при подобном разговоре на другой стороне – на диневанской – он бы точно спросил: а любопытно, сколько пленных Верховный Хоб отдаст как выкуп за дорогого своего приспешника? Но с нынешней своей стороны коронный ходатай ответит: так дело не пойдёт. В сердце своём, возможно, Хоб даже благодарен будет, что его избавили от этого человека. Но на словах непременно выразит возмущение, и пострадают наши же северяне, пленные. Так что нам захватить Баррая – невыгодно.

Нарека-безумца хорошо бы запереть, если досточтимая сочтёт для него неопасным временное затворничество. Не потому что сам он близок к буйству – пока нет, слава Семерым. Оправдывает имя своё, держится хладнокровно, хоть это и непросто по нынешней жаркой погоде. Опасность в другом: если Барраю вздумается с ним заговорить, да свысока, как обычно, остальные диневанцы могут не стерпеть. Джангу, старшего сына настоятельницы, просить, чтобы придержал своё остроумие, ибо догадывается Джанатта, кто придумал величанье «Нарек-наоборот». И еще надобно отрядить людей – рубежников, самых добродушных с виду, – чтобы осторожно, не мешая жрецам и прихожанам, послушали, какие речи ведутся при Огнях Воителей в нашем храме и в других. Знать, кто в Марбунгу кроме нас хлопочет о хобских делах, всяко полезно.

И разумеется, люди, кто уже присматривает за гостем, должны продолжать – следить, не слишком бросаясь в глаза.

Любезно было бы со стороны Баррая явиться сейчас на ристалище, первую беседу наедине совместить с воинским уроком. Да едва ли: слишком разные они с Джанаттой бойцы, и по задаткам, и по выучке. Вчера при встрече гость упомянул, что привёз список из сотни с лишним пленных. Но – только список, ни одного человека из них с собою не взял. Хочет взамен чего-то небывалого? И тайного, иначе еще до того, как взошёл на корабль в Бунджиле, Баррай известил бы нас через огонь или через чародеев.

Баррай на своей должности давно. И она – ещё не высшая из тех, какие в Хобе может занять иноплеменник. Собрался двигаться наверх? И нуждается в новом заметном успехе, чтоб не с пустыми руками идти к своему Верховному? А какой возможен успех помимо просто крупной выручки? Кого-то из важных хобов на Таггуде взяли в плен наши, и Баррай пытается его вернуть? Мы здесь о таком не слышали, да и не было бы смысла полутысячнику за этим ехать сюда: решил бы дело с Джой Таггуджи на месте. Задумал добыть что-то из находок науки, нам известных? Всё ценное у хобов уже есть. И восточное огненное зелье, хотя ценность его пока сомнительна, и новейшие судовые снасти, и карты дальнего Заморья, насколько им можно верить...

Непонятно. Но княжеский завет – знать всё обо всех – тем и хорош, что до конца не исполним. Джанатта докручивает последнюю на сегодня петлю, возвращает меч в ножны. Поправляет огонь в каменной чаше, почти уже невидный: совсем светло.

Осматривается вокруг не воинским, а обычным взглядом. Встречается глазами с Дине. Парень устроен иначе, чем воспитатель его: если просыпаться не по тревоге, а в обычное утро, то лучше

делать это не спеша, за молитвой или просто сидя на заборе ристалища. Иначе, как разбуженный медведь, драться будешь со всей силы, но не соображая. Переучивать Джанатта не стал: у каждого свои преимущества. Сейчас Дине встряхнётся и примется за урок. Сам, ибо Джанатта для него уже напарник неподходящий.

А случилось бы с Баррая приехать вовсе без готового замысла? Придумайте, дескать, чем поразить моё начальство, предлагайте, а я выберу, что мне по вкусу...

– Почтение благородному Джанатте!

Это явился Датта, племянник досточтимой настоятельницы, наследник благородного семейства Гундингов – судовладельцев, чьи корабли возят в Марбунгу товары дальних заморских земель. А по материнской родне Датта тоже диневанский: сын боярышни Таджибери, чей родной край как раз возле устья Таггуда. И на вид отрок больше похож на северянина, чем на изящного марбунганца. С Дине их можно принять за братьев, а уж увидел бы кто Датту Гундинга рядом с воеводой Таггуджи – точно сказал бы: внук и дедушка.

К добру ли его усердие, надо будет выяснить, то-то он нынче так хмур и решителен. Если и его тревожит приезд хобского гостя...

Сам отрок молчит. Зачем подозревать задние мысли, может, просто он внял совету: пока возможно, заниматься с Джанаттой. Не каждому в юные года доводится упражняться с опытным противником, равным тебе по росту. А что причины вызвать Баррая на поединок есть у многих, и у дома Таджибери к этому перебежчику особый счёт, – это и так известно каждому, кто хочет вникать.

Крепкий подросток тринадцати лет творит у чаши с огнём краткую молитву, берёт учебный меч. Кланяется наставнику, диневанцу Джанатте – горбуну, человеку, о ком говорят: лучше иметь его на своей стороне, чем наоборот.

(Двое на страже)

Самое начало лета – а уже жара. Солнце поднялось над морем и медленно двинулось за город, в сторону Королевской дороги. Словно красотка, знающая, что хороша: не торопится, даёт собою полюбоваться. К полудню станет совсем жарко, но пока можно терпеть.

Дине Баллури терпит, хотя по спине – пот ручьями, рубашка под перевязью мокрая насквозь. Но на службе без перевязи нельзя. На Маэру, своего сотоварища, юноша косится с сочувствием: тот то ли по походному обычаю, то ли по северным правилам одет в кожанку, да еще и хобская шапка с бармицей на голове. Мается, бедняга! И ведь вроде не похож его господин, хобский посланец, на человека жестокого. Заставлять порученца испечься тут – во славу Пламенного, что ли?

Двенадцать лет, до совершеннолетия, юноша Дине воспитывался в храме, в семье досточтимой настоятельницы, а после его усыновил господин Кайтай, и теперь считается, что Дине служит при нём. Как Маэру при Баррае, только те – не родня между собой.

Если спросят: а кем ты служишь при батюшке? Что делаешь на службе? Вот перевязь, грамота о присяге есть – а должностного наказа у Дине до сих пор нету. «Помощник», «порученец»... Без помощи господин обычно обходится, и попробуй предложи... Поручения Дине выполняет. Сейчас велено стоять у дверей, чтобы никто не мешал переговорам. А бывает – надо грамоты переписать, отнести во дворец или в управу. И на ристалище заниматься: если придётся ехать на Рубеж, нужна боевая подготовка. Правда, когда полтора года назад господин туда ездил, Дине он с собою не взял.

В Марбунгу все между собой родня, а в семье же не расписывают, кто за что отвечает, само должно быть ясно. К примеру, старший сын досточтимой Марригунд в этом году тоже пошел служить: младшим коронным гонцом, под начало госпожи Мобайджи Гундинг, своей тётушки. У бывшего наместника, господина Гайладжи, и сын, и зять – оба несут службу, один на таможне, другой в суде. И ни про кого не говорят, дескать, бездари и лентяи роднёй на теплые местечки пристроены. Так что стесняться вроде нечего – а Дине всё равно спокойно. Вдруг потом окажется, что он что-то важное на службе своей прозевал? Отец служит без наказа: что Короне вообще нужен ходатай по делам севера – это ведь он сам обосновал, и что надо делать, тоже сам решает. А Дине так не может.

Есть у отца и вторая служба, ничуть не проще коронной: в храме он не просто прихожанин, а поединщик. Сына учит ещё и затем, чтобы, когда надо будет, сразиться за храм на божьем суде. Но ведь этот суд на то и божий, что назначается, когда богам угодно. А может, и не будет угодно никогда на твоём веку – и зачем тогда ты нужен со всей своей ристалищной выучкой?

Благородный Дине в восемнадцать лет не уступает уже многим испытанным бойцам. В Новогодие на состязаниях первым не был, но там главную награду взял вообще рыцарь Воителя. А любопытно: много славных дел на счету у Маэру? Порученцу хобского посла едва ли сильно за двадцать. Зато всё-таки побывал и на войне, и в плену...

Дине снова глядит на него. Росту Маэру невеликого, самого Дине на голову ниже. Волосы светлые, хотя сейчас, под шапкой, намокли и потемнели. Глаза карие, нос тонкий. И весь он какой-то – будто от зубной боли мается и боится признаться, чтобы к зубодёру не повели.

Даже странно. У господина полутысячника вид купеческий, не военный. И такой, будто товар у него – всем товарам товар. Даже глава дома Гундинг так не улыбается, а ведь торгует сахаром да вином, этот же – невольниками... Но отчего тогда порученец его держится так неуверенно?

Случись подрасться, Дине бы этого парня одолел. Раз плюнуть... Хотя нет. Господин говорит: несерьёзных противников не бывает. Но всяко – с немалой вероятностью!

Дине соображает, как спросить, чтобы не обидеть:

– А вы, благородный Маэру, давно при господине Баррае состоите?

– Два года, девять месяцев и восемнадцать дней.

Экая точность! Голос у него неровный, немного хриплый.

– А вы при господине Баллури? – спрашивает он.

– Два с половиной года. Но к службе он меня готовил с детства. А до того вы сколько воевали?

– Меньше года, пока в плен не попал. За нашим отрядом по следам шли, выбрали время, когда напасть... Я очнулся уже у хобов.

Откровенность за откровенность:

– Я тоже был в плену у хобов. Только я этого не помню совсем. Мне тогда три года было. Говорят, меня взяли с оружием в руках, с палкой какой-то. Значит – пленный, не добыча. А потом приехали досточтимая Марригунд и господин Кайтай и меня выкупили. В числе прочих.

Вот и сейчас королевский ходатай Джанатта и полутысячник Баррай договариваются о выкупе пленных. А их молодцы на страже, как положено, судачат о господах. В прихожей нет скамеек для поселителей, только сундучок у окна, а на подоконнике письменный прибор и цветы в кувшинчике: несколько стебельков ландышей, одни цветы, без листьев. Пахнут они странно – чем-то знакомым, но не вспомнить, чем.

Порученец Маэру тоже разглядывает здешнего парня. Тот похож на диневанца: темноволосый, смуглый, крепкий, с длинным лицом. А выговор восточный: «тож-же», «оруж-жие»... Выходит, говорить учился здесь, в близком соседстве Царства Арандийского.

Храм Семерых охраняют вроде бы тщательно: трое на воротах, причём двое внизу, а один наверху с самострелом. Сколько охраны по границам подворья – выяснить пока не удалось. Оно огромное, на двух берегах здешней речки, после городской тесноты есть где оглядеться. Обнесено кирпичной стеной, но чтобы присмотреть за нею по всей длине, надобно десятка три, да и то бесполезно, если можно подобраться по реке.

Храм за многие годы вывез из Бунджила несколько сотен пленных. Но ежели бы все те люди теперь составляли его боевую силу, то были бы заметнее. Или здесь больше полагаются на печать Семерых: кто через неё ползет, того божьим гневом разразит, а если нет, значит, так богам угодно. Или охраняются чародейством. Ночью храм весь в колдовских фонариках, если считать, что ловушек на непрошенных гостей примерно столько же – можно большого отряда охраны и не держать.

Гостевой дом на той же стороне реки, ближней к городу, где и святилище, и ристалище, и приёмная, где господа совещаются сейчас. Отсюда до реки – широкий луг, похоже, затопляемый в половодье, потому и не застроенный. На лугу никто не пасётся, правда, утром сегодня куда-то прошли местные свиньи без пастуха – крупные, бурой масти. Из другой домашней живности Маэру видел только вестовых голубей, для них недалеко от святилища отдельно стоит голубятня. Через реку длинный деревянный мост на сваях, при этом ни одного свайного дома, как в Бунджиле, пока не попадалось. А само святилище восьмиугольное, кирпичное, в разноцветных изразцах. Могучее: три уровня, считая высокий подвал, да с куполом, как сказал

давеча господин – с заявкой на предстоятельный престол. Только непонятно, глава которой из ветвей жречества мэйанского тут мог бы разместиться: любой из семи, раз храм посвящён всем Семерым. Наверху купола башенка, в ней сидит то ли дозорный, то ли богомолец.

А прихожан до странности мало. Теперь – мало: в день приезда полутысячника из гостевого дома съехали какие-то паломники с челядью и поклажей, говорили, что двинутся дальше по полуострову, к святыням Онтала. Почти наверняка их спровадила настоятельница, из-за северных гостей или по какой ещё причине, пока неясно. Остались две старушки-паломницы – и всё. К северянам охраны якобы не приставили, но весь день вчера двоим воякам, видно, нечем было заняться: слонялись поблизости, далеко не отходили. Господин их обоих вспомнил по прежним временам, сказал: серьёзные ребята.

Но вопрос: если храм под надёжной защитой и всех лишних отсюда удалили – от кого Маэру и Дине господ своих охраняют сейчас?

О горбуне Джанатте господин Баррай в Бунджиле не раз поминал, и всё равно Маэру себе воображал совсем другую особу. Если уж человек от рожденья таков, что мало кому понравится, а меж тем служил и при дворе, и теперь вот по переговорной части, – кажется, должен обаяние разрабатывать прежде силы, ума и всего прочего. Ан нет. Он и без горба не был бы великим красавцем: черты правильные, но резкие, волосы стриженные, чёрные с сединой. Ни бороды, ни усов, лицо как каменное, речь – словно он по записи читает и ему всё равно, не скучно ли людям слушать.

– Можно я спрошу? Отчего благородного Джанатту Баллури называют господином Кайтаем?

Дине пожимает плечами:

– По его прежнему уделу в Диневане. Тогда батюшка на княжьей службе был. А здесь получил удел Баллури, это имение еще с Онтальской войны Короне отошло. На прозвание Кайтай у него прав уже нет, но оно многим привычно.

Маэру кивает.

– А правда, что он такой... ну, вот такой, потому что его матушку зарубил в неистовстве князь Муллаваджи Грозный? Когда она на сносях была? А потом держал её сына при себе – и не боялся, что благородный Джанатта ему, князю, когда-нибудь за мать отомстит?

Верно, так всё и было. Пятьдесят с лишним лет назад. Женщина, носившая дитя, не успела укрыться от боевого буйства Диневанского князя. Её было не спасти, но лекарь-арандиец решился сохранить дитя. И преуспел. Или, наоборот, ошибся. Благородный Джанатта увечен с рождения: мал ростом и горбат. Но это не мешает ему быть одним из лучших мечников здесь, в Онтале.

Дине криво усмехается. Мастер Видаджани такой усмешкой выражает нелюбезность, но не впрямую.

– Я слышал, князь Муллаваджи вообще ничего не боялся. А тогда он в одержимости был.

С одержимого не спросишь. Или уж квитаться с самим Отцом-Воителем. Ежели, конечно, духу хватит. Или эти приезжие считают, что на благородном Джанатте висит неисполненный долг отмщения?

Зря они так!

Своих родителей Дине не помнит. Но вспоминается иногда, как ехали в Марбунгу с севера: сначала в повозке, а после на корабле. Как Дине завернут был с головой в колючий шерстяной плащ, а руки господина сомкнуты поверх плаща – крепко, не вывернешься, но не страшно. И как досточтимая пела по вечерам колыбельную – на непонятном тогда ещё языке.

Жаль, Дине словом припечатать не умеет. Куда ему до мастера Видаджани или до Джанги. Те бы давно уже дали понять чужаку, что его намеки глупые. А Дине может только хмуриться. Ну, или уж на поединок вызвать. Но это – на крайний случай, с иноземными посланцами так себя не ведут.

Дине отвечает с расстановкой:

– Должен вас предупредить, благородный Маэру...

Тот испугался. Нет, не того, что за дурные слова отвечать придётся. Он – по-другому. Как будто больно сделал не нарочно.

Дине объяснит:

– Не надо указывать господину Кайтаю на его внешность. Однажды это уже закончилось поединком.

Коронный дворянин тогда искренне недоумевал. Он, дескать, всего лишь сказал правду: назвал горбуна горбуном. Какой тут может быть божий суд? Очень даже может, решила настоятельница. А уж Воитель Пламенный подтвердил правоту благородного Джанатты. Супостата тот не убил и даже не ранил, просто обезоружил очень быстро. В Марбунгу долго судачили: как же так, выходит, что ли, господин Кайтай – не горбун? Под личиной колдовской ходит, а сам здоровёхонек? Или суд был неправым? Но всё на самом деле правильно, объяснила досточтимая. Просто бывает правда, которую не имеют права говорить, какой бы истинной она ни была.

Маэру отвечает:

– Мой господин как-то сказал – нужна большая храбрость, чтобы годами жить при человеке, кого ты боишься. Но гораздо больше храбрости нужно, чтобы вот так жить рядом с тем, кто имеет причины бояться тебя. Даже если божья воля страх перекрывает.

Ну да, нельзя же надеяться, что милость Пламенного – насовсем, что человек никогда не опомнится, не поймёт, что натворил.

– Благородный Баррай недавно тоже бился на поединке, – добавляет Маэру.

Без хвастовства, с горечью даже. И понятно: порученец должен за господином своим смотреть, защищать его, а как защитишь, когда – поединок?

Он продолжает:

– Один хоб захватил купца из Царства. С семьёй и слугами. А господин их отправил домой. Заявил, что выкуп невозможен, потому что они не пленные, они не воевали вообще. Хоб отвечал, что взял их на Таггуде, а на Таггуде воюют все. Пришлось решать дело поединком.

И если бы господин проиграл, он бы сам за них деньги внёс. И под суд бы ещё пошёл, за измену. Но Пламенный решил в нашу пользу.

Это значит, благородный Баррай хоба одолел. А ведь средний хоб даже высокого человека на голову выше, и тяжелее гораздо!

Учтём, – решает Дине.

И ещё учтём, что Маэру не за страх полутысячнику служит и не просто потому, что деваться некуда, а вправду болеет за него.

Топ! Топ! Топ-топ-топ!

Слышно, какие сердитые шаги. Дине вздыхает обречённо и радостно, зная, кого увидит сейчас. Только и успевает подумать: она!

Наружная дверь распаивается настежь, в прихожую врывается девушка в белом сарафане с плетеным пояском. Подол развеивается на бегу, кудрявые волосы не заплетены, подхвачены на лбу синей лентой. В руках у девушки пустая клетка и совок, вымазанный в птичьём помёте.

На Новогодие Дине дарил барышне Джангати красную ленту. Шёлковую, в два пальца шириной. Только Гати её не носит, а вплела чью-то ещё. Раньше Дине такой ленты у дочери досточтимой не видел.

Девушка сердито оглядывает порученцев и кивает:

– Ага, здесь!

После чего вручает Дине клетку с болтающейся дверцей. Маэру в недоумении переводит взгляд с Дине на барышню. Прежде чем он успеет что-то сказать, барышня оделит и его – совком – и велит:

– Подержите!

Сама же, пользуясь замешательством юношей, прошмыгнёт в дверь к господам.

– Это Вы во всем виноваты! – раздаётся за дверьми ее гневный голосок.

(Благородный Джанатта Баллури)

– **Это из-за вас** батюшка уехал, совсем! За море!

Барышня Гати услышала новости: люди в гавани видели нынче утром, как мастер Парамелло взошёл на корабль и отбыл. Вовсе не в Ставку, а на восток, на дальние острова. Вернётся ли? И когда: лет через десять?

С вестью девочка кинулась не к матери, здраво рассудив: досточтимая в этот час сама пытается выяснить подробности. Прибежала к Джанатте, ворвалась посреди разговора с хобским гостем.

Выслушав, что случилось, Джанатта ответил: обсудим чуть позже. А я никуда не уйду! – заявила Гати и осталась стоять у стола, подбоченясь. Джанатта вернулся к беседе с гостем, перейдя на хобское наречие. Баррай глянул на пришлицу, молвил одобрительно: блюдёт огонь в твоём шатре? Гати всего тринадцать, но выглядит она почти взрослой девушкой. Похожа на мать, красавица, с такою юной зазной можно поздравить любого, а уж кому за пятьдесят, того тем более. Растёт под нашим стягом, – поправил Джанатта. Боевая девчонка! – улыбнулся Баррай и вернулся к делу.

Девочка ждала, не двинулась с места, когда был случай налить взрослым чаю. Джанатта сам налил и подал ей чашку – не притронулась. Ещё полчаса прошло, получив от гостя дощечки со списком людей, предлагаемых на обмен, Джанатта их ей подвинул по столу вместе с бумагой и писчим прибором. А вот это уже ближе к делу! Северянка положила бы лист поверх резной доски и натёрла сухой тушью или просто сажей, чтоб иметь чумазый, но точный оттиск; марбунганская девочка села переписывать строчку за строчкой. И как раз закончила к тому времени, когда Джанатта распрощался с Барраем.

Ходатай собрал листы, исписанные девчачьим круглым почерком. Поблагодарил и спросил:

– Почему из-за меня?

– Вы же говорили: мастер Парамелло отсюда никуда не денется.

Некоторое время назад Джанатта в самом деле это сказал.

– И что же?

– Будто не знаете! Он нарочно! Назло!

Непочтительно такое говорить об отце, но не зря же Парамелло от своего отцовства отпирается.

– Будь мастер настолько предсказуем, достаточно было бы ему сказать «вон из Марбунгу», и он бы тут остался навсегда. Но увы, он не таков.

– Допустим. Но!.. А это что за карта?

Одна из грамот, которые оставил Баррай, чертёж на куске выделанной кожи. Гати её выцепила взглядом. Боевая девушка и быстро соображает. Джанатта показал ей карту.

– Вот полуостров Хоб. Вот мы: полуостров Онтал, город Марбунгу. Здесь Бугдугада, она же Баггар-Даггад, древняя прародина хобов.

– Я знаю. Тут хвост Аранды. А это?

– Это Новый Баггар-Даггад, остров в Восточном океане, заселён теми хобами, что направили ладьи свои не к северу, а к востоку.

– Вот видите!

Непогрешимое рассуждение. Для чего бы ещё Джанатте эта карта, ежели не затем, чтобы услатить за море Гатиного батюшку.

– В общем, так: раз Вы говорили, что мастер никуда не уедет, то должны знать, как его вернуть!

И ушла.

«Блюдёт огонь», учтивое хобское выражение, звучит куда лучше, чем «греет постель» или вроде. Но к Джанатте не подходит: своего огня он не доверяет никому. Ещё одно правило жизни, если не сказать – навязчивая забота: боязнь, что огонь погаснет. Появилась у него после кончины князя Муллаваджи. Оттого коронный ходатай носит при себе с полдюжины кремней и огнив, оттого в рабочей его комнате даже днём, даже жарким летом горит светильник, и первое, что Джанатта делает, возвращаясь в жилые покои, – зажигает лампаду там. Прослыл подвижником Пламенного – хотя дело вовсе не в благочестии.

Переговоры будут непростыми.

Княжич Нарек спросил бы: а вы еще не привыкли? Время нынче такое, многие – и я первый – хотят небывалого.

Хобам, сильнейшим мореходам мира, нужны корабли. Нет, собственные их ладьи не годятся, надобны чужие. Но не чтобы их захватить. Пусть чужими и останутся, но пусть перевезут кое-кого из хобов – с семьями и домочадцами – за дальнее море. За это хобские главы семей готовы заплатить через посредство Баррая. А ещё за то, чтобы их путешествие – не считалось. Джанатта не понял. Чем не считалось: бегством? Изменой Хобу как державе? Или изменой тем их собратьям, которые останутся дома? Баррай отвечал: чтобы ничем не считалось. Переехать и забыть, как это получилось. И чтобы капитаны им потом никогда этого переезда не припомнили. За это хобы будут вечно благодарны. Опять непонятно: будут благодарны за то, что сами же и забудут? В том-то и дело! – многозначительно отвечал Баррай.

Даже Нарек Диневан не сходу решил бы подобную задачу. Для неё, скорее, надобен ум мастера Видаджани. Спрашивается: мастер отбыл сегодня как раз затем, чтобы разобраться в этом? Или чтобы уклониться?

(Джанга Гундинг, старший сын досточтимой Марригунд)

– **То ли дело** заезжий рыцарь! Изысканная блёклая наружность...

– Завидовать нехорошо, – замечает девушка Лалли, не отвлекаясь от стряпни. По тонко раскатанному тесту раскладывает ложкой начинку, ровными строчками. Накроет потом другим листом теста, припечатает решётчатой доскою, разрежет – будут вареники.

Коронный вестовой Джанга с самого Новогодья не может успокоиться. Тогда на состязаниях мечников победил благородный Кандамулли – рыцарь Пламенного, только что прибывший в Надвратный храм из Ставки. Имел успех у здешних дам, и у Лалли тоже, что непростительно. Джанга тогда впервые состязался как стрелок со взрослыми, не с подростками, выбил шесть из шести, но кого это занимает... Дине Баллури с мечом вышел во второй круг, оттуда вылетел, но его и с таким успехом все поздравляли. Джанга взял награду – и ничего. Не хватало, мол, ещё, чтобы ты, пожалованный прозванием Гундинг, продул весенние стрельбы...

О рыцаре толкуют до сих пор, а ведь уже три месяца прошло. И конечно, Лалли его имела в виду, когда о хобском посланце Баррае отозвалась без восторга. Казалось бы: осанистый мужчина, в годах, но ещё бодрый, рыжий... Ан нет, не красавец. В сравнении с некоторыми.

– *Долгие годы трудясь и потея, можно улучшить задатки свои:*

Ноги наездника, зад грамотея, шея барсучья, осанка свиньи...

Сам-то Джанга какой угодно, только не блёклый. Как и у всех в семье, волосы чёрные, кожа светлая, стройный и лёгкий. Но что толку, когда сам себе в зеркале нравишься, а другим – нет?

– Скажи это ему, – советует девушка. – Раз уж рыцарь тебя на стихи вдохновляет.

Не так-то просто! Кандамулли – большой подвижник, все дни либо молится, либо упражняется. Причём на наше ристалище, в храм Семерых, не ходит, как и на войсковое за город, а машет мечом во

дворике у городских ворот. Говорят, видели его вечерами и в кабаках, какие погаже, но пока Джанге его там застать не удавалось.

А Лалли даже не улыбается. Сама она – солнечно-рыженькая, веснушки едва заметны. И очень-очень серьёзная. Служит в Королевском Суде, как и отец её, писаршей. Сейчас в заседаниях перерыв, судьи разъехались отдыхать, вот она и хозяйничает дома. Джанга заходит на правах родича, ибо здесь, в новом домике недалеко от храма, живёт обычно его условный дядя, Джандарри – побратим мастера Видаджани.

Пойди скажи. Авось Кандамулли тебя, наглеца, вызовет на бой и посрамит. Или зарубит, будешь знать, как умничать. Или порадует, что расширил круг своих завистников. Некоторые такое любят.

Но ведь я же сейчас здесь, Лалли! Не на службе, ибо вестей сегодня нет и сказали, что до вечера не будет, в городе ничего не происходит – и в мире, видимо, тоже. Не оттачиваю свои навыки на стрельбище, не умножаю познания в коронном Архиве, не пьянствую в кабаке. Говорю с тобой. Что-нибудь это значит? Или нет?

Самое обидное, что если ей показать песни, посвящённые ей, – не понравятся. Ещё и выгонит, пожалуй. Оттого и не получится вернуть ей её же упрёк – не надо, мол, ревновать к рыцарю за то, что тот стал причиной пары строчек.

– Я не завидую, Лалли. Я страдаю! Безутешно.

– Посмотри: вода кипит?

Точно, кипит. Можно бросать варенички.

– Мастер правда уехал? – спрашивает Лалли, убирая со стола.

И вот почему она не в настроении ёрничать. Тоже огорчилась, как и все в храме, и в доме Гундинг – кроме, может быть, деда, – и в половине города. Светило скрылось за морским туманом. Как же мы все без старика Видаджани. Что мы натворили, если Парамелло решил нас покинуть. И так далее, и так далее...

Ни отца Лаллиного, ни дядюшки Джандарри дома нет. Пытаются поточнее узнать, что случилось?

– И мне как никому сие выгодно.

– Тебе?

– Ну да. Сколько можно чахнуть в тени великого отца. Точнее, не-отца. Я получаюсь виноват, даже если не сам его довёл. Зато могу теперь наслаждаться, что я – первый стихотворец в Марбунгу.

Она молча считает на пальцах.

– Шестой. Без учёта мастера – шестой, Джанга.

– А кто те пятеро?

– Мастер Джакилли Мембери. Кормчий Райкиджи. Джандарри. Господин царевич. Господин наместник. И только следующий – ты.

Ну спасибо. Ведь могла бы поставить впереди ещё пару-тройку господ и дам.

– Если бы матушка моя сочиняла стихи и сейчас, как раньше...

– Точно! Тогда кое-кому пришлось бы подвинуться. А досточтимая не сочиняет?

– Нет. А если бы – ей самой было бы легче. Она, ты понимаешь, поверила, что мастер навсегда уехал. Что бросил её.

Лалли качает головой. Такого не бывает и быть не может, чтобы Марригунд и Видаджани, самая любящая пара наших времён...

– Мастер над матушкиными стихами никогда не смеялся, кажется. И даже не то чтобы оставался равнодушен. Но он умеет показать: вот – я, для меня в этом жизнь. И вот вы все, для вас – рукоделие, в лучшем случае средство со мною потягаться. А если удаются вам неплохие строки, так они – мои, без меня вы их всяко не сложили бы. Думаю, поэтому матушка и перестала сочинять. Почти сразу, как они поженились.

Недолгое время, когда привезла Дине, она ещё сочиняла для него: по-арандийски и совсем простые стишки, чтобы он побыстрее выучил язык. А для Джанги было не нужно, для него-то змейское наречие родное, как и мэйанское.

– Вот нет бы верить в лучшее, – молвит Лалли. – Что просто мастер прослышал о каком-то заморском стихотворце.

– И поехал отравить ему удовольствие?

– Изъять у него свои песни. Раз все хорошие песни – Видаджанины.

– Только не говори, что он сие чудо ещё сюда привезёт! С песнями вместе.

И придётся прочим, неударённым, ещё на одну ступеньку подвинуться вниз...

– А для господина Кайтая сочинять бесполезно. Он по этой части глух, как пень. С тех пор как сюда приехал, пытается научиться один напев отличать от другого – без толку. Для господина Баррая, я подозреваю, тоже смысла нет. Он хоть и сильно надутый, но не настолько, чтобы мнить себя царём, коего не пристало величать иначе как мерной речью...

– Поэты не пишут для людей, – говорит Лалли. – Ни для близких, ни для начальства. Только для других поэтов, пора бы знать. А ты всё-таки к Барраю ревнуешь. И зачем? «Такой мушщина, такой мушщина»! Ремесло у него больно скверное, этого не исправишь ничем.

Вот тебе раз. А кто ж тогда пишет любовные песни? И кому на них отвечают благосклонностью?

С какую горечью: «для поэтов»! Но что это значит? А вот что: ты, Лалли, и сама сочиняешь, и однажды я доберусь до твоих стихов! Если непонятно, цель моя в этом, а вовсе не за вырезом твоей рубашечки.

– Не в ревности дело. Баррай меня злит, но другим.

– А чем?

– *Много решимости надобно, чтобы верный доход приносила война: Любят сражаться ретивые хобы, люди не любят – и платят сполна.*

– Ну да? Кто не любит, а кто и рад подраться.

– Угу. Это к вопросу, почему я не на Таггуде. Если б я чего-то стоил, я бы не здесь служил, а поехал на войну, когда стало можно...

– Кто б тебя туда отпустил!

– А я должен был уговорить родных, или сбежать без разрешения, мало ли таких на Рубеже. Но я не сбежал.

Лалли вздыхает:

– Ты бы очень дорого стоил, Джанга. Когда тебя пришлось бы вытаскивать. Можешь хоть за это себя похвалить: сберёг дому Гундинг кучу денег.

Дверь стукнула. Входит – мастер Видаджани. То есть нет. Очень похожий на него, но другой человек. Тоже невысокий и худой, с такой же встрёпанной головой, с чёрными усами, и одежда похожая, и походка – на суше будто на корабле в беспокойном море. Дядюшка Джандарри. Он ведь начинал как Видаджанин поклонник, потом стал стараться во всём походить на любимого поэта, даже клейма каторжные себе поставил. Потом Видаджани его признал за названного брата. И весь итог – что люди теперь всякий раз вздрагивают, как сообразят, что обознались?

Отличить очень просто: у Джандарри белого шарфа на шее нет. Он подвижник Белой Матери, но не избранник, и по воздуху не ходит.

За дядей топает Нири, Джангин младший брат. Совсем плохо дело. Нири вообще-то от матери далеко не отходит, пока не велят.

И что же они узнали?

Братишка без спросу направляется туда, где у Лаллиного батюшки лежат книги. Ему можно, он не порвёт.

– Отбыл, – выдыхает Джандарри. – На «Солёной щуке». Заранее не сговаривался, явился к отплытию нынче на рассвете.

То есть всё-таки мастер Видаджани рванул за моря. Мать надеялась, что он только вид делает, а сам нынче-завтра вернётся...

– Не томи, дядюшка: он с бабой?

Лалли фыркает. Джандарри отвечает ещё мрачнее:

– Нет. И ни с кем, один.

А лучше б с бабой. Мы Видаджаниных зазноб не знаем – но кто мы такие, чтобы он нам отчитывался? Гулял-гулял от семьи и решил наконец основательно прогуляться, морским путём, мало ли зрелых мужчин в его годы падки становятся на красоту...

Получается, дядя, всё было зря? Всю жизнь перекраивал себя по Видаджаниной мерке, стихи ради него научился писать – а он возьми и свали отсюда? Или наоборот, теперь-то ты как раз и нужен как никогда, почти точная замена?

Вид у тебя такой, будто это ты должен был вовремя догадаться и уехать ко всем умблам вместо побратима, и теперь виноват.

– Ты понимаешь, зачем тогда?

Джандарри качает головой:

– Кроме него самого – никто сказать не сможет.

– Разозлился, что всем пару дней будет не до него, все хобским посланником заняты? И решил это поправить?

Ещё горше и ещё жёстче:

– Мне очень жаль, Джанга.

– Да мне-то можешь не соболезнавать. Что делать, как ты думаешь? Пока мать окончательно не рехнулась?

Не ответил. Задумался надолго.

Пойду я, пожалуй, к деду. Может, хоть он уже что-нибудь решил.

(Благородный Джанатта Баллури)

Джанатта вырос в княжеском замке, досточтимая Марригунд – в большом и многолюдном доме Гундинг. В храме и он, и она обустроили себе жилища, где можно уединиться. В личные покои настоятельницы дозволено заходить детям, супругу и брату, остальным – только по приглашению. Сейчас в этой комнате полутемно, в зеркале напротив окна отражается закатное небо. Свечи принесут вместе с чаем, к досточтимой явился гость: давний знакомый, возможно, уже и друг, господин Вонгобай Гайладжи. Много лет он возглавлял стражу города Марбунгу, потом побывал наместником, и что редкость на королевской службе – с высокой должности ушёл не на покой, а на прежнее место. Но здесь он нынче не совсем как сыщик. Джанатта, немного выждав, поднимается на крыльцо следом за ним.

Досточтимая – в кресле за столом, лица почти не видно в тени. Лучше так, чем по обычаю марбунганских дам закрашивать тревогу и горе плотными белилами. Вонгобай на скамье напротив хозяйки, седой, с острой бородкой и острым взглядом. Джанатте он кивает. Пришёл он, видимо, с расчётом заодно узнать что-то про Баррая: зачем приехал, что предлагает. Но сначала чай, потом – к здешним делам.

– Ну, рассказывайте, – говорит Вонгобай.

– Могу ли я попросить вас о ясновиденье? – спрашивает хозяйка без долгих предисловий.

Храмового чародея уже просила и получила ответ. Хочет проверить. Вонгобай не кудесник, но у него есть надобная снасть, добытая много лет назад не без участия самой Марригунд.

– На мастера Видаджани? – спрашивает сыщик.

– Да. Он собирался отправиться на запад, но, насколько я поняла, выбрал другой путь.

Вонгобай из-за пазухи кафтана достаёт ларчик в ладонь длиной, а из ларчика камень, прозрачный хрусталь. Ставит руку локтем на стол так, чтобы и самому, и досточтимой видеть, что явится в камне.

– Знаю я двенадцать выдающихся людей нашего времени. Короля Надрибула, брата и наследника его Таннара... Скромности ради дам пропущу.

Ибо после первых лиц Короны, а может быть, перед ними следовало бы назвать сестру короля, королевну Лэйгари, что избрала себе местом обитания город Марбунгу. Но супруг её тоже годится:

– ...царевича Кадимонгкаи, наместника нашего Лантани, высокоучёного Уратранну, брата вашего судоводителя Джангамунга, лицедея Джакилли, стихотворца Джандарри, ходатая Джанатту... А также сочинителей Нунирро, Макобирри и Тулунгу, ерша им, как говорится, в парашу.

Трое последних больше прочих надоели Вонгобаю своими крамольными воззваниями. Досточтимая из них особенно не любит высокородного Макобирри.

Вонгобай возвышает голос:

– Главный же над ними – мастер Видаджани Парамелло, музыкант и стихотворец!

Видений на гранях хрусталя Джанатта со своего места не разглядит, но по лицу досточтимой понимает: подтвердилось. Мастер, стало быть, сейчас на корабле в море, и корабль – тот самый, идёт к дальним островам. Сыщик качает головой, опускает руку с камнем.

Так работает эта чародейская снасть. Перечисление дюжины лиц, чем-то сродных с искомым лицом, позволяет войти в сосредоточение, настроиться.

– По крайней мере, у нас хорошие соглядатаи, им можно верить,
– подводит настоятельница мрачный итог.

– Совсем один? – Вонгобай то ли спрашивает, то ли делится сомнением.

Джанатта из этих же соображений говорил, что мастер едва ли уедет в чужие края: кто там будет слушать здешнюю музыку, кто поймёт стихи на незнакомом языке?

Досточтимая отзывается:

– Целый корабль: кормчий, моряки, проезжающие...

Мудрец довольствуется малым. Целый корабль, человек сорок – и дальний путь. И не надобны мастеру, как прочим людям, семья, дети, друзья, вся эта суэта житейская. Если досточтимая пятерых его детей растит и храм построила – то для себя, не для него. Её дело.

Молитвами, родами, семейными заботами, хлопотами о храме, о диневанцах, женщина эта истощена, как подёнщица, хоть и из богатой семьи. Как птица: ничего лишнего для красоты или уюта, тела ровно столько, сколько надо для трудов. Для прокорма питомцев и полёта.

Вонгобай меж тем уточняет: что из припасов мастер взял с собой, сильно ли полегчала храмовая казна с его отбытием, не оставил ли он письма, стихов... Как ни странно, присутствие сыщика успокаивает: ровный голос, размеренные вопросы. Но нет: ни письма, ничего такого. Взял смену одежды и скрипку. Казну настоятельница не проверяла, как и святилище Семерых. Из храма пропало самое ценное, и какой смысл теперь пересчитывать деньги и святыни...

– Погоню высылаем? – спрашивает начальник стражи.

– На каком основании...

Досточтимая возглавляет храм всех Семерых богов, но сама служит Плясунье Небесной. Богине любезна Вольность, не станет жрица насильно возвращать кого-то, кто уехал. Даже если хотела бы.

– Эх... А с друзьями его, полухобом и древленем, связь есть?

Марригунд качает головой.

Джанатта о друзьях мастера только слышал, сам никогда их не видел. По словам досточтимой, они несколько лет заботились о Парамелло как родные, а потом ушли каждый своей дорогой. Как раз когда мастер женился, а по собственным его словам, не женился на Марригунд. Вечный укор то ли совести, то ли неверия в себя: дескать, будь здесь сейчас древлень Самсаме, он бы не позволил другу уехать неизвестно куда, хоб-полукровка Чибурелло присмотрел бы и заранее сказал, что с Видаджани неладно...

Теперь Вонгобай смотрит на Джанатту с вопросом. И так:

– Давний наш знакомец Баррай решил спасти державу.

– С кем не бывает, – кивает сыщик сочувственно.

Досточтимая встряхивается: послушать, хотя бы отвлечься от мрачных дум, даже если самой ей сейчас не до Хоба.

– Задумано большое переселение хобов в Новый Баггар-Даггад. Баррай ищет содействия у тех людей, на кого привык полагаться.

Какого содействия ему надо, Джанатта при прежнем наместнике говорить не будет. Барраю хотелось бы нанять корабли дома Гундинг. Ладьи, оснащённые для дальних походов, моряков, знакомых с восточными водами.

– А зачем им переселяться? – спрашивает Вонгобай.

– Как я понял, назревает внутренний раскол в Хобе. Баррай пытается быть полезен одной из сторон. Какой – ещё не выбрал.

Стороны эти – приверженцы старого воинского обычая и радители за обновление. Целая страна не может жить только войною и грабежом; правящее сословие может, но только до поры. И вот пора пришла, надо решать, как быть дальше. Главным обе стороны считают одно и то же: чтобы хобы оставались хобами. Но для одних это значит – воинами, раз уж народ сей однажды бросил земледелие и торговлю ради войны, то да будет верен себе. Для других образец – не старина, а дальняя древность, сады и города старого Баггар-Даггада. Новые земли притягательны и для воинов, кому постыл торгашеский Бунджил, и для тех, кто достаточно гибко подходит к вопросу, что считать войною: возможно ведь соперничество и в мирных трудах...

Кто выгоднее для нас? По-своему хороши и те, и другие. Жёсткие поборники старины честнее, с гибкими проще договориться.

– Но разве нам не выгоднее всего само это разделение? То, что Хоб не един в себе? – спрашивает досточтимая.

Она права. И отъезд кого-то из влиятельных хобов на дальний остров этот раскол не ослабит, а только усилит.

– В этом нам на руку замысел Баррая. Но помогать слишком явно было бы опрометчиво.

Прежний наместник спрашивает теперь у неё:

– А что нынче творится в ихнем Новом Баггар-Даггаде?

Моряки Джангамунга Гундинга бывают там, хотя этот остров и не самый богатый в Восточном океане. Тёплый, плодородный край, чем-то и вправду похожий на древнюю родину хобов. Золота не добывает, как и особо ценных пряностей или орехов, в изобилии растит плоды и корни. Хорошая стоянка для кораблей, идущих к ещё более дальним землям, и именно поэтому его превращение в пиратскую крепость мэйанам невыгодно. Каждая земля в тех краях держится своего закона, верования и обычаи всюду разные, общее только нежелание идти под власть каких угодно больших держав.

– Думаю, вообще там, за морем, много земли, где поселиться. И даже народов, чтобы ими попытаться управлять, как любят хобы.

Какой огромный и прекрасный мир мог бы существовать для досточтимой. Даже сейчас существует, тонким краешком. Но и он, и Королевство, и Царство, и город Марбунгу – истинное сердце мироздания для всех Гундингов – и дети, и даже боги... Что с ними делать, если воздуха нет, Неба нет? И не будет уже никогда, если мастер Парамелло не вернётся. Не в том дело, что Марригунд невесть

почему убеждена, будто не стала бы жрицей и не основала бы свой храм без мастера. Дело в любви.

За окном почти ночь. Вонгобай на прощанье говорит, что его ребята тоже присматривают за Барраем. Подстраховка и в то же время мягкий намёк: не вздумайте договориться с вашим гостем втайне от Короны. Наверняка Баррай не будет настаивать именно на гундинговской помощи. Попытается обсудить свою задачу с другими кормчими, и хорошо бы знать, до чего они договорятся. Кто-то просто назовёт цену, кто-то побоится связываться. А что решит самый незаконный из мореходов, чьи ладьи стоят сейчас в Марбунгу, предсказать не может никто, даже досточтимая, хоть он и по её части безумец. Капитан Райкиджи Диеррийский, по рождению княжич, по ремеслу пират, а по складу сердца поэт, ценитель изысканного, в чём бы оно ни выразалось. Занятно, что его Вонгобай не включил в список выдающихся деятелей нашего века. И толковать с ним не хочет, попросил настоятельницу взять это на себя. Женат Райкиджи на названной сестре Парамелло, то есть ещё и свояк. Сочтёт ли сей поэт красивым ходом выселить хобов из Хоба?

Прежний наместник отправился восвояси, а досточтимая так и осталась сидеть за столом. Джанатта проводил Вонгобая и вернулся. Кивнул на чайник и на сундучок с запасом бутылок. Согреть ещё чаю или налить перегонного? Настоятельница качает головой.

– Надо ещё детям как-то всё объяснить...

Дети, если Джанатта верно понял, разошлись за советами и утешеньями кто куда. Старший, Джанга, – к деду Гундингу, второй сын, Нири, – к помянутому нынче стихотворцу Джандарри. Третий мальчик, Гари, если ещё не спит, делится печалью с нашим Нарекон; именно это дитя лучше всех ладит с сумасшедшими. Четвёртый, Лирри, пока мал, за ним смотрит няня. Девочка Гати приходила вот к Джанатте.

А был ещё один сын, сейчас ему сравнялось бы двенадцать, но он умер во младенчестве. Только его мастер Видаджани признал своим. И сам похоронил, а жене потом сказал: я его отдал, хорошим людям, а кому – не скажу. Кто считает мастера человеком бессердечным, неправ, как доказывает хотя бы этот пример. Хотя порой и кажется: лучше бессердечие, чем этакий особый вид сердечности.

– Я не верю в его отъезд, – говорит Джанатта.

– Куда уж дальше не верить...

– Ты не знаешь, те двое, Самсаме и Чибурелло, живы?

– Чибу помер, Самсаме где-то странствует. Но едва ли за восточными морями.

Досточтимая взглядывает на старую соломенную шляпу, что лежит на полке. Сплетена и зачарована древленем Самсаме, если ещё сохраняет свои волшебные свойства, значит, чародей жив.

И уж давно не могли внезапно переселиться на восток люди, кого Парамелло числит другой своей семьёй, – крамольник Макобирри и его супруга с детьми. У них свой храм и свои дела при дворе в столице. Если бы исчезли, мы в Марбунгу уже бы знали.

– Тогда совсем непонятно, какая может быть причина.

– Просто стало здесь скучно, – говорит Марригунд.

– Но тогда что можно объяснить детям? Если мы сами не знаем.

Сказать, что отец не разлюбил их, не потому уехал, что они чем-то плохи. И называть их своими детьми отказывается – тоже не поэтому. Только ведь тут уверения бессмысленны.

– Гати сказала мне сегодня, будто я должен знать, как вернуть мастера. Не исключаю, что она права. Но пока не соображу, что именно я знаю, на этот случай годное.

Девочка ведь не затем говорит так, чтобы уязвить. Наоборот, верит: если взрослому дать понять, что признаёшь его могущество, он расстарается. Но если вправду отъезд Видаджани и дела Баррая связаны между собою – то как? Не решился ли мастер таким способом отвлечь супругу, пока она не ввязалась в опасную затею?

Досточтимая тоже размышляет в этом направлении.

– Если бы Баррай платил только деньгами, я бы отказалась...

– Но коль скоро он предлагает пленников, это повод торговаться дальше. Предлагая в ответ – что? Вряд ли помощь вашими ладьями.

– Есть суда, которые не принадлежат Гундингам, но, скажем так, кормчие прислушаются, если их попросить. За хорошую цену, конечно.

– Ясно. Чего я пока не понял – это чем именно, по замыслу Баррая, его хобы там за морем должны заняться и как скоро начать получать доход. Пока что во всём этом деле я вижу только траты без отдачи и не понимаю, откуда Баррай надеется взять столько денег. Даже если отдаст всех пленных, кто есть в его распоряжении.

В первый раз за вечер досточтимая поднимает глаза. Посреди непроглядной тоски – неожиданно ясный взор. Горе не мешает думать. И это хорошо.

Слова – приличные скорее жене музыканта, чем служительнице богов или родовитой даме:

– А не может такого быть, что Баррай собирает кого-то из хобов крупно подставить?

– Под видом переселения – большой пиратский поход на чужих ладьях? Или...

Так же горячо и резко, как Гати нынче днём, Марригунд говорит:

– Развернуть приготовления и сделать так, чтобы все указывало на кого-то из важных тамошних особ!

– Из ближних советников Верховного? Подвести под обвинение в измене? Если сам Верховный против переселения. Возможно, только ведь это замысел самоубийцы. Что на Баррая непохоже.

– Самоубийцей он будет, если останется в Хобе. А если нет?

– Не понимаю, как можно такое повернуть и вовремя исчезнуть.

– Ну вот уехал же! К нам.

– И не намерен возвращаться?

Если так, обидно. Сто сорок два человека, весь список – только для вида. А Джанатта уже надеялся вызволить хотя бы кого-то из этих людей.

Досточтимая добавляет:

– Сам-то Баррай не похож на самоубийцу, а вот его доверенный – вполне. Нет?

– Юноша из бывших пленников, новый его порученец?

– Да. Вид у парня какой-то... Преданный и обречённый
– Возможно. И значит, нам надо быть сугубо настороже. Если Баррай собирается здесь устроить поединок, заболеть, как-то ещё застряв надолго, а юношу отправить в Бунджил для завершения приготовлений.

– Вот-вот. Рубежники наши Баррая не любят, тут одного слова хватит, чтоб запылало... Двоих самых-самых я пока отправила из города – искать досточтимого Байду. Но всех не ушлешь.

Байда, здешний жрец Творца и Хранителя Путей, удалился странствовать по Онталу. Искать его диневанцы будут долго.

– Или стычка задумана с кем-то, с кого можно будет взять опять-таки денег, – замечает ходатай. – На собственное Барраево обустройство на новом месте, уж куда бы он ни отправился теперь. Очень надеюсь, что Датта Гундинг сегодня внял: к серьёзному бою он пока не готов. Но есть еще госпожа Гундинг и другие взрослые.

– Ох, да, Мобайджи...

– Ты сможешь потолковать с нею – о ней самой и её людях? А я с Барраем попробую проверить догадку.

Марригунд кивает.

А потом берёт в ладони ладонь Джанатты, утыкается в неё лбом. Не плакать, просто опереться. Он другой рукой обнимает досточтимую за плечи. Будто это какая-то защита.

Долго-долго сидеть бы вот так. Свечи на столе пока горят сами: белые, здешней выделки, неяркие.

– Очень трудно быть женщиной, – говорит Джанатта.

– Да разве мужчиной легче? Вот, женщине простительна слабость... А когда мужчина хочет поддаться слабости – как быть?

Да вот как Парамелло. Его беда – что он этого часто хочет. Джанатта вслух не говорит, но досточтимая отвечает:

– Думаешь, он уехал – побыть слабым? Будто при мне – нельзя...

– Ну вот хочется, возможно, человеку позволить себе не иметь дела с близкими какое-то время. И потом посмотреть, как его встретят, убедиться, что он – не обуза, что дорог, необходим и так далее.

– Ну да. Но насколько же легче с теми, кому такие проверки не нужны! Кто в близких не сомневается.

– Как Джангамунг.

– Как Джангамунг. Или Мобайджи. Или ты.

– Но у мастера, скорее, сомнение не в людях, а в себе. Хотя это мало чем лучше.

– Но ты – не сомневайся. Ни в себе, ни во мне.

(За стенами города Марбунгу)

Летом смеркается поздно, а здесь при входе уже зажгли светильник. С китовым жиром, сказали бы на севере или на юге, в Марбунгу же это топливо называют «змейским салом». Кабак на выезде из города, у северных ворот, за мостом через реку. В пределах городской стены подобные заведения в полночь закрываются, но тут уже пригород, можно работать до утра.

Место по-своему бойкое и особенно любимое водителями. В городе сани зимой и возки летом не всюду проедут, так что те, кто отбывает в дальний путь с большой поклажей, сюда добираются с носильщиками и перегружаются. Господам сюда доставляют грузы из имений на полуострове. Еще это место любят коронные гонцы. А то приезжаешь в город с вестями с полуострова – а вдруг в верхах что-нибудь переменилось? Прежде чем являться с докладом, надобно расспросить, что да как. Кому ехать особо некуда, просто заходят выпить в здешний трактир, потому что у мастера Пайрунари лучшая картофельная водка в Онтале, чистая, как слеза, а закуски на все вкусы: восточные, северные и южные. Каракатицы, сваренные в масле, селедка с луком, огурчики, жареные колбаски с чесноком.

Новый посетитель устроился в самом темном углу, попросил пива и хлеба, расплатился сразу и велел позвать хозяина.

– Что-то не так, э-э... уважаемый? – спрашивает подавальщик.

Мальчик очень старался угодить, был вежлив и расторопен, но гость всё равно хочет видеть деда. Значит, недоволен. А между тем на господина не похож, хотя и распоряжается. Даже без кафтана. Сейчас, конечно, тепло и вечерами, но служилые люди носят кафтаны или хотя бы перевязи. Соглядатай! – решает мальчик.

И добро бы ещё королевский: не прячем ли мы краденого, не ведём ли крамольные разговоры. Может быть и царский лазутчик: потребует или тайн Короны, или чтобы мы заплатили дань за все сто с лишним лет, минувшие с тех пор, как семья Пайрунари покинула Царство. А ещё страшнее храмовник. Куда, – скажет, – дели мастера Видаджани? – Так он у нас с самого Новогодья не был! – А я говорю: был! Он опора веры Семибожной, а вы, изуверы, Змию царскому поклоняетесь, принесли нашего подвижника в жертву... Тут уж малой издою не отделаешься.

Все причины деду поторопиться. Он еще не старый, всего-то полвека позади, только в волосах седины больше, чем чёрного. Тёмный аинг поверх рубахи – замена и переднику, и штанам, пальцы все время в движении, будто он чётки перебирает, только самих чёток нету. Старается присмотреться к гостю издали, но недаром тот сел в закуток, да ещё и боком. Впрочем, мастер Пайрунари уверен: он этого человека прежде не встречал. Обычное мэйанское лицо, хотя... Знакомое?

Мастер подойдёт и поклонится:

– Чем могу услужить?

– Садитесь... пожалуйста. Мне нужно с вами поговорить.

Странно. Либо гости зовут к своему столу, но тогда говорят «ты». Либо сами подходят к стойке. Кабатчик сядет напротив за стол. Зять и сын сейчас смотрят за ним из-за стойки и из двери в кухню. Если старик подопрёт щеку рукой, значит, «всё в порядке», а если скрестит руки на столе – тогда «тревога».

– Я ищу мастера Руни Пайрунари, – говорит посетитель. – Подумал, это может быть ваш родич или земляк. Мастера Руни из трактира на стоянке Лагури, что на дороге отсюда к замку Онтал.

– На станции Лагури, – невольно поправляет кабатчик. – Так это брат мой. А вам зачем? Там, в Лагури, он и живёт. И кабак его там.

Гость продолжает с трудом, словно бы говорить предстоит долго и не о привычном:

– Двадцать лет назад к мастеру приезжала женщина. С запада, Расспрашивала. Только не всё поняла. Так что я опять... В общем, мне нужно узнать, точно узнать, как погиб господин Баллури.

– Боже Единый! – кабатчик всплёскивает руками. – Таки погиб? На поединке дрался?

Гость хмурится, соображая. Потом кивает сам себе:

– Нет, не нынешний господин Джанатта Баллури, он-то жив и здоров. Прежний держатель удела Баллури, благородный Вендарин. Чуть больше четверти века тому назад.

Мастер Пайрунари приглядится ещё раз. Женщину ту он запомнил. Во вдовьем чёрно-белом покрывале. Кажется или нет, что гость на неё похож? Лицом, или складом речи, или ещё чем-то?

Гость достаёт из кошелька на поясе царский золотой. Подвигает по столу в сторону мастера. Не могу... – начал было тот, но гость прерывает:

– Пожалуйста, возьмите, так надо. Если вам не нужно, бросьте в море потом. Или отдайте кому-нибудь.

Пайрунари косится на зятя. Тот отряхивает левое плечо: так и есть, за гостем кто-то следит. Беглый взгляд на входную дверь: кто пришёл вслед за этим человеком, те остались во дворе, в залу не зашли. Это не значит, что не подглядывают в окна...

Грех не помочь тому, кого преследуют. Мастер качает головой и прибирает монету.

– Да, я помню почтенную даму... Кабак тогда держал наш с Руни отец, он, знаете, тоже был Руни. У нас всех старших называют Руни. Господин Вендарин погиб при нём. Нынче уже и батюшка наш един с Господом...

– Соболезную, – произносит гость с досадой. – А вы что-то... Расскажите, что вы знаете о том деле.

– Тогда, как вы знаете, господин...

Хуже нет, чем ошибиться и назвать дворянина «уважаемым». Теперь-то мастер Пайрунари уверен: перед ним не простолудин.

– ...тогда только-только разбили господина-изменника боярина, и во всем Онтале было беспокойно. Коронные отряды ездили дозором, вылавливали изменников, кто за высокородного Дунгу... мятежника Дунгу. Иногда помогали и местные господа. Из тех, что приняли коронную сторону, сразу или после победы королевского войска. Господин Вендарин был как раз из таких.

Дунга Онтал, прежний владетель полуострова, к счастью, не часто вспоминал про деревню Лагури. Самому мастеру Пайрунари в пору мятежа было двадцать четыре, жена как раз носила вторую дочку. В войско ни его, ни брата не поверстали, ибо с иноверца присягу не возьмёшь. Жизнь в Лагури была беспокойной, грабили и мятежничьи отряды, и королевские, и лишь чудом Господним никого не прибили. После замирения отец снова выправил разрешение на винокурню и на

кабак – теперь уже у королевских властей. Дали грамоту быстро, потому как хорошая выпивка в мирное время нужна не меньше, чем в военное, а коронные чиновники – такие же люди.

– У нас в Лагури остановился один такой королевский отряд, с ними был благородный Вендарин. Сам он, конечно, отрядом не командовал, там было два благородных господина из столицы, а он им в помощь назначен как знающий наши места. У самого-то Вендарина отряда не было, только денщик один, да... И тут, как раз после Облачного дня... Виноват, после Преполовения месяца Змиев: в горах случился обвал, людей завалило, много людей. Вот вы знаете, где Лагури стоит?

Гость качает головой. Кабатчик показывает:

– Вот тут (с краю стола) море. Тут (тычет пальцем чуть левее) Лагури, не у берега, а повыше. А тут (ещё левее ставит ладонь ребром) горы начинаются. У нас же всё близко, в Онтале.

– Я понял. И всё это к северо-востоку от города... Как далеко?

– Два дня пути посуху, а морем – полдня. Ну так вот. Господин Вендарин прибегает к своим командирам, кричит: обвал! Просит их ехать на помощь с отрядом, людей вытаскивать, а ему отвечают: нет, не наше, мол, дело. Молодые господа тогда как раз выпивали, у нас и выпивали, чего же скрывать?

Посетитель слушает очень внимательно.

– И вот знаете, как оно бывает? Господа повздорили. Молодые, кровь горячая, да и всё-таки прежняя вражда. Господин-то Вендарин, я ж говорю, сначала на мятежничьей стороне был, потом уже перешёл. Вы думаете, ему это забыли? Порубили его, одним словом. Но речам его всё-таки вняли, отряд подняли. Точнее, один командир поднял. И повёл в горы к завалу. А второй... второй как уснул, так до утра и не просыпался. Перегонная водка – она ж такая, с непривычки валит.

– А когда он уснул?

– Господин спрашивает: до или после?

– Да, именно.

– Понимаете, господин... Нас ведь с Руни тогда там не было, мы побежали на завал. Дома был батюшка, что там случилось, я с его слов говорю. А сам я видел, как прискакал к завалу благородный Лабирри с людьми, как кинулись они камни разбирать, видел. У них быстро дело пошло, горцев многих живыми вытащили. Спасибо им. Благородному, в смысле, Лабирри.

– А второго командира прозвание помните?

– Помню, как не помнить. Его же судили потом, даже в каторгу отправили за убийство. Благородный Гайтарра. Он всё повторял, когда его забирали: «Не помню. Не помню. Может, и зарубил предателя. Не помню!». Суд уже не у нас был, а в городе. С отца показаний не брали – его и к присяге не приведёшь, и по-мэянски он не понимал, не говоря уж про дибульский, язык суда и закона.

– Повторите еще раз, мастер Пайрунари: что в каком порядке случилось? Что было сначала?

– Сначала? Да, вот, вспомнил. Благородный Гайтарра весть получил, что у него сын родился. Дома, в столице где-то. Тогда господа и сели праздновать.

– Вдвоём? Без отряда?

– Да, господин, выходит, так. Отряд в деревне стоял. Могли б, конечно, ребятам своим выставить хоть по чарке, да только... Я думаю, они не при деньгах были, молодые господа, а гра... даром брать государь Король не велел, указ тогда вышел. «Не чинить утеснений местным жителям»...

Младшие родичи по-прежнему внимательно следят за мастером Пайрунари. Но тот уже увлёкся, нос задрал к потолку. Наверное, с таким видом покойный король и издавал свои указы.

– А уж как они стали угощаться, приехал благородный Вендарин с известием. Тут мы услышали – и бегом, у нас же там родня, в горах-то: шурья наши с Руни да оба тестя... А когда убегали, благородный Вендарин с благородным Лабирри как раз ругались.

– А благородный Гайтарра?

– А он уже спал. Ежели и не спал, то сомлел.

– В трактире, когда вы уходили, оставались мастер Руни, трое господ – и кто ещё?

– Убегали мы, господин мой, убегали, и очень быстро. А оставались... отец-старик, да, и господа. Других гостей тогда не было, местных наших из трактира сразу сдуло, как войсковые приехали. Ну, бабы наши ещё и дети, но они у себя прятались.

Помолчав, мастер добавляет:

– И ещё был один человек, как уж мы после узнали.

– Что за человек?

– Денщик благородного Вендарина, уважаемый Талари, хотя у меня язык ломит называть его уважаемым.

– Денщик? Значит, господин Баллури явился в трактир не один?

– Ну да, при нём был слуга, лет пятнадцати, Талари. Он, хоть и здешний сам, онтальский, а на завале помогать не остался, побежал с господином в Лагури. И после к завалу не пошёл. Не такой человек.

– Так может, он и убил?

И снова странно. Казалось бы, чему тут радоваться, а гость аж просветлел лицом. Откинулся к стене, пива отхлебнул.

– Может и так, господин. Только вот... Вы знаете, Талари – его же тогда из войска-то выгнали, но он домой так и не вернулся. По дурной дорожке пошёл. Приходил он лет семь спустя к отцу моему, и к Руни, и ко мне приходит. Мы ему платим, да. А как не платить? Батюшке он тогда сказал: я правду открою и на тебя сошлюсь. Тебя как свидетеля по судам затаскают, не посмотрят, что ты языка не разумеешь. Там не слушать, дескать, а смотреть надо было. А ты смотрел – и всё видел. Так вот, чтобы не затаскали, денег давай. Вы, господин, лучше б с ним, с Талари, не связывались. Страшный он человек стал. Очень дурной человек.

– Это не важно. Где его найти?

– Ох, не надо бы вам его искать, господин!

Беззаконный мастер Талари вас, ежели что, сам найдёт. Ибо кому платят честные труженики, тому они и жалуются. Повод есть: приходил подозрительный нездешний человек, а за ним слежка. Вас, мастер Талари, спрашивал. Вы уж разберитесь... Этого всего кабатчик, конечно, говорить не будет, авось гость сам догадается.

– А что отец на самом деле видел, он нам с Руни не говорил. Никогда. Может быть, госпоже-вдове в тот раз сказал... Только вот, кабы он видел, что Талари – убивец, а Талари бы про то знал, то Талари бы батюшку скорей зарезал, а не деньги с него вымогал.

– Значит, – глухо говорит гость, – кроме Лабирри больше некому.
– Выходит, так, господин...

(Внутри городских стен)

– В этот день на закате против вражеской рати
В бой повёл нас Нарек Диневан...

Напевая, женщина не спеша прохаживается взад-вперёд вдоль кабацкого заборчика. Света из отворённых окон достаточно, чтобы её разглядеть. Сложно сказать, ещё молодая или уже тётка. В грубых штанах и рубахе с пояском, сложение плотное, шаг широкий – таких зовут мужебабами и здесь не жалуют. Слишком их вид напоминает о временах мятежа: тогда копейщиц, самострельщиц и прочих баб-вояк много было в королевском войске. На бунтарской стороне, видимо, ещё больше.

Песенка не ко времени, солнце село уже. И не к месту. Нарек в здешних краях не воевал, мятеж пришёлся на годы его плена. Но будь дела наши плохи, в песне пелось бы: *Много пало в тот вечер в этой пламенной сече...* Можно подойти.

Заметила, издали всплёскивает руками: ну, наконец-то! Где ж тебя носило? Вообще-то здорово, ежели ей вправду не всё равно.

– Здравствуй, Джелли.

По-дружески, щекой к щеке. Пахнет от неё хорошо, дымом и сухой травой. Привет ради она говорит:

– У второго окна слева от двери. Один, не по нашу душу.

Вполне сойдёт за доброе слово. Любопытно только: в Марбунгу всегда столько согладатаев? Или нынче особый случай?

Кабатчики косятся. Правда ваша, странная молодёжь пошла – выбирают не юных красоток, а баб старше себя. Они самостоятельные, за ними особо ухаживать не надо. Да и кавалер по нынешней поре не самый завидный. Это раньше любой, кто не хворый и не калека, дорого ценился, но теперь, в первом поколении, не прореженном войной, таких ребят – десяток на дюжину. Рыжеватый, роста среднего, разве что в плечах пошире прочих. А если вам в глаза что-то ещё бросилось, то вам показалось. Иначе трудно будет объяснить, как это у вас за годы мира не притупился взгляд на чужую боеспособность.

Лучше давайте сюда картошки жареной, большую сковороду. И пива. Рыбки? – гостеприимно спрашивает Джелли. Может, свинины немножко. Рыба тут не озёрная, а из моря, и всё-таки. Платит каждый

за то, что заказал, если угощать – то взаимно. По-другому Джелли не согласится, проверено уже.

– Никто гостя не ждёт, – начинает кавалер, берясь за еду.

Иными словами, хобский посланец прибыл именно сюда, в Марбунгу, а не просто высадился здесь, чтобы ехать дальше. На самом деле хорошо, что не придётся навязываться ему в попутчики до Ставки или, скажем, до города Диневана. По крайней мере, храмовой Огненной вестью никто не изъявил желаний его у себя видеть. Здешних наших дел это не упрощает, зато можно работать вместе.

– Пока никто, – замечает Джелли.

Конечно, всё может во всякий час перемениться. Наше дело ждать указаний, а пока указаний нет, действовать по своему разумению.

С посланца станется выехать куда-нибудь и без приглашения. Или получить весточку другим способом, не через огонь.

– Что насчёт досок? – спрашивает кавалер.

– Глухо.

Гостя называют посланцем и даже послом, но грамот о своих полномочиях он пока никому не вручил. Ни в наместничество, ни государыне королевне. А ведь ради такого случая наместник, пожалуй, в город вернулся бы с гор, прервавши отдых.

Итак, заранее взглянуть на доски, бумаги или что уж Верховный Хоб выдал Барраю, пока не удалось.

Или гость – правда частное лицо? Прибыл в храм Семерых и только? Но для паломника он опять-таки ведёт себя необычно.

– На обряде был сегодня?

– Не-а.

Другие храмы города тоже не посетил. Не похоже, чтобы готовился ехать к Онтальскому Огню: не нанимал ни коня, ни лодки. Разве что решится пройти весь путь пешком? Угу, и босиком, в порыве благочестия.

Приехал насчет выкупа пленных. Но невольников на продажу у него с собой нет. Не покупать же он кого-то тут собрался? Для дальнейшего обмена... В Марбунгу рабский торг давно закрыт. Это не значит, что раба нельзя приобрести незаконно, – но какой смысл?

Храм Семерых выкупает людей на Рубеже десятками, не реже чем раз в два года. Тратит единовременно многие тысячи серебром. Больше, чем мог бы себе позволить Надвратный храм и даже Предстоятельский в Диневане.

– Ты знаешь, откуда у здешних берутся деньги на сделки с ним?

– Откуда, откуда... из дома.

Сказано невзначай, но конечно, имеется в виду Дом с почтительным взглядом вверх: марбунганские Гундинги.

– Всё равно: большие деньги. Или для них – мелочь?

Вот пойди и сам выясни, парень, с чего это ты задаёшь вопросы? Оденься прилично, попытай удачи с какой-нибудь трепливой служанкой. Или потраться на девку из бардака, куда ходят люди Дома.

А барышень в Доме нет, не считая племянницы господина. Да и та из храма и мала ещё.

Глупо, но при прошлом разговоре с Джелли кавалер почти уверен был: вот доедим – и она позовёт подняться в кабацкую наёмную комнатку. Или под вольное небо выйти: развели бы костерок, занялись бы весёлым делом... Знакомы не первый день, отчего б не потешиться. Но, видимо, нет, нельзя. У него своя служба, у неё своя, подыгрывает она игре этой в тайных лазутчиков – но всему свой предел. Узнают, что охотуала приезжего, начнут выяснять, зачем, что такое особенное парень знает или собирается делать. Ладно, нет так нет.

– Не мелочь, – отвечает Джелли. – Что-то возмещает родня тех бедолаг, что-то прихожане собирают.

– И твои... подопечные тоже?

Те, у кого она работает. Согласно сплетням, у королевны Лэйгари с годами всё явственнее проявляются черты матери. А покойная государыня своего супруга любила истово, и ревновала без всякого повода, и в Ставку допускала на службу только отменно некрасивых женщин. Здесь, кажется, не совсем так, но отбор заметен: при королевне состоят почти сплошь мужебабы, дамы в её окружении – или воительницы, как госпожа Гундинг, или уж иссохшие богомолки, как супруга наместника.

Королевна и царевич делят своё внимание между всеми храмами города. Конечно, и в Семерном бывают. А Джелли туда и вовсе ходит чуть ли не каждый день – пока время есть, пока лето и из множества печей, за которые она отвечает во дворце, топят только кухонные.

Она кивает. И добавляет:

– Но не целевым порядком. Как вера Семибожная велит: дали и забыли. А уж там как решится: на строительство, на выкуп или на что.

Очень неплохо иногда забыть про деньги. Напрочь запомнить, включая то, откуда те деньги взялись. Но если двор королевны имеет собственную тайную казну – докапываться до неё будет значить с Джелли разойтись на разные стороны. А пока мы вроде на одной стороне, и лучше бы так и оставалось.

– Одного не могу понять. Кто там главный. У гостеприимцев.

– Так матушка же.

Как понять: сама богиня, Матушка Плясунья? Или жрица её, мать-настоятельница?

– А как так вышло? Здесь, на востоке-то...

Задумалась. Оглядела залу, поманила к себе подавальщика:

– Слышь? Собери нам с собой, что осталось. Прогуляемся.

Допили пиво, пока мальчишка складывал в коробок картошку и мясо. Вышли на улицу.

– Давай так, – говорит она, уверившись, что слушать нас некому.

– Я тебе про храмовников, а ты мне ответ на один вопрос, только честный.

– Хорошо.

– Как вышло: других желающих нет. Старый господин Гундинг на покой удалился. Новый – по торговой части толковый, а вот чтобы за Дом, за семью в целом отвечать, да за храм ещё – нет. А досточтимой Марригунд спихнуть дела не на кого. Вот и руководит.

– И храмом, и Домом?

– И за всё семейство отвечает, а оно больше Дома.

Джелли ещё в первый день знакомства посоветовала: нарисуй себе чертёжик, кто есть кто из родни Гундингов, иначе быстро голову сломаешь. Нарисуй и заучи. Можно сейчас попробовать ответить урок:

– Господин Гундинг, близнец досточтимой. Его супруга, урождённая боярышня Таджибери, глава королевской службы гонцов. Их сын-наследник, подросток, и ещё один сын малых лет. Затем: младший брат господина Гундинга, проходящий обучение за морем. Две сестры, урождённые барышни Гундинг: одна замужем в доме Гайладжи, за сыном Вонгобая, прежнего наместника, ныне и присно – начальника здешней стражи. Сын же оного Вонгобая – глава Коронной таможни в гавани. Их с госпожою урождённой Гундинг дети – четверо, старшая дочь на выданье, остальные подростки и малые. Другая сестра: замужем в доме Лавари, муж – златокузнец и торговец драгоценностями, дети – четверо, опять-таки подростки и малые. Дети самой досточтимой: пятеро, старший недавно поступил всё в ту же службу гонцов, дочь – подросток, трое малых мальчишек.

Милостив Податель Жизни к этим семьям: нестарый ещё Мангкаван Гундинг, прежний глава дома, имеет пятнадцать внуков.

– Даже учитывая, что оба зятя сами богаты, на поддержание всей толпы в состоянии единого семейства надобны огромные средства. Но – Гундингам хватает?

– Досточтимой хватает. Помимо денег ещё же силы нужны. А иначе бы давно уже разбежались все по своим углам, тут ты прав.

– А зачем ей это? Власти ради?

– Эх... Ежели тебе, Канда, доведётся влюбиться, тогда увидишь – досточтимая для тебя всё сделает. И денег найдёт, и чего угодно. Хоть ты ей и никто. А уж для своих-то – тем более. Она своё служение Матери Небесной так понимает, и жизнь свою, и вообще.

– Вот как иные господа мудрецов поощряют, или там лицедеёв, так она – влюблённых?

– Ну да. А родня этим пользуется вовсю.

– И с военнопленными – то же самое, только с другой стороны? Чтоб каждый на свободе мог пару себе найти?

– В чём-то да. Хоть она и не торопит. Но кое-кто из рубежных вояк правда тут в Марбунгу женился.

– Ясно. Но родня ещё не вся! Беззаконный супруг досточтимой, мастер Видаджани...

– Вот-вот, главная собственная её любовь.

– Его названные брат и сестра: брат не женат, ведёт общее хозяйство с другом, писарем здешнего суда, у друга дочь на выданье. Сестра мастера – жена княжича Райкиджи, он же кормчий ладьи «Снежная кошка». И у них некоторое количество детей.

– Моих господ ещё не забудь. Они тоже родня.

– Каким образом?

Можно предположить, но лучше пусть Джелли сама скажет.

– Так а покойный-то господин Лиартарра! Он царевичу наставник, а мастеру Видаджани покровитель. Когда мастер в каторгу

попал, молодым ещё, как раз была Онтальская война. Царство все наши лады задерживало и невольников освобождало. И Видаджани освободило, а ему было пятнадцать, что ли, лет, и Лиартарра, высокого ранга царский чиновник, его взял к себе под начало, определил учиться музыке. А потом, когда Марригунд и Видаджани встретились и влюбились, Лиартарра его признал как приёмного сына. Чтоб Мангкаван Гундинг не сильно злился, что его дочка связалась с безродным.

Ну хорошо. Вполне достойное объяснение.

– Правда, – добавляет Джелли, – про царевича с королевной Марригунд до сих пор не верит, что у них по любви, а не по расчёту брак. Оттого – не то чтобы сторонится их, но и чай пить не приглашает, и сама во дворце не бывает.

– Всё равно. Не понимаю. По-детски как-то: любовь!

– Скажи уж: по-бабски. Многие тоже не верят. Пользоваться это не мешает. Достаточно, чтоб досточтимая сама верила.

– Вот допустим, я сейчас, на этой улице и в нынешний миг, в кого-то влюблён. И крепко влюблён.

Остановилась. Смерила бы взглядом, кабы не темень.

– Ну, допустим.

– Но чтобы знать, это настоящая любовь или нет, надо знать, как долго она продлится, поладим мы или нет, то есть – судить о будущем. А будущее, по вере Семибожной, открыто только пророкам.

– Ну вот, видно, есть у досточтимой такой дар от богов.

Двинулась дальше по улице. Слово бы размышляет вслух:

– Вообще-то чтоб детей заводить, тоже надо – судить о грядущем, и сильно в пользу его, этого самого грядущего. Я вот не решилась.

Если бы мы сейчас не разговаривали, а в шашки играли, это бы называлось: поднять ставки. Очень хорошо, принимается:

– Ежели ещё решишься, мой меч к твоим услугам.

Меч в точном смысле слова, не в образном. Ты знаешь, уж с оружием-то я не шучу, мне божьей кары прямо тут и сейчас – не надо.

Другой вопрос, чего ж я так мало своим оружием заработал и выслужил до сих пор.

– Ты, – говорит она, – мне ещё не ответил, что я спросить собиралась. У тебя насчёт храма и Гундингов всё?

– Почти. Как получилось всё-таки, что они дочь свою отпустили в храм? Я слышал, не потому, что ей ещё в юные года дары открылись.

Так говорят в Надвратном храме, где она проходила обучение.

– По здешним меркам такая жизнь у всех на виду – кажется, неприличной считается для женщин, если только не по божьей воле?

– Марригунд так захотела. Но ты учитывай: покойная госпожа Гундинг, матушка досточтимой – из города Мэйраа, там если у знатной дамы пары любовников нет, все беспокоятся: уж не больна ли...

– И горбун – для этого? Чтоб мастер Видаджани был не одинок?

Вздыхает:

– Вот не будет тебе, парень, удачи в Марбунгу.

– С таким низким взглядом на вещи?

– Тебе никто этих троих не навязывает. Не нравятся – не знайся с ними. А чужой выбор не уважать – себе вредить.

– Ну вот. Я-то думал, настоящая любовь – это когда кто-то один на всю жизнь. Или уж никого, если единственный человек тебя не выберет.

Надолго замолчала. Но шагает вперёд, то есть ещё продолжит?

Воздух здесь, в Марбунгу, даже в жару – сырой, тревожный.

– Может, всё это и вправду бабьи выдумки. Только видишь сам: на них держась, досточтимая храм большой подняла. Не одна, понятно. Но другие жрецы, и мастер Видаджани, и диневанец – заняты каждый тем, что ему нравится. Кто богословием, кто чарами, песнями, воинскими делами. А Марригунд – всем остальным, на что охотников не найдётся. Этакий способ богам отслужить, за любовь ту самую. За то, что мимо не прошла. Кстати, Джа Рубежник учтён у тебя среди её родичей?

– Нет пока.

– А сам ты знаешь его?

Вряд ли знакомство можно назвать личным. Если спросят, он точно меня не вспомнит. Поэтому:

– Нет.

– Но хоть знаешь, кто он такой?

– В прошлом – высокородный Ладжинга, боярич Таджибери. Да, получается – дядюшка нынешней госпожи Гундинг.

Друг Нарека Диневанского, один из тех друзей, кто обожжён был в бою, когда на княжича сошла Пламенная милость. Много-много лет назад. Ладжинга долго был в плену, не признавался, что он боярич, работал в рудниках. Семья Таджибери его разыскивала и не нашла. И то ли по возрасту, то ли по хворости – однажды его отпустили. А потом была вот такая же летняя ночь, как сейчас, шатёр советника Нарека возле города Билликена, где тогда помещалась Ставка. К шатру пришёл немолодой воин, и советник встретил его, отослал всех, говорил с ним до утра. А прощался утром уже не с Ладжингой, а с Джой Рубежником. Тот уехал обратно на север – делать своё дело, Нарек остался делать своё. Но дело у них стало общее.

– Джа Таггуджи тоже из их большой семьи, – молвит Джелли. – Это ведь к нему в первый раз Марригунд за пленными поехала. А за что Таджибери её гостя, Баррая, ненавидят смертно – ты знаешь?

– Нет.

– Этот Баррай как-то у себя в Бунджиле за чаркой сказал – как раз вот горбуну, Джанатте. Странно, мол, что на Юге кто-то верит басням: чтобы годами искать человека в Хобе да не найти? Допустим, боярич скрывал своё имя, а в бою перед тем обгорел до неузнаваемости – так что, Таджибери не нашли бы ясновидца, чтобы узнать, как их родич выглядит теперь? Не нашли – значит, не хотели найти. Эти слова кто-то передал потом господам Таджибери.

– Поганая клевета.

Откуда бы тебе, сроду не бывавшему на Рубеже, знать, что клевета, а что нет? Но Джелли соглашается:

– Угу. Но вот Марригунд с Барраем дело имеет: сколь бы ни было тошно – а пленные дороже. Даже если ни один из вояк ей потом спасибо не скажет, а иные наоборот: лучше б, мол, я в Хобе сгнил, чем жить теперь на всём готовом в Марбунгу, а в меня бы пальцами тыкали, что я трус, раз сдался... Кажется уж: зазорно тебе, храбрый ты больно – так шёл бы, устраивался сам? Нет...

– А Джанатта, случайно, не сам о том разговоре проболтался?

– Хочешь, спроси у него. Я думаю – нет.

– Вообще он... С ним ты на одной стороне?

Иначе говоря, действительно ли горбун служит королевне и Короне, или хотя бы одной из двух. И если он при этом верный рыцарь жрицы Марригунд, то как он одну присягу совмещает с другой.

– Ладно, Канда. Раз так, давай, ответь мне. Ты-то сам тут зачем?

Вопрос – содержательней любого ответа. Конечно же, грамоты мои Джелли видела, сразу по приезде, иначе не гуляла бы со мной. И всё же спрашивает. Зачем собираю сведения про Баррая, зачем ищу, кто главный у Гундингов, не пытаюсь ли подкопаться под её госпожу.

– Я приехал выяснить, на что гожусь. Смогу ли исполнить то, ради чего присягал. Как ты понимаешь, мне не говорили – ради чего. Вроде как сам должен разобраться.

– Угу. Не ты один такой.

– Я думаю даже, таких большинство на нашей службе. Сейчас моя задача понять, кто такой Баррай и чего на самом деле хочет. Он-то явно не наша сторона.

– Чутьё подсказывает?

– Положим, да.

– Несложный способ выдвинуться: нацелиться, на кого не жалко. О Баррае мало кто заплачет. Кроме досточтимой, может быть.

– Вот. Мне любопытно, кто, как и для чего этим воспользуется.

(Благородный Джанатта Баллури)

Хлопотное было утро. После ристалища – подробный отчёт соглядатаев о вчерашних делах Баррая. Пока ничего определённого: заглянул на рынок, сравнил, видимо, марбунганские цены с бунджилскими; в гавани расспрашивал о ладьях, но ни к кому из кормчих не поднимался. От Парамелло вестей никаких.

Потом Джанатта вчитался в список пленных. Две дюжины человек числятся и у нас, то есть их разыскивали родные или друзья. Можно надеяться, что остальные люди тоже не выдуманные.

Теперь – обед с Барраем в малой храмовой трапезной. Вначале за столом был досточтимый жрец Старца Кормильца, благословил еду, при нём беседа шла чинно и только о дарах земли, здешней и хобской. Потом жрец отбыл, его ждут на ещё одном застолье.

Порученец гостя на дальнем конце стола разговорился с Дине, как только стало можно не блюсти строгой учтивости. Чертит пальцем по столу то ли карту каких-то мест, то ли расстановку отрядов в сражении.

На досточтимой сегодня шёлковое белое облачение, убор из жемчуга восточных морей – подарок брата. В лице не страх, не боль, только печаль. На любезности нет сил, но можно и горькие чувства обратить на пользу делу:

– Очень жаль, господин Баррай, что больше нам не придётся за пленными обращаться к вам...

Пусть он верит, если захочет, что настоятельница расстроена из-за него. И если пожелает, пусть ответит хотя бы теперь, каковы его собственные замыслы: ехать за дальние моря вместе с теми хобами, кого он намеревается увезти, или как-то ещё распорядиться собою.

– Да авось доведётся! – отвечает он с улыбкой.

Объясняет: на Новый Баггар-Даггад нынешние хобские воеводы нацелились сами, без его подсказки. Кое-кто из них там побывал уже и вернулся. Место им понравилось, а вот образ правления – нет. И теперь эти хобы требуют у Баррая людей, пленных мэян, хотят ими заселить часть острова, чтобы было кем управлять.

– А я людей лучше вам отдам, досточтимая. Но ежели я отказываю начальству, я должен что-то предложить взамен. Вот ладьи, например, наёмные, но надёжные. Чтобы ради переселенцев хобские корабли не снимать с боевого дозора.

Или наоборот: чтобы боевые ладьи Хоба вывести в погоню за беглецами? Вот как в случае с мастером Видаджани: сам он занял место скромного проезжающего на посторонней ладье, но за ним в погоню уже ушёл самый быстрый корабль Гундингов.

Баррай добавляет:

– Мне-то в Бунджиле нравится!

Джанатте непросто примерить на себя этакий вкус: из городов, им виденных, хобская торговая гавань мокрее и грязнее всех. Не только весной и осенью, но и летом при сильном дожде обращается в болото – хобу по колено, Барраю по середину бедра, а самому Джанатте по пояс. Впрочем, болотники и орки, основной тамошний народ, наводнению радуются, как люди первому снегу, гоняют по улицам на плоскодонках и плотам, дети их в этой зелёной мути ещё и купаются... Строительство на такой земле трудоёмко и сложно, и наше счастье, что в Хобе признают: при постройке свайных домов от рабов-людей слишком мало толка.

Для них мы не люди, а вроде как тыквы, – рассуждал утром один из наших диневанцев. – Товар на продажу, себе не гожий. Но ладно нелюдь, с нелюди что взять, но ведь Баррай сам стал такой же! Я всё понимаю и досточтимой торга портить не хочу, рубить мерзавца не буду и резать не буду. Но видят боги, как охота в рожу ему двинуть! Утрётся ведь, ему деньги важней!

Мне тоже хочется, – отвечала настоятельница. – Будь я моложе, точно бы двинула. Но нельзя.

Сейчас Баррай подводит итог:

– Кто из людей к дальним странам пригоден, те и так туда поедут, своею волей. Ещё и приплатят, когда вольные будут.

– Отрадно слышать, – досточтимая, чуть улыбаясь, поднимает свой кубок. Баррай в лад ей произносит здравицу:

– За свободу! И их, и нашу.

Он уловил уже из разговоров на храмовом подворье, что от настоятельницы уехал супруг. «Нашу» произносит, взглядом словно бы выделяя досточтимую и себя. Дурак сбежал от такой женщины – так чего о нём жалеть? Радоваться надо! Свободная теперь, красивая, хоть и худая, годами чуть за сорок – одна не останетесь, любого кавалера выбирайте, вот хоть меня... У Баррая в Бунджиле семьи нет. Видный мужчина, крепкий, статный; княжич Нарек Диневан к сорока годам был совсем лыс, а у Нарека-наоборот и на шестом десятке лет волосы густые, рыжевато-русые, седина в них малозаметна.

Не понимает он и не поймёт. Без Видаджани для досточтимой – неволя хуже всякого рабства, свобода – только с ним. Без мастера она всяко одна, сколько б ни было детей, друзей, товарищей по храму.

Выпив, она, словно бы в благодарность, дотрагивается до рукава Баррая. Отработанный приём: при первом знакомстве пятнадцать лет назад она точно так же, лёгким касанием, вытащила у него из-за отворота важную грамоту. Ибо служит Плясунье Небесной, богине музыкантов и воров. Дощечку ту она потом вернула, а Баррай показал себя человеком здравым, браниться не стал. Напротив, взял за правило при встречах с Марригунд класть за рукав какой-нибудь гостинец.

Когда Джанатта сам впервые встретился с нею, его рукава она тоже проверила. Ничего любопытного не нашла, но получилось ещё лучше. Дело было на Озере, на суде по делу о дарах князя Муллаваджи храму Владыки Гибели – в память обо всех, кто погиб от его меча. За десять лет перед тем дары были утрачены при перевозке по Озеру, при подозрительных обстоятельствах, и ещё тогда Джанатта как княжий доверенный ездил разбираться. Даров он не вернул, но вот, годы спустя озёрные водолазы нашли место, где затонул груз той злосчастной ладьи, подняли со дна, и тяжба возобновилась. В храме на берегу выставлены были сокровища дома Диневан: самоцветные камни, золотые уборы, изукрашенные доспехи, и среди прочего – запёртый ларчик, чьё содержимое в описи княжьих даров не значилось. Марригунд вместе с Парамелло странствовали в тех краях, судьи пригласили её как жрицу оценить степень безумия либо здравомыслия нескольких свидетелей; на дары она, конечно, тоже зашла взглянуть – и шпилькой из причёски открыла ларчик. Джанатта, собственно, не сомневался, что так и будет.

Хотелось бы понять, что случилось сейчас. Ведь уже тогда, поздним летом пятьсот девяностого года, досточтимая и мастер то бранились отчаянно, то вовсе не разговаривали между собой. И с тех пор несколько раз он от неё уходил: или в столицу ко второй семье, или в Коин, родной свой город, или ещё куда-то. Бывали примирения, потом всё начиналось сначала. Но за дальние моря Видаджани не уезжал ни разу, даже, кажется, не заговаривал об этом.

Почему давным-давно не разошлись? Любят, оба любят, вопреки всем склокам. Утром Джанатта слышал, как Марригунд объяснялась с дочкой. Сказала, должно быть: я до последнего надеялась, что всё наладится... Гати отвечала:

– Тебе одной, мама! Одной тебе ещё не ясно! Мы никогда! Никогда не будем жить по-человечески!

Не с упрёком, а с юным, гордым вызовом: дескать, это же мы, не кто-нибудь, разве подобает нам такая жизнь, как обычным, счастливым и скучным людям...

Обыкновенные семьи – у обеих сестёр настоятельницы. В храме – у Старцева жреца. У господина Гундинга семейство уже не совсем обычное: муж занят морскими перевозками и торговлей, а жена служит при Королевне. А какую жизнь считать человеческой? Нужно, чтобы собственные твои уступки – нраву и воле другого человека – не сильно превышали его уступки тебе. Честный договор, в молчаливой своей части такой же, как во внятно высказанной. Невозможно обо всём договориться, тем более заранее. Если можешь подстроиться под правила, это и есть счастье.

Настоятельница с Барраем обсуждают подробности будущей сделки: число и состав переселенцев, сроки, плату за провоз...

Так всё-таки всерьёз Баррай торгуется или для вида? Если Марригунд права и вся эта игра лишь затем, чтобы потом оказалось: высокопоставленный хоб задумал уехать с семьёй и домочадцами на вражеских, мэйанских кораблях... Драгоценное свойство у гостя нашего – даже если лжёт, он увлекается и в ложь свою скоро начинает верить. Досточтимая и сама такова.

Но если зайти с другой стороны, с порученца? Если опять-таки доверять чутью досточтимой: похоже, будто он готовится к важному заданию, а потом – к почти неминуемой гибели? И если да, то ради чего он согласился и что заставляет Баррая ему доверять? Ради одной благодарности за избавление от рабства? В обмен на спасение кого-то, кто парню дорог? Или, наоборот, в молодые свои года он уверился, что всех потерял уже, кем мог бы дорожить, оттого и себя не жалко?

Вид у этого Маэру сейчас совсем не унылый, но и не то чтобы горел у него в глазах тот тёмный огонь, какой Джанатта когда-то видел у храбрецов, приходивших в княжий замок по душу Муллаваджи Диневана. Впрочем, из них слишком немногие дожили до допроса, ещё меньше – говорили правду, и что ими двигало на самом деле, Джанатта не знает. Нынешний случай не таков: если Баррай в самом деле юношу намерен отправить в Бунджил вместо себя, ему предстоят задачи посложнее, чем у убийцы. И подготовка нужна более тонкая.

Юноша сидит спокойно, слушает с любопытством, как Дине ему что-то рассказывает. Уже довольно долго. В храме дети давно бы перебили, принялись вышучивать или спорить, и Дине замолчал бы. А со взрослыми парень сам стесняется говорить, так что этот собеседник, похоже, как раз для него. Хорошо тому, кто в восемнадцать лет нашёл себе товарища для длинных разговоров – чтобы всё мироздание перебрать по косточкам.

Маэру ненадолго взглядывает на ходатая. Чует, стало быть, когда на него смотрят. Не кланяется, не улыбается, сразу переводит взгляд на своего господина. Теперь и Дине замолчал, следит, что будет. Баррай кивает, юноша что-то вполголоса говорит. С видом: ну вот, получилось!

Дине поднимается со скамьи, сразу делается вдвое серьезнее: так бывает, когда стараешься что-то молвить спокойно и уверенно, а всё равно заметно, как напряжённо ты ждёшь, разрешат или откажут:

– Досточтимая, господин посланник, батюшка! Можно мы с благородным Маэру на ристалище выйдем? На потешный бой.

Настоятельница не возражает, только молвит в сторону сеней:

– Гати, раз уж ты здесь, найди досточтимую Муллари, спроси, не занята ли она. И если нет, не изволит ли взглянуть.

Девочка, разумеется, подслушивала за дверью.

Муллари, жрица Воителя, к ристалищу подошла с целой толпой храмового народа. И это не считая тех, кто приглядывает за гостем. Человек Вонгобая – по виду честный прихожанин со стёганым одеялом в охапке, в одеяле спрятан самострел, – напрягся, озирается в поисках напарника, чья задача в случае тревоги бежать в управу за подкреплением. Но пока ничего страшного, просто решили помериться силами.

– Мэйане, – говорит Баррай, – уж кто моряк, тот на море хорош, кто сухопутный, тот на суше. А у нас в Хобе каждый боец корабельный.

Сказано мягко, но обидно. Как и велят обычаи реки Таггуда.

В каменной чаше надо зажечь огонь, пока Дине и Маэру возьмут себе учебные сабли. Досточтимая Марригунд остаётся стоять возле чаши, Баррай рядом с нею. Джанатта Второй на собравшихся глядит как всегда невозмутимо.

Дине несколько раз побеждал уже моряков со «Снежной кошки», а ещё больше боёв с ними свёл вничью. Мог бы и с корабельными бойцами дома Гундинг потягаться, если бы им не были строго запрещены даже учебные поединки. Сам Джанатта с немалым удовольствием выходил против кормчего Райкиджи и потом с Дине подробно разбирал те бои. Дине должен помнить, чем моряцкие боевые привычки отличаются от наших.

Трудно драться при зрителях. Когда почти все за тебя, ещё труднее. За тебя – или против твоего супостата? А ведь так хорошо беседовали... Бой как продолжение разговора. Как иначе показать, что гость с севера тебе начал нравиться? И вот теперь все смотрят, иные кричат: давай, мол! И Гати здесь, и при ней осрамиться особенно обидно. Оттого Дине осторожен, действует, как учили: постарайся сначала понять, с кем имеешь дело. Ну вот – супостат решил обороняться. Значит, вперёд!

Вперёд! Всей уже немаленькой мощью своих восемнадцати лет. Всей тяжестью своих юношеских терзаний. Если кто тут тебя считает недалёким северянином – так вот да, недалёк, от противника совсем даже не далёк!

– Ага! Знай наших! – кричат зрители.

Могли бы эти люди и Маэру считать за нашего. Всё-таки тоже мэйанин, воевал, в Хобе не по своей воле оказался... Но нет, раз состоит при Баррае, стало быть, такой же предатель, как и он.

– Ах-хх! Дубина, куда ж ты... Ну!

Дине подпускает слишком близко. Нет: отбросил и сам опять наступает. Незачем торопиться. Видишь, он тебя решил гонять по всему ристалищу, надеется вымотать.

– А-ааа... Ну!

Всего одно мгновение Маэру прозевал. Нашему парню хватило: вышиб у него саблю, ровно тем способом, как Джанатта его учил.

– Видали? Видали?! – кричат зрители.

Маэру кланяется. Молитву Отцу Воителю возносит так же горячо, как победитель. И есть за что. Любопытно: кто ещё кроме Джанатты видел, как изящно этот малый поддался? Не упрекнёшь, всё честно, дал случай – противник мог бы и не пользоваться. Но значит, Маэру – намного более опытный воин, чем кажется.

В самых учтивых хобских выражениях Джанатта благодарит Баррая за урок, преподанный его ученику.

И если кто надеялся, что Джанатта сам сейчас вызовет гостя или гость – его, то напрасно. Парни идут умываться, а Баррай говорит досточтимой:

– Как же я дело брошу, когда – вот... Подобрал и себе человечка. Толковый малый, а главное – хоть молодой ещё и на юге вырос, но понимает всё как надо.

– Где именно на юге? В Миджире?

– В Баллу, где-то за Озером.

– Родные есть?

– Нету, сирота. Чуть не сказал: слава богам, что нету. А то ведь возвращать бы пришлось. А я уже и представить не могу, как без него останусь.

Джанатту, когда ему было столько лет, сколько Маэру сейчас, звали даже не «человечком» князя, а «псом» или «соколом». Да не всегда же, далеко не всегда такие хозяйские чувства человека к человеку встречают в ответ гнев и ненависть того, кого подобрали. Кажется, досточтимая это понимает.

– Хочу вот, – продолжает Баррай, – день рожденья его отметить. Тут, у вас, на Преполовенье Змиев.

– То есть совсем скоро?

– Да, шесть дней осталось.

– Сколько ему исполнится?

– Двадцать шесть, взрослый уже.

Досточтимая удивилась. И верно, выглядит парень лет на двадцать.

– Не знаю только, как отметить. Большая гулянка с гостями, с девушками его, я думаю, не порадует.

– Да, едва ли, – отвечает Марригунд, задумавшись. – Вот что: можно снять на целый день один здешний домик, небольшой и хорошо отделанный, заказать туда еды и напитков, музыкантов, если Маэру любит музыку. А девушек – и вправду если он захочет. Или праздник только для вас вдвоём. Если угодно, я переговорю с хозяевами.

– А хорошо! – улыбается Баррай.

Она кивает, а гость наш рассуждает вслух:

– Привык, что надёжный он, помогает во всём, память хорошая, драться умеет, хоть против вашего и не устоял. Да не в этом дело. Поначалу, как к нам попал, хмурый сидел, нарывался, бывало, как я в своё время. А потом любопытно ему стало, чем таким я занят, втянулся... Когда есть, к чему силы приложить, так вроде и жить хочется. Одним словом – своя душа!

(Гари, четвёртый сын досточтимой Марригунд)

– **Заперли?**

– Заперли!

– Сидишь?

– Сижу, Гари.

– Плохо! Мастер бы сказал: выбирайся оттудова. Только он уехал.

– Мастер Видаджани уехал? Куда это?

– В дальние моря!

Человека все называют «наш Нарек» и иногда сажают под замок. Он средний: сверху на затылке лысый, а над ушами лохматый, росту выше мамы, но ниже дяди Мунга, усы и бороду ему подстригают, одевают тепло, но скромно. Он сам так просил, объяснял: княжичу негоже хвалиться роскошью. Все говорят, он совсем сумасшедший, может, и так, зато он никогда на Гари не ябедничает. Разговаривать с ним неудобно через окошко – но не оставлять же человека одного!

Гари на своих тоже не доносит, не то что братец Нири. У того вообще тайны не держатся. Пошлют же Семеро брата – маму во всем слушается, кашу кушает, шапку зимой носит, за Гари следит и потом матери докладывает. Как такому доверять? Нет, с ним никакого толку не будет. Вот младшего – Лирри – еще можно воспитать человеком, пока не испортили. Нашим человеком, как Гари и мастер Джани.

Гари шмыгнет носом. Реветь, конечно, не станет – не девчонка! Это просто пыль попала, она сейчас везде, дождя весь месяц уже не было. Ни дождя, ни грозы. И Нарека не запирали с тех самых пор – незачем. Сейчас, конечно, пришлось запереть, раз в город другой Нарек прибыл. А то встретятся, начнут выяснять, который из них настоящий, и будет у нас двое сумасшедших. А зачем нам второй, приезжий? Наш лучше!

Впрочем, без мастера Джани все равно стало плохо. Мастер запретил его «батюшкой» звать, Гари не дурак какой-нибудь, не то что Нири, быстро усвоил: «мастер» так «мастер», играть и возиться вместе это не мешает. А вот наказывать ребенка мастеру нельзя, это только отцу дозволительно! Гари так и заявил однажды. Кажется, мастеру Видаджани даже понравилось.

Всё нечестно и неправильно! На Владычицу вместе с мастером запускали кораблики, на Новогодие прятались в камине, и мастер посулил научить настоящему трубочистскому делу. Потом были Исполины и мастер показывал, как бегать на ходулях, у Гари хорошо получалось, а у Нири – нет, потому что он толстый и увалень. А на

Новомесячье Змиев Гари заболел, потому что лазал в море купаться, и проболел все праздники. Но мастер пообещал: уж на Преполовенье как запустим воздушного змея!.. Гари и Гати змея несколько дней клеили из бумаги и тонких досочек. И вот теперь мастер взял и уехал.

Почему он не взял Гари с собой? Наверно, из-за простуды. А Гари бы мастеру там пригодился! Он бы мог стеречь, пока мастер спит, мог бы добывать для него плоды в заморских садах. Гари из здешних ребят лучше всех обирает чужих вишни и яблони. Эх, жаль – не успел у дедушки научиться собирать и коптить ракушки, это тоже могло бы пригодиться.

– Это он напрасно. Совсем напрасно! – вздыхает Нарек. – Ты, Гари, знаешь что? Ты, как он вернется, сразу спроси его. Про то, что только вы вдвоём знаете. А то ведь как бывает: воротится какой-нибудь не тот, а сам мастером Видаджани назовётся. Так ты проверь.

Как вернётся... Знать бы еще, когда. А то говорят, это надолго, лет на десять. А десять лет – это же больше, чем целая жизнь, всё равно что сто! Зато Нарек говорит, что мастер всё-таки вернётся. О чём тогда спросить? Какого цвета платочек Гари вытащил из-за рукава у тетушки Унагунг в свой самый первый раз? Или что мастер подарил Гари, когда тот с яблони упал? Или чего нельзя делать, если кого-то очень любишь? Мастер говорил: нельзя неволить, если любишь, особенно – когда любишь. А Гари запомнил. Только попробуй объясни это маме, когда она заставляет писать или читать...

– Ты мне, светлый княжич, лучше вот что скажи. Новый Баггар-Даггад – это где?

Мастер Видаджани не просто в дальние моря отправился, а в этот самый Новый Баггар-Даггад. Любому ясно, раз моря «дальние», значит, недалеко, но надо выяснить поточнее. И как туда добираться. И чем Новый Баггар-Даггад отличается, допустим, от Старого.

– Где-то на востоке. За морем.

– На востоке за морем – это Арандийское Царство! Там живет Великий Бенг и наши предки.

Гари знает, его уже учили немножко. Был бы прилежнее на уроках, может, запомнил бы, где Баггар-Даггад. Вот Нири наверняка знает, он заучка. Но у Нири не спросишь.

Нарек кивает:

– Еще дальше, за Царством. Туда всё лето плыть. Или дольше.

Все лето – это, получается, свой день рождения пропустить. И мамин. Но мастер Видаджани того, конечно, стоит.

– Тогда вот что, господин. Я туда поеду. А то тебя точно не выпустят, пока мастер не вернется. Мама так и сказала.

Вообще-то не совсем так, но это можно и не объяснять.

– Да мне туда и нельзя, Гари. Там хобы, а я воевать зарёкся. Да и нечем.

А вот это надо учесть, оружие какое-нибудь найти. В храме вообще-то, в самом святилище, есть большущий меч, Воителем благословенный, раньше боярину Онталу принадлежал, только ему всё равно не помог. Потом еще один Гарин дядя добыл его в бою и пожертвовал в храм. За меч ещё судились потом, всё это до Гариного

рождения. Но меч, пожалуй, не возьмешь. Во-первых, тяжёлый, а во-вторых, хватятся. Да и не умеет Гари с мечами. Вот ножик прихватить – другое дело.

И как удачно Гари вспомнил про дядю. Вот кто отвезёт его в дальние моря! Недаром же у дяди Киджи свой корабль, и он – самый известный пират на Торговом море. Вообще родственники – великая и полезная вещь, ибо должны помогать друг другу в невзгодах и затруднениях.

– Ты, Гари, вот что. Погоди-ка...

Видно, как Нарек поднимается со скамьи, подходит к лежанке, начинает копать там. Возвращается к окну с одеялом, скрученным, как свиток. Проталкивает его между прутьев решётки.

– Вот, возьми.

Одеяло в дороге пригодится. Как и огниво с кремнём. Но не вручить ответный дар будет невежливо. Гари достаёт мешочек с табаком и огневым припасом, передаёт:

– А это – тебе!

И ничего Нарек пожара не устроит, зря ему курить не дают. А если и устроит – так всё равно по воле Пламенного, тут и огниво необязательно. А Гари себе потом еще раздобудет, вот у благородного Джанатты можно спереть, у него их за каждым рукавом, в каждом кармане. Но это и хорошо, что много. Последнее брать Гари бы не стал. Неудобно этакое безобразие Плясунье Небесной, так мастер Видаджани учил.

(Благородный Джанатта Баллури)

Ещё и двух лет в своё время не пробыли в Марбунгу государыня королева и её супруг, когда на службу к ним поступил благородный Джанатта. Всего лишь третий настоящий придворный рядом с нами – говорили они, имея в виду благородного Таджари Лантани, наставника королевы, и господина Лиартарру, учителя царевича. Сделаю всё, что в моих силах, чтобы здешний двор ни в чём не походил на диневанский, – обещал тогда Джанатта. И высокие особы дали понять: это от диневанца и ожидается. Его ли стараниями или по условиям места и времени, но случилось именно так. Ничего похожего на правление одержимых, божьих избранников, в Марбунгу при них не установилось.

Сейчас Джанатта Баллури, онталский дворянин, ждёт в приёмной, высокие особы велели ему явиться обсудить его доклад, но сами пока заняты с детьми.

Чем сделалось правление этой пары здесь, в коронном городе Марбунгу и в области Онтал, сказать непросто. Царевич и королева – не наместники: правомочный представитель Короля сюда по-прежнему назначается на недолгий срок, прежним был местный уроженец Вонгобай, ныне на этой должности благородный Лантани, прибывший с королевой из столицы пятнадцать лет назад. Коронный суд вершат судьи, тоже сменяемые. У себя на родине царевич готовился служить в

Обрядовой палате, здесь принял Семибожие, но жрецом не считается, хотя чутьё его и ценят в храме Семерых.

Высокородная чета высказывается по спорным вопросам – семейным, удельным и другим. Текущих дел, податей и назначений не касается, войском и стражей не распоряжается, людей своих кроме небольшой свиты и охраны не имеет. Когда нужно, к их услугам коронные чиновники, например, гонцы. А кто в Марбунгу верен лично королевне и царевичу – это уже как совесть подскажет. По сути, для того они и нужны: чтобы легче было тем людям, кто не может служить умозрительной Короне, а только живому господину или госпоже.

Вчера после потешного боя Джанатта спросил у Дине: что думаешь про Маэру теперь? Парень ответил не сразу – и вопросом на вопрос: а может человек забыть, что воевал? Что был на войне, забыть можно, я вот тоже был, совсем давно, ничего теперь не помню. Но то я, а он же взрослый уже и сам на войну приехал, а не просто родился в порубежье... Джанатта ответил: всё что угодно можно забыть, если твёрдо решишь не помнить. Под клятвой люди порою говорят о бывшем как о небывшем, и слова их служителям Судии не слышатся как лживые. Дине снова спросил: то есть если где-нибудь в дальних землях мастера Видаджани спросят, а он ответит, допустим, что сроду в Марбунгу не бывал, это будет правдой – если он так решит для себя? Да, если решит, такова будет его правда. Не хочу, – отозвался Дине, как отвечал иногда ещё мальчишкой, когда только привыкал к здешним порядкам, и ясно было, что уговаривать бесполезно. Парню очень обидно за досточтимую, он злится, что не находит слов поддержать её, а что честь храма на ристалище отстоял – это всё не то... Но Дине и сам о мастере жалеет. Всё-таки вырос при нём, хоть Парамелло нечасто вмешивался в его воспитание.

Но что насчёт правды гостя нашего Маэру? Сильный, – сказал Дине, – но как будто всю жизнь только на ристалище дрался, напоказ, а не на войне. Верное соображение: будто его дело было не победить, а показать красивый бой, с исходом в пользу хозяев, но чтобы это был честный исход. Дине снова спросил: а точно господин Баррай его прямо там, на Рубеже, из неволи вытащил? Говорят же, мэйанских пленных бойцов продают в Мэйраа или куда ещё, где рабы дерутся, а зрители деньги платят... Может, Маэру – оттуда, а не рассказывает, потому что тогда его жалеть сильно будут? Ну да, если в боевые рабы он попал ещё ребёнком и учился в их кругу... Но может быть, у него выучка и мэйанская, с такого ристалища, где много показательных боёв, потому что много учеников, и готовили его не к войску, а к преподаванию воинской науки. Но тогда вопрос, почему он не остался в храме, как очутился на севере.

Решили пойти и спросить: что разглядела Гати, раз уж она за поединком Дине и Маэру так пристально наблюдала. Её нашли за письменным столом – тетрадку она тотчас спрятала, хоть и непонятно, какие тайны могут быть в записях храмовой голубятни. На вопрос ответила: как же вы не видите, они тоже родня друг другу! Маэру и господин Баррай. За тем Маэру на север и поехал, чтоб родича найти,

а тот оказался уже на хобской службе, пришлось в плен сдаваться... Но почему – родня? Да ясно же, Маэру ради него на всё готов, а господин так печётся о нём, выбирает вот, как его день рожденья отпраздновать. И вообще! Хотя внешне и не похожи. А по-моему, не родня, – сказал Дине. Иначе бы зачем им это скрывать? Чтоб не говорили: вот, мол, мэйане целыми семьями в Хоб бегут? – Да нет! У них тайное задание, вот и скрывают! – Задание от кого? – Ну, мало ли! Дети заспорили между собой, Джанатта не стал ждать, к какому итогу они придут.

Царевич и королева входят в приёмную из сеней. Одеты по обычаю мэйанских супругов в одинаковое: светлые рубахи с пёстрой вышивкой, серые шаровары и сапожки, головы непокрыты. За пятнадцать лет эти двое сжились воедино, как бывает со старыми друзьями, сторонний гость не сразу поймёт, кто тут муж, кто жена. Царевич – без бороды и усов, длинноволосый и полный, королева суше и жёстче, русая, коротко стриженная.

Не садятся, стало быть, доклада ожидают краткого. С вашего позволения... – кланяется Джанатта и раскрывает складень с записями, но королева его останавливает вопросом:

– Мастер Видаджани уехал – почему?

Звучит совсем не как сочувствие храмовым заботам. Отбытию мастера придана государственная важность? Царевич поясняет:

– «Когда дому грозит беда, аисты покидают гнездо на крыше. Когда держава на краю гибели, из её городов уезжают поэты.»

– Не думаю, – отвечает коронный ходатай, – что отъезд мастера окончателен.

Между тем, никаких доводов в пользу того, что Парамелло скоро объявится, у Джанатты по-прежнему нет. Осталось, кажется, только молиться, чтобы Плясунья Небесная и Владычица Вод развернули его корабль или задержали, чтобы побратим догнал его и убедил...

– ... А что до причины – я несведущ в изящной словесности, но в храме Семерых слышу, когда мастер обнаруживает новые свои сочинения. И насколько могу припомнить, ближайший раз был в прошлом году. Полагаю, мастер отправился ловить Ветер. А заодно лишний раз напомнить о себе. В эти дни, разумеется, в храме и вокруг только и разговоров, что о нём...

– Досточтимая Марригунд, мы слышали, не на шутку тревожится.

– О да. Но не Королевство виновато, что мастеру снова стало сложно примириться с самим собой.

И продолжает:

– Сегодня в полдень настоятельница храма Семерых возносит молитву о дожде. Жара в самом деле затянулась.

– Присоединюсь, – тотчас откликается царевич. – Но вы ведь понимаете, если певцу не о чем петь, это не может быть только его личной сложностью. Это касается Королевства.

Жрице есть о чём молиться, а мастеру – петь не о чем?

Словно бы извиняясь, царевич говорит:

– Я понимаю, родич мой сам – ходячая сложность. И мне бы первому следовало знать, что он уже полгода ничего нового не сочинил. Но ведь вы к нему ближе, чаще видели... видите его.

Ох. Царевич чуть было не сказал о Видаджани как об умершем или уехавшем навсегда. Чует судьбу его? Или просто тревожится и горюет? Если бы чуял, что тот не вернётся, не поправил бы своих слов.

«Родич». Когда-то Лиартарра, ныне покойный учитель и дальний родственник царевича, признал Парамелло своим сыном. Ещё одна пара наподобие Баррая с Маэру: господин подобрал себе родственную душу... Клейма на плече мастер отнюдь не скрывает, даже гордится им, но не то чтобы на памяти Джанатты являл благодарность Лиартарре за вызволение из рабства или расположение к царевичу, родственное или товарищеское. Наверное, Парамелло прав, когда говорит, что вся любовь в его жизни была без взаимности.

А у Джанатты наоборот. Признался он в своё время так: «Я знаю, что чувство моё к вам не безответно». До сих пор не знает, что досточтимую тогда больше развеселило – самоуверенность диневанца или его предусмотрительность. Сказала бы: да я-то вас на дух не выношу! – неужто ответил бы тем же? Но она с Джанаттой шутить не стала, а он так и знал всегда: его любить может только очень добрый человек. И сильный душой. В чём и смысл быть горбатым. *Это не смерть – судьба на моих плечах, гнёт – не вины, а воли моей залог...* Так сложил когда-то Парамелло от имени Джанатты для Марригунд. В годы, когда за ним непрощенные строчки не задерживались.

«Вы ближе к нему»... Прошлую ночь до рассвета досточтимая пробыла у Джанатты. Не потому что надоело изводить себя тревогой, не потому что Плясунье любезны измены, и даже не потому, что должна же быть от всего происходящего польза хоть кому-то. Просто решила так.

Могла бы быть хорошая семья. Хотя не Джанатте судить об этом: если все их ночи за пятнадцать лет составить вместе, не наберётся месяца. Прожили бы дольше – начали бы браниться? Но все дни-то тоже не врозь, общие дела, общий храм, Дине вот вырастили... Вчера Джанатта ей сказал: мне кажется, у нас с тобой будут и ещё дети. Может быть, не как Дине, а сразу постарше, но кто-то появится. Казалось бы: не теряй времени, сватайся! Раз уж веришь, что мастер может вернуться, так сейчас и женись – или никогда. Но Джанатта свататься не стал.

В нарушение всех правил учтивости он говорит царевичу:

– Могу ли я просить господина Кадимонгкаи о личной беседе? Предполагаю, что мне надобно очищение от скверны.

– Да, конечно, – с удивлением отзывается тот.

Чуял бы мерзость пред богами – просто согласился бы. Или уж отослал к жрецам.

– Тогда я коротко, – кивает королевна. – Насчёт севера. Скажите, благородный Джанатта: если хобы вдруг все уедут из Хоба в Новый Баггар-Даггад или ещё куда-то, война на Рубеже прекратится?

– Нет.

– Так я и думала.

Складень можно закрыть: государыня внимательно прочла давешний доклад, повторять ни к чему. Джанатта отвечает:

– Война продолжится, только против нас будут сражаться не хобы, а орки или люди. Как они уже и сейчас сражаются под хобским началом. Найдут себе других воевод, а Рубеж есть Рубеж.

– И что, ваш гость, полутысячник Баррай, мог бы в таком случае возглавить тамошнюю державу?

Баррай?

Высокого же мнения госпожа об этом человеке. Напрашивается ответ: конечно, нет, он не сможет. Но про княжича Нарека тоже говорили: какой из него правитель Королевства...

– Не думаю, что полутысячник питает подобные притязания.

А если подумать – что Джанатта знает о его притязаниях?

И вопрос ещё, о чьих притязаниях сейчас речь. Сумеет ли Баррай, захочет ли – или: получится ли поставить во главе Хоба того из тамошних людей, кто за поддержкой отправился к нам, в Марбунгу, а не в Мэйраа, не в Коин или в любой другой из людских городов.

Госпожа встряхивает короткими волосами, молвит:

– Зачем-то ведь он сюда прибыл.

Значит, Джанатта верно услышал. Не понял только, и сама государыня, похоже, ещё не решила: хорошо или худо для нас, если мы сейчас принимаем в гостях будущего правителя Хоба? Как говорил когда-то Нарек Диневан, поставить вопрос важнее, чем дать ответ.

Королевна уходит, оставляя ходатая наедине с царевичем.

Тот прохаживается мимо окна. Проследил, куда направилась супруга, опустил ставень, оборачивается к Джанатте:

– Так в чём ваше сомнение?

– В том-то и дело: сомнений уже нет. Мне решение не нравится.

Царевич хмурится, показывает: сядем. Так даже в полутемноте Джанатте лучше виден его взгляд, глаза в глаза, надобный для сосредоточения.

– Есть женщина: я люблю её много лет, с первой встречи. Она была замужем, в том браке шестеро детей, из них пятеро выживших. Сейчас муж её покинул. Я мог ей сказать: пришло наше с тобою время. Я не сказал. У нас с нею общий приёмный сын, седьмой её ребёнок, а по старшинству первый, но я не сказал. Ей очень тяжело, и я не знаю, что будет тяжелее: остаться одной или восстанавливать распавшийся брак, если мастер возвратится. И видя всё это, я не сказал.

– Почему?

– Наш с нею сын влюблён в её дочку. Я не знаю, выйдет ли из его любви толк, но не могу сделать так, чтобы девочка ему стала сестрою.

– А сейчас – не сестра?

– Нет. Хоть её мать и воспитала его, хоть дети и росли вместе.

– А почему не сестра?

Затем Джанатта и попросил об этом разговоре, чтоб говорить, как есть, даже если слова идут вразрез с разумом:

– Иначе я не сблизился бы с этой женщиной.

– «Иначе» – если бы не признавали того её брака, той семьи?

– Да. До сих пор было так. И осталось так. Замечательно: муж не признаёт своих детей своими, а я их признаю его детьми...

– А почему признаёте?

– Потому что считаю: тут слово за женой. За их матерью.

Можно подытожить:

– Я решил, что не женюсь. Чтобы наши дети могли пожениться. И решил, что не разойдусь с нею – как с женщиной, даже если надеюсь, что однажды стану её свояком. Следовало бы разойтись, но я не стану.

Царевич опускает глаза. Помедлив, говорит прежним виноватым голосом:

– Я мерзости не чую. Но отчего-то же её чуете вы. Или не мерзость, а опасность, помеху... Кто-то из детей вашей любимой, из кровных её детей, мог быть вашим?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не делаю того, от чего рождаются дети.

– А это почему?

Ещё один едва ли разумный ответ:

– Не будь моя мать на сносях, она бы убежала от князя Муллаваджи, когда тот в одержимости носился по дворцу. Могла бы жизнь прожить, и как знать – вдруг и сейчас была бы жива.

Джанатте не раз говорили: если по ту сторону, в краях Владыки Гибели, мёртвым дано знать, что случилось после их смерти, то матушка твоя наверняка рада, что ты живой, всяко она, не задумываясь, пошла бы на смерть ради сына, как любая мать... Отца Джанатта не может даже вообразить, ни взрослым, ни стариком, господин Кайтай ко времени гибели жены был месяц как убит на Рубеже, хотя родные его о том ещё не знали. А что до матери, то её Джанатта иногда видит во снах до сих пор. Точнее, чует чьё-то тепло рядом и слышит голос: «Всё хорошо, всё хорошо». От Владыки ли те сновидения, он у жрецов не спрашивал.

– Но ведь вашей вины в гибели госпожи...

– Наттари. Благородной Наттари Кайтай.

– ... да примется Семерыми госпожа Наттари. Но вашей вины нет в том, что она погибла.

– Я знаю. Но я хочу, чтобы из-за меня ни с одной женщиной не могло случиться такого. От меча ли, от работы, от непогоды, от тягости самой по себе. Для меня это то небольшое, что я могу сделать в память о Наттари, как её сын. По-моему, это стоит продолжения рода.

Диневанского не слишком славного дворянского рода.

– И вы – уверены? Хотя о чём я... Если бы вы свой зарок не выдерживали... Тогда бы у вас с вашей любимой уже были общие кровные дети, и вы бы о том знали, и все бы знали?

– Да.

Иначе бы Джанатта с досточтимой и не сошёлся.

Когда-то в молодости, в Диневанском замке, Джанатте нашли пару, государыня княгиня сама указала, кто это будет из её свитских дам. В зимнюю праздничную ночь бедняжку якобы случайно заперли в

одной из комнат вдвоём с княжьем горбуном. Совсем не боевая и вовсе ещё не опытная, даром что побывавшая замужем и разведённая, она готовилась покориться. А он сказал: успокойтесь, ничего не будет. Наутро, пряча улыбку, она отвечала на расспросы любопытных: «Благородный Джанатта знает, как порадовать женщину...» Чем весьма укрепила его сомнительную славу, а пуще того – его самомнение. Потом они выстроили немало козней при дворе, иногда на одной стороне, иногда на разных. При новом правлении даме той велено было удалиться на покаяние в город Марди, где старушка, судя по письмам, продолжает в прежнем духе, но в храмовых кругах. Джанатта два года сдавал дела, прежде чем – так и не сдавши до конца – уехать тоже в храм, но в Марбунгу.

Он тогда уже знал, к кому едет. И тогда было, как и сейчас: любовь – дело только меж двоими, но близость, даже без детей, ежели будет, то родню нельзя считать ни при чём. Джанатта явился к отцу досточтимой, тогдашнему господину Гундингу. Благородный Мангкаван понял. После долгого разговора сказал, дёрнувшись всем лицом: «Если бы...» Имея в виду: если бы ты появился в Марбунгу раньше, чем Марригунд встретила Видаджани! А может, и другое: если бы у тебя, диневанского кознодея, хватило хитрости развести этих влюблённых. Или: музыканта на поединок не вызовешь, но если бы ты как-нибудь помимо честного боя сжил его со свету – раз уж не в силах человеческих устроить так, чтоб музыканта не было вовсе никогда... «Если бы от этого человека возможно было избавиться, от него незачем было бы избавляться» – ответил тогда Джанатта. Если бы досточтимая не любила его. Господин Гундинг согласился.

– Но ведь от вашего сватовства, если я верно понял, мало что поменяется? – молвит царевич. – Это вас и печалит?

– От того, получу я отказ или согласие, для меня не поменяется ничего. И наоборот, это хорошо.

– Так это и значит, что семья у вас давно уже есть. А можно ли жениться вашему сыну и той девушке, этого я не скажу, пока их самих не увижу вдвоём. Когда или если они соберутся...

– Да. Благодарю, господин.

У Дине душа его собственная, «своей» её Джанатта назвать не мог бы. Что в любом случае хорошо.

(В Поганой слободке)

Гостю дорогому можно даже не завязывать глаза: всё равно не запомнит, какими закоулками его сюда привели, если и захочет навести стражу, долго будет петлять и вряд ли кого найдёт. Так устроена в Марбунгу Поганая слободка за южной городской стеною: никто точно не знает, сколько тут домов и жителей, даже господин Гайладжи, главный сыщик, давно закаялся кого-нибудь тут ловить. Сколько денег крутится в этих трущобах – как знать, может, и побольше, чем в кладовых Гундингов, а сколько народу в Поганой сгинуло навсегда, даже тел не нашли...

Гость храбрый человек. Увидел, куда ведут его – мимо круга, где ставки делают на кулачных бойцов, – и по глазам видно было: готов хоть сейчас сам выйти в круг, пусть даже против вон того детины в наколках, если такова цена правды. А будь нынче не людские бои, а кабаньи – тогда бы как, свиньёй перекинулся? Но не волнуйся, мил человек, тебе не сюда, тебе чуть подальше, через два двора, совсем тёмных.

Лачуга не приметнее прочих, но если зайти внутрь, видно, что хозяин ценит удобства и изящное обхождение. Светильник прикрыт узорной шалью – чародейский «вечный свет», немалых денег стоит. Мягкое покрывало на лавке и восточные вышитые подушечки. На столе серебряный кубок, да не один. Гостю и хозяину угощение. И вино подстать – сладкое, густое, из лучших вингарских урожаев.

Хозяин невысок ростом, лицо грубоватое, но самое обычное для любого мэйанского города – круглое, загорелое, нос картошкой. Попытайтесь вспомнить: видели вы меня уже где-нибудь? Не хворый, не старый, не изнуренный работой, но с обширным жизненным опытом. И опыт этот подсказывает: гость – человек сложный. Не из благородных чистоплюев, что кривились бы от одного запаха Поганой слободки. Но и не похоже, чтобы сам он вырос в таких же дворах. Спокоен, видать, считает, что может постоять за себя.

Хозяин велит провожатому:

– Исчезни.

Тот исчезает – будто и не было. Хозяин разольёт вино по кубкам:

– Вы меня, стало быть, видеть хотели, господин хороший? Так я вас слушаю.

– Мастер Талари – это вы?

Хозяин кивает:

– Можно и так.

– В пятьсот восьмидесятом году вы видели, как погиб ваш господин... или наниматель, благородный Вендарин господин Баллури. Как это произошло?

– А вам зачем?

– Хочу знать его настоящего убийцу.

Талари сделает глоток и вдруг улыбнётся – широко, любезно:

– А вам для себя или для начальства?

Гость хмурится, встряхивает головой, словно не сразу понял. Потом тоже глядит прямо в лицо собеседнику:

– Не бойтесь. Я не собираюсь вам вредить. И ссылаться на вас не собираюсь. Мне просто нужно знать.

В последний раз мастеру Талари говорили «не бойся» еще при боярине Дунге Онтале. Матушка родная говорила, а он послушался, так с тех пор ничего и не боится. Ни когда боярину голову снесли, ни когда за ним самим береговая охрана гонялась, ни когда делил город Марбунгу с другими незаконными торговцами. А сейчас и подавно – чего бояться? Проведёт лишь рукой по небольшому самострелу, что у него на коленях пристроен. Да мастер Талари и без самострела в бою неплох, не стоит лишний раз проверять.

– Благое дело – умножение познаний. Ладно, спрашивайте. Каждый вопрос по каринду.

Гость сжимает губы, видно, подсчитывает, во сколько вопросов надо уложиться. Наконец, кивает и достает первый золотой.

– Кто на самом деле убил Вендарина Баллури?

– Ишь ты! – хмыкает хозяин. – Осудили за убийство благородного Гайтарру из коронных войсковых.

Гость качает головой:

– Я не спросил, кого осудили. Я спросил, кто убил.

– Другой коронный четвертьсотник. Благородный Лабирри.

Мастер Талари поднимает свой кубок, делает приглашающее движение: выпьем! Гость залпом осушает свой, ставит со стуком на стол. Помолчав, выкладывает следующую монету.

– Можете рассказать, как?

– Могу, – улыбается Талари, забирая золотой. – Спрашивайте.

Гость снова задумался, выложил на стол перед собой оставшиеся монеты – всего три. Трёт переносицу, прежде чем спросить.

– За что? – начал было, но спохватился: нет, не то!.. А, ладно, уже спросил. Резко передвигает по столу еще один золотой.

Мастер, однако, остановит его руку:

– Откуда мне знать, что у того благородного в башке было. Не могу ответить.

Ибо торговля сведениями тоже имеет свои правила.

– И не надо так-то уж волноваться. Вы спокойно, потихоньку, всё сперва обдумав: что, зачем, надобно оно вам или не надобно...

А ежели сегодня всё не успеете, так служба у вас хорошая, наверняка денежная, войдёте во вкус к познаниям, подсоберёте ещё немного – и милости просим! Начальство-то вас ценит. Вроде бы.

То ли от волнения горло перехватило, то ли от чего ещё, гость рассуждает немного хрипло:

– Вот приехал Вендарин в трактир, поднял тревогу. Люди, дескать, пропадают. Господа решили, что их в ловушку заманивают. А что было дальше?

Мастер Талари прибирает денежку:

– Вот вы правильно рассуждаете, что не ищите какой-то давней вражды между Баллури и Лабирри этим. Дело всё там же и случилось. Бранились они с полчаса, Лабирри господина предателем назвал. Не тебе, мол, указывать, куда мне вести коронный отряд. А тот схватил его за грудки, шмякнул о стенку да и говорит: «Это ваша теперь земля, коронная. И сейчас предатель – ты, раз бросаешь людей задыхаться в забое!». Там завалило-то местных мужиков, которые руду потихоньку рыли. Из коронных недр. Ну а Лабирри не стерпел. Выхватил саблю и зарубил за такие слова.

Гость смотрит на оставшиеся две монеты. Вопросов еще много, но надо выбрать самые важные.

– Значит, Гайтарра не убивал?

– Дык-ть! Знамо дело, нет.

Последний золотой.

– А почему... как случилось, что на Гайтарру подумали?

– Так благородный-то Лабирри, не будь дурак, в кабаке забежал, где друг его спал, саблю свою и кафтан ему оставил, а его – себе взял. Они ж, дворяне-то эти, не про нас с вами будь сказано, были голь перекатная. Оружие, одёжка, снаряжение – самые плохонькие, без личных или там семейных знаков, только с коронными. Оставил, значит, а сам – на коня да в деревню, поднимать отряд – и в горы. То ли господин его своим последним доводом пронял, то ли он и сам был согласен, да не хотел, чтобы им онталец командовал. А свидетелей тому – всего ничего: я да кабатчик. Он – рожа змейская, я малолетка, какой с нас спрос? А наутро приезжает гонец от воеводы и всё видит своими глазами. Лабирри – молодец, Баллури – убит, Гайтарра – пьян и сабля в крови, и кафтан тоже, да ещё и не помнит ничего. Что тут решать? Дело ясное...

Казалось бы, рассказ поучительный: выпивка до добра не доводит. Но гость, похоже, сейчас выпил бы ещё, да не сладкого вина, а горькой, крепкой. Расстроился?

Он поднимается из-за стола:

– Благодарю, мастер Талари.

– Вы, ежели ещё чего надо будет, в тутошний кабак у входа в слободку заходите. Скажите: жажду знаний утолить. Мне передадут. А сейчас – вас проводят, мальчик мой за дверью ждёт.

Уже на улице гость оглядывается – нет, снаружи света не видно, ни из щелей, ни сквозь ставни. Уходит следом за пареньком.

Через несколько мгновений в дверь домика стучат. Условным стуком. Без самострела, но с ножом наготове мастер Талари открывает.

– Да ну?!

Ночной посетитель снаряжен по-походному, из мешка за плечом торчит чехол со скрипкой. Вихры, как у мальчишки, только уже с сединой, взгляд даже в темноте пронзительный. И белый шарф на шее.

– Ну, Мятажник. Именно что ну, – молвит он.

– От Устрицына сына слышу! Десяти лет не прошло!

Как не обнять собрата-беззаконника. Помимо мешка у него на поясе дорожный писчий прибор, огневой припас, ножик неопасный в одной укладке с ложкой... Точно так же сам собрат в это мгновение обшаривает мастера Талари. Хорошо, что золотые остались под столом.

Когда хозяин добирается до кошель с деньгами, пришлый мастер, не размыкая объятий, говорит:

– Это тебе. За ужин и ночлег.

С каких это пор Талари Мятажник содержит тут постоянный двор? Но собрату не откажешь. Мог бы денег и не предлагать. На всякий случай Талари кошель забирает, отстраняется:

– Ты, что ли, ещё не отчалил?

– Уже вернулся. Я у тебя день-два пересажу?

Хозяин разводит руками:

– Какая честь...

И в самом деле: сколько народа в Марбунгу сейчас бы от радости прослезилась, если бы этот бродяга нагрелся к ним! Любимец Белого храма, и что хуже, угодник самой Плясуни...

За что? – мелькнул было вопрос у мастера Талари. Мне-то за что такое счастье? Но в голову великого безумца наших дней влезать себе дороже.

На вино он поглядел кисло. Талари достаёт для него перегонное зелье.

Любопытно: знает ли уже гость дорогой, что братец его сорвался его догонять? И похоже, всё ещё догоняет, и потом голову Таларину снимет, ежели узнает, где пропажа нашлась?

Выпив, гость раскладывает на столе свои писарские снасти.

– Отнесёшь для меня письмо кое-кому?

– Смотря кому.

Мастер чуть сдвигается на лавке, чтобы Талари мог прочесть, что он пишет. Красивым чётким почерком, ничего особенного. По крайней мере, на первый взгляд. Встретиться. Поговорить. По северным делам.

(Гари, четвёртый сын досточтимой Марригунд)

Плохо, что жарко. Не все припасы можно сохранить. Потому и выбирать их требуется с особой тщательностью. На храмовой кухне нынче приготовлен роскошный окорок – благо Пёстрый досточтимый давно в странствии, и можно не опасаться, что от вида или запаха убоины у него насморк случится. Но окорок, к сожалению, не подойдёт, Гари требуется что-то более надёжное.

Попрошайничать, кстати, вовсе не обязательно, мастер Видаджани и тут был прав: достаточно всего лишь правильно спросить. Вот, например, у тётушки на кухне:

– А что это у вас такое?

– Плюшки, Гари. Хочешь?

– Благодарствую. Не откажусь.

Мамина сестрица, тётя Унагунг, с удовольствием кормит племянника. «И с собой возьми, матушку и братьев угостишь!»

Другая мамина сестра, тётя Сумангат, живёт не в таком большом доме, как тётка Унг. Вообще-то Гари тут бывать не любит. Тут всегда как-то странно говорят – про тебя, но будто бы тебя нет. И ещё двоюродный братец Киррин дерётся. Но для дела можно и потерпеть.

Как странно: три сестры и совсем друг на друга не похожи. Мама среднего роста и худая, тётя Унг – круглая, а тётя Сумангат – хоть и худая, но росту совсем маленького. Только глаза у всех трёх черные-пречёрные, как и у самого Гари.

Киррин занят: учит кота ловить мышей. Тётя Сумангат что-то записывает в толстую книжку. А пахнет в домике очень вкусно. Гари вертит головой.

– О! А это у вас пирожки с чем?

– С ревенём!

Тётка отрывается от записей, но глядит не на Гари, а на свою старшую дочку. «Он-будет-обедать?» – спрашивает скороговоркой. Почему не спросить у него самого, Гари не знает.

Братец оставляет мышь коту и тоже подходит к столу.

– Это Видаджани их бросил или они его выгнали? – спрошено будто бы у своих, но косится он на Гари, как тому понравится.

Гари не нравится. Сумангат отвечает, но не на вопрос, а, скорее, собственным мыслям:

– Давно пора.

Пирожков Гари наберёт. Заодно подбросит замученного мыша в кувшин с молоком. Все видели, что с мышью Киррин возился, вот ему и влетит. Потом. Эх, жаль, Гари уезжать надо! Не то он бы ещё не так отомстил...

Ладно, мастер Видаджани нам не отец, зато его сестра, тётя Унгирри, от родства не отказывается. На руках у неё Гарина двоюродная сестрёнка Риджи, вредная и горластая, как все груднички. Стоит перестать её качать – тут же разорётся. Так что дядю Киджи можно понять: запил на радостях, что дочка родилась, но пьёт не дома, а на корабле, чтобы криков не слушать.

Другая сестрица, постарше, наливает чай и хихикает:

– Ваш батюшка ушёл в моря, а наш – в запой. Будешь морских сухариков?

Сухарики – это то, что нужно! Моряки потому и берут их в плаванье, что они долго хранятся. Про то, можно ли взять выпивку, Гари спрашивать не стал – ясно же, откажут. А ведь он – не себе, он – на гостинчик какому-нибудь нужному человеку, кто в пути попадётся. И если бы тётушка знала, она бы сочла причину вполне достойной, может, даже разрешила бы. Гари уж сам, без спросу взял. Чтобы лишний раз никого не тревожить.

Припасов много. Все с собою носить – непременно вызовешь подозрения. Или зависть. Но Гари ведь недаром живет в этом городе всю свою жизнь, за шесть лет разузнал всякие тайные места, как-никак сын самого белого мастера Видаджани. Точнее, не-сын. Вот есть, например, подходящий пустырь позади трактира «Свиное рыло». Там, на задворках, посреди ветхих развалюх, чего только не спрячешь.

Теперь еще договориться с капитаном. Дядя Киджи в гавани. «Снежная кошка» – красивая пайрана, расписана вся, от носа до кормы, белыми восточными буквами. Буквы складываются в слова, но каждый раз – разные, Гари всё пытается их прочесть, с тех пор как читать выучился. Стоит себе ладья у пристани, никуда не торопится. А могла бы ведь уйти, начало лета – самая пора для плаваний. Только вот беда: капитан запил.

Гари подойдёт к сходням, вежливо окликнет матроса на палубе:

– Я, Раджангар Гундаури, хотел бы видеть капитана Райкиджи Диерриджи.

Звучало бы весьма внушительно и по-взрослому, да увы, выпавший передний зуб мешает четко выговаривать букву «рэй». Парень переспросит, а после кликнет боцмана, тот признает мальчика, проводит под капитанский навес.

Капитан Райкиджи на самом деле настоящий диеррийский княжич, сын прежнего князя. Мог бы после смерти отца княжеством управлять, а вот – подался в пираты. И правильно сделал, считает Гари, пиратом-то быть куда веселее!

Водкой от него действительно пахнет, и щетина на щеках пробивается, и волосы взлохмачены – всё как полагается настоящему пьянице. И Гари бы, конечно, поверил в дядин запой, но ведь врёт дядюшка – видно, что врёт. И говорит внятно, и движения точные, и глаза трезвые, с усмешкой.

– Ну, – спрашивает дядя, протягивая руку, – с чем пожаловал?

– Вы, капитан, собираетесь в дальние моря? Возьмите меня с собой, мне очень надо!

Под навесом у кормчего отгорожен закуток, плоский сундук вместо стола, на сундуке чернильница и перевёрнутый лист. Ещё кружка – ага, с чаем! – и начатая бутылка с белым зельем, рядом деревянная дудочка на шнурке, чародейский светильник в плоской плошке-раковине и какой-то прибор, Гари такого прежде не видел – полукруглый, с делениями.

Капитан делается серьёзным:

– Я и впрямь собираюсь. Может быть, сразу после праздников, только это тайна пока. Давай так, Гари: приходи дня через три. Если же мы раньше надумаем, я тогда в храм сообщу. Идёт?

Гари задумается.

– Пойдёт! Только уж если в храм, то мне лично. А то Нири или Гати еще забудут передать.

– Договорились. Сколько тебе, шесть уже?

– Ага, – кивает Гари. Можно не уточнять, что шесть ещё только будет. Ведь это совсем скоро – через пару дюжин дней.

На прощанье они пожимают друг другу руки. С этим дядей приятно иметь дело – он Гари маленьким не считает. И Гари старается соответствовать. А что дудочку спёр – так это чтоб видно было: он совсем уже большой, не хуже мастера Видаджани умеет.

Ночью Гари не мог заснуть целый час или даже два. Получается, он сегодня в последний раз дома ночует. Если послезавтра на корабль, то уходить надо завтра. Не то в самый важный миг обязательно что-нибудь сорвётся: либо Нири наябедничает, либо матушка засадит уроки делать. А какие уж тут уроки!

Вон Лирри-мелкий уже сопит, и нянюшка с ним рядом. Нири книжку читает про приключения. Чудак! Так вся жизнь за книжками и пройдёт, а самих приключений можно и вовсе не увидеть. Ничего, Гари ему привезёт что-нибудь из дальних морей. Книгу на пальмовых листьях! А Лирри – сладостей заморских, они должны быть вкусными, а матушке – платочек. Или целое платье. А Гати – башмачки, а Джанге... а дедушке... Но вообще-то он всем мастера Видаджани привезёт – чего ж вам еще надобно, родичи?

(В бывшем городском дворце бояр Онталов)

Ночь почти не даёт прохлады. Окно раскрыто, внизу сад, вдалеке чуть светится море.

– Люди скучают о Нареке, – говорит царевич.

– Уже? – отзывается королевна.

Кормчий задумчиво глядит сквозь вино в кубке на красные угольки жаровни. Другого огня здесь нет, чародейские светильники прикрыты: беседовать легче в темноте.

На жаровне плавится сыр на хлебе – пусть будет хотя бы вкусно, раз уж нельзя погасить огня совсем. Служанка Джелли следит, чтобы уголья добавляли поменьше жара и дыма этой душной ночи.

– Да, скучают, потому и шутят. «Нарек-наоборот»...

А ведь ещё недавно боялись, хотя советник не пресекал пересудов о себе.

– Жалуют о том, кто был в ответе за все их беды? – молвит кормчий с сомнением. – Валить стало не на кого?

Едва ли. Ответственность советника переживёт его на долгие годы.

Царевич отвечает:

– Скорее, ждут, вдруг опять появится кто-то и начнёт всё менять. С опаской, но ждут: кто будет следующим Нарекком, пусть и понарошку.

– Ну да. Любопытно же.

Жрица Марригунд нынче днём передала кормчему хобское предложение. Он обещал подумать – и пришёл сюда, в старую усадьбу на краю города.

Не к друзьям, не к тем, чей совет считал бы ценным. Люди, чьими знаниями и опытом кормчий дорожит, почти все уже собраны либо в собственный его дом, либо на ладью, либо в храм Семерых. Кто не там – те далеко отсюда, и, надо думать, чародей «Снежной кошки» уже связался с ними. Но кормчий здесь. Потому что в Марбунгу живёт его семья, и сколь бы сильно ни было заступничество храма, кормчему важно знать, как посмотрит Корона на замысел нового похода. «У вас останутся мои заложники» – не говорит, но подразумевает он, и не важно, как сами вы смотрите на то, чтобы брать заложников. Решать будете не вы, а король и его нынешние советники, но насколько сие от вас зависит – хорошо бы, чтобы вы поберегли семью моряка. Поэтому он и не хотел бы идти на восток поперёк вашей воли.

Лэйгари спросила: поход осуществим? – Да, если собрать достаточно сильных кораблей, чтобы у хобов не возникло соблазна напасть на них в гавани Бунджила. – Поход выгоден вам? – У хобов долгая память, и если уж ходить в восточные моря, то неплохо иметь добрых гостеприимцев на острове, который они зовут Новым Баггар-Даггадом. – А как та земля зовётся на тамошнем языке? Кормчий ответил, царевич не взялся бы записать буквами это слово, похожее на посвист диковинной птицы.

Понимаете, – сказал кормчий, – я во многом сам такой же мечтатель, как досточтимая. Хочу, чтобы после меня осталось что-то хорошее. – Дети? – Дети сами по себе, они хорошие, только не от меня же их нрав зависит. У Марри храм, у меня морская вольница, а гавани будут нужны морякам и после меня, даже когда корабли станут гораздо совершеннее, и быстрходнее, и крепче...

На той земле хобы смогут остаться хобами? – спросила Лэйгари. Кормчий ответил: скорее всего, нет, да это и не важно. Обживутся на

новом месте, назовут себя как-нибудь... Но как это сочетается с долгой памятью? Первое время переселенцы не забудут, кто их привёз, а потом привыкнут, что с запада к ним под бело-чёрно-багряным стягом с зелёною стрелой приходят хорошие люди?

Если на ту пору сами мы будем ещё называться людьми.

Хлеб и горячий сыр, вино, а для царевича вода, лёд в чаше – подальше от огня, вяленые сливы, смоквы и пальмовые ягоды, прозрачные дольки сушёных кадьярских яблок, словно драгоценные камни на тарелке. Снаружи – ни ветерка. Если откликнулись боги на давешнюю молитву, то тучи дождевые ещё в пути, где-то далеко, над Хобом или ещё дальше.

Джанатта попросил очищения. Тем самым дал понять: будь вам угодно слушать мои советы по державным делам – сейчас это будут советы мужчины и отца, но не чиновника. Джандарри и вовсе уехал, следом за Видаджани: вернуть побратима или хотя бы узнать, почему тот не может больше оставаться по здешнюю сторону моря. У вас возражений против похода хобов пока нет – но правильно ли, что нет?

Княжич спросил: бывший слуга Нарека поступил теперь под ваше начало? – Нет. – Или всё ещё исполняет поручения советника? – Едва ли. Даже Нарек не смог бы расписать своему присяжнику наказ на годы вперёд. – Хорошо бы ещё, чтобы парень это понимал...

Безумие? Не такое, чтобы просить о молитвах досточтимую Марригунд, не помешательство, а просто верность. До конца собственной жизни, даже если господина уже нет. – Будто бы сами вы не такие! – хотел, кажется, ответить кормчий, но промолчал.

Вообще у Нарека было немного слуг. Один из них сейчас здесь – и не под вашей рукой. И напрасно? Кормчий покачал головой. Добавил: как раз когда хоронили советника, этот малый пытался не пустить меня к Таннару: встал у двери с оружием в руках. Таннар ему велел не валять дурака. А он продолжает в прежнем духе? Исполняет волю Нарека, как сам её понимает? Мы выясним, обещала Лэйгари.

– Для меня по-прежнему загадка, за что советника любят те, кто его любит, – продолжает кормчий.

– А за что ненавидят? – спрашивает царевич.

– Если бы Нарек обходился одними державными новшествами, это бы ещё полбеды. Кто пострадал – тот пострадал не по своей вине, просто под катки угодил. Горько, но не обидно. Но увы, советник имел привычку чужие личные дела перекраивать по своему дурному вкусу.

Вам ли не знать? Не вас ли советник сосватал, не спросив вашего согласия – на брак вообще? Не было ни переписки, ни тайных встреч, жениха и невесту попросту привезли в Марбунгу, отступать было некуда. И как бы близки ни сделались вы друг другу, сватовство втёмную так и останется тенью над вами – навсегда?

Кормчий – красивый человек, сейчас, в зрелые годы, особенно. И держаться умеет так, точно он всюду на своём месте: хоть в царском дворце, хоть в хижине дикарей, хоть в матросском кабаке. Но когда говорит о Нареке, становится словно бы сразу и старше, и моложе, беззащитнее – и упрямая складка кривит губы.

– Шурина моего Видаджани советник спас однажды. Джанин приятель Макобирри наговорил в столице очередных глупостей, Джани объяснялся за него – и дообъяснялся бы, возможно, до тяжких увечий, если не хуже, но Нарек вмешался. И отпустил его, только после этого Видаджани примерно полгода ни про что не мог толком говорить, кроме как про то, какой советник великий человек да какие они с ним двое бывших каторжан, ближе братьев... Марри и супруга моя об этом до сих пор слышать спокойно не могут.

Ну да. Вернее было бы винить старших родичей Макобирри, кто с Видаджани спрашивал ответа, – но о милосердии или дальновидности тех господ мало кто заводит речи. Не то что о величии Нарека.

– Или ещё. Вот сейчас Гундингов опять донимают разговорами о Ладжинге: как вышло, что дом Таджибери родича своего не нашёл в плену. А так и вышло – боялись. Княжич Нарек в молодые ещё года так замечательно расстался с дядей своим и князем, что не только друзьям Нарека, но и родне этих друзей грозил княжий гнев. Мог Нарек этого не знать, не понимать? Не мог. Помешало ему это знание привечать на Рубеже молодых знатных дураков? Не помешало.

О Таннаре кормчий больше не заговаривает. А ведь когда советника не стало, кормчий помчался в столицу как раз на выручку королевичу. Таннара считают самым близким к Нареку. Младший и любимый сын покойных короля и королевы, но сын приёмный, как и остальные их дети, а по крови сын Диеррийской княжны, племянник кормчего. Сын княжны и Нарека. И это значит, Таннар – самый уязвимый: на нём, если захотят, отыграются за все Нарековы нововведения, хотя уж он-то вовсе ни в чём не виноват. Худшего не случилось, и во многом как раз потому, что кормчий был рядом. А если бы не советник – мальчику ничто и не грозило бы...

Кем надо быть, чтобы своё дитя отобрать у матери и отдать в усыновление – из державных соображений? Бессердечным чудовищем? Человеком запредельно твёрдой воли? Ищущим власти любой ценой?

– Так за что любят? – снова спрашивает кормчий.

Тут царевичу сказать нечего. А королевна отвечает:

– Три причины. Первая...

Кормчий усмехается. Именно так начал бы сам советник: он всякий раз заранее обозначал, во сколько статей намерен уложиться.

– Первая: Нарека любят те, кто его не выбирал. Кому он достался, уж каким достался. Родные, хотя и не все, слуги, соратники.

– Так-то каждого человека хоть кто-нибудь да любит.

– Наверно. Вторая: советником дорожат те, кому важно выигрывать в сравнении. Уж любовь это или нет, но – хвалят и печалются о нём.

– Хвалят, не хают?

– Конечно. Лучше же, когда с кем-то великим сравнивают и говорят, что ты гораздо приличнее. Вплоть до «наоборот», что особенно лестно. Третья причина: для кого любовь – не любовь без

страха и насилия. И все три причины достаточно редки... что, видимо, к чести жителей Королевства

– Редки и гадки, да.

Какое-то время кормчий сидит, опустив голову. Вдруг – служанка едва успевает сдёрнуть с жаровни крышку и отскочить – уголья разгораются ярким пламенем. Кормчий выпрямляется, глядит в огонь.

– Судоводитель «Снежной кошки», можешь ли сейчас ответить Бунджилу? – спрашивает из огня знакомый прокуренный голос.

Не зря тлели угли весь вечер. Кормчий подтверждает:

– Да, открывай.

И теперь он снова – вождь большого похода, даже большего, может быть, чем удался бы, если бы этот человек стоял сейчас во главе Диерри. Что, ежели Нарек был прав, всё сделав, чтобы отстранить его от власти в родном его княжестве?

Царевич и королева отодвигаются подальше. Разговор закрытый, не слышный им, и даже ответы кормчего по губам прочесть не получится из-за дыма. Подвижник, держащий связь, расскажет потом, о чём шла речь, насколько сможет. Насколько позволит его множественная присяга – трём державам сразу.

Иногда даже жаль, что советник, преобразователь страны, не был на самом деле подменным, посланным из Царства... Ведь несомненно: если Ладжинга Таджибери, вернувшись в Королевство, в ставке увидел другого человека, не друга своего – он подтвердил бы: да, это Нарек. Чтобы настоящий Нарек мог жить спокойно и заниматься тем, чем хотел.

– Милостив Отец Воитель! – говорят королева, царевич и служанка, когда пламя гаснет. Угли постепенно темнеют, в комнате – почти холодно.

– Воистину, – молвит кормчий. – Условия неплохие.

Лэйгари спрашивает:

– Кто-то из хобов действительно решил уехать?

– Да. Теперь бы ещё постараться не брать с собой тех, кто не хочет.

– Верно ли, что их ходатай Баррай радеет как раз об этом?

– И досточтимая. Думаю, это можно устроить.

– Хорошо.

Уже когда кормчий, переведя дух и допив вино, направляется к двери, царевич вдогонку ему задаёт ещё один вопрос:

– А за восточным морем рабство есть?

Судоводитель оглядывается – и вскидывает два пальца вверх, на уровень макушки. Что значит: осенила ж тебя Премудрая!

– Нет. Не привилось. Почему у меня и у спутников моих на ладьях гребцы и матросы – только вольные.

Кормчий ушёл. Царевич по-прежнему лежит на ковре, супруга его стоит у окна. Размышляет вслух:

– Допустим, хобский полутысячник вправду пытается сохранить своё работорговое дело. И для этого нанимает корабли: откупается, точнее, выкупает своих невольников, чтобы их не увозили на новые

земли. Где, впрочем, они всяко вышли бы на свободу, но откуда далеко возвращаться. И так, хобы уедут, все или заметная их часть. Чьею властью полутысячник будет продолжать удерживать рабов в повиновении? Силами других рабов, отпущенных на свободу?

– Например.

– А их чем держать?

– Ну, останется же в Хобе какое-то войско, стража...

– Какое, вот вопрос. Когда военное и правящее сословие сильно поредеет. И не склонится ли страна к достаточно очевидному решению – войти в Королевство. И попробуй оно не принять.

– Но как же тогда Таггуд? Джанатта говорит: Рубеж останется...

– Отчего бы и не остаться? Сдвинется на какую-нибудь другую реку, западнее, севернее...

Ох. Божья мудрость гласит устами народа? Советник Нарек свои новшества затеял ради упрочения нынешних границ королевства. Кого прозвали Нарекком-наоборот – тому суждено расширить эти границы?

(Гари, четвертый сын досточтимой Марригунд)

Проснулся Гари в сомнениях. Путешествия – дело дорогое, хватит ли денег? Вот есть одиннадцать золотых – всё, что удалось за целую жизнь скопить. И есть ещё одна монетка, серебряная, её сам мастер Видаджани заговаривал, ценность её в другом: если зажать такую в кулаке, тебя ни один кудесник ясновиденьем не найдёт, да и остальные будут мимо глядеть, хоть ты у них под носом пройдёшь. Для кого мастер её делал, Гари не знает, просто взял поиграть, да не успел вернуть. Ну, вот теперь уж при встрече.

А денег можно у Датты занять. Он – наследник дома Гундинг, человек состоятельный и серьёзный, о родственниках привык заботиться. Гари скажет: надо чем-то матушку утешить, раз мастер уехал! Датта не должен отказать. И у дедушки Мангкавана еще можно попросить, он тоже не откажет.

Полдня ушло на то, чтобы собраться незаметно. Три раза пришлось сбегать до хоронушки и обратно. Оставалось только повидаться с братом Даттой или с дедушкой. А лучше – с ними обоими.

Где-то за полдень Гари решил: всё, пора. Вышел налегке, только пустой мешок перекинул через плечо. От ворот храма до дома Гундинг – четверть часа ходу, а гариным шагом – и того быстрее.

Гари обернулся напоследок. Красивые всё-таки ворота для храма построили! Тёмно-красный кирпич с изразцами, а на них – разные звери, птицы и гады. Во славу всех Семерых богов. Есть и Гарин любимец – крылатый Змий, взлетает в небеса с мордой хитрой и лукавой. Словно посматривает вниз, да и думает себе: не нагадить ли на голову Исполину, своему извечному супостату? Исполин, конечно, весь не поместился, одна голова только влезла, на то он и Исполин.

Гари подумал и решил загадать на удачу: если первым в храм войдёт хороший человек, то и путешествие окажется не напрасным.

Вот тут бочка пустая стоит – словно нарочно, чтобы за нею спрятаться. Гари завернул за неё.

Как назло, народ толпится у ворот, но внутрь никто не заходит. Торговцам сподручнее торговать снаружи за воротами. Вон недавний дядька с одеялом вышел, он в храме третий день ошивается. Еще Джа Кривой мог бы зайти, но застрял у тележки с прохладительным. А вот... Ага?

Датта Гундинг прошёл совсем рядом с бочкой, но Гари не заметил. Да и немудрено – в такой шляпе вообще дальше собственного носа ничего не углядишь! Вот же нарядился человек: чёрные штаны, голубая рубашка, шляпа тоже чёрная с голубой лентой – все цвета дома Гундинг. И сабля на поясе. А на шляпе ещё пряжка в виде скальной розы – тоже знак Дома. Чтобы уж ни у кого сомнений не осталось. Да будто кто-то в городе не знает Майадатты Гундинга!

Идёт Датта, весь мрачный, и бубнит под нос: та-та-та, та-та-та-та, та-та-та, та-та-та-та... Гари эту песню знает. Мастер Видаджани её, правда, никогда не играет, но то тётушка Байджи в доме Гундинг, то Датта, то кто-нибудь из диневанцев её поют. Её, говорят, дядюшка тёти Байджи сочинил, песня как раз про хобскую войну. И слова ещё такие, бравые:

*Будет помнить до гроба рать Великого Хоба
Диневанские наши клинки!*

Нашел ты, Датта, время и место, где её петь! Вот навстречу выходит именно хобский посол, господин Баррай со своим охранником. Напев слышит прекрасно. И, похоже, со словами знаком. Отзывается:

– Будет, будет помнить.

И Датту взглядом окидывает, словно на рынке, замечает и цветок на шляпе, и нарочно подобранные цвета.

– Здравствуйте... благородный Гундинг?

У Гари даже нос зачесался. Он всегда чешется, когда чувствует неприятности. И действительно:

– А я вам здоровья не желаю! – выдаёт Датта, вскинув голову. И может быть, одному лишь Гари понятно: это не из спеси, а чтобы шляпа на перёд не сваливалась.

– Отчего так? – по-прежнему любезно спрашивает господин Баррай. – Слишком цветуще выгляжу?

А вокруг них уже люди собираются. И дядька Джа, и дядька с одеялом, и еще какие-то подходят. Тётка Джелли – она в последнее время с Гати и ее подружками задружилась. И кавалер её тоже...

– Оттого что процветание ваше оплачено кровью моих соотечественников! – Датта отвечает дерзко, но, на взгляд Гари, слишком сложно. Сказал бы уж проще: «Сам дурак!». Всё равно смысл тот же. Братец Киррин, когда подраться хочет, так и делает.

– И моих, – соглашается Баррай. – Если бы крови хотел только Хоб, на Таггуде всё кончилось бы давно. Таджибери эта война не меньше выгодна.

Ну вот, готово дело: сейчас подерутся. Датта набирает побольше воздуха и слегка отшагивает, чтобы громче получилось сказать... И спотыкается о чей-то сапог.

– Готов ли ты, хобский приспешник, ответить мне, Куррате Урбериджи, за свои слова?

Ой! Это говорит уже наш, храмовый дядька, кого матушка из плена выкупила. Вышагнул вперёд Датты, руку на рукоять сабли положил, ждёт.

Охранник хобского посла дёрнулся было, но Баррай его остановил. Отвечает по всем правилам чести:

– Я, Баррай Лабирри, твой вызов принял и готов тебе ответить. Присылай своего свидетеля. Мой – вот, благородный Маэру.

Маэру недоволен, он лучше сам подрался бы. Оно и понятно: Баррай ведь старый, старше матушки и мастера Видаджани. А туда же! И вообще, Датта, ох, и влетит тебе!

(Благородный Жангамунг, глава дома Гундинг)

Жарко сегодня даже в тёмных сенях дома Гундинг. Окошки под потолком открыты, и всё равно душно. Глава дома, благородный Жангамунг, меряет сени шагами, от дверей до дальней стены и обратно. Сестра должна прийти, вчера она молилась о дожде, и похоже, погода таки сменится. Корабли в гавани уже сняли снасти, ждут грозы, даром что пока в воздухе никакого движения.

Когда-то детей Гундингов, Марри и Мунга, учили: предки наши в грозу воображали, будто летают, как змии, и верили в это, и вам, и вашим потомкам примерно за сутки до первого громого раската может делаться дурно, хуже, чем прочим людям. А у кого чутьё ещё тоньше, тому и за три-четыре дня уже не сидится на месте? Видаджани уехал, никому не сказавшись, утром седьмого числа, сегодня десятое. Или дело не в нём, а в нас, кабы не жара, мы бы не так беспокоились?

Марри ни о чём не просила. Уехал так уехал. Седьмого вечером Джанин побратим Джандарри зашёл к Мунгу и сказал: если будете отправлять погоню, возьмите меня на борт, я попробую убедить брата вернуться. Наш «Шустрый» вышел на рассвете восьмого числа, мог бы уже и догнать – если мы верно рассчитали, куда правит «Солёная щука». И судно-то себе выбрал зять, как нарочно, самое дурацкое во всей гавани. До Нового Баггар-Даггада оно не дойдёт, то есть где-то Джани будет пересаживаться, скорее всего, в Мэйраа. «Шустрый» эту щуку ещё у мэйанского берега догонит – если только та вправду идёт на юг. Но пока вестей нет.

Туда поганцу и дорога, – считает батюшка. Внуков любит, а с зятем за шестнадцать лет так и не примирился, и вообще предпочёл бы горбуна. На вкус Жангамунга, поэт и горбун друг дружки стоят, Джани хотя бы нечасто лезет в большие державные дела, а диневанец из них не вылезает и тем гордится. Придворный! Будто предки наши не затем уехали в своё время из Аранды, чтобы иметь как можно меньше дела с высоким начальством... И вообще Джани когда-то был

приятель Мунга, это ведь Мунг его познакомил с сестрой, на свою и на её голову...

Тогда Джани очень был хорош. Весёлый, отчаянный малый, кабацкий музыкант... Про нынешнего, злого на весь свет, Джангамунг и сам сказал бы: туда и дорога. Но Марри любит прежнего, и его в самом деле жалко.

Гроза хотя бы идёт с севера, кажется. Авось «Щука» вовремя встанет где-нибудь возле Рога – переждать.

А может статья, наоборот, Джани переупрямит названного братца, уговорит его ехать вместе? Вдвоём они, пожалуй, и кормчего нашего убедят идти за дальние моря. Давно у дома Гундинг никто не угонял корабли, но двое поэтов – великая сила... А племянник, Джанга, слышал сегодня в храме разговоры, будто Гундинги отказали хобскому гостю, но сами тайно отправляют лучшие свои корабли в дальнее заморье, чтобы там встретить хобов, когда те явятся, и разгромить, и захватить их ладьи и их сокровища. Чушь, но кто-то верит же...

А вот и сестрица. Как всегда, Джангамунг, хоть и ждал, не придумал, что ей скажет, как объяснит: хочу, чтобы твой обормот вернулся и всё опять было хорошо, даже если по-правдашнему хорошо никогда не было и вряд ли будет...

Марри не одна: ведёт за руку, как маленького, Датту – старшего сына Мунга и Байджи. Что случилось: расшибся, ранен, заболел? На вид вроде нет. Что он натворил?

– Датта, – говорит тётушка племяннику, и в голосе посреди жары чуется ледяной зимний ветер, – принеси нам выпить.

Что-то страшное. Но ещё не непоправимое.

Когда парень уходит из сеней в сторону кухни, Марри говорит:

– Пожалуйста, распорядись, чтобы его пока не выпускали из дому.

Джангамунг отзывает одного из привратников, посылает найти старшего слугу, срочно. И только потом спрашивает: что стряслось?

– Датта на улице перед храмом начал ссору с Барраем. Говорит, что готов был бросить ему вызов, но Куррата Урбериджи опередил.

Брат жмурится: помнил бы он, о ком речь. Сестра поясняет:

– Один из наших диневанцев, самый здоровый из них, почему и был отряжен присматривать за гостем. Стоял рядом, услышал, к чему клонится разговор, перебил Датту – вызвал сам. Баррай принял вызов.

Жрица не говорила бы так, кабы не была твёрдо уверена. Бывший пленный, кого господин Гундинг едва ли вспомнит в лицо, спас его сына. Датта ведь такой же, как Мунг: в решительный миг надо воздуха глотнуть, с голосом справиться, и другие запросто успевают сказать первыми.

Марри продолжает:

– Теперь, конечно, Баррай от нас съехал. Перебрался в «Свиное рыло». Урбериджи пока молится Воителю, но к вечеру съедет тоже, куда-то в город.

Потомку царей, Гундингу, пусть даже предки его давным-давно бежали из Царства, ввязываться в поединки строжайше нельзя. Мэйанскому дворянину, наоборот, нельзя терять чести, драться надо,

а потомуку диневанских бояр Таджибери – сугубо необходимо. При этом божий суд – божьим судом, побеждает правый и так далее, но верно же говорит диневанец Джанатта: боги судят за всё сразу, на поединке отвечаешь не только за ближайшую обиду или что там стало причиной вызова, а за все свои дела. И Датта, наследник дома, Датта, мальчишка, не должен был, права не имел ставить на кон свою голову, когда... Ведь если бы он проиграл, если он... если с ним...

Прибегает старший слуга, господин Гундинг распоряжается: все двери в дом закрыть, за окнами смотреть, молодого господина не выпускать наружу ни в коем случае. Если – о боги! Если сын ещё не...

Нет, вот он. С кувшином вина и тремя чарками. Набрался наглости пить со старшими... Идёмте ко мне, – говорит глава дома, забирает у сына кувшин, а другой сам берёт его за руку выше кисти. По пути пытается причуяться: не случилось ли уже то, про что лучше не поминать? Жара, близкая гроза... Но нет: рука у мальчика горячая, кровь в жилке стучит быстро-быстро. Слава Семерым, хоть так.

В своей рабочей комнате Джангамунг разливает вино по чаркам и отчасти по столу, пятно накрывает промокательной бумагой, служанок звать сейчас не будет. Марри забирается в кресло, Датта остаётся стоять. Надо успокоиться, не метаться хоть тут из угла в угол, сие не подобает главе семьи...

– Расскажи, – просит Мунг сына, насилу остановившись у стола.

– Нельзя было стерпеть. Он сказал, что нам выгодно Рубежная война.

Наверняка Марри всё уже говорила, но Мунг повторит: сегодня здесь в Марбунгу пострадала твоя гордость, но представь, что было бы, если бы ты победил. Если что случится с этим Барраем, в Хобе за него поквитаются с мэйанскими пленными и с теми вольными – торговцами, храмовниками и прочими – кто случайно окажется там. Под угрозой не честь, а здоровье и жизнь множества не причастных людей. И это в лучшем случае. Тебе ведь твой наставник говорил, что ты к бою с Барраем не готов. И я тебе говорил и повторяю: божьи суды не для тебя. Потому что ты не сам по себе, ты Гундинг. И если боги тебе... любому из нас явят милость тем способом, каким и прежде её являли нашим родичам, в ответе за это будешь не ты один, а все мы, вся семья. Нам придётся уезжать из Марбунгу, обратно в Царство или неизвестно куда, за моря, представь, каково это будет для матери, для брата, для дедушки, для Марри и её детей, для всего храма...

Мунг не произносит слово «змий», дайте-то боги, чтобы Датта хотя бы сейчас вспомнил, что ему много раз пытались втолковать отец и дед. Если кто угодно из нас придёт в одержимость, свойственную знатым выходцам из Аранды, тем, в ком есть хоть малая доля крови первого царя, – нас не потерпят на этих берегах. Ибо страшна одержимость Пламенная, Земляная, Водная и Небесная, когда человек загорается огнём, оборачивается зверем, дышит в воде или ходит по воздуху, любая божья воля страшна, но она хотя бы не родовая, а личная. Таково уж злосчастье царской родни – у нас божья милость наследуется. Ещё и наследуется, личной сие не мешает, и тётушка твоя тому пример.

Сам Джангамунг ни разу не видел, как оборачиваются змием, Марри однажды видела последствия – давно, когда было покушение на госпожу королевну и царевич её защищал. И да, конечно, в тот день как раз собиралась гроза... Тело холодеет, потому что кровь остывает, как у гада, стекленеют глаза, и запросто можно таким остаться навсегда... Но много хуже другое: что змий может сделать с людьми вокруг. Дохнуть на них смертельным ядом. Или полностью подчинить себе – даже не волю их, а саму их жизнь. Царевичу тогда, говорили, редкостно повезло: супостату он устроил всего лишь мозговой удар. Но если задуматься: удар чужой крови в чужой мозг, вызванный твоим приказом... Не дайте боги!

Марри, когда решила стать жрицей, на самом деле ходила если не в шаге, то в двух шагах от подобной одержимости. Не перешла черты – и Мунг до сих пор считает, что не только в милости Плясуньи было дело, точнее, милость та исполнилась через человека: через Джани Парамелло. Его в Царстве научили, как ловить змиевых потомков за хвост и не давать им чудесить...

Марри с Мунгом близнецы, хоть и совсем непохожие. В чём он точно уверен – так это в том, что если бы змиева одержимость накатила на неё, то и он бы человеком не остался, и наоборот.

И вот теперь подрастают дети, а Джани возьми да исчезни, вместо того чтобы учить их, помогать им. Мунг-то только на словах стращать может, а он...

Надо выпить ещё, – сказал бы Джани сейчас. Лучше бы крепкого, но коли уж начали с вина, то продолжайте. Мунг наливает снова, на сей раз почти твёрдой рукой.

– Так что? – спрашивает Датта. – Выходит, Барраю всё можно?

Тётушка отвечает:

– Он тебя обидел словами – и ты отвечал бы ему словами же. Если бы он тебя вызвал, было бы совсем другое дело.

Мунг не очень понимает, почему другое, но да, наверно: в Хобе иначе бы отнеслись, не стали бы отыгрываться на пленниках...

Парню очень сложно. А тошнее всего оттого, что Датта сам понимает: он не затем вызвать хотел, чтоб смыть обиду, а чтоб доказать: дескать, я это я, потомок царей – но и диневанских бояр... А ведь в этом Баррай не виноват, и значит, вызов был бы заведомо проигрышный. А если бы диневанец не вмешался? Тогда Датте пришлось бы... Нет!

Шаги за дверью, приближаются. Госпожа сегодня рано, обычно благородная Мобайджи Гундинг, урождённая Таджибери, со службы возвращается только к вечеру.

Высокая, ростом не меньше мужа, в чёрной должностной одежде со шнурами королевских семи цветов. Грозная.

– Нашёлся хоть один порядочный человек! – говорит с порога.

Датта попытался было уйти. Совсем ещё мальчишка: натворил дел – и прятаться, чтоб не ругали. Джангамунг взглядом велит сыну остаться.

Порядочный – Урбериджи, хоть кто-то наконец бросил вызов хобскому прихвостню. Мунг в двух словах расскажет жене, как было дело.

Обидно? Нехорошо, когда нам – раз Датте, то, значит, и нам, – перебивают вызов. И в то же время Байджи согласна: сама она в подобном случае поступила бы точно так же. Чтобы защитить подростка, не важно, своего или чужого, знатного или простого.

– Кто будет свидетелями? – спрашивает она.

– У Баррая его порученец Маэру, больше некому, – отвечает Марри. – У Курраты будет наш Дине.

Байджи хмурится. Дине – приёмный сын Джанатты, а Баррай горбуну приятель, если бы не так, вовсе этого работорговца здесь бы не было. Что Марри Баррая считает мерзавцем, хоть и ведёт с ним дела, тот, надо думать, сам знает, к ней в гости не поехал бы. Джанатта – иное дело.

Но значит ли это, что честного поединка не выйдет?

– Дине вообще соображает сам? – спрашивает Байджи. Без издёвки, вполне серьёзно. Свидетельствовать божий суд по чужой указке – ещё хуже, чем драться поневоле. Джанатта мог хоть наизусть затвердить с воспитанником все правила поединков, гласные и негласные, но в итоге свидетель всяко решает сам, а мало ли как могут повернуться переговоры...

Да кто в восемнадцать лет способен сам соображать? Разве что очень одарённые люди. Маррин и Джанин старший сын, Джанга, уже и в пятнадцать думает собственной головой, лишнее тому доказательство – то, что хотя бы он во всё вот это пока не мешается.

– Дине и Маэру неплохо поладили, – отвечает Марри.

Наверно, это важно. Решать сердцем, а не умом, не зря заветное слово Гундингов гласит: «Любовь крепче золота».

Но как? Оскорбление гласило: вам выгодна война на Рубеже. А ведь если подумать, Дине – живой пример человека, кому война ещё как выгодна! Если бы не угодил в плен, совсем малышом – боги ведают, зачем он понадобился хобам, но забрали так забрали, – жил бы сейчас у себя на севере, на хуторе, неграмотный и полуголодный, окучивал грядки. А теперь он наследник благородного имени, получил неплохое воинское воспитание, служит...

Да ведь и самому Джангамунгу война выгодна. Если бы хобы год за годом не вбухивали столько сил в порубежные болота – Гундингам гораздо неуютнее было бы на море, не из-за пиратства, а из-за торгового соперничества. Известно же, что когда-то хобский народ прекрасно трудился и торговал не только военной добычей. И для Марри своя выгода тоже есть. В диневанских хлопотах она для себя нашла дело и этим успокоила товарищей по храму: сосредоточилась на милосердии к страждущим, значит, не суёт носа ни в богословие, ни в обряды помимо Плясуньиных. К тому же, выкупая пленных, храм работает на укрепление единства Диневана с королевством, да и Онтала нашего – тоже: кто назовёт нас тайными отщепенцами, если мы так радеем о севере? Не зря Нарек Диневанский, при всей Марриной к нему нелюбви, говорил когда-то: я сам прихожанин

Семерного храма в Марбунгу. К счастью, ни разу лично нас не посетил, но слова его стали нашей охранной грамотой, иначе новый храм куда плотнее опекали бы предстоятели и прочее начальство Семи храмов, навязывали бы своих жрецов, свои порядки...

Даже для Байджи война в каком-то смысле выгодна. Будь всё спокойно на рубежах боярства Таджибери, едва ли боярышню выдали бы замуж так далеко на юг, в Марбунгу. А она Джангамунга выбрала сама, он бы и не решился посвататься.

Байджи и Марри тем временем говорят про Куррату Урбериджи. Нет ли у него особых счетов к Барраю? Кажется, нет. Человек он благородный, в плен попал раненным, и Барраевы костоправы вылечили его. После освобождения пытался вернуться домой, но обнаружил, что жена его, не имея о нём вестей, вышла замуж за другого. Вот и уехал, живёт пока здесь, не зная, за что приняться. Мы в долгу перед ним, – говорит Байджи в основном себе, сыну и Мунгу.

– Но плохо, если он будет сражаться не за то, во что верит сам.

Положим, он-то верит, что взрослым и опытным нечего драться с мальчишками. И призовёт Баррая к ответу за то, что тот поддержал задиристые речи Датты. Не за смысл обидных слов, а за то, что они вообще прозвучали. Сложно! И тем сложнее задача свидетелей.

– Баррай достаточно опытный боец, чтобы победить, не убивая, – молвит сестра, рассуждая сама с собою.

– Но послушайте: а с чего мы вообще взяли, что он собирается драться?

Марри, жена и сын глядят на Мунга, не понимая. Но ведь сходится!

– Может, Баррай, это всё затеял, как раз наоборот, чтобы не драться? А принести извинения!

Подавился бы он своими извинениями... – бурчит Датта.

– Но зачем же тогда...

– Зачем мерзости говорить? Так ровно за этим: чтобы извиниться во всеуслышание, при свидетелях, при жрецах и при народе. А Куррата, допустим, ответит: мне извинений мало. А Барраю того и надо: бери, скажет, пленников задаром, отпускаю, сколько там...

– Сто сорок два человека у него сейчас в списке.

– Вот! И начало будет положено! А потом, возможно, и до мирных переговоров дело дойдёт. Раз уж хобы за море уезжают. И война на Таггуде прекратится, а может, и насовсем кончится.

Не то чтоб господин Гундинг сам верил этим своим мечтаньям. Но судя по лицам родных, это вроде даже и не полный бред.

– Датта, а ведь всё с тебя началось, разве нет? – говорит Мунг.

В дверь коротко стучат. Не дожидаясь ответа, на пороге появляется племянник Джанга. Глаза так и блестят.

– Что ещё случилось? – спрашивает глава дома, охолонув.

Юноша оглядывает собравшихся, кувшин и чарки.

– Кажется, ничего нового. А у вас тут важный разговор?

– А что?

– То-то вы Гари выставили. Он там на кухне сейчас всё съест.

В одиночку уничтожить ужин дома Гундинг – рассчитанный на семью, челядь и моряков, – не под силу даже Гари при всей его прозорливости. Умеет племянник разрядить обстановку.

– Забери его и идите домой, я скоро, – говорит Марри.

– Да пускай остаётся тут, – приглашает Байджи. – У тебя-то до ночи, как я понимаю, полно хлопот.

Выходя, племянник читает нараспев очередное марбунганское двустишие. То ли услышал где-то в городе, то ли сам сложил, поддавшись общему настрою.

*Шумно на кухне, тревожно в предбаннике,
всюду нарушен домашний уют.
Кто пожалеет о хобском посланнике, если его ненароком убьют?*

Не похоже, чтобы родичей оно успокоило.

– Типун тебе! – отзывается глава дома.

(Благородный Джанатта Баллури)

Мальчик пропал: Гари, Раджангар, третий сын досточтимой. Ему скоро шесть, выглядит младше, а соображает лучше, чем ожидают от детей в его года. Вчера досточтимая поняла так, будто его оставляют ночевать у дядюшки в доме Гундингов, а сам Джангамунг думал, что племянник после ужина ушёл в храм. Ребёнок не ночевал ни там, ни там, со вчерашнего вечера никто из родни его не видел.

Обежали дядьёв и тёток, приятелей и знакомых. Нигде нет, был день-два назад, но не прошлой ночью.

Один, как казалось, чёткий след:

– Да ведь он в моря собирается, просился ко мне в ученики, – сказал княжич Райкиджи, – Я обещал: возьму.

Но на «Снежной кошке» Гари не нашли. Как и ни на одном из судов в гавани Марбунгу.

Дождь тем временем начался. Плотные тучи, погода не для плавания и не для полётов. За утро досточтимая истратила отпущенное ей на сутки время, что может она провести в воздухе над городом, с высоты мальчика не высмотрела.

– Беда за бедой...

По просьбе настоятельницы жрец Премудрой спросил свою богиню. Ясновидение ответа не даёт. Жрец Владыки тоже вознёс молитву, сказал: по крайней мере, ребёнка нет среди умерших.

На предполуденный час сегодня – не было.

Нири из братьев ближе всех к Раджангару по годам, но ничего не знает.

– Он ничего не говорит! Мне – никогда!

Что-то мог бы знать безумный, именующий себя Нареком. Но и тот ничего внятного не сказал, кроме как:

– Первым Видаджани, вторым Раджангар. Третьим...

Но кто будет третьим, от него так и не добились.

Старшему из братьев, Джанге – за братишкой вчера недосмотрел именно он – пришло в голову проверить, на месте ли храмовые серебряные зеркала. Они защищают от ясновидения, заклинал их мастер Видаджани, Гари точно об этом знает. Сколько их было, никто не уверен, сам Джанга вспоминает, что вроде бы видел их больше, чем насчитали сегодня. Если одно у Раджангара, это хотя бы объясняет, почему ясновидец не находит его.

Одна из паломниц в гостевом доме пожаловалась, что у неё пропал дождевик: висел на крючке при входе в комнату. Если мальчик его стащил – разумно с его стороны, и это может значить, что ушёл Гари своею волей. А может и ничего не значить.

Пустились на поиски. Первый отряд во главе с самой Марригунд: часть диневанцев и кое-кто ещё из прихожан храма. Второй – остальные рубежники с Джанаттой и Дине. Третий и четвёртый – люди дома Гундинг, ведут их господин Гундинг и Джанга. Пятый – моряки со «Снежной кошки», они взяли на себя гавань. Остальные ищут по городу, двигаясь с четырёх сторон.

Девочка Гати в храме, её задача – не пропустить, если именно в храм, а не в дом Гундинг и не кому-то из нас в городе, принесут письмо о выкупе или устно передадут условия. Если мальчик похищен.

– Он может быть без сознания... Гроза, а он – Гундинг...

Досточтимая пытается объяснить то, о чём раньше не говорила и теперь не находит слов для посторонних. На Раджангара впервые в жизни – или уже не впервые? – могли низойти особые семейные чудеса, и если так, то он мог свалиться, где стоял.

Не говоря уже о молниях и ливне. О бурном море. О лихих людях, кому всё равно, чей ребёнок, главное – один, без старших. О врагах храма. О врагах дома Гундинг. О доброхотах мастера Парамелло, ежели тот решил – или они за него решили – делить детей после разъезда с супругой.

Храм Подателя Жизни вызвался помочь: болотники из его общины обшаривают подземные ходы, сточные трубы, колодцы, куда ребёнок мог залезть, а взрослый – нет. Надвратный храм объявляет с крыльца: всем, кто видел малолетнего Раджангара Гундаури, срочно сообщить. То же самое повторяет с помоста возле управы королевская служба глашатаев. Может, и будет толк: дождь льёт, но многие горожане всё равно ходят по делам.

Может быть, в похищении замешаны те, кто против поединка. По крайней мере, сам Баррай обещал безвылазно сидеть в трактире «Свиное рыло», куда переехал на время. Не сказал: я понимаю, я тоже отец, – только покосился на своего Маэру. А трактирщик сказал: для вас всех, кто ищет Гари, у меня будут наготове горячий чай и что покрепче, а то холодно под дождём... И пояснил: малец тут часто бывает. Не самое подходящее место для дитяти шести лет, но Раджангар и во многом другом странный мальчик.

Ищем. По кабакам и едальням, где Гари знают. По местам, где выступают музыканты и где он бывал с мастером Парамелло. По пустырям, заброшенным домам, в тесном городе Марбунгу их больше, чем хотелось бы. Где выглядывают жители, спрашиваем. Где сидят за

прикрытыми дверьми – стучимся и спрашиваем тоже. К третьему часу пополудни итогов никаких. Ищем дальше.

Кто враги дома Гундинг? Царь Арандийский со всеми его присными. Если мальчик одарён чудесами, то подданные Царства могут действовать не по злобе, а по приказу: забирать и доставлять к своему двору всех, в ком через много поколений вдруг проявит себя царская кровь. Другие враги? Кто угодно из вымогателей, Гундинги богаты. Кто угодно из соперников на торговом поприще. Кто угодно из ненавидящих восточное засилье на здешних берегах.

– Гари! Га-ри! Раджангар!

Каждому хочется думать, что звать, кричать – не бессмысленно. Пятый час, никто пока не прибежал дать нам отбой. Значит, другие отряды не нашли и запросов на выкуп не поступало.

Плохо. Но будь всё хуже некуда, нам бы тоже дали отбой. Так что ищем дальше.

– Мальчик, здешнего вида. Вот такого роста, волосы чёрные, чуть ниже плеч, в белой рубашке и синих штанах, может быть – в синей куртке. Или в дождевике. Видели? Сегодня или вчера вечером?

– Нет...

– вспомните, пожалуйста!

Лучше не просить так, а то вспомнят – просто чтобы отвязаться. Если плащ от дождя всё-таки у Гари есть, то распознать, кто под ним – ребёнок, болотник, – свидетели не могли бы при всём желании.

– Хозяева! Отворите!

Десятая – или двадцатая за сегодня? – орава ребят разных возрастов, в разной мере чумазных и перепуганных. Гроза, а теперь ещё и толпа стучится в двери...

– Мальчик... Видели?

И в который уже раз хозяйки отвечают:

– Нет, у нас тут свои только. Чужого нет.

Свои дети прячутся за материн или бабкин подол, и Джанатта сам уже не уверен, не проглядел ли Раджангара. Сын досточтимой хитёр – в мать с отцом, с него бы случилось прятаться там, где найти всего сложнее: среди ребятни. Впрочем, если в какой-то такой семье ему дали приют, то нет причин ему высовываться. Прячется где-нибудь подальше от дверей, обшаривать дома мы, конечно, не можем.

– Если увидите Раджангара, передайте, что мы его ищем.

Что Марригунд на пределе сил, что если он ушёл из дому своею волей, то лучше бы ему объявиться как можно скорее. А то ни отца, ни матери дома не найдёт... Если бы Гари способен был это понять, то и говорить было бы незачем. Если он ушёл сам.

А если похитили не для выкупа деньгами, а чтобы чего-то ещё от нас добиться? Или чтобы отомстить. Тогда кто?

Враги храма. Или враги любого из жрецов: ни у кого кроме настоятельницы нет ни маленьких детей, ни юных учеников, кого легко похитить. Досточтимый Гамурра, жрец Владыки: богослов не вполне обычных взглядов, неутомимый спорщик, ненавистен тем, у кого выиграл прения. Досточтимый Гакурри, служитель Старца: у него взрослые дети и внуки, но все они живут не здесь; кто мог бы желать

зла старику, непонятно. С досточтимым Габирри отчасти то же, что с Гундингами, только хуже: арандиец, принявший Семибожное служение Премудрой как кудесник, а затем и как жрец, живое воплощение восточного засилья. Досточтимый Чандари, жрец Владычицы Вод, под такой же угрозой, только с другой стороны: он северянин, не из Хоба даже, а из ещё более северных земель, лицом на орка похож больше, чем на человека. Жрец-инородец, бывший раб, хотя в Марбунгу известен уже как свободный, долгие годы служил Морю как обычный моряк, и только потом принял сан... Но если кто-то в городе начала заботить недостаточно чистая кровь наших жрецов – должны же были мы о том что-то слышать? Не слышали. Может быть, Парамелло что-то знал и этих ревнителю сдерживал? Досточтимая Муллари вполне местная, к нам пришла от старейшего в этих краях Онтальского Огня; совсем молодая жрица – ничто не мешает и у молодых быть врагам, причём подлым и изобретательным, но о них Джанатта опять-таки ничего не знает. И наконец, досточтимый Байда, чья молитва Подателю Жизни, заступнику детей, была бы сегодня особенно нужна. У Байды врагов немало, они-то его и выжили сюда в Марбунгу из города Ларбара. Его в последнее время в храме нет, удалился в летнее странствие по окрестностям; о нём известно, что у него есть ребёнок в чужой семье – но нездешней, и мы ничего не знаем о том, чтобы сюда с юга прибыл кто-то...

Выходили мы отрядом в шесть человек, сейчас уже больше дюжины: несколько мужчин, молодых парней и девушек из домов, куда мы стучались, пошли с нами вместе. Хорошо, если из сочувствия, а не потому, что имеют причины отводить поиски от какого-то известного им места.

– Гари! Га-ри!

До сих пор не знаем мы и того, кто мог бы затеять похищение, чтоб помешать Барраю. Или наоборот, помочь в его переговорах? Время покажет, только времени всё меньше. Седьмой час пополудни, пока не нашли.

Макобирри, давний друг мастера Парамелло? Он не подлец, – твёрдо сказала досточтимая. Кроме того, появиться в Марбунгу незаметно он едва ли мог бы, он ничего не делает незаметно... Разве что его люди.

Пересчитай своих врагов, благородный Джанатта. Все они остались в Диневане, новых не завелось? А вспомни все свои здешние успешные поединки. Вдруг долгая жара ударила в голову кому-то из тех твоих супостатов? Или след ведёт в Диневан, и мальчика похитили, чтобы давить на тебя по каким-то старым делам. Худо, что при таком раскладе похитителем – диневанским лазутчиком – может быть и скорее всего должен быть кто-то из тех, кто сейчас с тобою и с досточтимой ходит по городским задворкам. Кто-то из ваших рубежников. Любой.

Фонари пришлось засветить, хоть до ночи ещё и далеко, – темно, ливень то стихает, то начинается снова, гроза прокатывается к югу и потом с севера накатывает новая. Огонь то и дело гаснет. Дине, в который уже раз помогая Джанатте разжечь его, говорит:

– Простите, господин... Батюшка, мне скоро надо будет уйти. С благородным Маэру мы назначили – в час Воителя на Поганой. Куррата там теперь.

– Иди, конечно.

Условия поединка обсуждать придётся независимо от того, чем кончится сегодняшняя гроза.

Дайте боги, чтобы – не одержимый. Не такой, кто завтра не вспомнит – уже и сейчас не помнит – как увёл куда-то чужого мальчика и что-то сделал с ним.

Дине убегает, а Джанатта говорит оставшимся:

– Возвращаемся в «Рыло». Переведём дух и продолжим.

(Пустырь позади трактира «Свиное рыло»)

Мать Небесная нынче не горшки бьёт, а прямо-таки самоварами швыряется. Бабах! И тотчас молния прямо над головой.

В каждом приличном городе посередине необходим пустырь. И чем земля дороже – тем гаже! Кто хочет строиться на нём, пусть думает, какого гостинчика он ещё властям не донёс, чтоб рассмотрели вопрос. В Марбунгу эти задворки, считайте, уже лесом заросли. Где кочки, а где грязищи по колено.

Бабах!

Впереди за кустами дорожка, ведёт на заднее кабацкое крыльцо. «Рыльце» родимое. Представьте себе, что из кирпича сложили большой пузатый сундук, на него взгромоздили деревянный сундук поменьше с покатой крышкой на четыре стороны и набили это дело пивными бочками, окороками и богатенькими постояльцами. Вот и будет вам «Свиное рыло», гордость города Марбунгу.

И что-то подсказывает, что друг наш скоро выйдет. Закат уже или ещё нет, поди разбери в такую бурю, но должна же работать храмовая привычка? Вот когда вас потянуло бы на святой обряд: лампы перепроверять, хорошо ли горят, жрецам голову морочить, прихожан раздражать? Это и будем считать закатным часом.

Буммм! Бабах! Ба-ба-бах!

Давно такой благодати не бывало!

Я рядом, если что, – сказал напарник и отчалил. Как обещал, недалеко. Войскового навыка не теряет: почти незрим, просто лишняя кочка на местности. Да ежели друг наш меня за столько лет не тронул, с чего бы сейчас? Он-то ладно, – возразил напарник, – а ты... Неужто похоже, чтоб я ополчился на Диневан? Я за целостность Королевства, ежели кто забыл.

Просто при всех дарованьях некоторых вещей наш друг не понимает. А пора бы. Например, что нет севера без юга, востока без запада, что все сии мерки относительны. И что если ему дорога должность именно северного ходатая, то самое время сменить прицел, а если дорог Таггуд, то сменить песенку.

Бабах!

И кто-то ломится через кусты. Эх ты ж...

Полыхнуло опять над самой головой. А то б я тебя не поймал!

Нет, я понимаю, в такую погоду грех дома сидеть. Но тут-то ты откуда, Гари?

– Ыыы!

Залазь под куртку, а то мокрый весь.

– Там...

Во-первых, где, а во-вторых, теперь-то уж чего трепыхаться? Всё спокойно, гром, молния, все свои!

Подымает голову, глаза – каждый по царскому золотому:

– Там... мёртвый он, по-моему.

Кто? Если дядька Талари, то он живой, просто в засаду сел. Или кого-то Мать Небесная приложила? Так не обязательно же насмерть. Но пошли посмотрим, заодно покажу, чего с такими делают. У них потом ещё Матушкин знак на теле остаётся: в точности как та молния, красиво!

Ага, вижу, лежит кто-то возле крыльца, фонарь упал, но ещё светится. Давай так: ты стой тут, я гляну.

– Не уходи!

Где я ухожу? Я из куртки вылезая, а ты ее держи на себе вот так.

Одно хотя бы видно сразу: это не северный наш друг, то есть не Кайтай. А то даже обидно было бы – как молния, так ему? Он старался, я понимаю, и наверное, заслужил, а всё равно.

Га-га! Га-га-га! – орут с дальнего края пустыря.

Ты не знаешь, Гари, на кого там облава?

– Он умер?

Незнакомый дядька мэйанской наружности. Одет небедно, сходу не вижу, чтоб был ограблен. И да, умер. Точней, убит. Ты не подходи, ему мы уже никак не пособим.

– Гари!

Ну а то ж.

Марри, это ты его ищешь, что ли? С целым войском на хвосте?

– Я его нашёл! – кивает Гари. На меня, не на покойника.

Бубухает теперь южнее, гроза проходит.

– Вы вме... – начала было Марри.

И тотчас поправилась, настоящим голосом:

– Что здесь произошло?

Кабы я знал, пташечка.

– Он посол из Хоба, – объясняет Гари про мёртвого.

(Вонгобай Гайладжи, начальник стражи)

– **...Да примется Семерыми** благородный Баррай.

Слова досточтимой обращены уже не к богам, а к общине. Люди под дождём повторяют: Семерыми да примется!

Старик Вонгобай Гайладжи, прежний наместник, а ныне начальник стражи, ждал на крыльце. Пока досточтимая молилась, из её храма успели позвать жреца Владыки, он поддержал молитву. Другой служитель Смерти и Суда явился из Надвратного храма, и туда сейчас заберут тело. Для погибших насильственной смертью место там. Ибо больше нигде в Марбунгу не могли бы поручиться, что вплоть до

похорон не подпустят к умершему никого – ни родных, ни друзей, ни жрецов, ни одержимых – дабы ничто не помешало расследованию и королевскому правому суду. Исключения бывали, плошал и Надвратный, но редко.

Когда Вонгобай сюда явился, на заднем дворе трактира толпилось десятка два человек, сейчас с полсотни. Всем им бывший наместник даёт дорогу, приглашая пройти в залу. Промокшие люди рассаживаются за столами: для одних место привычное, другие осматриваются – не бывали раньше в этом недешёвом заведении.

Когда все проходят, Вонгобай, прежде чем последовать за ними, спускается с крыльца. Поднимает из грязи небольшой предмет. Стражник поспешил за начальством, принимает находку и прячет. Теперь можно зайти и двери за собою закрыть.

В зале на почётном месте музыканта сидит мастер Видаджани с ребёнком, завернутым в одеяло. Мальчик без него отказывался идти под крышу. Очень хорошо, что хотя бы теперь Видаджани никуда не делся. И воистину слава Семерым, что мальчик жив. А то его весь день искали, и когда под вечер прибежали к начальнику стражи с криком «Убийство!» – Вонгобай испугался наихудшего. Гибель хобского чиновника в нашем городе – это очень плохо, и едва ли кто-нибудь из нас сейчас чётко представляет, насколько плохо для всего королевства. Но когда убивают детей...

Случилось то, что случилось, значит, будем разбираться.

Трактирщик просит дозволения подать чего-нибудь людям для согрева. Чаю можно, – кивает Вонгобай, – крепкого пока не надо.

Пока стражник заносит в список имена всех собравшихся, Вонгобай оглядывает людей. Храмовники из Семерного храма: ясное дело. Господин Гундинг с челядинцами: как же без них. И ещё горожане, чьё касательство к делу пока непонятно.

Вот и чай. Первые кружки – жрецам и Вонгобаю.

– Рассказывайте!

Люди зашептались между собою, но начать не спешат. Досточтимая объявляет, и слышно: голос она себе таки сорвала.

– Говорите, кому есть что сказать. Это пока не допрос.

Потом, ежели понадобится, храм решит, как построить защиту своих людей. Что стража не имеет права их допрашивать без дозволения настоятельницы, они, похоже, усвоили накрепко.

Вонгобаю жрица говорит:

– Может быть, им... нам... всем проще будет отвечать на вопросы.

– Добро. Итак: кто обнаружил тело?

Молчат. Видаджани переглядывается со своим мальчишкой:

– Мы.

– Каким образом?

Заминка. Диневанцы вокруг благородного Джанатты шушукуются.

– Не дёргали бы вы его пока, – кивает Видаджани на сына. – За себя могу сказать. Я был позади «Рыла», навстречу мне выбежал Гари, сказал, что, кажется, видел покойника. Мы вместе подошли сюда, к заднему крыльцу. И нашли – да, господина из Хоба, хоть раньше я его не видал, Гари меня просветил, кто это такой. А там уж все подоспели.

- В каком порядке «все»?
- Сначала Марри. А потом – тучами и кучами.
- Вы наблюдали, что было дальше?
- Не-а, я за дитём смотрел.

И, отвечая на взгляд досточтимой:

- Ну, и за тобою тоже.

Поднимается, подхватывает мальчика, подходит к Марригунд. Усаживает Гари рядом с ней, не распрямившись ещё, через плечо говорит Вонгобаю:

– Выйдем под Небо? Вам же надо, наверно, не я ли убил, раз я первым возле тела оказался...

Без божьих знамений начальник стражи сегодня охотно обошёлся бы. Но как знать, нет ли у мастера важных сведений, какие он не может дать при свидетелях. Вонгобай поднимается:

- Извольте.

Выйдя с ним на другое, переднее крыльцо, Видаджани несколько мгновений вглядывается в ночное небо. Потом поправляет на шее белый шарф – совершенно сухой – и делает несколько шагов по воздуху. С крыльца не по ступенькам вниз, а прямо вперёд и потом обратно. То есть милость Матери Небесной всё ещё с ним, то есть он – не убийца.

Дождь почти кончился. По улице со стороны города бегут трое, хлюпая по лужам. Стражники, кому Вонгобай назначил смотреть за этим входом, отшагивают в тень. Вот что значит выучка: у них приказ в глаза не бросаться и всех впускать, никого не выпуская, а что на крыльце под фонарями торчит сам начальник в обществе Белого мастера – так то не важно, приказ есть приказ.

– А как вы оказались позади трактира? – спрашивает Вонгобай у мастера. – И вообще в Марбунгу? Вы же уехали, насколько я знаю.

– Вернулся. Не важно. После меня и до вас покойного прошерстил господин Кайтай. Взял из рукава его какую-то бумагу, глянул, очень удивился и спрятал к себе. Марри тогда молилась, она этого не видела.

Трое подбежали, остановились у крыльца. Один – храмовник, его ещё до конца обряда Кайтай, то бишь благородный Джанатта Баллури, отправил в Поганую слободку, сказал: за Маэру, порученцем убитого. Ваш гость, – сказал Вонгобай и понят был правильно: вам же выгоднее, чтобы он никуда не делся, а явился сюда. С собой храмовник привёл Дине, Джанаттина воспитанника, и парня с саблей, в кожанке и кожаной хобской шапке. Это и есть порученец.

- Госс... Господин! Мне к нему надо!

На парне лица нет, весь дрожит, хоть, кажется, и не бегал целый день под дождём, как другие.

- Мёртв твой господин. Тело унесли в Надвратный храм.

Башни над воротами Марбунгу видны в городе почти отовсюду, но этот малый ещё не привык, оглядывается: в какой стороне?

- Погоди, – говорит начальник стражи. – Туда пока нельзя.

- Мне надо. Я... Он...

Стражники спускаются – брать, если побежит.

– Он Семибожной веры был? – спрашивает Вонгобай.

– Д-да... Да, конечно. Мне надо к нему. Пожалуйста!

Или разревется сейчас, или порвёт с натуги ремешки, которыми шит доспех. Крепкого сложения парень, но по сути – тоже мальчишка.

– Ему от тебя ничего уже не надо. Сейчас жрецы обряд творят, не мешать же им. А вот кто убил твоего господина – надо найти.

– Убил... Убил? Я же только...

Старый сыщик кивает:

– Угу. Заходи сюда, посмотрим с тобой, что в ваших с ним покоях. Все ли вещи и грамоты на месте.

– Мы же вместе были! Я только что отошёл. Ненадолго...

Вонгобай возвращается в залу, остальные за ним. Что-то успело перемениться: люди чуть согрелись, сняли мокрые дождевики, словно бы собрались с духом. Понемногу осознают, что произошло, и уже решили для себя: мы все вместе. Насколько из-за того, что мальчика нашли, а насколько – из-за будущих допросов? Непросто вести дело со слаженным отрядом свидетелей, даже если у них нет задачи покрывать убийцу.

Писарю своему начальник стражи велит вместе с Маэру подняться туда, где ночевал убитый. Но сам ненадолго задержится.

– Кто ещё видел тело изблизи?

– Я, – поднимается Джанатта Баллури.

Видно по нему, что весь день людей водил. Сейчас так глядит, словно бы за ним не полсотни, а тысяча по меньшей мере. Изголодался по власти? Простой человеческой власти, чтоб не козни плести, а – под дождём, по грязи, во главе отряда... Вонгобай может его понять. Какое б ни было пакостное дело – а ведь у старого сыщика тоже сердце застучало, когда распорядился: займусь лично, вопрос державной важности... После стольких-то лет начальственной бумажной службы.

– Ваши впечатления? – в лад горбуну отвечает Вонгобай.

– Рана точно в сердце, удар снизу. Смерть мгновенная. Противник одного роста с Барраем или ниже его, опытный. И скорее всего, знакомый ему. Или безобидный на вид. Баррай не ждал нападения, не пытался защититься.

У Вонгобая такие же соображения. Следов в нынешнюю погоду не найти, но на теле – никаких признаков борьбы. Кинжал у убитого был, остался в ножнах.

– За рукавом у него я нашёл вот это, – Джанатта передаёт вчетверо сложенный листок бумаги.

Чернила слегка поплыли, но разобрать слова и почерк возможно. Бывший наместник вчитывается, хмурится ещё больше. Парамелло заглядывает – и присвистывает противным уличным свистом.

– Прошу, – говорит Вонгобай, обращаясь к досточтимой, – помощи храмового Белого мастера в осмотре жилища покойного.

Она молча кивает. Теперь, когда сын рядом и муж объявился, у неё, кажется, ни на что не осталось сил. С Марригунд надо будет побеседовать отдельно и подробно, но, видимо, уже завтра.

Вместе с мастером сыщик направляется ко внутренней лестнице.

Наверху, в тёмном проходе к жилым покоям, Видаджани говорит:

– Это не та записка!

– Да?

– Эта – моя. Не к покойному, а к нему, к Кайтаю.

Вонгобай ждёт пояснений.

– К вопросу, что я делал на задворках. Ждал Кайтая. Сам же и вызвал его на свидание.

Действительно, в грамотке сказано: приходи к закатному часу на пустырь позади «Свиного рыла», есть разговор о северных делах.

– Почерком Нарека Диневанского?

Видаджани известен как большой искусник в подделке грамот. Но почему надо было выбрать именно эту руку, столь памятную каждому, кто в прошлые десятилетия причастен был к делам Короны?

– Внимание привлечь, – с некоторым смущением отвечает мастер.

Ну да. Не надеялся же он, что Джанатта поверит, будто княжич Диневан восстал из могилы. Или в храме Семерых верят иначе – что коронный советник Нарек не умер, а скрывается, тайно странствует по королевству, наблюдая плоды своих преобразований?

Что же. Тогда удачно, что Маэру разговора в зале не слышал.

Покои самые богатые в трактире, большая кровать под пологом, основательный стол, кресло, несколько сундуков. Вот эти два – дорожные, один из них сейчас Маэру просматривает под приглядом стражника. Внутри в основном бумаги и северные грамоты на досках.

– Скажи-ка: господин твой на днях не получал никакого письма?

– Д-да. Утром. Сегодня. Только без подписи.

– Что в письме, господин часом не говорил?

– Да. Да я и видел. Встречу ему назначили, этим вечером. А я...

Если парень успокоился, то ненадолго. Сейчас его опять начинает развозить, в глазах слёзы. Сыщик подходит ближе.

– Вот это письмо?

Показывает записку. Да, оно, – уверенно кивает порученец.

– Господин мне... Выгляни, велел, нет ли кого на заднем дворе. А там никого, гроза. Потом ещё раз... И всё спрашивал: закатный час уже? Или ещё рано? А мне идти надо, о поединке договориться, он же меня свидетелем...

Так подменил Джанатта бумагу или нет? И когда: только что? Рассчитывал, что Парамелло не заметит или промолчит? А порученец сейчас плохо соображает, ему что одна бумага, что другая... Надо проверить у трактирщика и слуг: видели ли они, когда, кто именно принёс письмо Барраю и как оно выглядело. Или Джанатта заранее своё, то бишь Видаджанино письмо переслал хобскому гостю? Обращения в записке нет. Если горбун решил воспользоваться удачно изготовленной грамоткой, чтоб вызвать гостя на пустырь и зарезать...

Или парень врёт? Или врёт Видаджани. Мастер теперь словно бы растерялся, пытается что-то вычислить про себя.

Вонгобай спрашивает у порученца:

– А не обмолвился господин, кого он ждал? Тут не написано, я вижу, но, может быть, он сам понял, кто его приглашает на разговор?

– Да. То есть... Я не знаю. Кто-то из моряков, с кем господин переговоры вёл, о кораблях... Может быть, кормчий Райкиджи.

Так. Это хотя бы согласуется с той вещью, которую сыщик подобрал у крыльца. С корабельной дудочкой, служит она для управления гребцами. Ежели повезёт, на ней даже может быть написано, с какой она ладьи.

(Гари, четвёртый сын досточтимой Марригунд, и мастер Видаджани Парамелло)

Вот, а вы не верили! Никто не верил, что мастер вернётся. Никто его искать не пошел! Один Гари отправился на поиски. Ну, почти отправился. И батюшка сразу нашёлся. Точнее, мастер.

Самый лучший храм на Столпе Земном расположен необычно: на двух берегах речки. На южном берегу основное святилище, Гатина голубятня, дом для паломников, дома досточтимых и базар. За святилищем деревянный мост на северный берег. «Самая первая наша постройка» – призналась как-то матушка. Вот не святилище, не что-нибудь, а мост! Потому что дом, где живёт Гари с мамой, братьями, сестрой, няней и мастером, – на северной стороне. По мосту и налево, за старыми соснами. Если залезть на сосну – восточнее видно море, а южнее город, двойная башня Надвратного храма и крепостные стены. Дома Гундинг не видно, как бы Гари ни приглядывался.

Хорошо, когда все дома. Почти все. У Джанги дела, – объяснила мама. Скорее, для мастера, чем для Гари. На храмовую кухню не пошли, решили: раз уж ни Гари, ни мастер никуда больше не едут, то Гарины припасы можно съесть. Не то ведь пропадут! Мешок с едой и ценности с пустыря Гари, конечно, прихватил, а одеяло уж – Семеро с ним – пусть пока полежит.

Гари не жадный, наоборот, приятно похвастать своей удачей. Мастер сам достаёт из мешка сухари, пирожки, плюшки, варенье из персиков, сыр, сушёные груши, доходит очередь до бутылки.

– Предусмотрительно! – присвистывает мастер и ломает ей печать на горлышке. Отхлёбывает сам, предлагает матушке, доликает немного в Гарину кружку с чаем. Мама туда же добавляет мёду.

Все рады. Один Нири сидит с немного прокисшей рожицей. Можно понять: он-то никуда не пропал, маму слушался, уроки делал, а чествуют Гари! И так всегда. Но пора бы уже понять, что послушание до добра, может, и доводит, а вот до славы – фигушки!

– Рассказывай, Гари, – требует Гати, держа в руке пирожок, – мы тут чуть с ума не сошли.

Можно подумать, в семье белой досточтимой и белого мастера есть хоть один не сумасшедший. Разве что Лирри, но он ещё маленький. Сейчас братишка сонный и не понимает, для чего его разбудили. Хотя варенье – это, конечно, хорошо!

– Где ты был, Гари? – продолжает сестрица.

А Нири подхватывает, как всегда, неловко:

– Где тебя батюшка нашёл?

Сказано уже, сто тысяч раз сказано: мастера Видаджани «батюшкой» не называть! Гари поторопится ответить:

– Я сам мастера нашёл! Прямо на пустыре. Я сидел, а там посол вышел, этот, из Хоба. Постоял-постоял, походил туда-сюда, тут к нему ещё один подошёл, в плаще...

Матушка с мастером быстро переглядываются, а Гари продолжает:

– ... они поговорили, потом обнялись, и он упал.

– Кто упал? – переспрашивает Нири.

– Я же сказал: посол! Упал, а второй нагнулся над ним, нож вытер. Это я сперва не видел, а тут-то увидел, что к нему нож в руке. Головой мотнул, охнул и убежал. Ну, я сразу туда. Наклоняюсь тоже над ним, а он мёртвый лежит. Фонарь валяется, кровяца течёт, и он не дышит. Я думаю: чего теперь делать-то?

Гари отхлебнёт из кружки. Дальше – самое сложное.

– Понятно, надо на помощь звать. А кругом темно, дождь хлещет, молнии. Из «Рыла» крики слышны. Я тогда пошёл... даже побежал, чтоб быстрее позвать кого-нибудь. Смотрю: батюшка! В смысле, мастер. Вот, думаю, и хорошо.

Мастер слушает и улыбается. Не так-то уж много Гари и наврал. Скорее – так, приукрасил чуть-чуть. Чтобы рассказ вышел складным.

– Сердца у тебя нет! – говорит вдруг Гати. – Как у осьминога. Человек погиб. Хобский подданный. Из-за этого, может, теперь война начнётся. А тебе «хорошо-о-о»!

Всё, больше ничего им рассказывать не буду! – обещает себе Гари. Сами просили, а теперь...

– Мне хорошо от того, что мастер нашёлся! А если тебе и Кайтаю твоему этот посол так был нужен, так чего ж вы за ним не смотрели?

– Что-о? – Гати даже пирог выпустила.

– А ежели смотрели, так чего ж он с Даттой задрался?

Гати подсказывает, чтобы выбежать из комнаты. Она всегда убегает, как что не по ней. Но матушкина рука её удерживает, велит сесть на место.

– Благородный Джанатта, вместо того чтобы за гостем смотреть, тебя искал, Гари.

– Да чего меня искать-то?

Я вообще никуда не делся. Если бы мастер не уехал... Только если подумать, получается, что и мастер не уезжал...

Дети угомонились прямо тут. Тебе, Марри, лечь теперь негде: все на кровати кучей.

– Зачем, Джани?

И взглядом обводит четыре чернявые головы на подушках:

– Вот за этим?

Ну да, освежить семейные чувства. Пытался сбежать, соскучился, вернулся. Самое пакостное, что здешний Джани, Джани в мире досточтимой Марригунд, скорее всего, так бы и повёл себя.

– Всё как обычно, пташечка. По дороге сообразил, какой бы могла быть моя прощальная песня. Не пропадать же добру: сошёл с корабля, благо далеко не ушёл...

– И?

– Ну вот.

Без музыки, а то поздно уже. Да этот напев и так все знают.

*Однажды я захочу уйти: откуда, не знаю, но захочу,
Понятных слов не смогу найти, расстроюсь и замолчу.
Всею творенью один закон: что дорого было – то вон из рук...
И ты улетишь, и погаснет он, твой преданный старый друг.*

*Огни горят, и звенит шпинет, и кормчие правят на дальний свет –
Как будто бы разницы вовсе нет, что нас в этом мире нет...*

*Идут ладьи сквозь ночную мглу, на голос друга, на свет жилья,
И снова струны бренчат в углу – и это, должно быть, я.
Остёр, как прежде, его клинок, твоя любовь, как всегда, права –
И каждый по-прежнему одинок, и где я возьму слова?*

*И если встретимся мы опять в иной державе иных времён,
То снова откажешься ты выбирать – но с тобой останется он.*

– Хорошее пророчество, – говоришь ты вполне серьёзно.

Ну так должен же я когда-нибудь сделаться пророком. Кабацкие песенки мне уже не по возрасту.

Гари открывает глаза, не просыпаясь, оглядывается: все на месте? Чисто змеиная повадка, гундинговская. Ты укладываешь его: спи, мол, все здесь.

– Получается, Гари видел убийцу, – уйду я от разговора про личное.

Вообще-то только что видел: вот он я, если б не я, в храме дела шли бы своим чередом, и никаких поединков, никаких «Свинных рыл» и прочей суматохи...

Не знаю ещё, не решил ли Вонгобай, что поиски дитяти для того и были подстроены. Чтобы у каждого из храмовых людей и из Гундингов была на давешний вечер толпа свидетелей, где они бегали.

– Так расскажи, как всё было, – просишь ты.

– Понимал бы я, как! Я ждал возле кабака на пустыре. Если ты спросишь, кого я ждал, то Джанатту. На меня выбежал из кустов Гари, дальше всё, как ты уже слышала.

– А ждал зачем?

– Никому не в обиду будь сказано, тут в храме он человек самый здоровый. Я хотел расспросить, что да как, прежде чем объявляться. Вызвал его письмом, давеча утром. Ну и вот. Сам он, ты видела, сильно опоздал. Осмотрел убитого, вынул у него из-за рукава какую-то бумагу, припрятал. Потом, когда Вонгобай его опрашивал, он предъявил – моё письмо. Якобы оно было у покойника. Вопрос: а что за грамоту он нашёл на самом деле? И зачем Джанатте путать следы?

– Надо будет спросить. Хорошо, что твоё послание так кстати пришлось на замену.

Спроси – ежели к утру Кайтай будет ещё здесь. Ему, как и всем, велено не покидать города, да и погода не располагает – но...

– Денщик покойного или кто этот малый, конечно, Вонгобаю подтвердил: да-да, письмо то самое, что было у господина, там ещё встреча какая-то была назначена, он посылал караулить, не пришли ли... Но, кажется, парень и не такое ещё подтвердил бы.

– Маэру. Его зовут Маэру. Он очень горюет. Барраю он как родич... был.

А тебе его и жалко. Может, правда горюет, а может, покойному служил как родич, а кому-то ещё – за деньги или по присяге. И сдал начальника благополучно, и теперь прикрывает его убийц.

– Твоя записка – без подписи? – спрашиваешь ты.

– Да, и без обращения. Я понадеялся, что и так понятно.

Всё равно что-то у меня не сходится.

– Вот допустим: получил покойный утром какое-то приглашение на встречу. Дождлся часа, вышел, его зарезали. А он не оборонялся, то есть ничего дурного не подозревал. Ну так пусть бы это письмо у него и осталось, и Вонгобаю досталось. Чем оно Кайтаю мешает?

– Непонятно, пока мы не знаем, что в письме.

Или Джанатте оно нужно, чтобы задним числом состряпать годное объяснение. Что бы ни было в записке на самом деле, завтра в ней окажется что-нибудь вроде: «Ты вышел из доверия у Верховного Хоба, умри же, негодяй!» И пусть стража ищет хобского лазутчика. Но при таком раскладе Кайтаю разумно было бы обратиться ко мне, не полагаться на собственное умение изображать хобские почерки.

Может, ещё и обратится.

– Но ты-то сам убийцу не видел?

– Ни его, ни убитого, пока к крыльцу не подошёл. С моего места только свет за кустами был виден.

Иное дело – что видел Талари из-под своей кочки. Вопрос теперь, что с утра делать в каком порядке: идти к нему или прежде всё-таки перемолвиться с Кайтаем.

– Но ты права: убийца может знать, что Гари его видел, так что Гари отсюда пока лучше бы не выходить. И лучше, чтобы кто-то, в ком ты уверена, его охранял. И, пташечка...

– Что?

– Я вот не уверен, что Гарин побег не использовали те, кто это устроил. Хорошо бы понять, не подзуживал ли его кто-то.

– Непонятно, пока он сам не скажет.

Да понял я уже, кто. Я, без меня всё было бы тихо и спокойно. То есть наоборот, со мной: если б я сидел и не выдрючивался.

Гари на имя своё опять вскидывается: чего? Спи, я ж не зверь сейчас тебя выпрашивать. Пока ты не сочинил по порядку, что будешь врать. В этом тоже можно было бы спросить моего совета, раз уж я тебе «мастер», но будем считать, это тебе испытание: сможешь ли ты в свои почти шесть лет так соврать, чтоб даже я поверил.

– Потому что, Марри, если убийство было не подстроено, а внезапно, то это ещё гораздо хуже.

– Почему?

– Потому что тогда я вижу всего одну причину. Вот люди бегают, ищут Гари. Гроза. Кто-то чешуёю стал обрастать, грубо говоря. И покойный, поджидая своих гостей, это видел. Тогда оный змий его убрал как свидетеля.

И это мог быть кто угодно из Гундингов. Или Кайтай, если верны слухи, что князю своему он не воспитанник, а кровный внебрачный сын. Ибо князь Муллаваджи – прямой потомок княгини Джанганни, урождённой арандийской царевны. Слухи ходили: не случайно, мол, Кайтаева мать полезла под меч унимать князя в его одержимости...

Впрочем, если на Кайтая не змийские чудеса накатили, а Пламенные, он тоже мог Баррая зарезать. Далеко не каждый при этом очухивается через час в обгорелой рванине и с кучей убитых вокруг, бывает и проще. Но причина теперь заметать следы – столь же веская.

Я понимаю, Марри, всё это тебе сильно не нравится. Но ты говоришь:

– Едва ли Гари послушал бы кого-то постороннего... Но я вижу, что ни на тебе, ни на Мунге, ни на Джанатте крови нет.

Тихие шаги на крыльце, поворот ключа снаружи. Мать Небесная, если я ненароком оказался прав и это пришли за Раджангаром – у тебя не найдётся ради певца твоего ещё одного, только одного грозового разряда? Не насмерть, я бы с тем человеком ещё поговорил потом.

Если, конечно, кто пришёл, пришёл один...

Толкаю дверь на крыльцо, выхожу. Тьфу, нельзя ж так пугать-то! Это Джанга. Мокрый насквозь, но вроде бы не в крови, чешуи особой тоже не вижу.

Предвосхищая вопросы, где он шлялся, объявляет торжественно:

Много великих ушло безвозвратно:

с войском, под парусом либо с сумой...

Мастер примеры их понял превратно:

он, не уехав, вернулся домой!

Ему по пути сюда сказали уже, что я приехал. И пожалуйста, вирши. Никакого почтения к сединам.

И сразу жрать, что братья нынче не доели.

Спрашивает у матери, кивая на Гари:

– Где пресмыкалось чудовище это?

Тот опять едва не проснулся, но нет, спит дальше.

– За «Свиным рылом» его нашли. Вот Джани нашёл.

Джанга не задаёт вопросов, что случилось, почему я вернулся. Только строит удивлённую мину:

– Вроде же мы от «Рыла» и начинали...

– Значит, вам не попался.

Отмахивается:

– Я говорил, никуда он не денется.

Джанга, значит, тоже братишку искал, любящий старший брат. Просто недолго и не очень тщательно.

Ты присматриваешься к нему так, будто не уверена, чист этот красавец или в убийство впутался. Чист, не сомневайся, пташка.

– Переоденься, – говоришь ты ему.

Он прямо тут стаскивает кафтан. Рубашка надета наизнанку.

– Что, чей-то муж невовремя вернулся? – спрашиваю я.

Гундинговская улыбочка, смятая углами рта. Да, мол, вы правы, этим тревожным вечером куда ещё было мне пойти, как не к зазнобе?

– Неправда! Я домой торопился. К матери-старушке...

Получит по затылку, если матери не лень покажется встать.

Он, бедный Джанга, вырос без отца, как и слышно было по его прежнему прозвищу: Гундаури, родич господ Гундингов по женской родне. На его руках сестрёнка и три брата, да ещё старушка мать, отчего он вынужден был принять королевскую присягу сразу, как стало можно по возрасту, пойти служить, пока другие дурака валяют, взять на себя заботы о семье... Он давно к этому готовился, не зря с тех пор, как начал сам ходить, больше болтался у дядюшки Мунга или у дедушки, чем в храме. Потому и получил на пятнадцатый свой день рожденья щедрый подарок – прозвание Гундинг. То-то Мунговы жена и дети обрадовались...

Ну посмотри ты на него, Джани, – просишь ты, чаще взором, а не словами, – посмотри, Джанга же такой даровитый, такая язва, такой весь из себя змеёныш, разве же это не твой сын? Нет. И при всех его выходках, Марри, будь уверена: был бы мой – тебе этот кротким птенчиком показался бы!

– Можно подумать... – продолжает он, вернувшись из своего уголка уже в сухом и чистом, – вам, мас-стер Видаджж-жани, не доводилосьсь...

– Я в твои годы по бабам не шлялся.

Строчку дарю, пусть продолжает сам, если хочет.

– Да ну?

Конечно, нет. Я в свои пятнадцать как раз под судом находился, потом в рабство отбыл, потом в Аранде куковал. Как вернулся, женился, только вскоре разжениться пришлось, потому как ей, жене, врачи сказали рожать, не то разболеется совсем, а от меня детей быть не может. Кабы не всё это – только бы меня тут и видели, в вашем змеином гнезде.

– Что-то, я помню, мастер рассказывал насчёт трубочистов...

– Это другое дело! Чтоб не было прыщей, надо с трубочистом целоваться, хоть и противно. В Коине это все девчонки знают. Я же и был трубочист, работа как работа. Всё только их здоровья ради, а не...

– Вот и я тоже. Для здоровья и красоты.

И пусть все видят: по части служения красоте он нынче сделал всё, что мог, и преуспел. Маленький ещё, про его любовные успехи всем вокруг надо знать, иначе совсем не то удовольствие.

– Да, кстати, – спрашивает он, взявши ещё плюшку и прежде чем идти спать, – Кто хобского посланца убил, нашли уже?

– Слишком много подозреваемых, – почему-то говоришь ты.

– Ну, господин Гайладжи, наверно, разберётся.

Всё ты врёшь, Джанга, ничего я не пресмыкался, я за убийцей следил. А ты в это время по бабам шлялся!

Гари хотел было швырнуть в брата подушкой, но передумал, неохота стало просыпаться. Лучше так – лежать и слушать, что взрослые говорят. Опять же – следить, чтобы мастер не уехал снова, пока все спят.

Ходить по бабам – круто, так многие считают. Одна только Гати сердится, когда это слышит. Но Гати – девчонка, что она понимает. Но там, похоже, не кормят: вон какой Джанга голодный заявился, этак, пожалуй, плюшек на завтра уже не останется. Ну да ладно.

Когда Гари вырастет, он тоже пойдет по бабам, что он – хуже других? Или лучше всё-таки трубочистом? Вот мастер был трубочистом, лазал по разным домам и крышам. Гари непременно тоже попробует, может, завтра же и попробует. Для начала к тётушке Унгирри или к тетке Сумангат. Жаль только, у них девчонок много – еще придется целоваться со всеми, как мастер сказал. Зачем – Гари не понял, но раз надо, ничего не поделаешь.

Гари и не заметил, как Джанга ушел. Матушка расстилает покрывало прямо на полу, кровать-то мы заняли. Подходит к мастеру, трогает его за плечо:

– Ничего не болит?

– Не вернулся ли я потому, что мне худо стало? – мастер качает головой. – Нет, а то бы уж я сказал. Я бы из этого извлёк всё что можно по части внимания к моей особе.

– Увы, Джани. По части внимания Гари сегодня тебя обошёл. Но я всё равно рада, что ты вернулся.

А кто ж не рад? Завтра еще покажем мастеру нашего воздушного змея, до Преполовения всего ничего осталось. Посла, конечно, жаль, что убили, но праздники – своим чередом. Запустим змея на речном берегу, может, он до самого Коина долетит – был бы ветер!

Мама с мастером укладываются на пол, батюшкин любимый шарф сворачивают и кладут в изголовье.

– Ты себя совсем не бережешь, Марри, – говорит мастер шёпотом.

– А что беречь-то? – отзывается мама. – Я вроде всё сделала.

– Нет!

Мама приподнимается на локте, спрашивает:

– Я что-то забыла?

– Ты забыла выйти замуж, Марри. Найти того, кто будет заботиться о тебе и детях.

– А-а-а...

Станный у них разговор. Голоса вроде тихие и нежные, а слова обидные. Что в них обидного, Гари не понял, но слышно же, что мама обиделась. А батюшка, может, и не хотел обижать. Он просто чтобы не слишком радовались. А то когда много радуются, потом всякое бывает...

(Вонгобай Гайладжи, начальник стражи)

«**Знаю я по меньшей мере дюжину** людей, желавших смерти хобскому гостю...» Только даже если перечислить их, а потом сказать: главный среди них тот, кто таки убил, – делу это не поможет, ясновидческий камень не показывает лица, пока не назовёшь имени. Начальник стражи, благородный Вонгобай, почти всю ночь провёл у места убийства, там же и поспать прилёг – в свободных покоях. Всё равно для гостей трактир пока закрыт, а на раннее утро много дел.

Пока со слов трактирщика, его прислуги и управских ребят Джи и Талле, следивших за Барраем, получается так. Из храма он со своим порученцем переехал сюда около трёх часов пополудни позавчера, десятого числа месяца Змиев, после того как принял вызов от Курраты Урбериджи, подопечного того же храма. Потом Баррай и парень его ушли в гавань, встречались с кормчим Райкиджи. Вскоре вернулись, вечером порученец снова выходил. Талле его проследил до Поганой слободки. Там Маэру, однако, в кабак не зашёл – а ведь как раз в том кабаке обосновался Куррата, – но канул в недра, куда, по негласному сговору стражи с Белой общиной Марбунгу, сыщикам ходу нет. Впрочем, парня там не съели, не побили и даже не напоили, в «Рыло» он вернулся около полуночи

Вчерашний день до примерно семи часов пополудни Баррай и Маэру провели под крышею трактира. Ужинали, завтракали и обедали у себя в покоях, хмельного не пили, нареканий прислуге не высказывали. За это время Баррай получил только одно письмо: доставил его утром, ещё до грозы, мальчишка по имени Бенг, рассыльный из Поганой же слободки. Ответа дожидаться не стал. Бенга надо допросить, но чтобы память его не затуманилась, потребуется помощь Белого мастера. А Джандарри в городе всё ещё нет, и когда вернётся, непонятно, хотя храм наверняка послал уже ему весть, что побратим вернулся. Так что придётся опять задействовать Видаджани, хоть с ним и непросто.

Заходил к Барраю тоже всего один человек – Джанатта Баллури. И тогда же перемолвился с трактирщиком насчёт малолетнего Раджангара. Ближе к шести часам Баррай спустился в залу и, по словам прислуги, начал дёргаться: то и дело высылал порученца на заднее крыльцо. Похоже, поджидал кого-то. Так продолжалось примерно с час. Потом Баррай вышел сам, Маэру с ним простился и отправился опять в Поганую слободку, на сей раз на встречу с Дине Баллури, свидетелем Курраты. Джа, смотревший за Барраем, себя теперь корит: замешкался всего на миг – но убийце хватило. Джа бегло осмотрел убитого и рванул к начальству, к Вонгобаю. А помедлил бы ещё чуть-чуть – видел бы, как к телу подошли Видаджани и Раджангар. Убегая, Джа трактирщику сказал на заднее крыльцо не соваться – и зря: если бы хоть кто-то из прислуги смотрел за телом, могли бы видеть, кто ещё туда подходил до появления досточтимой Марригунд с храмовниками.

Талле, шедший следом за Маэру, проводил парня до кабака в слободке и видел, как тот немного подождал, потом прибежал Дине и эти двое разговаривали – пока за ними не явился человек от

Джанатты. Куррата к их столу не выходил и, по словам местных, с самого утра был у себя, Талле проверил разок – диневанец сидел в закутке, где его поселили. Но был ли Куррата там же в час убийства, неизвестно: незамеченным выйти и вернуться он вполне мог.

На пустыре за «Свиным рылом» нашли немало добра: один хороший дождевик и два рваных, вполне приличное, хоть и мокрое, одеяло, самоварную трубу и десятка два предметов, коими можно убить, включая палки, камни и верёвки. Кинжала либо ножа – ни одного.

Дело будет непростым. Подозреваемых немало, но у большинства есть множество свидетелей их непричастности. И все свидетели ненадёжные, поскольку пристрастные. Храмовники и часть людей дома Гундинг искали Гари Гундаури. Другие челядинцы Гундингов смотрели за наследником дома, который сидит под замком. Моряки либо искали мальчика, либо заняты были у себя на ладьях.

Причины для убийства: давняя неприязнь? Подходит ко всем бывшим пленным, кого Баррай продал досточтимой, к их родичам и друзьям. Новая вражда из-за поединка? Подходит к Куррате, если он решил в честный бой не вступать; к Майадатте Гундингу, если верно, что Куррата перебил вызов, а драться хотел на самом деле Майадатта; ещё ко множеству людей из дома Гундинг, если они настолько не хотят этого божьего суда, что решились устранить Баррая заранее. И вероятно, есть ещё немало причин, пока не известных.

Утром стража в трактире сменяется. На подмогу начальнику прибыли младший сыщик и писарь, сведущий в северных наречиях. Грамоты Баррая в основном на хобском, если получится их перевести – возможно, ещё что-то прояснится. Вонгобай Гайладжи усаживается в углу большой трактирной залы, велит подать чаю и завтрак на двоих и позвать первого свидетеля – Маэру.

Скорее всего, парень не спал, но за ночь успокоился. Будто лет на десять повзрослел – и из-за горя, и ещё потому так кажется, что щетина на щеках отросла, светлая, но заметная.

– Давай с самого начала: зачем твой господин сюда приехал?

Кивает. Дождлся, пока Вонгобай отхлебнёт чаю, берёт свою кружку – пока просто в ладони. Замёрз у себя наверху к утру.

– Воевода Дигендарайя, Третий Хоб после Верховного... В общем, один из хобских главных начальников, наместник в городе Бунджиле, – он господину объявил: торга рабского больше не будет. Люди, мол, нужны на востоке, в Новом Баггар-Даггаде. Хобы некоторые туда и раньше уезжали с семьями и челядью, но пленных не увозили. А теперь вот такой приказ... Господин решил: так не годится. Стал торговаться. Решено в итоге было, что он находит для переселенцев корабли внаём и платит за провоз. Испросил отпуск от службы, поехал за кораблями. А ему тут отказали: сначала дом Гундинг, потом и другие. Только кормчий Райкиджи ещё не отказал.

– Господин говорил, что собирается делать, ежели с кормчими ничего не выйдет?

– Дальше ехать. В Коин, в Миджир, в Мэйраа. Корабли нужны.

– Тебе он оставил наказ на случай, если с ним худое случится?

– Да. Если здесь, то идти к досточтимой Марригунд и дальше действовать под её началом. Если бы в Коине дело было или в другом городе – там тоже к людям, кто невольников выкупает. Потому что если кораблей не будет...

– Не будет больше и пленных на выкуп, я понял. Но на корабли деньги нужны. Они у господина где?

– Ларчик с золотом он в храм отдал, сразу как приехал. И не забрал, когда сюда уходил.

– Так...

– Но ради денег убивать – по-моему, смысла нет. Сказали бы просто, что пропало золото, чудом божьим. И ничего бы мы не сделали.

Пропало или нет – придётся выяснить у досточтимой. По крайней мере, тогда внезапная отлучка мастера Видаджани объяснима. Если он не с храмовой казной уехал, а с деньгами Баррая, куда-то их дел и налегке вернулся.

– В Хобе, я слышал, такие подробные должностные указы дают, какие мне и не мечтались. Вот теперь, когда Баррая нет и кораблей нет: что ты должен делать?

– Ехать дальше и пробовать дальше.

Подумал немного, криво усмехнулся. Сообразил:

– Господин начальник стражи, мне столько не надо. Если вы о том, что я бы у досточтимой те деньги как-то выпросил – а сам не за кораблями поехал, а смылся. Если б хотел, я давно уже сбежал бы.

– Денег много не бывает. Уехать, начать новую жизнь за морями.

– Новую жизнь... Бывший раб с десятком золотых или с несколькими тысячами – кто дольше проживёт?

Смотря как распорядится краденым. Но да, ход мысли можно понять. Без связей, без надёжных друзей золото вряд ли поможет.

– А ты у господина кто был: раб, вольный или кто по хобским законам?

– Вольноотпущенник, при его отряде.

Взялся за тесёмки у ворота: снять рубаху, показать клейма на плече. Первое рабское, второе о том, что рабу дана свобода. Сыщик останавливает:

– Не надо, верю. Лучше скажи, откуда ты сам.

– Из Баллу. Я сирота, при храме рос, потом в войско нанялся. Храм Воителя в Гунаринни, это южное Приозёрье.

– Там тебя как Маэру знали?

– Да.

Частое имя в тех краях возле Озера. Запрос можно послать, если потребуется. На храмовника парень похож: чистая, складная речь. С войском будет сложнее: хотя Нарек Диневан и ввёл у войсковых строгий учёт, но на Таггуде свои порядки, и искать, когда и кем вояка нанят, когда и почему выбыл – дело почти безнадежное.

– Так почему ты не сбежал?

Глядит, словно прикидывает, как объяснить – чиновнику? Старику? Человеку, в рабстве не бывавшему?

– Мне бежать особо некуда. Мои дела все там теперь, на Рубеже.

Бывает. Вот и Ладжинга Таджибери из плена вернулся обратно на Таггуд...

Скорее со злостью, чем с горечью, парень говорит:

– Господин мне доверял. А я, получается, доверия не оправдал. Я должен теперь хотя бы доделать, что смогу.

Вонгобай кивает. Помолчав, спрашивает снова:

– Куда ты ходил позавчера вечером?

Он считает про себя: когда было «позавчера»? Всё, что до гибели господина, кажется стариною... Или прикидывает, как соврать?

– Здесь такое место, зовётся Поганой слободой. Мне сказали, там про мастера Видаджани могут знать.

Удивил!

– А тебе-то Видаджани зачем?

– Вот мы приехали, начали... Господин начал в храме толковать про корабли. И всё застряло. Раньше они с досточтимой Марригунд и с господином Кайтаем как-то легко договаривались. Но то – в Бунджиле. А тут, оказывается, есть ещё этот мастер, Белый мастер здешней округи, от него всё зависит, а его на месте нет. Я не знаю, это правда – или просто чтоб отказать нам. Попробовал выяснить.

– И как?

– Толком никак.

Он не поясняет, что это значит. Ничего не узнал? Или, что больше похоже на Поганую, свели его с каким-нибудь Видаджани – седобородым старцем, или могучим громилой, или премудрым отроком, – только он оказался не настоящий?

– Ну вот теперь мастер объявился.

– Угу.

– Поешь, – говорит Вонгобай. – Силы на сегодня ещё пригодятся. Как закончим с тобой, наш писарь тебе мэйанскую грамоту выправит. Чтобы тебе законным порядком находиться в Королевстве. И опись вещей надо будет составить, подпишешь её.

Каша овсяная в этом трактире неплохая, чай тоже.

– Не могу понять, – продолжает начальник стражи за едою, – отчего твой господин так беспечно вёл себя. Без свиты приехал, и даже тебя отпускал по городу ходить.

– Он хороший воин был. В Хобе не уцелел бы иначе. И господин Кайтай с досточтимой – они же тоже к нам без охраны приезжали.

Есть разница! Посвящённую жрицу даже в Бунджиле, надо думать, не тронули бы – себе дороже.

– Кто, по твоим сведениям, мог желать смерти твоему господину?

Опять невесёлая усмешка, совсем короткая:

– Желали-то многие. А кто решился... Не знаю.

– Не важно, что наверняка не знаешь. Назови.

– В спину много говорили всякого. И в храме, и в городе. Кто – я ж не знаю их.

– И по прежним временам не помнишь тех, которые бывшие пленные?

Парень молчит. Теперь уже явно – чтобы не врать. Ладно, к вопросу о рубежниках Вонгобай вернётся, когда сам на них ещё раз посмотрит и перепроверит имена.

– До чего вы с Дине Баллури вчера договорились?

Об этом парню говорить ещё меньше хочется.

– А не всё ли равно теперь-то?..

– Нет, не всё равно. Этого божьего суда тоже многие не хотели. Как доброхоты дома Гундинг, так и его недруги. В том числе люди вполне решительные.

– Угу. Бой на своём оружии, которое «своё» – проверяет жрица.

– Досточтимая Муллари из храма Семерых? Она согласилась свидетельствовать божий суд?

– Говорят, да. Без доспехов, на храмовом ристалище, до первой раны. Или пока костёр не прогорит, тогда – ничья. Но это наши хотенья, досточтимой мы их ещё не излагали.

– Легко прошло?

Он не понял. Вонгобай объясняет:

– Легко удалось договориться? Дине всё принял, что ты предлагал? Он, как я понимаю, опоздал на встречу.

– Немножко, я чуть раньше... А, ясно. Нет. Может, у него и другим была занята голова, не поединком – но и не тем, что он только что человека убил. Он, по-моему, вообще ещё не убивал ни разу.

Да уж, юноша Дине – не из скрытных. Воспитатель его Джанатта ходит с образцово непроницаемым лицом, но отчего-то искусство это никому не преподаёт. Или как раз наоборот, простодушная морда у Дине – личина и есть?

– А как насчёт Урбериджи? Дине к нему ходил советоваться?

– В самом начале. По ходу разговора – нет.

– А когда ты пришёл, Урбериджи был в кабаке?

– Я не видел. Но скорей всего, был.

– Почему так думаешь?

– Я с ним дела не имел – там, в Хобе, но господин-то его знал. Хорошо знал. Будь это такой человек, кто может на поединок вызвать, потом до поединка пойти убить, а дальше делать вид, будто ни при чём, переговоры продолжать, свидетелю своему голову морочить, – будь он такой, господин его вызов не принял бы.

Сыщик запомнит: Куррату Урбериджи надо подробно расспросить о прежнем его знакомстве с Барраем. Из подозреваемых этот не самый вероятный, но может знать что-то полезное.

– Добро, Маэру Таггуджи. Пока у меня всё. Как наберутся ещё вопросы, тогда продолжим.

(Благородный Джанатта Баллури)

Примета старости: чужая смерть – если не кого-то из самых близких или из детей – отзывается в сердце горечью, но не холодом, а теплом. Я-то жив. И с тем, кто умер, больше нечего делить, не из-за чего враждовать.

Жив. На собственной постели, под одеялом. За стеной спит Дине, дверь к нему приоткрыта, слышно его дыхание: глубокое, спокойное. Джанатта проснулся рано – и спал бы дальше, если бы не вспомнил. Не что Баррая больше нет: это он помнил и во сне, продолжал обсуждать с ним рубежные дела, только наяву ни во что внятное те речи не сложатся. Нет: вспомнил, а точнее, понял, где поискать один из следов убийцы.

Кто-то скажет: лёгкая смерть. Не такой, видимо, желали Барраю ненавидевшие его. Но нет ничего хорошего в том, чтобы уйти, не завершив начатого. И тем важнее выяснить, кто оборвал эту жизнь – по сути счастливую, ведь делал человек то, что выбрал для себя сам, пусть и неширок был выбор. Да у кого он широк...

Дине спит. Уже взрослый, смотришь – и сердце падает каждый раз. Падает туда, где ему три года и ты вместе с досточтимой везёшь его домой. А до той поры и не знал, где твой дом, не было важно знать – лишь бы не в Диневане. Но стало вот так: домой, в Марбунгу.

И какая большая с тех пор прошла твоя собственная жизнь...

«Подобрал себе человека»? Сына, жену и не худшее окружение.

Домик на краю пригородного леса, на земле храма. Облачное летнее утро, в кустах и деревьях все пернатые, кто вчера прятался, теперь шуршат, пересвистываются. Против обыкновения Джанатта молится без огня: Семеро, пусть и после моей кончины в мире будет вот так же хорошо и пусть никто тогда не будет виноват. А потом спускается с крыльца, шагает к мосту на городской берег.

Дине должен ответить страже, где был вчера вечером между поисками Гари и разговором с Маэру. Подобрать слова, не сбиться, не начать злиться от собственной неловкой речи. Живи мы так же просто, как мастер Парамелло, достаточно было бы предложить: вот я беру кремень и огниво, если виновен я перед Воителем Пламенным – ибо взялся быть свидетелем на божьем суде, а сам убил супостата прежде поединка, – то огня зажечь не смогу. Но этот путь не для Дине.

Значит, предстоит по шагам проверить дорогу от того места, где Дине отошёл от отряда, и до кабака, где они встречались с Маэру. Доказать, что на убийство у Дине не хватило бы времени. Эти петли и узлы – кто какими улицами вчера ходил по городу, где и с кем пересёкся – Джанатта до поздней ночи вертел в голове, чёткой картины составить не сумел.

А мог ли Дине убить? По ране не похоже, он уже выше того роста, каким по расчёту Джанатты должен быть давешний убийца, – и всё-таки? Ручаюсь за своего воспитанника и приёмного сына, он не убивал, – мог и очень хотел бы заявить Джанатта. И сказал бы глупость. Никто не знает, на что способен решиться другой человек, потому-то и невозможно никого себе «подобрать». Но если Дине убил бы – то за что? За себя и за Маэру? За то, что люди не товар и не может человек человеку назначать цену, даже в сердце своём, даже самую дорогую. Сражаться за такое значило бы – не против Баррая, а против Джанатты тоже, против всего устройства жизни в королевстве, в Хобе и вокруг, но на то и молодость, чтобы драться против целого мира... Ведь если б дано было выбирать – конечно, Дине не променял бы

жизнь на хуторе возле Рубежа на нынешнюю свою жизнь. Не потому, что ему плохо в храме, с досточтимой, её детьми, с Джанаттой, а просто по-другому выбрать нельзя. Так и сам Джанатта не выбрал бы этого храма, города, семьи и службы, будь на другой стороне родные мать с отцом. Хотя, родись он обычным сыном семьи Кайтаев, к нынешнему дню он, скорее всего, давно уже был бы убит: на Рубеже или на одном из бесчисленных диневанских поединков, ничего кроме севера не увидев, не полюбив и не поумнев.

Пепел в чаше. Вчера поздним вечером Джанатта успел через огонь передать весть о гибели Баррая к двум кострам: в храм в Бунджиле и на нашу сторону Рубежа, воеводе Дже Таггуджи. Храм отозвался почти сразу, тремя вопросами: «Кто, как, зачем». Остаётся надеяться, что пока не получат ответов, они и сами не станут отвечать на убийство своего чиновника. Но долго ждать не будут. Воевода обещал учесть случившееся – и учтёт, но его заботой будет не дать в ближайшие дни Хобу новых пленников, а тем, кто уже в плену, он помочь не в силах.

Джанатта разжигает новый огонь. Благодарит Отца Воителя за свет сегодняшнего утра и просит: помоги найти убийцу Баррая, супостата моего и товарища.

А потом направляется к соименнику. Это про него Джанатта вспомнил, как проснулся: Джанатта Второй может больше прочих знать об убийце. Все последние дни, занимаясь на ристалище, Джанатта не переодевал соломенного воина, на кафтане дыр не видел – но это не значит, что ран нет вовсе.

Сукно с вечера ещё не просохло, застёжки поддаются с трудом. А под кафтаном рогожная нижняя одёжка на груди Второго вся изрезана. В сердце, в печень, вскользь и вглубь. Кто-то здесь недавно отрабатывал удар кинжалом. Причём либо одарённый новичок начал с совсем неумелых тычков и весьма продвинулся, либо орудовало несколько разных бойцов. Скорее всего, вечерами и ночами, когда на ристалище и поблизости никого не бывает.

Вопрос, что дальше. Оттащить Второго куда-то в надёжное место, или закрыть и опечатать само ристалище, или притвориться, будто ничего не знаешь, чтоб не спугнуть убийцу раньше времени? В любом случае досточтимой придётся сообщить.

Главное храмовое здание далеко отсюда. Но видно: двери в святилище уже открыты. А внизу у лестницы стоят закрытые носилки, чёрные с голубыми дверцами, рядом ждут носильщики в тех же цветах. Значит, к утренней молитве приехал кто-то из Гундингов, скорее всего – старик Мангкаван, отец досточтимой.

Привёз одного из своих людей, чтобы просить для него храмового убежища? И этот человек – убийца Баррая? Или преданный слуга станет делать вид, будто кается пред Семерыми, а на самом деле путать следы?

Джанатта ещё не дошёл до храма, когда оттуда вышел Мангкаван Гундинг. Вокруг него свитские, а за руку он ведёт Раджангара. Стало быть, мальчика решили отправить на время к деду, что правильно: Гари мог видеть убийцу, значит, он в опасности, пока убийца не

найден. А дом Гундинг хорошо охраняется. Старик спускается по ступеням, Видаджани догоняет, что-то говорит. Потом и досточтимая показалась в дверях, машет сыну на прощанье. И носилки трогаются в путь, свита следует за ними.

За ночь досточтимая Марригунд пришла в себя. По крайней мере, держится бодро. Волосы с утра не уложены, и лицо совсем молодое.

И не похоже, что мастера вернули домой недуги или ещё какие бедствия. Жив-здоров, за усами обычная его ядовитая усмешка.

– Откуда столько довольства? – спрашивает он у Джанатты вместо приветов, когда тот подходит.

Слишком долго объяснять, да и ни к чему. Джанатта отвечает:

– Я говорил, что вы не уедете, и оказался прав.

– Да вы всю дорогу правы. Убийцу вычислили?

– Нет. Но вот что нашёл сегодня, – и рассказывает про Второго.

Досточтимая вздыхает:

– Да. Глупо было надеяться, что это был не кто-то из наших.

– Смотря насколько наших, – возражает Парамелло. – В храм ходит много разного народа.

Решено Второго пока оставить на месте и присмотреть за ним. Если явится тот упорный новичок, кто истукана изрезал, – надо расспросить: он мог видеть, кто ещё упражнялся в неурочные часы. А начальнику стражи про это пока не говорить: посмотреть сначала, как господин Гайладжи поведёт дело.

Можно отправиться к нему, он вчера сказал, что утром ждёт нас всех в трактире. Но мастер медлит, глядит на супругу. Она говорит:

– Идёмте пока ко мне.

И в своих покоях, не садясь, спрашивает у Джанатты:

– А что было в том письме, что ты нашёл у Баррая?

– Приглашение встретиться на закате позади «Свиного рыла» для разговора о северных делах.

– Да нет, про твоё письмо я поняла. А в том, что было у него?

Понимал бы Джанатта, о чём она.

– Я у него за рукавом нашёл только это послание. О встрече. Получается, убийца либо сам письмо отправил, либо знал о нём. Знал, где в этот вечер можно будет застать Баррая.

– Нет, не получается, – Парамелло разводит руками. – Во-первых, застать Баррая значило нарваться на тех, с кем он собирался толковать. Если их раньше не поубивали, конечно. Но главное – во-вторых: это-то письмо изначально ваше. К вам написано, а не к гостю вашему. Вы путаете, и зря. Стражу морочить – святое дело, но здесь...

– Как это – ко мне?

– Проще простого. Мною. К вам. Почерком королевского советника Нарека. Могли бы догадаться!

Почерк и вправду был похож на диневанский. Не то чтобы Джанатта с покойным княжичем Диневаном переписывался или князю читал его послания, но допустим: почерк Нарека.

– Хорошо. Написано вами. А для кого вы его изготовили, можете сказать? От чьего лица вы ко мне обращались?

– От собственного! У меня к вам был разговор.

Досточтимая снова спрашивает:

- Верно ли, что ты, Джанатта, вчера утром письма не получал?
- Да. Ни этого, ни других. За весь вчерашний день.
- А ты, Джани, когда и как своё письмо отправил?
- Рано утром, с посыльным, – отвечает Парамелло.

И каким-то путём письмо попало к Барраю. Тот не заподозрил ни ошибки, ни ловушки, вышел вечером на крыльцо. Или заподозрил – и тем более важным счёл посмотреть, кто придёт?

- Найди, пожалуйста, посыльного, Джани.

Но сначала всем троем нужно переговорить с начальником стражи. Не успели они выйти из храмовых ворот, как к ним подъехал верховой. Королевский гонец.

- Для господина Баллури!

Джанатта раскрывает письмо. Королевна и супруг её глубоко обеспокоены гибелью хобского полутысячника Баррая и ожидают, что ходатай по делам севера приложит все силы для раскрытия дела; доклада ждут не позднее Преполовения, то есть через три дня.

Мастер, разумеется, заглядывает в бумагу. Сообщает досточтимой:

- Мандат, как сказали бы в Царстве. Руки развязаны.

Непонятно, где он прочёл, что эта грамота призывает кого-то оказывать содействие Джанатте. Если тот верно помнит, что такое мандат.

Кто, как, зачем. Хотелось бы начать с самого простого, но разделить эти три вопроса не получается. И всё-таки, что нам даёт способ: отсекает людей слишком высоких и слишком низких, а также слабых и неумелых. Остаётся всё равно слишком много. Дальше: кого Баррай мог спокойно подпустить к себе? Кого не счёл бы опасным: доброго знакомого, женщину, старика, подростка, пьяного? Всё сомнительно. Обычно этот человек всегда был настороже: жизнь в Хобе приучила. Или перед кем-то он делал вид, что ничего не опасается? Из гордости или из деловых соображений. Тогда – либо бывший пленный, либо, может быть, моряк с одной из тех ладей, которые Баррай надеялся нанять. Принял бладушный вид – и почему-то вправду расслабился.

Так можно дойти до вовсе замысловатых картин. Убийца под колдовской личиной, убийца, скрытый заклятием незримости... Чар досточтимая не видела, даже слабого их следа. И уж если кто-то располагает чарами и не чуждается смертоубийства, тот имеет в запасе и боевые заклятия. Кинжальным ударом он от себя подозрения мог бы отвести, если бы тело нашли не сразу, а так его чары прикрытия след всё равно бы оставили...

Вот. Вопрос: почему именно там, в двух шагах от людного места. Даже если откуда-то убийца добыл записку Парамелло и решил ею воспользоваться, – мог хотя бы позвать Баррая отойти подальше от крыльца, раз уж тот вышел под дождь. Приглашал, но Баррай отказался? Едва ли: если тот заподозрил дурное, то изготовился бы обороняться. Или убийца надеялся, что Баррай останется жив, его

сразу найдут и сразу побегут за жрецами и лекарями? Что это может значить: кто-то поклялся убить, потом передумал и пытался таким способом обойти собственную клятву? Слишком сложно. А с самого Баррая стало бы подстроить покушение на себя? Если досточтимая права и ему надобно было застрять в Марбунгу. Но тогда он озаботился бы и тем, чтоб рана оказалась не смертельной, а если уж по какой-то причине не сумел подготовиться, то дал бы отбой. Какие ещё могут быть причины? Действовать там, где светло? Но у Баррая был с собой фонарь, закрытый от дождя...

У входа в трактир по-прежнему стоит стража, поодаль несколько зевак ждут неизвестно чего: грянет новое убийство прямо тут же? Вонгобай выйдет на крыльцо и объявит, что нашёл убийцу? Он и в бытность наместником нечасто выступал с подобными речами к народу. Или люди просто надеются, что трактир скоро откроется?

Встретив досточтимую и двоих её спутников в общей зале, начальник стражи приглашает их в покои наверху. Не в те, где жил Баррай, а в соседние: их освободили для нужд расследования. Окно открыто, в комнате светло и прохладно.

Сыщик спрашивает мирным, не начальственным голосом:

– Что нового?

Досточтимая медлит. Мастер тоже молчит.

– Боюсь, вот только это, – Джанатта передаёт Вонгобаю послание от королевны и царевича.

Старый сыщик качает головой. Как и многие, видимо, не любит, когда его торопят. Отвечает:

– Мне такое тоже пришло. А с давешним письмом разобрались?

– Получается, его должны были доставить мне. От мастера Видаджани, вчера утром. Но либо посыльный письма не донёс, либо оставил где-то, где оно меня не дождалось.

Где именно оставил: – у девочки Гати, а она почему-то его не передала? Или вручил кому-то ещё, встреченному в храме: не слишком широкий выбор, большинство тех, кто там обычно бывает, или молились, или искали Раджангара. Или посыльный мог в городе встретить толпу храмовников и передать письмо через кого-то из них...

Досточтимая не стала спрашивать про письмо никого в храме. То есть, по её расчёту, надо посмотреть, важен ли Вонгобаю этот вопрос.

Сыщик возвращает королевнину грамоту Джанатте:

– Давайте тогда делиться находками.

– Конечно.

– Был в Коине один книжник, – молвит Парамелло. – Зимой на день Премудрой написал самому себе поздравление. На лиловой бумаге, красивым почерком, и снаружи надписал: высокоучёному Такому-то от Премудрой Бириун. Вышел на базар, отдал посыльному, денежку заплатил – да тот и бесплатно принёс бы, потому как жалко беднягу: никто ему, видно, не пишет, раз самому себе приходится... И вот, стучится письмоносец к учёному в дом, учёный открывает и говорит: это не мне, ошибся ты, парень. Тот: как можно, вот же сказано – вам!..

Притчи и сравнения диневанец понимает ещё хуже, чем стихи.

Досточтимая вздыхает:

– Это не новое, Джани. И это было не у нас.

Парамелло кивает и заверяет, обращаясь к Вонгобаю:

– Посыльного ищем. В смысле, здешнего.

Начальник стражи раскрывает свой складень с бумагами:

– Кстати про лиловое...

Достаёт вчерашнюю записку, несколько мгновений глядит на неё.

Потом зовёт громко:

– Маэру, слышишь? Зайди сюда.

Порученец Баррая под стражу не взят. Значит, ведёт себя разумно. Сейчас, в домашнем, парень выглядит мужчиной, не юношей. Двадцать шесть лет, как раз пора. Все по-разному взрослеют, но этот с телом своим явно уже давно освоился вполне. Баррая больше нет – значит, нет и нужды держаться моложе, чем есть?

– Вспомни, – велит ему Вонгобай. – На этом листке, вот тут: что-то было, когда ты его вчера утром читал?

И отводит руку. На краю листа неровное пятно. Цвета не именно лилового, но похожего, бледно-багряного. Видел ли это пятно Джанатта прошлым вечером? Если и видел, то впотьмах принял за обычную грязь.

– Ничего не было, – отвечает порученец. – Клякса, может, а слов никаких.

Странно. Чернила в записке обычные, чёрные, от сырости растекаются бурым. На пятна от крови, чая, масла – не похоже. Что это за краска? И с чьих рук – или откуда ещё?

– А вы не помните? – спрашивает сыщик у мастера.

Тот присматривается:

– Чисто было. За кого вы меня принимаете: чтоб я с кляксой отправил важное письмо? Перебелил бы.

– От чего такой след мог получиться? – спрашивает сыщик.

Досточтимая тоже глядит на мастера. Кто, ежели не ты, знаток почерков, печатей, чернил и бумаги, может это определить? Тем более раз записка твоя собственная.

– От вина, – отвечает Парамелло, подумав. – От дорогущего южного вина.

– А господин твой давеча вина не пил? – уточняет Вонгобай у порученца. Маэру кивает:

– Перед боем нельзя.

– На сухой бумаге, – продолжает мастер, – оно правда кляксой застывает, чёрной, под цвет чернил. Само густое, почти как варенье. А когда расплывётся, становится вот таким. Был в Ларбаре один кадьяр, тоже грамотей. Ты знаешь, кто такие кадьяры?

Маэру пожимает плечами.

– Народ дальнего юга, их земли за горным хребтом южнее Старого Баггар-Даггада. Я не к тому, что это они хобов в своё время на север выжили, нет. Они вообще не воинственны, а выше всего ценят знания. Вот Марри не даст соврать, её младший братишка у кадьяр учится сейчас. Ну так вот: решил кадьяр поставить опыт, как

раз с таким вином... Ладно, суть пересказывать не буду, но в итоге у него руки так на всю жизнь и остались сиреневого цвета.

Начальник стражи меж тем обдумал, что услышал. Спрашивает:

– Вы, мастер, во многих городских заведениях выступаете с музыкой. Не знаете, где подобное вино наливают? Здесь, например, в «Свином рыле», есть оно?

– Ха! Я ж говорю: ценный напиток! Не кабацкий.

– А у кого такой может быть?

Несложно представить. У Гундингов, чьи корабли перевозят среди прочих товаров дорогие заморские вина. У царевича с королевной. У самого Вонгобая вполне мог быть, когда он был наместником. У нынешнего наместника. У кормчего Райкиджи, известного своими изысканными вкусами.

Дом Гундинг и корабль «Снежная кошка». Если мастер прав, пятно это не отводит от них подозрений, а наоборот.

Парамелло говорит:

– Праведный Гамбобай, как известно, держался строгой трезвости. Однажды маловеры решили испытания ради поднести ему хмельного, но так, чтоб он не сразу догадался. Взяли бочку...

Марригунд глядит на супруга, потом наначальника стражи:

– С вашего позволения, благородный Вонгобай. Джанатта, Джани, выйдите пока отсюда, пожалуйста!

Чего, видимо, Парамелло и добивался. Уверить сыщика, что если Белый мастер помогает следствию, то и говорить будет он: многословно и не по делу.

Спустившись в залу, Парамелло кивает Джанатте на дверь во двор. Выходит мимо стражников, остановился у них на виду, но чтобы речи слышно не было. В двух десятках шагов от места, где нашли Баррая.

Джанатта спрашивает:

– У вас, как я понял, был ко мне разговор. Не скажете, какой?

Глядя мимо горбуна, мастер отвечает:

– Угу, на этом самом пустыре. Уже не важно. Про то, что я тут, в Марбунгу. Вернулся, но объявляться не хочу.

– А где вы побывали за те дни?

– Да нигде. Дождался, пока ясновидцы меня отсмотрят, и сошёл с корабля. Ногами. А «Щука» дальше пошла.

Как подвижник Вольности он чует, когда на него наводят чары. Ходит по воздуху, даже вплавь добираться до берега не пришлось.

– И почему так?

Он разворачивается ещё немного вбок:

– Знаете, благородный Джанатта, я вам пятнадцать лет уже выкаю, но раз спросили, отвечу по-простому. У тебя с Марри покойный Баррай был ведь вроде посредника в любви? Он приехал, я и свалил. Надеялся, что Марри решится-таки к тебе уйти насовсем. Тем более – и уходить-то никуда из храма не надо...

Посредник...

Если бы первые переговоры в Бунджиле кончились неудачей – кто знает, как всё случилось бы дальше между Марригунд и Джанаттой. Если бы не мальчик трёх лет, не могший или не хотевший назвать своё имя, а потому наречённый заново, Дине – самым диневанским именем.

Она решится уйти. К тебе.

– Возьмите эти ваши слова назад, – говорит Джанатта.

Если Видаджани и добивался ссоры, то теперь со вздохом отвечает:

– Да пожалуйста.

А мог Баррай в своё время дать заказ рубежным воеводам? Дескать, по сведениям разведки, к нам за пленными едет молодая жрица, добудьте мне ребёночка, чем меньше, тем лучше, женщины детей любят... Теперь уже у Баррая не спросишь, так ли было дело. И хорошо, что не спросишь.

Мастер добавляет:

– Я ж не затем, чтоб обидеть. Я правда жду уже много лет... И ведь Марри с тобою будет лучше. Вот я и пытался уйти.

Уйти, разумеется, недалеко. Понаблюдать самому, не пропускать же зрелища. Удивительно, но сейчас он даже не врёт, не старается нарочно выставить себя мерзавцем. Так чувствует, так любит.

– Развод не поможет, вы сами знаете. Если хотите как лучше...

– «...то ведите себя по-человечески», да? Легко сказать!

Даже дети уже знают: это невозможно.

– ...то испросите у богов чудо. Защиту. Чтобы, если к гибели Баррая причастен кто-то из её близких, это никогда не раскрылось бы.

Раз уж бессмысленно просить, чтоб бывшее стало небывшим.

– Причастны... Много ли народа надо – человека зарезать?

– Я бы тоже думал, что убийца был один. Если бы не записка.

Почему убийца её не забрал. Торопился? Зачем она вообще понадобилась. И почему не написал сам, а стащил чужую. В руки ему случайно попало письмо без подписи, тут-то его замысел и сложился?

Мастер встряхивается:

– Ладно. Я даже учителю своему Самсаме говорил «ты», а вам – не получается. На самом деле я вам ещё кое-что хотел сказать.

– Слушаю.

– Вы понимаете, почему хобы собрались валить за море? Не один, не два, а толпой, вон даже собственных кораблей не хватает...

– Насколько я понимаю, причин много. Хоб не един в себе.

– «Не един!» Никто на свете в себе не един. Почему они уже не толкуют меж собой, ехать – не ехать, а всерьёз готовятся?

– А это действительно так?

– Дык-ть! Давно уже так, только у нас этого видеть никто не хочет. «У нас» – вообще у людей. Нарек Диневанский умер, а после него никому и в голову не приходит полюбопытствовать, что нового вне пределов Королевства. «Хобы – народ воинов, хобы на нас нападают на суше и на море...» Богами так созданы, да? В лучшем случае вспомнит кто-нибудь: а-а, когда-то у них был Баггар-Даггад и им, болезным, хочется обратно! А ежели старого не вернуть, то устроить себе какой-нибудь новый древний Баггар-Даггад. Лишь бы

всё стало, как раньше. Как и нам: больше всего на свете хочется, чтоб ничего не менялось. Так?

– Думаю, да, так.

– А фиг-то! Вот вы про Нурачар что-нибудь слышали?

Если это снова притча...

– Долина в горах Дибулы, заселена карлами рода Андраил, западными союзниками Королевства?

– Угу-угу. У Нири моего в книжке так и сказано. «Карлы – народ рудокопов и камнерезов, живут в горах...» И всё? Вообще вы живых, не нарисованных карлов когда-нибудь видели?

– У князя Муллаваджи был наставник карличьего племени.

Мастер отмахивается:

– Это когда – полвека назад? А я про последние лет десять. Что у карлов всё очень медленно – тоже ведь неправда. Нет, не слышали ничего нового про город Нурачар? А он за эти десять лет из родового гнезда Андраилов превратился в столицу большой державы, размером почти со всю Дибулу. Ближние к Диневану карличьи рода тоже в союз с ней вошли, между прочим. Только кого это в Диневане волнует... С каждым годом эта андраиловская держава движется всё дальше на север и на восток. Ищет выхода к морю. И река Таггуд, гавань Бунджил, весь Хоб – всё это ей было бы как нельзя кстати. Хобы против карлов не выстоят, особенно если орки переметнутся. А у орков с карлами и язык похожий, и вера... Можете вообразить, каково бы пришлось Диневану, если бы за Таггудом у него стоял не нынешний Хоб, а, допустим, Царство – даже вполне дружелюбное, мирное Царство? А у карлов держава не слабее Аранды, только моложе и закон у них другой. Ни Марри, ни кому ещё из Гундингов этого не втолкуешь, но вы-то понимаете: не обязательно иметь во главе государства змея-оборотня, чтоб сильными быть, а может, даже лучше – без змея, вообще без царя? Мы с вами, скорей всего, не доживём, но где-нибудь ещё через полвека – не станется ли так, что половина нашего материка будет под карлами, а то и больше? И каково тогда придётся Королевству?

Войну с карлами жители Коронных земель вели не так давно, в начале прошлого столетия. А ещё ближе к нашим временам в союзе с Андраилами усмиряли андраиловских врагов, карлов Банбанов, на западных границах королевства, в краю Гевур. Считается, что оба раза победили. Но едва ли что-то мешает карлам числить победу за собой.

– Я сам, – отвечает Джанатта, – западнее города Марди никогда не бывал. А у вас откуда все эти сведения?

– От древлени Самсаме. Он там теперь странствует, в Нурачаре и вокруг. На всякий случай: древлени – народ мореходов и чародеев, побеждённый нами в древности, живут с тех пор, оплакивая бывшее величие... – но не все. Попадаются и такие, кто следит, что важного творится на свете.

Глянул на небо, потом на крыльцо трактира.

– Неслабо звучит, да? Сейчас Дибульскую державу изучает мастер Самсаме, а перед тем – меня изучал с моими стихами. Ушёл, когда убедился, что больше я ничего путного не сложу.

Он, похоже, не ждал ответа. Но Джанатта говорит:

– Я подумаю над вашими словами про карлов. Но сразу хочу спросить: между всеми этими соображениями и нашим делом, гибелью Баррая, вы связь видите? Или я её пытаюсь искать напрасно?

– Вижу. Но не возьмусь сказать, в чём она. Чую, подозреваю, мерещится мне, не важно. Его не здешние зарезали и не по здешним причинам. Кто-то из хобских.

– Каким образом? Лазутчик сюда прокрался следом за ним?

– Или поджидал его здесь, понятия не имею.

Хорошо бы мастер оказался прав. А не принимал желаемое за истинное. Но даже и желание такое с его стороны – дорогого стоит.

– И вот чего ещё я не могу понять. Зачем вы, мастер, – или ты, если хочешь, – зачем ты себе измышляешь беды, которых нет. Что досточтимая от тебя уйдёт, что наставник твой в тебе разуверился, что ты впредь не сочинишь того и так, чего бы и как тебе хотелось. Я могу понять, если для тебя радости без боли не бывает...

– Ну да.

– Так если у тебя есть любимая и дети – это само по себе не больно? Не настолько больно, как надо?

Мастер усмехается:

– Вот такое Марри имеет в виду, когда говорит «отвечать не в морду, а словами»? Ладно, я тогда в Поганую.

И ушёл через пустырь.

(Вонгобай Гайладжи, начальник стражи)

Негусто, но лучше, чем ничего. За ночь и первое утро расследования начальник стражи в основном составил для себя картину, как было дело. Полутысячник Баррай получил не ему написанное письмо, ждал посетителя, как ему казалось – дождался, вышел толковать на крыльцо, спустился во двор, и там ему нанесли смертельную рану. Постояльцы и давешние гости «Свиного рыла» дали показания младшему сыщику и всё это подтвердили. Ссоры Баррая с кем-либо в самом трактире не видели, как не видели и того человека, кто к нему пришёл. Люди всё почтенные: торговец со слугами, прибывший с Озера, двое других торговцев с юга; эти в трактире поселились и пока не съедут. Ещё – помещик с полуострова, затеявший в городе тяжбу и угощавший своего стряпчего, да дорожный подрядчик, обедавший с поставщиками. Так повелось: в «Рыле» бывают всё больше люди торговые. Чиновники, судейские и прочие служащие Короны ходят в другой трактир, ближе к управе, а для людей попроще есть свои кабаки. Купцы давеча пытались Баррая пригласить вместе выпить, тот отвечал: не взыщите, у меня послезавтра божий суд, коли победа останется за мной – вот тогда погуляем! Что вечером он и его порученец ходили по зале к задней двери и обратно, свидетели вспомнили.

Досточтимая Марригунд деньги Барраевы предъявить отказалась. Ответила: «Всякое золото – золото» и написала расписку, что по первому требованию предоставит оные средства либо Маэру Таггуджи, либо иным лицам по предъявлении законных оснований. Видимо, деньги таки вложены уже во что-то, приумножают сами себя. Самого Маэру она просила отпустить в храм под её ручательство, ибо парню надобно помолиться. Тот не особенно рвался в храм Семерых – скорее уж в Надвратный, к господину, – но согласился и ушёл с нею.

Джанатту Баллури в разговоре наедине Вонгобай попросил: давайте, раз уж нас с вами торопят, попробуем поберечь время. Скажите сразу: убийство – ваша работа?

– Не моя, – отвечал коронный ходатай. – Иначе я ещё вчера так и заявил бы. И искал бы не причин, а оправданий случившемуся.

«Так бы и заявил» – не обязательно признался сам, но имел бы наготове виноватого. Значит, тайный приказ из королевской Ставки, настоящий или выдуманный, можно выкинуть из головы. Что к лучшему, хотя дела не упрощает.

Около полудня Вонгобай Гайладжи, дав задание младшему напарнику, двинулся в управу. Но не к себе, а в караульню – будить Великого Хоба.

Этот малый по имени Дарри – здешний уроженец, семейного удела лишился в пору Онтальского мятежа. Родитель его пробавлялся чем придётся, а он, как подросток, отправился на Таггуд, нанялся в войско и оказался в плену. Был выкуплен храмом Семерых, по возвращении нанялся в стражу, с тех пор дослужился до десятника. «Великим Хобом» его прозвали не зря: росту парень саженого. С храмовой братией Дарри хорошо знаком, а на вчерашний вечер свободен от подозрений: был в наряде, стоял на карауле в воротах управы. Утром сменился, поспал – и теперь готов прояснить начальнику вопрос о так называемых диневанцах.

Что бывшие пленные сейчас под большим подозрением, ясно. Так же несомненно, что храм Семерых постарается их защитить, раз уж числит их своими подопечными. Так что Вонгобай хотел бы начать с менее пристрастного рассказа.

– Прежде всего: чем именно Баррай заведовал в Бунджиле?

– Невольничьим торгом, если сказать по-нашему. Там считается – вспомогательная полутысяча, в ней четыре учётчика, надсмотрщики-орки, служба и сами пленные. Их уж сколько есть, порой еле полсотни набирается, а порой несколько сотен. По закону Баррай пленных должен распределять по работам. Моряки – особая статья, их гребцами на ладьи. Если кого захватят умелого – бронника там, лекаря – их тоже отдельно, коли признаются в своих умениях. А обычных, из войска... Кого в рудники отошлют – те, считай, покойники. Но то раньше было, при мне уже в рудники не угоняли: невыгодно. Где богатые руды, там орочьё всем заправляет, а где такие, что раньше сдохнешь, чем чего нароешь, – туда уж разве каких-нибудь особых врагов Хоба. А так – Баррай говорил: «Мой прииск – вон он», и кивал на контору. А там сидят, которые с выкупом приехали: родня или благодетели. Бывало, целая очередь.

– И каков он был как начальник?

– Для своих, наверно, неплох, раз на таком денежном месте усидел. Впрочем, у орков собственный был старшой, приказы все через него. А для нас... О покойниках – или правду, или молчать, как говорится. Так вот: не особенно Баррай лютовал. При мне – точно. Не измывался просто так, забавы ради не калечил. Это если не рыпаться. Кто драться пытался – тех да, отделать мог до бесчувствия. К раненым лекаря присылал, лекарь у него хоть и орк, но толковый был. Сейчас-то уж, наверно, помер... Мне повезло, я ещё не долеченным числился, когда досточтимая приехала. А то, говорили, дюжий, на ладью сгодишься, хоть и не моряк... Вот это – да, было: Баррай и сам присматривался, кого куда пристроить, и ещё слухи собирал, что между пленными говорится, всегда ж найдётся, кто наушничает... Слухи про то, кто что умеет, кто чем раньше занимался. А люди-то со скуки... Я скажу, самое тяжкое там – это скука, сидишь, сидишь, рад уже канаву рыть идти, лишь бы только делом заняться. Там город запрашивал иногда – на земляные работы, временно. Но вот за враньё, если кто о себе ложные сведенья давал, Баррай крепко бил и услать мог. Потому что накладно: он же вести рассылал, проверял...

– Многие погибали там?

– Было дело. От ран и от болотной парши. Голодно бывало, но не до смерти, а вот что вода дрянная... Вояки из опытных рубежников воду кроме дождевой или снежной вовсе старались не пить: из реки Таггуда она, считай, пополам с кровью человеческой, так они говорят.

– Я понимаю, десятник, это тяжкий вопрос. Но вот если брать тех, кто там побывал и теперь осел в Марбунгу: у кого из них к Барраю был особый счёт? За однополчан, за друзей?

Дарри кивает. Помедлив, говорит:

– Счёты счётами, но могли бы люди понимать, как они досточтимой навредят, если к Барраю сунутся! Не расквитаться за обиду – нехорошо, но за добро злом отплатить – это уж прямая подлость.

Уламывает служивый сам себя: что убийцу незачем жалеть, хоть бы и своего брата пленного. Вонгобай ждёт.

– Давайте, – говорит Дарри в итоге, – я про всех про них расскажу, что знаю и что думаю. Особые то случаи или нет, не возьмусь судить.

– Добро.

– Четверых я бы сразу отставил: они калеками из плена вернулись. Баррая им не одолеть, им с метлой бы управиться... Чтобы кто-то другой за них поквитался – тоже вряд ли, они держатся особняком. Безрукий, Хромой, Погорелый, Безумный. Все немолодые. Да и понимают, что никому кроме досточтимой не нужны, не стали бы пакостить ей.

– Про увечных я понял. А что безумный?

– Да он, ни про кого будь сказано... Ему по голове попали, совсем плох с тех пор. Говорит: я, мол, княжич Диневанский.

– А, этот.

Начальник стражи уже не первый год получает доносы: что в храме Семерых прячут Нарека Диневана. Вонгобай ходил на него взглянуть: на королевского советника он мало похож, а сошёл ли с ума или притворяется – храму виднее. Роста он выше среднего, в буйствах не замечен. Но что он делал вчера, надо проверить.

– Двое ретивых есть: Невинные, Большой и Меньшой. Они сами из Диневана, семьи их в своё время князь Муллаваджи с земли согнал. Как они говорят, безо всякой вины. Господина Баллури не любят крепко как бывшего княжьего человека, досточтимой вроде слушаются. Их она, я знаю, как только Баррай приехал, отправила искать досточтимого Байду. А его ещё найти надо, он по Онталу двинулся: всех детей благословлять, что за зиму народились.

Чтобы найти, нужно искать. Ничто не мешало вместо поисков вернуться в город. Вонгобай себе помечает: эту пару гонцов проверить самым тщательным образом, привлечь храмового ясновидца.

– Дальше трое Южан. С ними по-разному могло выйти, они ребята горячие. Только, думаю я, у них Баррай не первый в списке на отмщение. А раз уж они к себе домой, на юг, не едут... Да и с досточтимой они ладят. Им ни работать, ни на новом месте служить, понимаете, не пристало, как они считают. Они ж – двое благородных, а один и вовсе боярских кровей, только у них боярства южные, для большой семьи тесные, а уделы ещё теснее. У одного имение по суду родичи отобрали, у другого сосед – силою, а третий просто седьмой, не то восьмой, сын у себя в семье. Вот и пришлось им ехать на Рубеж... В храме они вроде как в гостях, лет пять уже гостят, всё лучше, чем разбойничать. Из учтивости помогают, подворье охраняют. Обычно – так, а вчера-то все они, и Южане тоже, мальчика искали, сына досточтимой. Хорошо, что нашёлся он.

– Проверим и южан. Кстати, у них имена есть какие-нибудь?

– Да есть. У досточтимой записаны и ещё у досточтимого Гамурры: отпевать-то, когда срок придёт, по настоящему имени надо... А так каждый либо Джа, либо Талдин, проще уж по прозвищам. Понимаете – плен, клеймо рабское, цена, за сколько тебя выкупили... Из всех, кто в храме, один только Куррата имя своё называть не стесняется. Да и про него я до сих пор не знаю, из какого он удела. Из края Урбери – и всё. А от удела он, я слышал, сам отказался.

– И что скажешь про Куррату?

– Точно не он. Он на поединок Баррая вызвал! Это ж какое перед Отцом Воителем нечестье – если б...

– А ежели отвлечься от правых и неправых на этом божьем суде: просто в бою Куррата мог бы Баррая одолеть?

– Мог бы. Но я так понимаю, не хотел. Кабы зло держал, тогда господин Баллури его не отрядил бы за Барраем приглядывать.

– Вот оно что. Куррата не случайно рядом оказался, когда у Баррая вышел неприятный разговор с молодым Гундингом?

– Какое – случайно! Они вдвоём за Барраем везде хвостом ходили: Куррата и друг его, который Стал-быть. Прозывается так, «стал-быть» у него любимая присказка.

– А он что за вояка?

– Тоже родом из Диневана. Вот он почему домой не вернулся, я не знаю. Отшучивается: ежели уж ехать, дескать, то на Рубеж, и буду я, как Троекратный наш, кругами ходить, в плен – в Марбунгу – в Диневан – на Рубеж – в Бунджил – в Марбунгу... Там есть такой дядька, трижды в плену побывал. Но в храме Стал-быть изо всех на самом хорошем счету, и досточтимая, и жрецы, и Баллури ему доверяют. Они ему, он – Куррате.

Подумав, Великий Хоб мотает головой:

– Он, конечно, третьего дня Куррату последними словами ругал за вызов. Говорил, что сволочь эта поединка не стоит. Но чтоб резать Баррая раньше божьего суда... Нет, едва ли.

– Итак, четверо увечных, Троекратный, как ты говоришь, трое Южан, двое гонцов и Куррата с другом. Это все?

– Нет. Ещё двое молодых. Один, Могильщик, в плен попал годов двадцати от роду, но его выкупили уж несколько лет назад. В своё время его господин Баллури себе в денщики взял, только он прослужил недолго. Что-то там не сложилось. Подался к досточтимому Гамурре, на кладбище помогать, с тех пор и Могильщик. А ещё Позорник, из самого недавнего выкупа. Он в храме года полтора, и за всё это время ни досточтимая, ни кто другой от него не добились, кто он и откуда. Я, говорит, на Таггуд поехал за славой, а вернулся с позором, не хочу, чтоб родные знали.

– Итого четырнадцать человек. Давай-ка, Дарри, опиши мне теперь, кто как выглядит, чтоб я их в храме всех сверил.

Стражник понимает: это нужно. На случай, если храм вздумает предъявить под видом своего подопечного кого-то постороннего.

– У Безрукого правой руки нет. У Погорелого лицо в ожогах...

Десятник не дошёл ещё до середины списка, как за дверью раздался вой. К вам Белый мастер, – доложил дневальный.

Мастер Видаджани входит вместе с длинноносой мальчишкой лет пятнадцати, восточного вида. За ними четыре бабы в платках, все зарёванные и все наперебой вопят по-арандийски. Это, надо понимать, итог поисков письмоносца.

– Меня казните, меня! Я обалдуя вырастила! – кричит одна из баб.

– Бенг, – представляет мастер паренька.

Дарри привстаёт со скамьи:

– Вы тише, уважаемые! Никто пока никого не казнит.

Рост его и голос баб впечатлили, галдёж прекратился.

– Ну так что, Бенг? – спрашивает старый сыщик. – Относил ты вчера письмо от мастера?

– Да я чего? Мне сказали северному господину отдать, я и отдал.

– Перепутал, – мрачно поясняет Видаджани.

Забегался бедняжка. Он в семье единственный мужчина, старается, зарабатывает, как может.

– Вы ж не сказали, что горбтому...

– В собственные руки вручил? – уточняет Вонгобай.

– Да! Я в храм сначала сунулся, там говорят: переехал в «Свиное рыло». Я – туда, там и застал его. Он ещё благодарил, две медных дал. Сильно ждал, наверно...

Письмо Бенг опознал, по крайней мере, заверил: да, единственный листок, свёрнутый, но не запечатанный.

То есть хобский полутысячник погиб из-за дурацкой ошибки? Слабо верится. Мастер Видаджани – и тот не верит.

Запугали письмоносца или заплатили ему, чтобы ошибся и чтобы потом молчал, уже не важно. Ясно другое: просто так никто не стал бы отлавливать в городе наёмного посыльного в надежде найти в его сумке что-нибудь подходящее. Чтобы перенаправить паренька от Джанатты к Барраю, надо было знать, какое письмо он несёт. Начальник стражи, отпустив с миром Бенга и его родственниц, мастера просит задержаться.

– Кто мог видеть вас за написанием этого письма?

Видаджани делается ещё мрачнее:

– Понятия не имею. Один свидетель был, только его на месте нет. Пойду искать дальше, и уж не взыщите, если к вечеру на вас ещё один покойник свалится.

Хорошо, что досточтимая Марригунд не слышит этих слов. Хотя, кажется, мастер не свою возможную гибель имеет в виду, а свидетеля.

– Где это? Вино там есть?

– На самом деле могло быть и вино, хоть мы его не пили. Следов разгрома я сегодня не застал. Ежели мой свидетель не своею волей из дому ушёл, то всяко своим ходом.

Раскрывать место своего уединения мастер пока не намерен.

– Нужны вам люди в помощь? – спрашивает сыщик.

– Попробую сам. Ежели надо будет, попрошу подмоги.

Помянутый нынче советник Нарек в своём замысле преобразований Белым братствам места не оставил. Считал, что с разобщёнными беззаконниками бороться проще. Опыт Вонгобая Гайладжи показывает иное – но и Белые, конечно, не всемогущи. Дайте-то Семеро, чтобы пропавший свидетель не был мальчишкой вроде Бенга, или продажной девчонкой – кем-то, кого большие люди устраняют, не долго думая. Вообще лучше бы свидетель нашёлся живым и невредимым.

Видаджани уходит, а начальник стражи с десятником возвращаются к списку рубежных вояк.

– Неужто все? – выдыхает сыщик полчаса спустя.

– Никак нет. Тут только храмовые, а ещё же городские есть!

Те, кто нашёл себе службу или работу в Марбунгу, но связей с товарищами не порвал. Великий Хоб и сам такой, иначе не был бы столь подробно осведомлен обо всём, что творится в храме.

– Ребята вчера тоже мальчика искали. А я вот – нет, потому как наряд... Даже Кашевар у кабатчика своего отпросился. Это у кого Куррата приютился на время, пока ему в храм нельзя. До божьего суда.

– Кабак у входа в Поганую слободку?

– Да. И ещё один парень есть, Расписной, в балагане тамошнем. После плена многие себе наколки делают, чтоб клеймо прикрыть, а он увлёкся, весь теперь в узорах, как царская пайрана. И вот что, господин начальник стражи. Кто при храме – тем, понятно, своих выгородить надо, если те вовсе и не убийцы, а просто отлучались...

– А кто в городе, те меньше будут врать, если их спросить, кого они видели и кого не видели по ходу поисков Раджангара? Дельная мысль, десятник. К ним я, пожалуй, и отправлюсь.

Везёт сегодня Вонгобаю на крупных собеседников. Джа Расписной, борец из балагана, ростом не уступит десятнику Дарри, а сложением, пожалуй, и превосходит его. В кабаке на Поганой бывшего наместника первым делом спросили, изволил ли тот уже отобедать, а услышав, что ещё нет – ни сам Вонгобай, ни сопровождающий его стражник, – проводили на кухню и накрыли стол. Первым к ним подсел здешний повар, он же Кашевар, чуть позже подоспел и борец.

По городу эти двое вчера ходили вместе с досточтимой. С ними же были трое Южан и Могильщик, за целый день никто не отлучался. Как только увидели Гари, оба здешних вояки поспешили к себе в слободку. Уже уходя, встретили другой отряд: Безрукого, Погорелого, Позорника и Троекратного, а с ними Джанатту Баллури. Слышали, что Хромой и Стал-быть оставались в храме, охраняли там, а Безумный уже несколько дней сидел под замком: похужело ему по жаркой недавней погоде. Невинные вроде в отъезде, пока не возвращались.

– Да для наших всех досточтимая Марригунд – избавительница! Вот верьте, господин начальник: ни один против её слова не пошёл бы. А она ясно сказала Баррая не трогать. Да мы и сами понимаем: эта сволочь хоть знакомая, а кого на его место нового поставят – неизвестно ещё. Нет, наши не убивали.

Зримое подтверждение словам Расписного – одна из наколок. Он одет в тельняшку без рукавов, на одном плече изображено женское лицо и две буквы: Мулл-Гай. На досточтимую Марригунд из дома Гундинг не очень похоже, но имелась в виду она.

– А кстати уж: про благородного Джанатту ваши что говорят? Тоже избавитель?

– Ээ...

Кашевар отвечает прежде борца:

– Если вы про то, не послал ли он кого из наших Баррая убить, так нет, он нам не указчик – настолько-то уж.

– Я слышал, те, кто родом из Диневана, его не жалуют.

– Ну да, из-за князя покойного... Да с ним непросто вообще-то. Вот Могильщик к нему податься хотел, от души старался, а тот его выставил.

– А за что?

– Не сказал. Другие уж и пробовать не стали. Нет, Стал-быть и Куррата, а ещё Троекратный, с ним кое-как ладят. А вообще – знаете, обидно глядеть: горбатый до старости дожил, а сколько молодых здоровых ребят на Таггуде полегло...

Вонгобай себе замечает: проверить Могильщика, хоть свидетели и подтверждают его непричастность. И опять-таки Невинных. Баррая ведь могли убить и из ненависти к его гостеприимцу.

Худо то, что насчёт Курраты Урбериджи ни повар с борцом, ни кто ещё в кабаке по-прежнему не могут сказать ничего внятного.

Этот диневанец до сих пор тут, кабатчик его пока не гонит. Выходил ли вчера вечером – сам Куррата говорить не желает.

– Всё равно свидетелей у меня нет, господин Гайладжи.

Вонгобай, когда впервые его увидел в храме, к бывшим пленным не отнёс, счёл скорее за паломника. Лет ему немного за тридцать, рост средний, выговор и повадка благородные, одет – во что нашлось от храмовых щедрот. По глазам похоже – не спал толком уже несколько суток и много глядел в огонь.

– Ладно, спрошу по-другому: хотели вы убить?

– Мой свидетель договаривался о поединке до первой раны.

– Да я же не о том.

– С меня убитых хватит.

– Тогда чего ж запираетесь?

Молчит.

– То есть знаете, кто убил. Или ещё что-то видели давеча такое, о чём говорить не хотите. И как мне с вами быть?

Пожимает плечами.

– Надолго вперёд у вас тут в кабаке заплачено?

– Ни на сколько. *Двадцать лет я уже при себе монет не ношу...* На самом деле около пяти лет, но не важно.

Ну да, с тех пор как в плен попал – жил то от Барраевых щедрот, то от храмовых. Сомнительно, чтобы досточтимая настоятельница, отпуская его сюда, не попыталась снабдить хоть какими-то деньгами. Видимо, не взял, гордость не позволила.

– Что ж. Тогда извольте ко мне, на казённое довольствие.

Не то чтобы начальнику стражи непременно надо было в первый же день расследования кого-то усадить под замок. Но если узнают, что кого-то он таки взял, – любопытно, как поведёт себя настоящий убийца.

Впрочем, далеко увести задержанного Вонгобай не успел. Ещё на полдороге до управы навстречу ему выехала верхом госпожа Мобайджи Гундинг. Вести от государыни Королевы? Хобские власти начали уже квитаться за своего полутысячника?

– Этот человек, – говорит начальница коронных вестовых, кивая на Куррату, – под защиту дома Гундинг. Прошу сие учитывать, господин начальник стражи.

Прямо со службы сорвалась среди дня – не по должностной надобности, а потому что получила вести из города? Человек, мол, ради вашего сына хобскому посланцу вызов бросил, его теперь за убийство судить будут, а вы и рады? Быстро работают гонцы из Поганой слободки, когда хотят.

Для самого Курраты сказанное – новость, но не особенно радостная. Больше похоже, что он на поединке рад был бы голову сложить, даже если условия того и не требовали. Или ему давно уже жизнь не мила, ещё с самого плена – если не с отъезда на Рубеж, – или вчера узнал что-то, отчего божий свет тошен сделался?

– Учту, – отзывается сыщик.

Посреди шумной улицы слышится тихий противный звук, вроде бряканья колокольчика, только слишком равномерного: дзень-дзень-

дзень-дзень... Это заработал прибор распознавания чар. Начальнику стражи по условиям службы не положено носить такого, а вот в бытность наместником Вонгобай этого звона наслушался. Несложно предположить, на какие чары отозвался колокольчик госпожи вестовой. На диневанца. В сочетании с продымленными его глазами и с заперательством даёт это нам вот что: не ранее чем сутки назад пережил Куррата чудо Воителя Пламенного. Едва ли утром – тогда остаточные чары были бы сильнее, вот хоть лошадь госпожи на них бы вскинулась. Скорее, ночью или вечером. И Куррата сам не знает теперь, не убил ли кого-то. Что не Баррая, ясно, на нём жрецы не видели следов чар. А вот кого ещё...

Госпожа Мобайджи, однако, говорит:

– Дом Гундинг просит отпустить этого человека. Под нашу ответственность.

– Уверены? – спрашивает сыщик.

– Полностью.

– Эх... Отпустить не выйдет. Если берётесь его у себя запереть до особого распоряжения, тогда можно. Расписку только дайте.

Прямо на улице госпожа раскрывает дорожный писчий прибор, черкает несколько строчек, прикладывает свою печать.

– Годится? Хорошо. Следуй за мной, Куррата Урбериджи.

(Маэру-Рубежник)

Всё-таки очень странный храм. Выстроен недавно, и держатся в нём люди – как в новом доме, где решили не обзаводиться лишним. А нужное расставить с умом, то-то тут так просторно. И если здешние все одна семья – семья тоже новая, стараются друг дружку ненароком не задеть, но и не раскрыться слишком. Не повторять прежних ошибок. Своих ли, родительских, наставничьих или чьих.

Маэру-Рубежник сидит на ступеньках главного здания. Молиться невозможно. Очень хочется спать, но тоже нельзя. Сразу видишь господина. Серые глаза, светлые ресницы, взгляда не перехватишь... Нет. Лучше глядеть вокруг. Наблюдать, хотя это уже ни к чему.

На дневной обряд первым является жрец Владыки Гибели. Быстрый шаг, чёрный капюшон откинут, лицо волевое. Следом за ним – хмурый служка, тоже в чёрном, со стопкой книг. Толстый арандиец в лиловом балахоне: кудесник, он же, кажется, местный жрец Премудрой. Задержался, сказал: соблезную, да примется Семерыми полутысячник Баррай. Пожилой жрец Старца Кормильца, с ним господин обедал... Северянин, медно-красное лицо, хромает, его поддерживает немолодая женщина. Это служители Владычицы Вод. Девушка не старше Маэру в красном платье, по виду – как прилежная школярка, за ней неровным строем шагают местные рубежники. Получили, наверно, приказ не разбегаться, пока не кончено следствие.

Маэру думал, их тут гораздо больше. А их всего-то двенадцать человек, не считая двоих, кто в отъезде.

– Ты, стало быть, с нами теперь? – спрашивает один из вояк, задержавшись на ступеньках. Жрица Пламенного оглянулась, он ей в ответ подаёт знак: пока клинки в ножнах, пока мир.

Маэру и рад бы ответить, только нечего.

– Спроси его, – советует другой рубезник, с клюкой, – сколько наших он там, в Бунджиле, продал, чтоб к начальству пролезть?

Дюжину. Сотню. Тысячу. Себя-то ты, Маэру, во сколько бойцов оценишь? В половину тысячи, если считать, что на вчерашний день у твоего господина в отряде кроме тебя никого не было?

Какая разница теперь.

– Оставь, Джа, – говорит третий, с лохматой бородой. – А ты бы, парень, встал, со старшими говоря-то.

Можно и встать.

– Во, другое дело! Помнишь меня?

Смутно. Кажется, да, был такой дядька в Бунджиле.

– Точно, ребята: он. Я ж сказал: помню его! По третьему своему заходу. Он не продавал.

– Идёмте, – торопит жрица.

Маэру опускается обратно.

Дине с той девушкой, дочерью настоятельницы. Спорят на ходу, громко – и похоже, уже не по первому кругу.

– Всяко через огонь в таких делах надёжней!

– Нет! Птицы верней. Там неопытный человек сам не решит, правда он весть принял или померещилось.

– Так и от птицы может померещиться.

– Да! Только к тебе вот не каждый день посторонняя птица слетает и в ухо начинает ворковать. Не спутаешь, сразу ясно – чудо!

– Это если человек сам не сокольник, не птицелов...

– Ну и много на свете птицеловов?

Подойдя ближе, она присаживается на корточки, обернув подол вокруг коленей. Наклоняет голову, сама как птица, заглядывает Маэру в лицо. Говорит:

– Вы – вот что, Маэру. Во-первых, не сомневайтесь: все тут в храме совсем, совсем не рады, а очень расстроены, что так случилось. Если услышите, как кто-то хохочет или чепуху болтает, – не берите на свой счёт и на счёт вашего господина. Это всё потому, что мастер Видаджани вернулся, а когда он тут, люди с ума сходят.

Неплохо бы, наверно, сойти с ума. И ничего не соображать.

Ехать дальше, пробовать дальше, – сказал Маэру начальнику стражи. А досточтимая Марригунд подтвердила сегодня: корабли будут, чуть позже, но точно будут. Она ещё господину это говорила, но будто вскользь, как обещание, а сегодня была уже уверена.

– Во-вторых, – продолжает девушка, – вы умеете известия через огонь посылать? А принимать? Надо сообщить в ваш храм, что вы тут. Ну, в тот, у Озера, где вы росли. Беда только, что мы оттуда никого не знаем, даже досточтимые наши не знают, а когда не знаешь, настроиться очень сложно.

– Не ждут.

– Откуда вы знаете? Если вы на войну уехали, это же не значит...

Звучит, будто «уехать на войну» – само по себе предательство, не важно, как ты себя вёл там, на войне. И в чём-то это правильно.

Что ответить? Проще всего сказать как есть:

– Пока живы были те, кому я нужен был и кто мне нужен, я и не уезжал.

– Всё равно. Может, кто-то есть, про кого вы и не думаете!

– Если не думаю, так и настроиться не смогу. Если чуда просить.

Вот именно, – под нос себе бурчит Дине.

– Вот я и говорю, лучше птицу отправить!

За плечом у Маэру появляется господин Баллури. Молвит:

– Выбери время, Гати, зайди ко мне после обряда.

Направляется в храм. Дине и девушка – её, значит, зовут Гати, – идут за ним.

Последней прибегает досточтимая. Теперь начнётся обряд.

Ехать и пробовать. За моря и начать жить заново. Всё забыть.

В храме поют, слаженно, не похоже ни на приозёрные, ни на северные песнопения. А к лестнице подходит ещё один рубежник. Немолодой, с лысиной почти во всю голову. На обряд не пошёл, сел рядом с Маэру. Вытащил трубку и курево, раскурил, подаёт:

– На, помогает.

– Я обещал не курить.

Господину обещал. Теперь не важно. Вообще ничего не важно.

– Ты, небось, про орочьи зелья обещал? А это табак, южанский лист. От него не дуреешь. Наоборот, проясняется в голове.

И что там может проясниться...

Нету больше господина. Куда уж ясней.

– Как же так вышло? – спрашивает лысый дядька.

Понимай как хочешь. Господина не уберёг. Или: не нашёл себе другого дела, кроме как ехать на Таггуд, а там уж одно за другое, и вот...

– Нельзя было мне вчера уходить, – отвечает Маэру.

– Вот тебе раз! Откуда бы тебе знать, зачем он тебя отсылает...

– Как – зачем?

Дым из трубки едкий, горький. Или просто тепло опять, и возле храма пахнет всем сразу – табаком, благовониями, лопухами, струганными досками.

Дядька рассуждает:

– Он знал, я думаю, что с ним давеча вечером станется. И тебе велел уйти, повод создал. А поединок – ну что поединок...

– Знал... Вы про то письмо, непонятно чьё?

– А оно у тебя?

– У стражи.

– Ну так вот. Очень ему надо с Курратой драться? Незачем вовсе. А тем более с молодым Гундингом. Я же Баррая давно знаю. Вот ты: при тебе он часто дрался без корысти? Из гонора или Воителя ради?

Господин вообще нечасто дрался, а бескорыстно – правда, никогда. Но смотря что считать корыстью.

– Устроил вызов дурацкий, услал тебя, а сам пошёл на настоящий свой бой. Позавидовать можно. Не от хворей, не от ран, не от старости...

Можно. Ещё как. А ещё завиднее вовсе не родиться.

Он продолжает:

– Я, ты знаешь, сам с Барраем дрался однажды. Там, в Бунджиле. Вот к чему он вёл. Вспомнить хочет. Для него – добрая память.

– Из-за чего?

– Из-за себя. Что я – это я. Он уважил: на слово не поверил, но позволил доказать. Развязать меня велел, дрался честно. А сам доказывал, что он – это он, Баррай, и не может быть такого, чтоб он на меня покупателя не нашёл. Хотя все уже отказались: и родня, и Корона...

Маэру расспросил бы ещё. Но тут обряд кончился, и вскоре остальные рубежники подошли, позвали лысого с собой.

– А ты, парень, не больно слушай, чего их светлость нести изволит. Он у нас высокородный Нарек. Княжич Диневан, понимаешь.

Дине вернулся. Мотнул головой в сторону ристалища. Давай, мол, чтоб без толку не сидеть? Честно был готов поделиться лучшим, что есть у него в жизни. Не могу, – ответил Маэру.

– Ты не виноват! Делал, что должен был. А сомневаешься – так вон же там огонь, проверить можно.

– Угу. Знаменья просить. Только будь оно даже в мою пользу...

– ...ты себя всё равно корить не перестанешь? Ясно. Наш наставник тоже говорит: что тебе даст огонь вовне, когда он – тут.

Показывает себе на грудь, где сердце. Спихватился, отёрнул руку. Спросил:

– Но ты веришь, что это не кто-то из наших?

– Да. Иначе бы не пошёл сюда.

Он не уточняет, кого называет «нашими». Может быть, и сам Дине, и весь храм Семерых пока не знают, куда их мерки вчера сдвинулись.

– А тогда чего?

– Просто не могу сейчас, Дине. Может, потом.

– Тебе же квитаться ещё. Или не будешь?

Сквитаться самому. Непонятно с кем и за что, но – разве не повод поддерживать себя в боеготовности? Звучит лучше, чем «жить дальше», «начать новую жизнь», хоть, честно говоря, и не намного.

– Здесь коронный город. Пусть лучше стража.

Дине не поверил. Услышал, кажется: если и буду, не твоё дело. А ведь неплохо тогда поговорили в кабаке... Надо что-то сказать ему, чтоб не обижался. А то получается: у меня господин погиб, мне теперь всё можно! – и это уж гаже некуда.

– Понимаешь, я не знаю, теперь – не знаю, кто он мне был. Хозяин, господин, враг, учитель, всё сразу.

Глаза слипаются. И вот он – господин. Улыбается, живой.

Спрашивает: что ж ты меня не вызвал?

Это не призрак был, не знаменье от Владыки. Иначе бы жрецы распознали. Просто короткий сон.

– Плакать можно, Маэру, – запоздало говорит досточтимая. А он уже раскис и не вспомнит, плакал ли так раньше о ком-нибудь.

«Вызвал». Не понять: как духов вызывают? Или на бой? Или как вчера: глянь во двор, не пришёл ли гость, если да – вызовешь меня...

И главное, сравнится ли теперь что угодно на свете – с такими снами. Не получится ли, что жить будешь ради них. Надеюсь на них.

– Я сам не думал, что настолько... Что так прижился к нему. Я почти три года при нём пробыл, а выходит, всё с самого начала – ради этого...

– Я понимаю. Он говорил мне: для него тоже так. Будто ты с ним всю жизнь вместе. Что ты ему родная душа.

В этой комнате Маэру ещё не был. Стол с бумагами и писчими досками, чернильница, белые свечи в подсвечнике. Дверь закрыта, и почти наверняка Дине сторожит снаружи.

Как малым детям, негромким ровным голосом жрица говорит:

– На востоке, когда скорбят, срезают волосы. Это значит – теперь ты старший, некому больше тебя таскать за вихры. И ещё это значит – ты лучше сам умер бы, чем хоронить своего родного человека, но любишь его и знаешь, что его любовь с тобой. А потому не будешь над собою ничего худшего делать. Могу тебя постричь, если хочешь. А волосы потом – в костёр.

– Можно я сам?

И, помедлив, достаёт нож из-за голенища. Досточтимая подвигает по столу лист бумаги – сложить волосы до похорон.

Говорит всё так же ровно – будто бы, если только не молчать, всё постепенно успокоится:

– Я надеюсь, завтра господин Гайладжи разрешит забрать тело. Тогда наши досточтимые сложат костёр. Здесь, на нашем кладбище: оно за рекой. У меня тут похоронены мама и сын. И ещё люди из плена, кто уже здесь умер. Если решишь тут пепел зарыть – можно. Хоть и не в родных местах, не в Лабирри...

– Господин здесь воевал. На Онтальской войне, молодым.

– Да? Надо же, я не знала. А... на которой стороне? Не прими в обиду, у нас это несправедливый вопрос. Как в любом мятежном краю.

– Он в королевском войске был. И потом сразу уехал на Таггуд.

– А почему?

– Говорил, ему очень не понравилась война. И не потому, что междоусобная. И не потому, что он струсил. Я рассказы слышал, он на Рубеже очень храбро дрался. А потом среди пленников самый беспокойный был. Наверно, потому и занялся в итоге тем, чем занялся.

– Станный человек. А торговлю любил. И людей любил...

– А торговать людьми – особенно.

– Что да, то да, не врать же о покойном. А что сейчас в Лабирри, ты знаешь?

– Его удел давно отдали другим каким-то людям, даже не родне. Есть дальние родственники, но господин с ними дела не имел.

- А в Бунджиле?
- Она спрашивает про близких, не про сослуживцев.
- Там есть... В Красном храме, подвижница Огня.
- Ох... А ведь Джанатта туда весть вчера послал, может статья – прямо ей... Он тоже не знал, я думаю. Как и я.
- Да ей, той женщине, по-моему, не привыкать. К таким вестям. Но даже не из-за неё, а просто: я лучше пепел туда, на Рубеж отвёз бы. Мне кажется, так правильнее.

(Кандамулли, рыцарь Воителя Пламенного)

Восточные глаза темнее ночи, воспетые мастером Видаджани. Здешней порядочной женщине положено отводить взгляд, когда на неё смотрит мужчина, если это не муж и не родич. Досточтимая не отводит.

– Слушаю вас, благородный рыцарь, – говорит она с видом: у меня много дел, давайте побыстрее.

– Мне надо побеседовать с вашими подопечными, бывшими пленными.

– О чём?

Время упущено. Раньше надо было прийти, ещё перед грозой. *Кто осудил бы служителя Пламени, если внимателен к воинам он?* Кажется, так слагаются здешние стишки. *Только в Марбунгу у Белого Знамени* – вместо Смятения правит Закон? Правят совместно Любовь и Закон? Как в Царстве. Любовь к своим вплоть до укрывательства, а закон – чужим.

Здешний Гамурра сразу ответил: не возражаю, но я не настоятель. Затем ли он ушёл в своё время из Надвратного храма, чтобы за полтора десятка лет не продвинуться? Впрочем, для некоторых свобода дороже, а ею Семерной храм как раз и славится. Непонятно только, откуда такая слава, ежели его насельникам нельзя иметь дело с внешним миром без разрешения начальства.

Посетителю тут не предлагают сесть, чаем не потчуют. В покоях настоятельницы на столе помимо грамот и писчих снастей только кружка с бесцветной жидкостью: либо вода, либо хорошо очищенная водка. Её тут пьют не мелкими чарочками, а вот так, от души, и не закусывают.

Радует, по крайней мере, что сейчас горбуна рядом нет.

– О покойном Баррае Лабирри.

– Что именно вы хотите о нём узнать?

– Во-первых – кто его убил, конечно.

– Если бы у нас был ответ, убийца уже был бы назван, а возможно, и схвачен. Но ответа нет. Что во-вторых?

– Что видели и слышали ваши люди следившие за покойным.

Одни по вашему приказу, другие, я полагаю, по собственному почину.

– Вы так думаете?

– Да, учитывая неприязнь оных пленных к покойному.

Она пожимает плечами. Соколы, вороны, стервятники, морские буревестники – кем бы ни были все эти разнопёрые птицы, под опекою досточтимой Марригунд обращаются в кротких голубков, без её разрешения никого не клонут. Так?

– Вы, досточтимая настоятельница, не можете не понимать...

Беззлобный смешок «Ещё как могу! Если мой возлюбленный мастер годами не признаёт моих детей, а я не понимаю этого – худшего оскорбления, какое только возможно для женщины, – то неужто я не способна не-понять чего угодно?»...

– ...не можете не понимать, в кого метил убийца на самом деле.

– Да?

– Уж точно не в Баррая.

– Вы полагаете, убийца ошибся, – отвечает она со скукой.

– Нет. Просто Баррай – не цель, а средство.

– Для чего же?

– Город Марбунгу определён местом пребывания королевы и её супруга. Всякое подобное преступление прежде всего – удар по ним. Ибо означает либо их недосмотр, либо, хуже того...

Не сработало. Глядит всё так же равнодушно, если и напряглась, то совсем немного.

– ...хуже того: попытку вести дела с иными державами помимо Короны. В частности, устранять влиятельных иноземцев. Безразлично: из вражды к их державе или напротив, в качестве тайной помощи её властям, ежели она особа на родине у себя стала неужгодна. Хобский полутысячник, высокоранговый царский чиновник, какой-нибудь мэраанский выборный – всё равно. Убили того, кто первым приехал.

Изогнулась у себя в кресле: не ближе к посетителю, но ниже, к столу. Отвечает прежним якобы безмятежным голосом, но теперь слышен в нём змеиный шелест:

– А вы не понимаете? Что в городе Марбунгу не долж-жжно звучать даже намёка? Ни малейш-шшего намёка ни на что подобное?

И после этого хотите допуска к здешним подопечным? А может, вам самому выгодно распускать подрывные слухи? Может, вы и убили?

Убили и замечаете следы, пробуете выявить не замеченных вами свидетелей. Внаглую явились сюда, станете, чего доброго, запугивать и запутывать рубежных бедолаг, а они и без того дёрганые...

Как до неё достучаться? Спросить: вы, досточтимая, не помните меня? Вы были юной девушкой, я мальчишкой... Да, – скажет, – а теперь я увядаю, вы в самом расцвете, и что?

Или спросить прямо: кто из вашего храма по ночам разговаривает? Она ответит: а вам голоса слышатся? Так-так, давайте ими займёмся... Всякое помешательство любезно Плясунье...

– Самое печальное – замечать следы действительно придётся. Вопрос только, чьи и где. Очень сложно замечать, когда не видишь следов. И при этом не знаешь, видит ли их кто-то другой.

Теперь она прислушалась, пытается понять, что сказал посетитель. Когда вслух возражаешь на свои же мысли, это правда не просто понять со стороны. Но и такое помешательство бывает, видите сами.

Она отвечает серьёзно:

– Поймите, я не могу приказать людям не думать над тем, что они услышат. И поэтому слова ваши никуда не годятся. О таких вещах спрашивать нельзя, ни напрямую, ни обиняками. Это первое. Второе: люди устали, а им ещё предстоит сегодня дать показания страже. Если мы с вами договоримся, я готова разрешить – не допрос, а беседу с теми, кто сам согласится поговорить. Из доброго расположения.

– Я бы точно не согласился, кабы мне было что сказать.

– Что сказать на что? Не они ли убили? Не знают ли, кто убил? Их уже спрашивали. И вы простите, но в делах сыска вы, как мне кажется, едва ли превосходите господина Гайладжи или тех, кто тоже расследует это дело. И кстати: если бы мне было что скрывать – я бы точно согласилась. Чтобы избежать подозрений.

Кто тоже занят расследованием – надо полагать, благородный Джанатта? Поставленный наравне с многоопытным начальником местной стражи. Вы, благородный рыцарь, щенок по сравнению с этими двоими, тут и возражать бессмысленно.

Но ведь она понимает, что за тайны княжий горбун расследовал в Диневане и чем его изыскания кончались? Дела в том числе и злоумышлявших против князя Муллаваджи, а не только тех, кто уже от мыслей перешёл к действию. Тут в храме есть такие диневанцы – кого заранее удела лишили, до всякого мятежа, почему эти люди и очутились на Таггуде. Джанатта, верный княжий ловчий, как раз злоумышленниками и занимался, – но это почему-то не делает его негодяем в глазах досточтимой. Раскаялся, переменялся с переездом в Марбунгу? Или – он свой, ему можно? А до каких пределов можно?

– Королевский ходатай по северным делам известен как человек, крайне строгий в вопросах чести. И однако же он вёл дела с Барраем, вопреки дурной славе последнего, даже принял его как гостя. Это был единственный способ вызволить тех, кто в плену? Самый бескровный способ? Самый разумный, выгодный? Или – какой?

– Не единственный, и не самый, но – один из... Что же касается дурной славы, так она далеко не всегда помеха в делах, особенно когда дела важны.

– Чему примером советник Нарек, обладатель наихудшей славы в нашем веке...

– ...и эта слава не мешала многим полагаться на него, а некоторым даже искренне его любить!

Вспомнила? Расслышала, кто перед ней? И готова уважить моё нежелание признаваться?

Советник Нарек не слишком нуждался в любви окружающих. Кроме, наверно, самых близких людей. Но о досточтимой Марригунд ежель упоминал – нечасто – то особенным голосом, посторонние могли бы вообразить, будто когда-то юная марбунганка поразила его сердце. А советник на самом деле знал, что она его ненавидит. За что, боги ведают, но – горячо. А как раз это ему было нужно, гораздо нужнее любви: ненависть. Почему? Он отвечал: как подтверждение тому, что я всё делаю как надо. Что страна действительно меняется.

– А вы бывали на Таггуде? – спрашивает настоятельница.

– Не довелось.

Ну вот видите: незачем вам с нашими рубежниками толковать, они вас, хоть вы и рыцарь, за человека считать не станут... Хотя горбуна считают же, а он тоже на Рубеже не дрался.

Я вам больше скажу, досточтимая: я вообще нигде не воевал. Либо по возрасту не успел, либо другими делами был занят. Что на меня из-за этого смотрят, как на тлю, мне не привыкать. Это тоже значит, что я своё дело делаю как надо. Не один, понятно, но – один из многих. Потому что в стране, которую задумал советник Нарек, люди вроде меня будут в самый раз: воины, ни с кем не воевавшие, ибо внешний враг не решается напасть, а внутреннего вовремя ловят.

Баррая не должны были убить. Он сам и порученец его были боеспособны, к тому же за ним смотрели коронные люди. И главное: он был вызван на поединок и в городе об этом знали.

– Если бы дело шло своим чередом, то весь Марбунгу был бы на стороне благородного Куррата. И к нынешнему часу Баррай всяко, скорее всего, был бы убит. Я знаю, договаривались стороны – до первой раны, но не верю, чтобы Куррата дал себя ранить или сам бы слегка задел противника. Он мог так рассчитывать накануне, но в бою, когда бы за него стояло столько людей – столько ненавистников Баррая, столько здешних жителей, гордых за свой город...

Жрица качает головой:

– Благородный Куррата человек здравый. Он не поставил бы восторги жителей Марбунгу, а также собственную славу выше жизней тех, кто сейчас находится в плену.

– Я... не совсем об этом, досточтимая. Общая воля – «убей, убей!» – ведёт человека вопреки его воле. Ей сопротивляться не легче, чем воле Воителя, и чтобы воспротивиться, нужно нарочно и долго учиться. Чего, насколько я понимаю, Куррата не делал. Если бы он был опытный поединщик, он бы вызов не перехватывал, а устроил так, чтоб вызова не было вовсе. Ну вот представьте, как бы благородный Джанатта себя повёл в подобном случае.

– «Лучший поединок – тот, который не состоялся»...

Как и вообще лучшие меры те, коих не пришлось принимать. Если сам однажды стану советником Короны, предложу, чтобы эти слова написали на воротах Ставки.

– По крайней мере, нельзя было исключить, что Баррай падёт на поединке. И убийце не пришлось бы ничего делать. Вот я и пытаюсь представить себе человека, который поспешил убить сам, до поединка. Кто это? Слуга очень вздорного господина, которому не важен итог, а важно дословное исполнение приказа? Или наоборот, начальник очень вздорных подчинённых, которые не простили бы, если бы Баррай исчез сам собой, не стараниями их господина?

Когда улыбается – чему только? – можно представить: раньше она была очень красива. На худых щеках обозначаются ямочки, голос звучит звонко, как молодой:

– Какая прелесть. Начальник вздорных подчинённых!

– Но я, увы, ни одного человека, подходящего под эти условия, в Марбунгу не вижу.

– Иными словами, вы хотите искать убийцу, вычисляя, кому могла быть выгодна не смерть Баррая вообще, а именно такая смерть?

– Да.

– Тогда диневанцы вам не подходят. Их вполне бы устроила гибель Баррая на принародном поединке.

– Согласен. А кто-нибудь другой подходит?

Быть может, она и вправду задумалась. Но тут дверь отворяют снаружи, на пороге – один из детей настоятельницы:

– От дядюшки Джангамунга пришли. Там с благородным Курратой плохо, как будто бы одержимость.

– Я сейчас, – жрица поднимается с кресла. – Не взыщите, благородный Кандамулли, продолжим в другой раз.

– Я с вами, – говорит рыцарь. – Может понадобится боевая сила. На Рубеже я не воевал, а вот с одержимыми дело имел.

– Нет необходимости. Вы хотели услышать, что расскажут диневанцы? Спросите у благородного Вонгобая, не будет ли он против вашего присутствия при допросе. Он как раз должен скоро подойти.

Бессмысленно. Он исполн своего дела, заведи при нём речь о чём-нибудь неудобном – заткнёт сразу, вояки и сообразить не успеют, в чём был вопрос.

(Благородный Джанатта Баллури)

Достоchtigой не было в храме, когда начальник стражи явился допрашивать рубежников. Примерно за час перед тем прибежали слуги дома Гундинг, сказали: срочно надо осмотреть Куррату Урбериджи, на него, кажется, сошла божья милость. Или гнев. Настоятельница вместе со жрецом Премудрой пошли проверить.

В итоге от храма на допросе присутствовал достоchtigый Гамурра. Сказал Вонгобаю: вам же легче, при мне меньше станут лгать. Джанатта хотел было присоединиться, сыщик покачал головой. Дине вместе со всеми сел ждать в большой трапезной под присмотром стражника, а в малую Вонгобай вызывал по несколько человек – Джанатта не понял, по какому признаку тот подобрал именно такие тройки и четвёрки.

Коронный ходатай устроился у окна в сенях трапезной. Снова пробовал вчитаться в список пленников, кого Баррай в этот раз предлагал на обмен. Но если там и числится кто-то, чьему возвращению родня, или власти, или враги будут крепко не рады, настолько не рады, что готовы на убийство, – вычислить этого Джанатта не сумел. И зачем в таком случае убивать Баррая, а не самого этого человека, когда он вернётся? Маловероятно, что с ним будет большая боевая сила. Разве что люди из списка или их часть уже состоят при том особенном пленнике, уже готовы присягнуть ему, наняться в его отряд...

Сам Джанатта, ещё когда был Кайтаем, с детства твёрдо усвоил, какой будет его последний час на службе князя Диневана: тот час, когда князь узнает, что у Джанатты появились свои люди. Хотя бы

один человек, хотя бы даже ловчий сокол, верный лично князьему горбуну, а не Диневану. Светлый Муллаваджи подобных ошибок не прощал. И другие разумные правители не прощают – не важно, князя это, короли, или главари Белых гильдий, или надсмотрщики над рабами. Не исключено, что в плену тот умозрительный пленник как раз и начал собирать себе дружину на будущее. Но об этом Баррай не мог не знать. А если знал и не пресёк – что это значит?

Значит, поощрял. Сейчас ни про одно из шести княжеств в королевстве нельзя сказать, что там крепкая власть, надёжные наследники; Нарек Диневан много сил приложил, чтобы этого добиться. Всюду непросто, и княжич Райкиджи на боевой ладье в гавани Марбунгу – лишь один из примеров. Хорошо бы показать ему список и спросить, не говорят ли ему чего-нибудь эти имена. Но в общем-то чей угодно самозванец мог объявиться. Хотя бы потомок мятежного Дунги Онтала, почему нет.

Дине вышел в числе предпоследних допрошенных. Рассказал:

– Там речи не было, что мы убили и чтоб признались или выдали убийцу. Господин Гайладжи, похоже, подозревает кого-то чужого. Спрашивал, кто из нас видел на храмовом дворе посторонних во все дни начиная с приезда хобского посланца. И не заметил ли кто новых лиц в местах, где часто бывает: в доме Гундингов, или в Надвратном храме, или где ещё. И в городе вчера, пока Гари искали. А может, стража этак проверяет, кто из наших куда ходит и с кем знаком?

Наконец начальник стражи отпустил двоих последних свидетелей, вышел сам, стражник и Гамурра за ним. Никто не задержан, не вверен храму под особое ручательство. Покидать город по-прежнему нельзя, но в Марбунгу можете делать что хотите. В пределах закона, – уточнил Вонгобай.

Дине попросил: разрешите, я пойду к Маэру? А то днём ему совсем худо было.

– Да. Если он в силах сейчас, расспроси его по этому списку. Что за люди, как держатся, ладят между собой или нет. Мне следовало сделать это раньше, но – хотя бы теперь.

– Хорошо!

Разговор на много часов. Может быть, обоим ребятам как раз этого сегодня и нужно.

Джанатта отдал сыну листы, вернулся к себе. И почти сразу явилась девочка Гати.

Спросила с порога:

– Они что, вас подозревают?

– Не думаю.

– А почему тогда вас на допрос не пустили?

– Здраво решив, что без меня диневанцы заговорят откровеннее.

– Ага, и невесть чего про вас нараскажут!

– А именно?

– Не знаю.

Села боком к столу. Очень похожа и на мать, и на отца – в такие мгновения, когда опасается неприятных вопросов. Главное – не давать собеседнику вставить слово, глядишь, всё и обойдётся.

– За что они вас так не любят?

– Диневанцы? Едва ли все скопом. У каждого свои причины.

– Это не ответ, благородный Джанатта. Это никогда – не ответ! Каждому своё, в каждой черепаушке свои погремушки...

– Да, верно. Так на любой вопрос можно ответить. Но насчёт диневанцев это правда. Одни – за то, что я служил князю Муллаваджи, а тот разорил их семьи. Другие просто – как войсковые недолюбливают чиновников. Третьи на весь божий свет, а не только на меня злятся.

– А Джа Могильщик? Вы его за что выгнали?

Это и в самом деле нехороший вопрос. Но если бы девочка знала ответ, она бы не спросила.

– Джа приехал примерно таким, каков сейчас Барраев порученец. Я пытался занять его делом. Он взялся было и очень старался угодить. Не по разуму.

Для начала – угодить собственным телом, тощим и истерзанным, непонятно, кем надо быть даже на Таггуде, чтобы развлекаться с парнем вот этак. Джанатта попробовал ответить в своём обычном духе. Лучше, мол, я тебе ужогу: тем, что со мною ничего подобного не нужно. Не сработало.

– А разум чей – ваш? Вы всему мерило? – спрашивает Гати.

– Когда дело касается меня, то да. Я Джу осадил, он расстроился ещё горше. И принялся усердствовать ещё пуще.

– В чём?

– Пытался стать моим человеком. Как бы по присяге. А у меня таких людей нет, не было и не будет. Пришлось нам с Джою разойтись. Мне казалось, у досточтимого Гамурры он неплохо прижился.

– На кладбище прижился, да. Вот и всё у нас так!

– А на самом деле ему там нехорошо?

И выясняется это очень вовремя: за день до похорон Баррая. Ещё за одним делом Джанатта недосмотрел, в последние дни этих ошибок вскрывается слишком много – одна за другой.

– Вроде бы нет, за Гамуррой Джа бегают, как за пророком. Но ведь это само по себе никуда не годится – когда живому человеку хорошо только на могилах!

Что верно, то верно.

Едва ли над этим парнем в плену издевался сам Баррай. Тот, насколько известно, предпочитал женский пол, и не силою и не за плату. Ему занятно бывало добиваться, располагать к себе. Впрочем, какого-то извращенца он вполне мог угостить «своим человечком». Из деловых соображений, и за такое ненавидеть можно ещё сильнее.

– Или вы боитесь, – спрашивает Гати, – что Джа себя вообразил орудием Владыки и Судии, что на него вчера тоже одержимость накатила, как на Куррату?

Вот только этого не хватало.

– Что с Курратой, мы пока не знаем, погодим, что выяснят досточтимые. Но если бы с Джою случилось то, что ты говоришь, его бы Гамурра запер ещё вчера.

– Угу...

– Я хотел тебя спросить о другом. Ты ведь бываешь по вечерам на том берегу, в святилище и поблизости?

– Да. И у ворот. А что?

– Ты не замечала, чтобы кто-то, наш или посторонний, подходил к моему Джанатте Второму? Упражнялся с ним, пока никого другого нет на ристалище.

Так и знал Джанатта, что девочка не захочет отвечать. Потому что в самом деле кого-то видела – и уже знает, что сегодня утром досточтимая с мастером и Джанаттой осматривали истукана.

Впрочем, Гати Гундаури и тут сумела удивить. Вскочила, сверкнула на диневанца чёрными глазами:

– А что?!

– Я недосмотрел за ристалищем. Хочу это исправить.

Подумала. Спрашивает всё то же:

– А что, нельзя? Мне – нельзя?

– Что? Подсматривать?

– Это-то сколько угодно! Нет: заниматься! «Барышням не положено, барышням пристало вышивать»? Да?

– О боги. Джангати, это ты Второго изрезала?

– Мы втроём. С Ирри и с Карри.

Видя, что диневанец всё ещё не опомнился, она объясняет:

– Это сёстры мои двоюродные, с разных сторон. Барышня Диерриджи и барышня Лавари.

Подростки, её примерные ровесницы. Их Джанатта в храме видит постоянно, но не подозревал за ними тяги к воинскому искусству. Одна из девочек небольшого роста, но другая – достаточно высокая для некоторых ударов, видных по ранам на Втором.

– Но почему тайно?

– Да потому что никто не понимает! И вы тоже!

– Досточтимая поняла бы. Помнится, когда-то я видел, как она кидает метательные ножи. Очень убедительно.

– Матушка другое дело, ей можно. И Муллари можно, она тоже жрица, да ещё и Пламенного. А мы «барышни»! Нам – замуж!

Трудно представить, кто бы мог выдать Гати замуж против её воли, точнее даже – иначе как по её настойчивому требованию. Мать с отцом? Дядя с тёткой? Те и другие – убеждённые приверженцы брака по любви. Или девочка боится, что её замужеством озаботится Джанатта?

Ну ещё бы. Дине с нею едва ли даже речь заводил о сердечных делах, а она заранее знает.

– Покажи, как ты держишь кинжал, – говорит Джанатта.

– Я знаю, что неправильно!

– Всё равно.

– У меня с собой нет.

Он протягивает ей свой кинжал. Взяла, и сразу видно: привыкла к более лёгкому. Перехватила клинком вниз, лезвием к себе, так женщины на кухне колют лёд.

– И дальше?

Дальше вот так – она выворачивает кисть.

– Можно так. Только если попадешь в ребро или во что-то ещё твёрдое, вывихнешь себе запястье. Лучше по-другому, я покажу.

– Вот так? – поправляется она.

– Да. Тебя кто-то учил, как бить?

Наклоняет голову, смотрит привычным своим птичьим взглядом:

– Вы правда думаете, что я вам это скажу?

– Почему же нет?

– Потому что он-то и окажется убийцей. Готовился, мол, а делал вид, будто с девочками болтает. Иначе вы не спохватились бы истукана проверить!

Поди объясни, что не так в её рассуждении.

– Я не ищу, кого бы обвинить, Гати. Но если всё было именно так – ты ведь понимаешь, насколько это опасно? И для тебя, и для сестриц, и для него самого, и для храма? Ты понимаешь, что будет, если кто-то другой на него донесёт?

– Тот человек не убийца. Вот и всё, что могу сказать.

– Это Джанга?

Усмехается:

– Как же! Вы говорите – почему да почему. А потому, например, что для братца моего все женщины – куклы ходячие. Вещи. «Бабы»!

И даже если родители и вся семья смотрят на это по-другому – вековые обычаи востока берут верх.

– Очень глупо с его стороны.

Но кто тогда? Джа-могильщик? Безумный Нарек? С кем ещё из рубежников девочки могли договориться, не побоялись бы насмешек и нравоучений насчёт того, что прилично и неприлично?

Или Вонгобай действительно напал на след кого-то нездешнего? Кто приходил сюда заниматься, а заодно следил за Барраем?

– И с моей стороны тоже глупо. Я должен был сам вас научить.

Девочка снова глядит в глаза.

– А вы не боитесь, благородный Джанатта... То есть нет, ясно, вы ничего не боитесь, а всё же: не думаете, что я сейчас вашим оружием вас же и ткну?

– За что?

– Да вот за это! Что вы на себя всё берёте. Что вы – должны. С какой стати, никто не знает, а вот – должны. И ничего, ничего не хотите взамен, для себя! И что вам нету разницы, чем вам отвечают: пусть что хотят себе думают, а вы – своё гнёте, да и всё!.. Что матушка с вами ладит, а с мастером Видаджани – нет. Он к вам цепляется, другой его на месте прибил бы, а вы с ним – как с человеком... Вы один – как со здоровым человеком! Вот он уехал, приехал, матушка – к нему... А вам опять – нету разницы! За то, что как вы её – меня никто никогда в жизни любить не будет!

Что за чепуха? Хотя нет.

Не по долгу же Джанатта всё это делает. Сам выбрал. И если бы лез в драку, просто когда цепляются, то давно был бы убит. И конечно, для Гати найдётся человек... Нет, как раз это всё – чепуха.

– Зато тебе ничто не мешает самой любить так, как ты считаешь правильным. И вот в этом я поддержу, чем смогу.

Бедный Дине. В обоих случаях: если Гати выберет не его – и если выберет, а ему эта любовь окажется не по сердцу.

Девочка спокойно кладёт кинжал на стол. Смотрит ещё какое-то время на диневанца – а потом склоняется в восточном поклоне, очень глубоко. Как перед старшим родичем, свекром или учителем.

– Всё будет в порядке, – говорит он.

– Когда следствие кончится, – отвечает она, вставая, – Второго надо будет перенабить и залатать. Потому что я от него не отстану.

(Джанга Гундинг, старший сын досточтимой Марригунд)

Опираясь на руку сына, Джанги, досточтимая настоятельница направляется домой. Трудный был день – и как знать, идёт ли уже к концу и будет ли легче завтра.

Благородный Куррата действительно был одержим, но не опасен никому кроме себя самого. Пытался вчера через огонь разглядеть в Урбери бывшую свою жену – и с непривычки долго не мог выйти из сосредоточения. В Доме ему пока не дадут огня, успокоительного уже дали. Что он убил бы Баррая на поединке, рыцарь Кандамулли, конечно, городит чепуху: такой тоски никакого ликование толпы не пересилило бы. Скорее, в бою Куррата сам искал бы смерти. И странно, но совсем не ожидал, что Дом за него вступится. Ещё не осознал, что теперь он – человек Гундингов.

Выслушав матушкин краткий рассказ, Джанга замечает:

– И ведь сам виноват, никуда не денешься. И что он? Предлагал, чтоб его хобам выдали как убийцу, ежели те попросят?

– Предлагал. Пришлось ему объяснить, что это не выход.

Из храма пока никто не прибежал. То есть допрос диневанцев ещё продолжается?

– Я не скажу, где был вчера вечером.

– Это едва ли для кого-то тайна, Джанга, – мягко отзывается матушка.

Вот так всегда. Весь город знает, у каких красавиц Джанге Гундингу указали на дверь. Где не указали, тоже общеизвестно?

Достаточно того, что ты их знаешь, матушка. Откуда-то всегда знаешь, дня за три до того, как я начну к кому-то из них чалиться, ты уже знаешь, приветят меня или пошлют.

– Вообще-то причина убить у меня была. Именно вчера.

Тебе тоже неймётся? – читается у матушки в глазах. Хочется в каторгу по отцовским стопам?

– И какая причина?

– Так Куррата же. Чтобы никто не смел без спросу спасать Гундингов. Ибо спасать Дом – моя теперь забота. Только я бы стрелял, конечно, в ближний бой не полез.

Навстречу шагает начальник стражи, уже не в должностном, а в выходном кафтане. Рядом с ним его старший внук Райя с объёмистым узелком в руках.

– Добрый вечер, благородный Вонгобай!

– Мы к вашим в гости идём, – сообщает он важно.

Очень заметно в такие мгновения, что он – дворянин по выслуге. Начинал не рядовым стражником даже, а удальцом на этих вот марбунганских улицах. Только потом обратился к Закону. Но вот Райя уже вполне благородного вида юноша.

А в узелке у них, судя по запаху, сладкий лапшевник. Тётушка Унагунг сама с ними не пошла, но гостинец послала.

Осторожный вопрос:

– Что в храме?

Будто хозяйка там уже не хозяйка, всё вверила в мудрые руки бывшего наместника. Господин Гайладжи отвечает:

– Поговорили. Пока всё по-прежнему.

То есть он не нашёл, кого взять под стражу.

– Спасибо! – говорит матушка, и гости направляются к Дому, а мы – своей дорогой.

Матушка смотрит в вечернее небо. Просто идти и дышать, раньше, чем дойдёшь, всё равно в храме не окажешься. Пользоваться, пока можно, всем вот этим. Прохладой, летней листвой, шумной даже на лёгком ветре. Отсветами из чьих-то окошек на воде в уличной канавке, на камнях мостовой.

– Ты можешь мне сказать, что я делаю не так?

Смех негромкий, точно под стать этим сумеркам:

– Только что хотела у тебя спросить то же самое.

– Я первый.

Выбрала, на что отвечать. На главное, по её счёту:

– Их много. Твоих сердечных тайн. И едва ли они сами не замечают, что каждая у тебя – лишь одна из дюжины.

– Ну ты хватила. Полудюжины не наберётся!

В лад шагам она считает:

– Дом – раз. Архив – два и три. Гавань – четыре. Войско – пять...

– И всё! И обчёлся!

И то – если не сбрасывать со счёта тех, с кем толком до дела не дошло. Это если мы признаём вообще дельными все эти тисканья. Ещё базар она не посчитала, ну да ладно.

Служанка из Дома, госпожа из Архива и её служанка, войсковая десятница, кабатчица... Главная же над ними, как сказал бы господин Вонгобай, кабы исследовал меня своими чарами, – главная-то как раз меня замечать и не хочет.

– А ты не сдавайся. Там, где тебе правда важно, чтобы тебя любили.

– Мне везде важно!

Хотя, конечно, правда твоя: будь рады мне в домике возле храма, никуда бы я дальше не пошёл.

– А у тебя что не так? Вернулся же. И надо признать, красиво: в грозе и буре!

Улыбается:

– Не обижайся на него. Он вас любит, нас, всех нас любит. Но тебя по-особенному.

Я знаю. Конечно, знаю. И что стихков моих он спокойно слышать не может – именно из-за любви. Не ждёт, что я его опозорю как учителя или, страшно сказать, превзойду. А просто верит всему, что сказано стихами.

– И больше сомневается во мне, чем я в нём, по этой части.

– Да...

Но с этим ничего не поделаешь, да и не надо.

(Вонгобай Гайладжи, начальник стражи)

Благородный Мангкаван принимает гостя, расположившись на лежанке по восточному обычаю. Вонгобай на таком же ложе напротив него сидит, скрестивши ноги. Свояк давно привык, не обижается: дело не в недостатке вежества, а просто старому стражнику есть и пить лёжа не нравится, сразу напоминает о временах, когда болел или бывал ранен. И конечно, дед Гундинг рад видеть внука Тадарая. Для такого случая позвал к застолью на мужскую половину обоих Мунговых мальчишек – Датту и Байю. И Раджангара, временно вверенного ему под охрану.

Ты ведь дедушка Райе? – уточнил мальчик Гари, подойдя к начальнику стражи. Вонгобай подтвердил:

– Точно. Райя у нас с твоим дедом общий внук.

– А мне он брат. Значит, ты и мне дедушка!

Сообразительный ребёнок. Понял, что его захотят ещё раз заслушать как свидетеля, вот и пытается казаться младше своих лет.

Сколько Вонгобай помнит Мангкавана Гундинга, тот всегда гораздо лучше выглядел в домашнем. Когда надевал доспех или выходной наряд королевского дворянина, сразу смотрелся переодетым царским лазутчиком. Этаким-то орлиный нос... Сейчас свояк здоровее многих ровесников, плавает и ныряет получше иных молодых – но удалился от дел. Из-за всех нынешних тревог он временно застрял в городе, но как только обстановка позволит, отправится в имение. Однажды Вонгобай был у него там: неширокий участок морского берега, дюжина сосен да домик из дикого камня. Богатым помещьем никак не назовёшь, ценно больше памятью о временах, когда Гундинги впервые высадились на нашем полуострове. Источник же благосостояния их всяко другой.

Водка, как всегда у Мангкавана, хороша. Закуски морские и овощные, вот и пирог с кухни Гайладжи пришёлся кстати. Разговор пока застольный: о давешней грозе, да как её выдержали крыши и сады при домах у обоих свояков и у городских знакомых, о погодах на берегах разных стран близ Торгового моря, о вестях из тех гаваней, где бывали Гундинги в последнее время, о будущем урожае, о видах на осенний торг. Собственно, главное, что хотел, сыщик уже узнал.

С Гундингами, при их восточных нравах, при их гнездовом житье, дело иметь проще, чем с другими семьями в Марбунгу. Если бы Баррая убил кто-то из людей этого дома – не важно, родич, или челядинец, или ретивый доброхот, – Мангкаван, кабы знал об этом, чуял бы пролитую кровь на себе. Свояка, пожалуй, принял бы и до очищения,

но маленьких внуков точно не пустил бы в свои покои. И сам был бы гораздо сильнее напряжён, чем сейчас, больше пил бы и меньше ел.

Вполне возможно, убийца имеет касательство к Гунднгам, просто старший господин о том ещё не знает. Чуткость Мангкавана на скверну – ближе не к чудесному чутью, а к обычной совести. Надо думать, его люди по мере сил тоже ищут, кто мог убить. Но не нашли ещё, не доложили.

Начальник стражи отдыхает сейчас. Неспешно толкует со свояком о персиках и черносливе, хлебах и винограде – а сам вполуха прислушивается, как внук Райя беседует с двоюродными братцами. Те разместились поодаль на ковре за одним большим подносом со снедью.

– Ты гаду сказал, что он гад, и правильно сделал! – возражает Райя Датте на его мрачные, не очень искренние покаянные слова. – А что благородный Куррата выступил... Так у него вообще-то и прав больше. Он-то с этим Барраем ещё когда дело имел!

Датта кивает. Любопытно, успел ли он уже объясниться со своим спасителем. Если Куррата, конечно, в силах разговаривать после чудес.

– И нечего таким гадам по нашему городу ходить! – заключает Райя.

– Да он уж и не ходит, – замечает Гари.

– Ну да. Хотя что его кто-то убил тайком, тоже не годится. Но вообще-то туда ему и дорога.

Гари косится на Вонгобая и спрашивает:

– А если дедушка найдёт, кто убил и правильно, он ему что сделает?

– Когда найдёт, – поправляет Райя. – Суд будет разбираться. Зачем, почему убил. По-моему, неправильно тот влез вперёд Курраты.

– Так а если у него права ещё больше? Если его посол ещё раньше обидел?

– Ну разве что...

И это возвращает нас к вопросу, на который Вонгобая пока никто внятно не ответил. Почему Баррай Лабирри отправился в своё время воевать на Рубеж. Даже порученец, вроде бы ближний его человек, не знает этого или отмалчивается. Тем любопытнее, не догнала ли Баррая давняя вражда, от которой он и бежал тогда. Но если было чего опасаться – зачем же он приехал? Имел ложные вести, что враг его умер или вроде того?

Или самому Куррате убийца крепко обязан. Из рубежников Вонго одного такого уже знает, и это Талдин Стало-быть, но как раз у него на давешний вечер достаточно свидетелей непричастности. И вряд ли ради него жрец Владыки осквернил бы уста ложью.

Датта молчит. Непросто, когда понимаешь: вот сейчас мог бы не у деда в покоях сидеть с братьями за едою, а лежать в храмовом подвале мёртвым. Или другой человек из-за тебя там лежал бы. Впрямую – из-за тебя, для чести твоей и всей твоей семьи так было бы надо, и всё-таки... Непросто – но надо однажды это всё на себя примерить.

– Да ты не расстраивайся! – тормозит его Гари. – Ну хочешь, вызови этого его порученца!

Парень тяжело вздыхает:

– Я же не потому, что мне подраться охота. Порученец при мне вообще ни слова не сказал, мне его – не за что.

– Не сказал – так его посол остановил! Я сам видел! А то бы он тебя вызвал! Они ж с послом – того, два страмца, так все говорят.

Вонгобай этого ещё не слышал. Мангкаван строго взглядывает на внуков: воспитанным отрокам из дома Гундинг про такое даже думать не подобает. Датта дурное слово пропустил мимо ушей, Райя кривится.

Но да, возможно, мы получаем ещё одну причину для убийства. Причём давно задуманного и рассчитанного. Допустим, Баррай в своё время взял молодого пленного Маэру себе в любовники, тому ничего не оставалось, кроме как подчиниться и втереться в доверие к хозяину. И вот, он убил Баррая, как только очутился с ним вместе вне Хоба. Это объясняет, почему парень со вчерашнего дня на сегодняшний внезапно повзрослел: отпала надобность вести себя как юноша. Лицедейский балаган по нём в таком случае плачет: надо ж так убедительно разыгрывать горе! Но коли на то пошло – играл бы и дальше юного дурачка? Или на всякого лицедея бывает проруха?

Всё равно непонятно, когда он успел без сообщника. Талле же его вёл от самого трактира до Поганой. Или всё-таки кто-то из бывших пленников нынче на допросе врал, а сам помог товарищу по несчастью? Прогулялся по улице в хобской кожанке и шапке, Маэру сделал, что сделал, догнал его, и где-то они поменялись одеждой снова? Как-то очень сложно.

Райя молодец, что разговорил мальчишек. Всяко мы теперь знаем: Гари был свидетелем и убийства, и вызова. Очень любопытно, кого ещё он видел там у управских ворот. Или, если привирает, то с чьих слов. Ведь очень может быть, что при вызове убийца присутствовал, но либо не был замечен, как и сам Раджангар, то есть не попал в отчёты соглядатаев, либо... Отчёты надо будет перечитать.

– Если б я в море тонул, – говорит меж тем Датта, – а меня бы вытащили, я благодарен был бы. А тут, получается, от собственных моих слов меня решили спасти. как будто я сумасшедший. Ему, порученцу, никто не мешает вызвать...

– Он не тебя теперь вызывать будет. Ему надо – того, кто его господина убил. Или просто: вот убийцу найдут, схватят, а тут этот Маэру как выскочит с кинжалом – и хлоп! Зарежет.

Гари ложкой показывает, как. Теперь и Мангкаван прислушался, говорит ему тихонько на арандийском: не веди себя как дикие.

– Ему с оружием бегать не дадут, – говорит Тадарай.

– А он не послушает! Припрячет хоть нож где-нибудь – и выскочит!

– Значит, сам поляжет. За ним же смотрят.

– А он того и хочет!

– Чтоб его – следом за хозяином?

– Ну да.

– Почём нам знать?

– По том, что он не в себе! Страмцы – все такие.

Мангкаван подзывает Гари к себе. Тихонько что-то ему говорит, тот делает серьёзное лицо и несколько раз кивает. Развернулся было ко второму дедушке, но дед-Гундинг его удержал.

– Возможно ли, – молвит Мангкаван, обращаясь к свояку, – что следы ведут за море?

– В Барраевом деле? Вполне. А куда бы, скажем?

– В Мэйраа. Вы, я думаю, будете ещё расспрашивать Куррату?

– Если дом ваш не против.

– Всецело за. Я сам с ним ещё не беседовал, но от сына и невестки услышал нечто, что наводит на размышления. Мэйраа, Коин, тамошние невольничьи рынки. Крупное мошенничество.

– А как можно смошенничать с невольниками?

– Предложить кому-то условного княжича, боярича, сына важной семьи из Царства – человека, за кого дадут богатый выкуп. Состряпать якобы подтверждающие грамоты, свидетелей подучить.

– И как-то объяснить, почему сам Баррай этую особой заниматься не стал?

– В его случае сие особенно просто. Он родом из Ккоролевства, всегда мог сказать: с этим пленным и его близкими меня в прошлом связывает то-то и то-то, сам я торговаться с ними не могу, так что переуступаю вам.

– И когда княжич оказался липовым, покупатели обозлились. Могу представить. Спасибо!

Впрочем, если убийца подослан работорговцами, это не упрощает поиски. Разве что клейма на нём что-то полезное покажут.

– Если понадобится, дозволите зазвать дурного гостя в ваши бани?

– Непременно зазывайте! – отвечает свояк.

Хотя и странно, зачем бы Барраю ставить на кон всё своё дело, затевать такое отчаянное жульничество. Зарвался?

Рано или поздно каждый зарывается, говаривал, не тем будь помянут, покойный Лантани, батюшка нашего наместника. Большая сволочь был – и собственным примером подтвердил эти свои слова.

Мангкаван говорит внукам-Гундингам: сводите гостя пока к себе. А когда те выходят вместе с Тадараем, снова что-то шёпотом спрашивает у Гари.

– Не! – отвечает тот.

– Гари готов ответить, – объявляет дед.

Начальник стражи спросил, что нового Раджангар вспомнил про давешний вечер. Мальчик сказал: тот, который в плаще, был без бороды! Из-под капюшона видно было, не всё лицо, только нижняя треть, но что бороды не было, Гари уверен.

На вощёной дощечке Вонгобай изобразил, как смог, несколько лиц, прикрытых сверху капюшоном. Увы: ни волевого угловатого подбородка, ни раздвоенного, ни слоистого, как у толстяков, ни какого ещё своеобразного убийца не имел. Обычное лицо.

– А вспомни, – попросил Вонгобай, – кого ты видел, когда Куррата бросил вызов? Кроме Баррая с порученцем, Курраты и Датты?

– Ну-уу... Дядька Джа с водой и с квасом. Дядька с одеялом, дёрганный такой. Тётка Джелли, которая печник. Или печница?

– Печница – это насекомое, вроде сверчка, – замечает Мангкаван.

– Она, в общем, по печной части. И в храме у нас бывает. Вот Гати знает её.

Вонгобай тоже знает. И присутствие этой женщины в тот час на том месте – любопытно.

– А ещё ухажёр её. Только странно. Они по разные стороны стояли, и нет бы подойти друг к дружке, когда тут такое. Может, разругались?

– Что за ухажёр?

– Да из Надвратного храма. Рыцарь. Который состязания выиграл. Постояли, да и разошлись.

А это ещё любопытнее.

Джелли, служанка из дворца государыни королевны. Кабы на тайной службе давали чины, была бы не менее чем сотницей. И до прежнего наместника доходили сведения, что она со вниманием отнеслась к заезжему рыцарю. Усомнилась, что он в наши края прибыл ради одних только святынь Онтальских.

Но самое любопытное другое. Чьим бы лазутчиком ни был этот Кандамулли, рыцарский его сан вне сомнений, подтверждён Надвратным храмом. И вот в его присутствии звучит вызов на поединок. Дело как раз по его части.

– Рыцарь точно ничего тогда не говорил?

– Не-а!

Крайне подозрительно. Предпочёл сделать вид, что его там не было? Как если бы стражник спокойно смотрел, как человека грабят... Мог и стражник так поступить – но только если имел особые причины.

Средний рост, бритое лицо без особых примет, боевые навыки. А ведь Кандамулли на роль убийцы подходит в точности.

Непогасший фонарь на месте убийства. Допустим: кто бы ни вызвал Баррая на разговор, о присутствии рыцаря при этом разговоре мог договориться сам Баррай, мог – его неизвестный гость, а также рыцарь мог сам явиться, зная откуда-то о назначенной встрече. И мог ударить, пока Баррай смотрел в огонь фонаря. Остаточных чар досточтимая Марригунд не видела – но откуда бы им и быть, если рыцарь только вид сделал, будто принимает для Баррая какую-то весть через огонь или передаёт весть от Баррая кому-то – а сам не молился, а изготовлялся для удара, пока тот вглядывался в пламя?

Когда-нибудь, – не раз говорили господину Гайладжи и супруга его, и сын, – тебя подстерегут в миг, когда ты вперешься опять в свой колдовской камень, и что хотят с тобой сделают, а ты и не заметишь! Боги миловали, но вообще-то мысль верная.

– Дедушка, а, дедушка? – спрашивает Гари. – А что будет, если ты убийц не поймаешь?

– Плохо будет. Но думаю, поймаем мы их. Общими усилиями!

Что-то держит в Марбунгу благородного рыцаря. Если убил таки он и до сих пор не сбежал – значит, ждёт чего-то. Или уверен, что до

него не доберутся. Был вот нынче в храме Семерых, поздоровался с начальником стражи, вид имел раздосадованный, но не смятенный. С ним нужно будет побеседовать, но пока спешки нет, уж если задержался на день – то и до завтра погодит, до похорон Баррая.

А где он был вчера и кто тому свидетели, следует выяснить как можно скорее.

Вонгобай благодарит мальчика Гари и свояка. Просит послать кого-нибудь из людей Гундингов с запиской к ближайшему стражнику. Всяко про рыцаря Мангкаван только что слышал, запрос его не удивит.

Сам же сыщик тем временем направляется в другую часть дома. Там в полуподвальном помещении за крепкой дверью сидит пока Куррата Урбериджи. Свет у него есть, но – чародейский, на столике бумага и письменный прибор.

Не дожидаясь вопроса, Куррата говорит:

– Простите, господин Гайладжи. Днём сегодня я правда ничего не помнил. И теперь-то вспоминаю урывками, что делал вчера. Досточтимые говорят, хоть не убил никого...

– Загляделись в пламя, я понял. Чудилось вам, будто убиваете?

– Н-нет. Кажется, нет. Вернее, так: новых боёв я не видел, только прежние свои.

Что на самом деле не успокаивает. Бывает, человеку чудится один и тот же враг, а нападает он на тех, кто под руку подвернётся. Но подобной одержимости у Курраты жрецы не нашли, раз не забрали его в храм.

– А что вы пытались увидеть?

– Жену. Бывшую. Думал передать ей, что завтра, то есть сегодня... Что выхожу на поединок, и пусть бы она... В общем, всё это уже не важно, не знаю, зачем я с нею поговорить хотел.

– Сочувствую.

Гундинги ему предложили написать письмо домой – в бывший его дом. Но пока, похоже, не получается.

– Я вас хотел расспросить о Баррае. Что вы знаете о нём?

– Да как будто ничего. То же, что и все.

– Господин Гундинг что-то упоминал про мошенников...

– А. На самом деле Баррай честно старался связаться с моими родными, пока лечил меня в Бунджиле.

– Надеялся получить щедрый выкуп?

Даже сейчас Куррата выглядит человеком ежели не знатным, то из старой дворянской семьи.

– Я был на Рубеже с небольшим отрядом. По князьему призыву туда отправился. И двое из моих... тогда – моих людей вернулись домой. Рассказали госпоже, что своими глазами видели меня мёртвым. И когда ей стали приходить вести из Бунджила, она считала: это от мошенников. Что кто-то пользуется её вдовством и вымогает деньги. Такое случается.

– Понятно.

– Жена на письма не отвечала. Ей тяжело пришлось. Детей у нас нет, удел вернулся в казну, ей осталась треть, и треть – небогатая.

– А выяснить через храм, есть ли вы среди мёртвых, супруга ваша не пробовала?

– Нет. В наших краях Чёрный храм стоит без жреца, уже давно. А ехать куда-то, в столицу или к большому храму... Лишних средств на это у неё не было. Её запугивали, говорили, что если станет тянуть время, она ещё и трети своей лишится, и придётся ей ехать – в никуда, родная семья её назад не приняла бы. Я в своё время увозом женился, без родительского согласия.

Такая, видно, пылкая была любовь...

– И что Баррай? На вас выместил досаду, когда вести втуне пропали?

– Что вы, наоборот. Он, я бы сказал, сердечно со мною обходился, мягче, чем с другими пленными.

– А почему?

– Сложно сказать. Когда я вызвал его, это с моей стороны была свинская неблагодарность. Он меня вылечил...

– А не знаете, он сам много в огонь смотрел?

– Думаю, да, часто.

Жмурится. Напрасно Вонгобай ему напомнил? Или он пытается сообразить что-то?

– Может, Баррай когда-то вам о себе рассказывал?

– Да, был такой разговор. Пытаюсь вспомнить. Как сам он попал на Рубеж. Кажется, так: глупо попался на подначку, и из-за этого погиб человек.

– А что за подначка? И где это было, и кто погиб?

– Хороший человек, так он говорил.

– Имя не звучало?

– Нет. Хотя... Вот его секретаря, новенького, зовут как? Маэру?

– Точно.

– И того человека тоже вроде бы звали Маэру. Наверно, Баррай в его честь этого парнишку назвал.

Вот чего Вонгобай не учёл, велел выписать парню грамоту на имя Маэру. Впрочем, парень назвал это имя своим настоящим. Соврал?

– А у того, погибшего Маэру какое прозвание было?

– Прозвания Баррай не говорил. Или я не помню.

– Сердечно обращался, говорите... Я так понял, нынешнего порученца при Баррае ещё не было – при вас?

– Нет.

– А кто-то при нём тогда состоял? В таком же качестве?

– Именно в таком, чтобы всё сразу – телохранитель, секретарь, ближний человек? Нет. По случаю он разных людей привлекал, даже я какие-то письма для него переписывал...

Дурацкое допущение, но вдруг: заполучив этого Маэру, Баррай дал от ворот поворот прежнему своему доверенному, тот озлился...

Помолчав, Куррата говорит:

– Жену я предал, уехав на войну, оставив её одну. Князя предал, угодивши в плен. Второй раз совсем уж ни за что навредил жене, когда явился к ней после плена: она тогда уже замуж вышла вторым браком, за порядочного человека, он ей крепко помог со стряпческими

делами насчёт удела... Вызовом своим – и Барраю за добро отплатил злом, и храму, это же всё для храма было совершенно некстати... Я уже господину и госпоже Гундинг говорил: зачем брать на службу человека, на чьем счету столько измен?

– Ну, это им решать, нужны вы им или нет. Ещё у меня будет просьба. Помните в лицо Кандамулли, победителя весенних ристаний?

Куррата кивает.

– Пожалуйста, вспомните: вы раньше где-нибудь когда-нибудь этого рыцаря встречали?

Какое-то время Урбериджи пытался вспомнить. В итоге ответил: нет, не встречал.

(Благородный Джанатта Баллури)

Поздним утром тринадцатого числа в храм Семерых явился рыцарь из Надвратного храма. Принёс ответ на вчерашнее письмо досточтимой Марригунд. Нет, тело Баррая Лабирри выдано не будет, храм сам проведёт обряд и похоронит усопшего на Старом кладбище.

Джанатта поспешил в покои настоятельницы, как только с ристалища увидел, как туда направляется рыцарь. Маэру уже сидел там, жрец Гамурра вошёл почти сразу следом за Джанаттой.

– Жаль. Давно я не была в Надвратном храме, – говорит досточтимая. По голосу слышно: она вовсе не намерена сдаваться.

Какие основания? – спросил Джанатта.

– Огненному погребению, – отвечал рыцарь казённым голосом, – предадут воинов, павших с оружием в руках, либо тех, кого затруднительно хоронить в земле. Например, многих единовременно умерших при моровом поветрии. Нынешний случай ни тот и ни другой, слава богам.

Насчёт мора воистину так, – отзывается Гамурра.

– Но господин же воевал! – возражает Маэру. – Столько лет на Рубеже пробыл! И раньше ещё, в Онтальскую войну...

– А в последние годы возглавлял вспомогательную полутысячу в Хобе. Это военная служба, – подтверждает Джанатта.

И на случай, если рыцарь Пламенного о таком не слышал:

– Когда хобские власти узнают, что их человеку здесь в Марбунгу не сложили костра, его гибель перестанут считать просто убийством. Оценят как убийство подлое, как враждебный шаг против всего Хоба.

Кандамулли молод. Рыцарь мирного времени. Он спрашивает:

– А что, хобы дружественного шага ожидали бы? С какой стати?

– Уважения к многолетнему противнику, вот чего.

– А по мне, – отвечает рыцарь – худшим неуважением к тем воинам, кто сражается по нашу сторону Таггуда, к тем, кто погиб там и кто воюет там сейчас... Неуважением к ним всем было бы допускать, чтобы тамошние порядки расползались по всему Королевству. Как если бы эти люди своего Рубежа не удержали. Обычай, о котором вы говорите, принят на Таггуде, не спорю. Но здесь ему не место.

Досточтимая отвечает:

– Разве не понятно, что мы не ради себя хобского уважения добиваемся? А ради тех, кто там! Сейчас! Не просто на Рубеже, а у хобов в плену! И разве в Мэйане не принято хоронить воинов в огне?

– Павших в бою, с оружием в руках. К Барраю это не относится.

– Но ведь и советник Нарек Диневан не погиб в бою, а для него огненное погребение сочли правильным!

– Кого вы с кем равняете, досточтимая?

Ещё недавно прозвище «Нарек-наоборот» звучало как шутка...

– Не вижу, чем неуместно такое сравнение, – говорит настоятельница. – Если оставить в стороне личные чувства.

– Досточтимые в Надвратном храме вспоминают другой пример. Вам он известен лучше, чем мне. Когда-то в Марбунгу пытались провести огненный обряд над телом некого господина Лантани, тоже учитывая его бывшие военные заслуги. И обернулось это нечестием. Больше храм не допустит такого.

– «Такого» не допустит, – кивает досточтимая. – Сам этот пример, как вы его изложили, показывает, что о сути тогдашнего дела вы и вправду не осведомлены. Дальше мне нет смысла что-то доказывать вам, благородный Кандамулли. Продолжим разговор у вас в храме.

Рыцарь развернулся, вышел.

– Как щедро этот приезжий распоряжается землёю Марбунгу, – замечает Гамурра.

Кладбищенской землёй. На Старом кладбище сам Гамурра служил когда-то. Похоже, ему могила хобского полутысячника здесь не нужна ни в каком виде.

Марригунд отвечает спокойно:

– Решение не за рыцарем. Видимо, его досточтимые хотят о чём-то поторговаться. Пойдём, спросим.

Тогда я собираюсь, – отвечает ей Гамурра и направляется к двери. Вслед ему досточтимая говорит:

– Нам понадобятся носилки. И носильщики.

Надеется преуспеть и хочет это сразу показать служителям Надвратного храма.

Гамурра взял с собою Джу-Могильщика, Талдина по прозвищу Стал-быть и другого Талдина, Троекратного. Четвёртым вызвался идти Джа Погорелый, но Маэру попросил: можно мне? И взялся за пустые пока носилки.

– Я всяко с вами, – отозвался обожжённый диневанец. – Ежели что, свидетелем буду: уж кто-кто, а Баррай мирным человеком не был!

Троекратный вслух задаётся вопросом:

– Это что ж такого они там на теле евойном нашли, что отдавать теперь не хотят? Или прямо в теле? Может, пилюли колдовские?

Досточтимая вздрогнула. Предположение странное, но...

Мастер Видаджани в молодые годы, когда вернулся из Аранды, долго в родном Коине не прожил – подался в Диневан. Принялся за обычные свои Белые дела, и воры на посаде близ княжеского замка с ним поквитались щедро: вшили ему в руки несколько чародейских пилюль, с целью отучения от воровства. В лечебном случае эти зелья в оболочке, защищённой заклятиями, действуют по заданному

условию: обезболивают, когда у человека обостряется недуг, или начинают жечь, когда пьяница выпивает хмельного, когда игрок садится играть... У Видаджани, когда Джанатта его видел в первый раз – на суде у Озера, – пилюли действовали как попало, выразалось это в приступах боли при любом волнении или напряжении. В тот же год, ещё до возвращения в Марбунгу, Марригунд и Видаджани побывали в Ларбаре, где опытный лекарь и чародей общими усилиями пилюли удалили. Всё могло кончиться совсем худо, и для мастера, и для тех, кто взялся ему помочь, но досточтимая решилась – и не зря. Заодно познакомилась и с тем чародеем, который теперь принял сан жреца Премудрой и служит в храме Семерых.

Сегодня мастер с самого утра куда-то отбыл. А Джанга ещё здесь, не слишком торопится на службу. Или это Джанатта опять поднялся раньше привычного и ему кажется, будто уже скоро полдень?

Марригунд просит сына:

– Ты не мог бы сходить в Архив?

– Счастлив буду! А что ищем?

– Упоминания Баррая Лабирри в грамотах времён Онтальской войны. Любые сведения о его тогдашней службе в королевском войске. Юноша отзывается точно таким же свистом, как Видаджани, когда тот слышит или видит что-то примечательное.

– Мигом, – обещал Джанга и бегом пустился в сторону конюшни.

А настоятельница вместе с Гамуррой, Джанаттой, Маэру и четверыми рубежниками отправились к городским воротам.

По пути досточтимая рассказала: рыцарь Кандамулли вчера был у нас, просил дозволения расспросить подопечных храма в связи с убийством. Что именно хочет выяснить, ответить не смог, Марригунд ему предложила договориться с начальником стражи и присоединиться к его допросу. Рыцарь этого не сделал, ушёл недовольный. Держал себя как верный слуга Короны и личный почитатель советника Нарека, а не как храмовник, намекал, что убийство – дело рук тех, кто хочет в дурном свете представить Марбунгу перед Ставкой. Получил совет впредь о подобном не распространяться и, возможно, затаил злобу.

Рыцарь появился в Марбунгу незадолго до Новогодья, к началу состязаний его никто не знал. Показал он себя отличным мечником, награду заслужил. Сражался, как принято у ристалищных бойцов, но не как Маэру – напоказ, ради рассчитанного впечатления. Скорее, очень старался не проиграть, и в итоге выиграл. Но не похоже было, что победа для него привычное дело. Цветы долго не знал куда деть, взглядом искал отклика у здешних барышень, и ему улыбались, но, видимо, не так, как он ждал. А Гати в ответ ему показала язык, в итоге ворох пестроцветов он вручил барышне Лалли, к немалой ревности Джанги Гундинга. С тех пор Кандамулли не появлялся ни в храме Семерых, ни поблизости – до вчерашнего дня.

Сам Джанатта от Баррая никогда не слышал, что тот воевал в здешних краях. Видимо, было что скрывать. И что убил его старый знакомый, вполне возможно. Хотя остаётся всё тот же вопрос: как Баррай подпустил его к себе. Должен был держаться вдвойне осторожно.

Дине и Маэру вчера проговорили долго, Джанатта потом прочёл записи, ничего полезного не вычитал. Написал кормчему Райкиджи насчёт списка пленных, но тот пока не ответил.

Кто. Как. Зачем. Нет ответа ни на один из вопросов. И не будет, пока не решён четвёртый вопрос: кого убили. Хобского полутысячника? Работорговца? Или уроженца коронных земель, чьего-то родича, чьё возвращение грозило расстроить дела семьи? Чьего-то господина, присяжника, давнего соперника – или кого?

Навстречу шагает Джелли, старшая по печам из дворца государыни королевы. Удивлённо оглядывает наше шествие. Талдин Троекратный её приветствует, как добрую знакомую:

– Ты на службу? А мы вот покойника своего добывать идём!

– А что такое с ним?

– Да Надвратные не отдают, понимаешь!

Джелли пошла с Троекратным рядом, стала спрашивать. Немудрено: её госпоже важно будет узнать подробности. Досточтимая виду не подаёт, но прислушивается к разговору.

Вот оно что. По словам Джелли, вчера вечером стража запросила Надвратный храм насчёт передвижений рыцаря Кандамулли в день убийства. Имеет на его счёт подозрения? Он делал, что должен был как слугитель Пламенного: стоял на Красной башне храма, следил с высоты, не приведёт ли гроза к пожару в городе или в гавани, не понадобится ли помощь. Но ливень был силён, ничего не загорелось. Свидетелей у рыцаря нет, на башне он был один. Теперь он, вероятно, совместил для себя давешний неприятный разговор и сыскные меры, учёл, что сын начальника стражи женат на сестре настоятельницы, и сделал вывод, что ему, рыцарю, за неуместные речи отомстили таким вот способом. Никакого пока вреда, но неприятно. Что ж, отчасти это может объяснять неуступчивость его храма.

И ещё Джанатта понял то, о чём следовало бы догадаться ещё вчера. Талдин Троекратный как самый добродушный на вид и самый разговорчивый из наших диневанцев был сразу по приезде Баррая отряжен собирать по городу слухи. Если свёл – или укрепил – дружбу с Джелли, это было весьма разумным шагом. Служанка королевы и сама появлялась в храме Семерых и в дни перед убийством, и раньше. Вполне естественно, если это её Гати с сёстрами попросили показать им боевые приёмы, или Джелли сама вызвалась. Женщина она простая, но навыки имеет, и уж точно она не выдала бы девочек и не стала бы спрашивать, зачем им эти уроки.

Даже если это не так, неплохо бы попросить её позаниматься с ними. Не вместо Джанатты, но в очередь с ним.

Надвратный храм – самое старое здание в Марбунгу, старше городских стен. Две башни и перемышка между ними: святилища Воителя, Владыки и Плясуни – Отца, Сына и Матери. Ворота выходят на Королевскую дорогу, перед Красной башней горит негасимый огонь. Весь наш отряд творит молитву, перед тем как зайти, в дверях Марригунд ненадолго остановилась, приложив руку к косяку, к старому гладкому дереву. Она училась здесь, числит храм не менее своим, чем тот, Семерной у реки.

А из досточтимых здесь от её времён остался только служитель Пламенного – Дигенбойя, уроженец Онтала, когда-то могучий воин, но теперь уже старик. Чёрный жрец Гадарру умер для мира недавно, а перед тем многие годы нёс службу королевского судьи, приехал из Ставки. Белый Гамарри – примерно Джанаттиных лет, прислан из Коина. Как и Гадарру, представляет здесь в Марбунгу не только храм, но и Корону.

Зал тесный, не рассчитан на нашу толпу. Кандамулли тоже тут.

Красный жрец начал:

– Ты ведь помнишь, Марри. Когда Лантани...

– Благородный Райджер Лантани пытался устроить ложные похороны, выдать тело своего слуги за своё собственное. Именно в этом состояло нечестие, по крайней мере, досточтимая Марриджани мне объясняла так.

Её наставница, прежняя здешняя жрица. Дигенбойя вздыхает.

Марригунд продолжает:

– У вас, досточтимые, есть основания подозревать, что убитый, чьё тело доставлено к вам позавчера, не Баррай Лабирри, а кто-то другой?

Гадарру молча качает головой. Дигенбойя хмурится ещё больше. Белый жрец оглядывает нас, помявшись, отвечает:

– Лиходея его пока не нашли...

– Но стража, как я поняла, не просила отложить погребение?

– Не просила. Да только вот...

– Очень прошу вас, досточтимые: объясните мне, в чём дело. Ваш храм надеется, что убийцу будет легче найти, если погодить с обрядом? Если в городе станет известно о похоронах именно на Старом кладбище? Вы ожидаете известий, которые подтвердят или опровергнут что-то важное о самом погибшем?

Кандамулли криво усмехается.

– Подобные уловки неуместны, – отвечает Гадарру. – Даже ради правосудия. Погребение состоится сегодня.

– Наш храм готов предать тело огню – сегодня же. Костёр собран.

– Нет оснований, – молвит Чёрный жрец.

Маэру повторяет:

– Мой господин воевал. Здесь в Онтале, в пору мятежа, и на Таггуде потом. Я готов свидетельствовать...

Не слушая его, Гамарри говорит, избегая встречаться взглядом с сестрою по служению:

– Ты ж понимаешь, досточтимая. Сегодня тебе хобского служащего сжечь. Завтра какой-нибудь семибожник захочет, чтоб ему на похоронах музыканты сыграли, как в Царстве. Послезавтра ещё кто-нибудь – чтоб сплясали... Опасный пример для подражаний!

Марригунд отвечает жёстко:

– Не вижу оснований подозревать подобное. Дело идёт о судьбе пленных, мэйанских пленных, уже сейчас находящихся в Бунджиле. Я считаю, это важнее, чем умозрительный пример на будущее.

– А кто поручится, что их уже не перерезали всех? Я ж так понял, о смерти Баррая там знают?

Досточтимая взглядывает на Чёрного жреца. Какое, мол, ещё вам ручательство, если у вас есть свой служитель Смерти. Но досточтимый Гамурра уточняет:

– Наш храм имеет известия, что расправа ещё не свершилась. Время – первый час пополуночи минувших суток. Угроза расправы остаётся.

Белый жрец разводит руками.

– Прозвучали все ваши доводы, досточтимые? – спрашивает Марригунд.

– Нет смысла спорить, – отзывается Гадарру. – И времени нет. Мне пора готовиться к обряду.

– Я готов доказать! – почти кричит Маэру. – Что мой господин достоин...

Досточтимая останавливает его:

– Не надо. За наш храм есть кому сразиться.

И взглядывает на Джанатту с вопросом: так? Да, конечно. Так.

– Требую божьего суда, – говорит она.

Джанатта ждал, что к этому придёт. Могло и не понадобиться – но вот, доводы у Надвратного храма иссякли раньше, чем упорство.

– Извольте, – отвечает Гамарри.

Чёрный жрец сидит неподвижно, Красный молча кивает.

– Погибший Баррай Лабирри может и должен быть предан огненному погребению, – произносит Джанатта свою часть вызова.

– Не может и не должен, – говорит Кандамулли в ответ.

Условия согласовали быстро. Поединок завтра на рассвете, на своём оружии, до неспособности продолжать бой, в чём бы она ни выражалась; если обе стороны выбывают одновременно, божий суд признаётся несостоявшимся. Похороны откладываются до исхода суда.

Вернулись к себе в храм, помолились в святилище. Потом Джанатта побывал во дворце государыни королевны, оставил давно готовое прошение об отставке. А с прошением вместе – наказ для Дине на время передачи дел, если Корона сочтёт правильным сохранить в Марбунгу службу по делам севера.

И вернулся к себе, развёл огонь для собственной молитвы.

Тем и прекрасен божий суд: никогда заранее не предскажешь, чем кончится. Если мы неправы – что ж, будем знать. Если правы – тоже.

Своё оружие: трёхчетвертной меч, выкованный в Диневане. Такой же странный, как вся эта жизнь. Если срока ей – до завтра, то что о ней сказать? Могла бы оборваться в самом начале, если бы не княжья воля и не отвага лекаря. Но вот, продлилась уже больше чем на полвека.

Сокол взлетает в небо, княжеский – но и Джанаттин, первый из тех, за кого он отвечал на соколятне. Летит – а мальчишка думает: да я же и без этого готов жить, готов делать, что смогу! А сокол ещё и возвращается. Нечаянный дар.

И сколько ещё было таких даров потом. Наставники. Книги, сочинённые как раз для Джанатты, хотя сочинители про него и знать

не знали. Князь – в те часы, когда не был одержим и брал передышку от дел. И другой князь, наследник – когда решил, что голова дедова приспешника ему не нужна ни в живом виде, ни на плахе.

Досточтимая. Дине. Джангати ещё теперь. Всё, что здесь есть. Счастье сверх надежды.

Если завтра последний день – дайте Семеро, чтобы они понимали и не жалели. Жизнь его оказалась хороша, намного дольше, и лучше, и увлекательнее, чем мог бы он ждать.

Если так – что потом? Доведётся ли в краях Владыки увидеть своих? Муллаваджи без венца и меча. Родителей. Поглядеть на Наттари: много ли наврал, когда её выдумывал. Познакомиться всё-таки с отцом: любопытно, похож ли Дине на него. Баррая спросить, как так вышло.

Каждого поединка ждешь по-разному. Сегодня вот так. Дайте боги и мне, и супостату не натворить лишнего. И увидеть волю вашу, каждому для себя.

Не в первый раз уже Джанатта молится перед поединком с тех пор, как Дине вырос. Парень знает: вмешиваться не надо. И досточтимая тоже знает. И ей, и ему сейчас больше всего хотелось бы сюда, но просто так не придут. Дине стучится в дверь, значит, что-то случилось.

– Тут, – говорит он, не открывая, громко и виновато, – кажется, убийца нашёлся. Нашлась.

Придётся отвлечься.

– Кто? – спрашивает Джанатта, выходя.

– Барышня Гангобер, она у моста ждёт. Я сейчас, за досточтимой побегу.

Парню очень не хочется отходить от Джанатты. Но и стыдно, что побежал сразу сюда, а не к Марригунд. Как будто для себя урвать пытался время – побыть рядом, поговорить, раз повод есть...

На берегу со стороны святилища стоит молодая женщина, прихожанка храма. Её отец, благородный Гангобер, переехал в Марбунгу из Диневана – много лет назад, не дожидаясь, когда княжий гнев падёт на его семейство. Из тех людей, кто боялся князя Муллаваджи даже больше, чем следовало. Потом этот зодчий строил главное здешнее святилище, и ещё несколько зданий на храмовом подворье возводятся по его чертежам. Сын его служит в Управе тоже по строительной части, дочь, помнится, ведёт хозяйство. Самого Джанатту всё это семейство всегда обходило за версту. Что и понятно.

Пересчитай своих врагов. Вот сейчас тебе скажут: мы убили, чтоб ты, Кайтай, знал, каково терять друзей. И какова справедливость – небыстрая, но верная. Ибо зря ты думал, что дела князя твоего все в прошлом, убитые мертвы, живые прощены... Так вот – нет. А сказать тебе об этом решили на случай, если завтра ты не вернёшься с поединка. Чтоб знал. А так, конечно, нас не заподозрят, тебе никто не поверит, а даже если вдруг – у нас есть надёжное свидетельство, что мы ни при чём.

– Слушаю вас, – говорит Джанатта, подойдя.

Барышня смотрит на него. Гнева, ненависти – ничего такого нет, вид измученный, лицо опухло, как от долгого плача. И веки красные, а радужки очень светлые, водянисто-зелёного цвета.

– Это... Чтобы мастер Видаджани... Чтобы вернулся, – выговаривает она с трудом.

– Не понимаю.

– Я. Вашего гостя. За... зарезала.

– Зачем?

Она собирается с духом. Отвечает:

– Чтобы мастер узнал. Что он тут срочно нужен. Потому что мастер вообще тут нужен, без него никак. Ну и вот.

Помешанная? Из тех, кто не может слышать разговоров про то, как кого-то ищут, сразу начинают думать, будто ищут их? Если Джанатта не путает, женщина эта в пору бегства их семьи из Диневана была ещё младенцем, а может быть, родилась уже здесь. Но страх семейный передался и ей?

– У вас есть гребешок? – спрашивает Джанатта.

Она из поясной сумочки достаёт гребень, несколько раз проводит по растрёпанным волосам. И только потом спохватывается: едва ли именно этот собеседник стал бы ей указывать на неопрятный вид. Разворачивает гребень ручкой от себя, подаёт Джанатте.

– Покажите им вместо оружия, какой удар вы нанесли Барраю.

– А-а. Ну вот так.

Сомнений никаких. Даже Гати по сравнению с нею лихой боец. Эта горожанка не то что человека – курицы на веку своём не убила, скорее всего. Бывает, конечно, и самому мирному созданию приходится драться – но не так и не там, как и где убит был Баррай.

К берегу бегут Дине и досточтимая. Пока они еще далеко, Джанатта спрашивает у барышни:

– Родные ваши знают, что вы пошли сюда с этим разговором?

– Нет. Они не... Ничего вообще не знали и не знают.

– Это хорошо.

Лет ей, наверное, около двадцати пяти. Из семьи беглецов, коих всегда привечают в мятежном краю Онтале. Отец её давно уже имеет здесь неплохой доход. Сама она не красива, но и не безобразна, если не считать этих вот бесцветных глаз. Немного мешковатая домашняя барышня. Понимает ли она хотя бы, какую чушь несёт?

Или всё-таки она имела в виду что-то другое?

– Никто, я думаю, не заслужил, чтобы совсем посторонних людей убивали затем, чтобы его к чему-то вынудить. А Видаджани тем более.

Какой бы он ни был бессовестный – не хочется даже воображать, каково бы ему пришлось, окажись слова барышни правдой.

Или это признание – от страха за кого-то, за настоящего или мнимого убийцу? Не стало сил бояться дольше, вот и пошла сдаваться. Но что должна значить сама эта выдуманная причина? Сочиняла бы женщина – сказала бы: домогался, запугивал, угрожал дорогому для меня человеку. А это что? В каком кругу такие объяснения считаются годными?

Вот, досточтимая тут. Джанатта говорит ей:

– Нужен мастер Видаджани. Дело по его части.

Марригунд приглядывается к барышне, та отворачивается. Должно быть, признаков опасного безумия нет: никакой молитвы жрица не начинает. Я схожу? – спрашивает Дине. Досточтимая качает головой. Берётся за свой святой знак, белую дудочку. Свистит. Мастер отзывается тоже свистом, к счастью, он здесь, недалеко.

– Вам ничего не скажу, – молвит барышня, хотя настоятельница её ни о чём и не спрашивала.

Прибежал мастер. Барышня вдохнула резко, пытается справиться с собой. Джанатта в нескольких словах пересказал, с чем она пришла.

Видаджани ей:

– Пройдёмся? – и увёл по берегу вдоль реки.

Дождавшись, пока они удалятся на расстояние негромкого голоса, досточтимая спрашивает одновременно у Джанатты и Дине:

– Вы поняли, отчего она врёт?

– Дура потому что, – отвечает Дине.

– Пытается кого-то спасти, возможно, даже неизвестного ей. Из-за собственного страха или... не знаю, чего. Отчаяния? Откуда это чувство, не знаю. Но раз она мастера упомянула, может быть, ему скажет.

Досточтимая слушает – а лицо у неё в точности как у дочери её, когда Джангати ждёт случая вставить слово в долгие речи взрослых. Ладно, мол, у меня для вас есть кое-что поважнее!

Дослушала, кивает:

– Да, влюблённые – те ещё дураки.

И, замечая, как Джанатта не к месту улыбается, спрашивает:

– Что ты?

– Да то же самое. Есть с чего дуреть. Ты что-то узнала новое?

– Да. Сядем?

Уселись на траве на берегу. Джанатта в середине, Марригунд по одну сторону, Дине по другую. Досточтимая рассказывает:

– Вонгобай со вчерашнего дня всерьёз подозревает Кандамулли. Рыцарь со дня приезда Баррая то сам следил за ним, то расспрашивал о нём в городе. И главное – наблюдал, как Датта чуть было не вызвал Баррая, а Куррата вызвал. Наблюдал, стоя почти рядом, но ни словом не вмешался в вызов. Рыцарь Пламенного – промолчал! А потом имел повод заговорить с Барраем как раз о будущем поединке – во дворе трактира. Для этого не нужно даже было знать о письме, достаточно просто следить за крыльцом и увидеть, что Баррай и Маэру то и дело выглядывают, поджидают кого-то. По расчёту Вонгобая, могло быть вот как: рыцарь Барраю предложил посмотреть в огонь, и пока тот был занят этим, ударил его.

Да, из известного нам ничто этому не противоречит. И ежели всё так, это меняет наши дела на завтра. Джанатта до сих пор исходил из того, что драться собираются обе стороны. А если нет? Если весь наш вызов нужен самому рыцарю и его храму для чего-то другого?

– Прежде всего: Кандамулли правда служит Красному храму? – спрашивает Джанатта. Досточтимая отзывается:

– И правда ли присягнул Воителю. Это два разных вопроса.

– Да. То есть возможно четыре разных расклада.

– Надвратный храм подтвердил его грамоты. Да, он обучался в Красном ордене, посвящён в рыцари, дары Пламенного принял, чудес пока не творит. Да мало ли таких рыцарей, кто не по чудесной части.

– А по какой?

Марригунд пожимает плечами:

– По связи и разведке. А кому присягнул... Мне кажется, он это дал понять во вчерашнем разговоре, и Вонгобай это в общем подтвердил. Советнику Короны, покойному княжичу Нареку.

– Нелёгкая судьба – пережить господина.

– Да. Учитывая, что нового начальства он себе пока не нашёл. Такого, чтоб расписало ему служебные обязанности. Вот он и ищет, где проявить себя.

– Ещё печальнее. Но не настолько же, чтобы убить иноземца, а потом доказывать, будто тот всему Королевству невесть чем угрожал?

– Не знаю, настолько или нет. Сюда он направлен якобы на подмогу старику Дигенбойе. Судя по тому, что сказал Гамарри Вонгобаю, рыцарь часто рассылает и получает вести милостью Племенного. В Управу, однако, не ходит, и во дворец королевны тоже. Но вот знаком с Джелли, её доверенной девушкой.

– Или вправду прислан как наблюдатель от Ставки за здешними делами, или пытается создать такую видимость?

Досточтимая задумалась. Говорит пока не в ответ на вопрос:

– Хорошо бы, чтобы Маэру пока обо всём этом не слышал.

Дине кивает: не скажу. А она продолжает:

– Кандамулли слишком верен советнику Нареку. Нынешнее начальство это, может быть, и одобряет, но вчуже. А само не доверяет ему, раз точно знает, что он – не их человек. Тогда, возможно, он действует по своему разумению.

– И личные счёты к Барраю у него тоже могут быть. Хотя и странно: откуда ему было три месяца назад знать, что Баррай приедет сюда? Если только встреча не была между ними назначена заранее.

Марригунд и Дине отзываются одновременно. Она:

– А Баррай когда-нибудь встречался с Нареком?

Парень коротко охнул и, кажется, проглотил грубое слово.

– Вдруг, – поясняет, – Баррай знал, который Нарек настоящий? Так-то всем, может, и без разницы, но если Кандамулли советнику верен, ему-то важно, наверно: тот – княжич Диневан был или кто?

Досточтимая возражает – опять совсем по-молодому:

– Он до сих пор любит советника. По-моему, ему всё равно, какого тот рода-племени.

Нарек был старше Джанатты на девять лет. В пору, когда жил в княжеском замке, охоте и пирам предпочитал ристалище и книги, дядин горбун ему на глаза попадался редко. Однажды, увидев Джанатту с книжкой, княжич припомнил слова одного из восточных мудрецов: не мечи и копья губят державу, а бусы и кружева, ловчие псы и соколы... Подросток набрался наглости спросить, что это значит: лишняя роскошь? Но не так уж дорого обходится соколятня... Княжич изволил ответить: подобные увлечения привязывают человека. И

книги, с этой точки зрения, ничем не лучше кружев. Соколы, собаки, женщины, дети... Привязывают – значит, делают зависимым.

Джанатта не вспомнит сейчас, рассказывал ли это уже досточтимой и Дине. Почему бы не рассказать ещё раз.

– Его слова можно списать на юношеское непокорство. Но, кажется, княжич Нарек отчасти сохранил этот взгляд и в зрелые годы? Марригунд кивает.

– И именно за это был любим теми, кто любил его?

– Да, за что же ещё...

– Вот. Я понимаю теперь, с кем буду драться завтра.

– И не важно, убийца ли он?

– Важно. Особенно если до утра Вонгобай найдёт изобличающие улики и объявил о них. Да и если не найдёт, всё равно исход поединка может зависеть от того, кто убийца. Может и не зависеть. Но я по крайней мере буду учитывать вот что: по меркам Нарека Баррай был не просто неправ, неисправимо неправ, а ещё и жил тем, что пользовался людской зависимостью – от других людей, от ближних. Баррай – человек, кого не должно было существовать вообще, будь мироздание скроено по мерке княжича Нарека.

Досточтимая молча берёт диневанца за руку. Тот другою рукой находит ладонь Дине.

– Рыцарь не таков, – говорит чуть погодя досточтимая. – У него не получается совсем не считаться с людской зависимостью. И сам он уж точно, по-моему, не свободен.

– Да, я об этом и говорю. Парня не должно быть на свете, исходя из того взгляда на вещи, который он принял от своего господина.

– И это грустно.

– Грустно.

Но ведь по-своему радостно сознавать: меня не должно быть – а я есть! И многого в жизни моей не могло быть, но есть. Возможно, и Кандамулли к этой радости однажды придёт.

(Вонгобай Гайладжи, начальник стражи)

С любезной улыбкой капитан «Снежной кошки» приглашает гостя располагаться. Спрашивает:

– Не бойтесь, что я сейчас отчалю?

Вонгобай Гайладжи – человек сухопутный. На его взгляд, ладья к немедленному отплытию не была готова, когда он сюда поднимался, но кормчему виднее.

– Поздно! – разводит руками начальник стражи. – Ежели похищать, то раньше надо было, когда я наместником служил.

Княжич Райкиджи прикрывает глаза, смеивается. На худой конец сошёл бы и наместник, но достойную добычу для себя он видит выше: в кругах царских ближних родичей, хобских воевод...

Слухи о беспробудном пьянстве княжича оказались ложными, как Вонгобай и опасался. Всюду на ладье и особенно в капитанском жилище безупречно чисто, запах приятный, из напитков только чай.

– Я к вам по делу о хобском полутысячнике.

– Вы тоже? – княжич взглядывает на длинное письмо, что лежит у него на сундучке. – Вот и Джанатта Кайтай просит содействия...

– Какого рода?

Мог бы кормчий и замкнуться. У себя на ладье он – верховная власть, на вопросы отвечать не обязан. Но он беспечно молвит:

– Княжеского. Предлагает выбрать из списка людей возможного престолохищника.

– Посягателя на власть над Диерри?!

– Или любым другим княжеством, боярством... Придётся ответить, что я за такими делами не слежу.

– А не позволите взглянуть на список?

Впрочем, имена эти и прозвания сыщику ничего не говорят. Якобы тут перечислены пленные, кого Баррай готовил к ближайшему выкупу. И ходатай по делам севера заподозрил, что убийство связано с возможным скорым возвращением в Королевство кого-то из них.

– А ваши подозрения какого свойства? – спрашивает кормчий.

– Как бы сказать... Вещественного.

– Всё лучше, чем умозрительного.

– Ох, не знаю. Следствие идёт второй день, и за это время меня уже снабдили несколькими уликами против вас. Для чего вам убивать Баррая Лабирри, я не вижу. А вот зачем кому-то отводить подозрения именно в вашу сторону, хочу разобраться.

– Готов помочь, чем смогу.

– Дудочка с ладьи «Рауанситра» найдена близ тела убитого.

Ладью ту лет десять назад кормчий взял без большого боя, одним лишь поединком с её капитаном. Вонгобай этого не вспомнил бы, кабы не выступал в своё время судьёй в тяжбе о мече боярина Онтала, нежданно обнаруженном на той ладье. Её Райкиджи отпустил, ограничившись только самым ценным и примечательным из её груза, вот ещё дудку с красивой надписью оставил себе. Обычай пирата-поэта.

– Дудочка! А я-то искал, куда она делась. Досадовал на собственного племянника...

– Которого?

– Раджангара. Он меня, понимаете ли, надул. Обнадёжил, что поступит ко мне юнгой, а то мой уже несколько вырос... И передумал, как только Видаджани вернулся. Гари отца хотел спасти, а вовсе не в моря стремился...

– Знаете, сходится. Мальчик мог обронить дудку тогда же, когда обнаружил тело Баррая. Другая улика – вот это письмо.

Кормчий читает пресловутую записку. Хмурится:

– Да, это уже серьёзнее. И кто кого тут пытается уверить, что он – Нарек?

Княжичу есть отчего не любить покойного советника. Сестра Райкиджи, княжна Диеррийская, была когда-то возлюбленной Нарека, если верить, что княжич Диневан хоть кого-то любил. Счастья их союз не принёс, по слухам, ни ему, ни ей.

– Кто кого... Шурин ваш Видаджани заявил, что пытался этой запиской вызвать на разговор Джанатту. Объявить ему о своём тайном возвращении... Каким-то образом записка попала к Барраю, он ей поверил, ждал гостя – и там, на месте встречи, был убит. Порученец Баррая говорит, что господин его записку воспринял как послание от вас – или от кого-то ещё, с кем имело смысл обсуждать «дела севера», то есть перевозку хобов в Новый Баггар-Даггад.

Княжич отвечает беспечно:

– А нам обсуждать уже было по сути нечего, мы договорились.

– Прекрасно. То есть ничего хорошего, конечно, но благодарю за подтверждение. Я слышал об этом от досточтимой Марригунд, но из первых рук всегда вернее... А не проясните ли мне ещё вопрос вот про эту кляксу? Знатоки говорят, она от густого тёмного вина.

– Поставим опыт?

Кормчий позвал юнгу – в самом деле, это уже не мальчишка, а мощный детина, – велел принести вина и воды.

Тот возвращается с бутылками. Княжич сам разливает вино по чаркам, одну каплю с горлышка роняет на лист бумаги. Спрашивает:

– Я верно понимаю, что вы теперь спросите о моих врагах? Кто мне хотел расстроить такую выгодную сделку?

– А она на самом деле выгодная?

– Несомненно. Но тут я пока не знаю, что ответить. Всё зависит от того, расстроится ли она. Гибель посредника не повод сделку отменять, скорее даже наоборот. Довод для заказчиков поспешить в путь, пока не возникло новых препон.

– Кажется, понимаю. А не мог Баррай искать запасной выход, договариваться с другими кормчими?

– Ему было ясно сказано, что в этом нет нужды. И если даже что-то подобное он проделал, мне незачем его за это убивать. Я уже связался с заказчиками напрямую, дальнейшие хлопоты посредника меня не касаются.

Почему же тогда Маэру был уверен, что господин его ещё ни о чём не договорился? Баррай сомневался в слове княжича Райкиджи? Или княжич врёт? Или врёт порученец?

Вино и вправду на вкус похоже на варенье, крепости совсем не чувствуется. Капля застыла на бумаге чёрным пятном с ровными краями.

Княжич задумчиво молвит:

– Насчёт записки... Быть может, почерк – это и есть способ тайнописи? Допустим, когда хотят сообщить, что всё пропало, пишут: «Здравствуй, как дела?» моим почерком. Когда, наоборот, всё прекрасно, пишут то же самое или другое, столь же обыденное, но почерком – вашим. А когда призывают решительно действовать, то почерком Нарека. Содержание не важно, понимаете?

– Да, пожалуй. Но как...

– Мой шурин – великий искусник в подделке почерков, но не единственный на свете. Если иметь двух таких писарей, одного, скажем, в Бунджиле, а другого в Марбунгу...

Можно обмениваться тайными посланиями, обходясь без подозрительных слов, почерк всё скажет. И Баррай получил письмо,

которое для него нечто одно означало своим видом, а другое – смыслом, оттого и стал проверять, что творится на заднем дворе?

Княжич Райкиджи не жил бы сейчас такую вольной жизнью, не будь у него налажена хорошая разведка по всем берегам нашего моря. О соглядатаях говорит со знанием дела. И если он прав, то записку можно просто выбросить из головы: этакие тайные игры не по нашей части. Хотя... Каковы бы ни были успехи расследования, подозрение о почерках можно и нужно внести в отчёт для государыни королевы. Пусть лазутчиками занимаются те, кому положено, а не стража.

Хоть и был ещё недавно наместником и сам запрашивал отчёты, старый сыщик очень не любит эту часть своей любимой службы – когда надо докладывать по начальству. Не любит и не числит полезной. Но лазутчики – это светлая мысль!

– С меня гостинец, – молвит он. – Но если я вам пришлю вина или перегонной, меня ваша супруга не поймёт?

– Можно поросёнка, – скромно отзывается кормчий.

И спохватившись, добавляет:

– Только не живого, ради всех богов. У меня рука не поднимется.

Свинину хорошо готовят всё в том же «Рыле», оправдывая название трактира. Заказать сюда угощения на всю команду – немаленький расход, но можно себе позволить. Если княжич и дальше будет столь же мил.

Он подготовился к беседе. Примерно представлял, какие вопросы задаст сыщик и у кого будет перепроверять ответы. Ну, а как тогда насчёт дел личных и непроверяемых?

– Вот как вы считаете: зачем мастер Видаджани уезжал?

Вопросом на вопрос кормчий отвечает:

– Заметил, что его тут слишком мало стали любить? Решил: вот вернусь – и будет море любви и буря чувств?

Да уж, буря. Гибель хобского гостя её несколько скомкала, и всё равно.

– А кто это его любит слишком мало? Уж казалось бы...

– Он всё ещё растёт, – отзывается Райкиджи серьёзно и с горечью. – А любовь близких и так огромна, больше не бывает... На самом деле ей, я думаю, тоже надо подрасти.

– Добро. Он теперь говорит, что в городе провёл ночь с десятого на одиннадцатое число в чьём-то доме, причём его там видели за написанием вот этого письма. И теперь он якобы не может найти своего гостеприимца, тревожится, уж не случилось ли чего... Вы не знаете, о ком речь? У вас он этого человека не искал?

– Или не прятал ли, спросили бы уж прямо. Нет.

– А кто это?

– Сходу не скажу. Брат его рванул за ним вдогонку, скоро, авось, вернётся. Значит, не брат. Нанку – могла бы, но если шуринок мой её потерял, моя супруга уже бы знала. Она с этой девушкой дружит.

– А что за девушка?

– Амонанку Гангобер-младшая. Вы помните старуху Гангобер? Вот её внучка.

– Это семейство зодчих?

- Да. Нанку лет десять уже ждёт. Как знать, могла и дожждаться.
- Привета от Видаджани?
- Да. И если, говоря, что не может найти, у кого ночевал, он вам морочит голову... То, наверно, за девушку можно порадоваться. Только звучат слова эти довольно печально.
- Я предпочёл бы, чтобы это был я, – добавляет кормчий.
- С молодой зазной? – не поверил Вонгобай.
- Да нет же. Чтобы если Джани хотел где-то отсидеться, а уж тем более – если хотел прокатиться по морю, то шёл бы ко мне. Но я – вот он тут, как видите. Так что он не меня потерял.
- Эх... А в Поганой слободке или поблизости у него никого нет? Судя по тому, что письмо он посылал оттуда.
- В Поганой... Разве что Талари.
- Торговец беспошлинным товаром?
- Ну вот, не то чтобы эта его черта была для вас тайной. Тогда зачем Видаджани стал бы его прикрывать – не понимаю.
- То есть Талари в самом деле исчез?
- Может быть...
- Станный вкус у мастера Видаджани. Талари этот, на взгляд начальника стражи, в кругу марбунганских жуликов – одна из самых противных особ, хоть и не самая опасная.
- А почему бы не проверить?
- Как бы вы, капитан, посмотрели на ещё один опыт? С чарами. Недолго думая, Райкиджи откликается:
- Ваш знаменитый камень ясновидения? Валяйте, любопытно.
- Известны мне двенадцать человек, причастных к гибели Баррая Лабирри. Гостеприимец его Джанатта. Порученец Джанатты, Дине, ведший переговоры о поединке. Куррата Урбериджи, бросивший вызов. Майадатта, чьи речи привели к вызову. Маэру, порученец убитого, также ведший переговоры и недосмотревший за господином. Кормчий пока кивает на каждое имя.
- Кандамулли, рыцарь Пламенного: слышал вызов и отличился бездействием.
- Тут Райкиджи поднял бровь, но не перебил.
- Два моих обормота: тоже недосмотрели. Пожимает плечами.
- Трактирщик и подавальщик из «Свиного рыла»: недосмотрели за залой и двором. Видаджани, отправитель сего письма. Бенг, посыльный, передавший письмо. Главный же над ними – Талари, мастер незаконных промыслов и притоносодержатель!
- В хрустале не сразу, но всё-таки показалась знакомая рожа. Занят тем же, чем и сыщик с пиратом: выпивает. И тоже у сундучка, а не за столом, рядом никого не видно. Помещение вроде склада, заставленного разною тарой, но необычного: с неровными сводами наподобие пещеры. Вернулся Талари в родные края, прячется на каком-нибудь руднике в горах Онтала?
- Княжич внимательно вглядывается, пробует сбоку разглядеть получше окружение искомого лица.

Вонгобай опускает камень. Кормчий о чём-то задумался, но говорит только:

– Да, это он.

Подвигает к себе листок с кляксой, капает на неё воды. Застывшее вино расплзается багряным. Вот – показывает он сыщику. В самом деле, похоже на нашу кляксу.

Спрятав хрусталь в коробочку, начальник стражи добавляет:

– А насчёт того, кто растёт... Все растут, даже я, хоть мне по годам пора уж усыхать. Вернулся вот к сыскным делам – будто заново.

– Не все это понимают: насколько здорово делать то, что нравится.

– Да кто ж не понимает?

– Многие понимают не сразу. Я тоже.

– Ну да, шатания в разные стороны и у меня бывали... Что-то про благородного Кандамулли скажете?

Кормчий помедлил с ответом. Но сказал:

– Я его помню по тому году, когда Нарек помер. Этот малый не то чтобы дурак, но... лишён гибкости.

А чтобы выбрать себе цель для убийства по расчёту, награды ради, ежели прямого приказа не имеешь, гибкость ума всё-таки нужна.

– Вас он про Баррая не спрашивал?

– Пробовал, – усмехается Райкиджи. – Сюда я его не позвал, сам вышел, предложил с берега мне покричать. Не слишком содержательная получилась беседа.

Это может пригодиться. Любопытно, где ещё в Марбунгу с рыцарем Кандамулли обошлись так же сердечно. И насколько его обида влияет на его действия.

После ясновидения кормчий стал как-то задумчив. Пытается понять, почему – кроме учтивости – Вонгобай его имя не упомянул в перечне причастных? На самом деле сыщик пока не рассеял своих подозрений насчёт княжича. Причина убить у Райкиджи может быть деловая – чтобы нечто, звучавшее на переговорах, больше нигде не прозвучало. И тогда, надо думать, хобы не будут очень страдать от потери своего человека. Это если кормчий с хобами правда уже договорился. Другие причины могут всплыть, когда младший сыщик проверит, что известно про команду «Снежной кошки», а это – работа ещё на день или два.

(Гари, четвёртый сын досточтимой Марригунд)

Мир взрослых суров и невразумителен. Гари готов допустить, что наука деления весьма полезна дедушке и дяде Мунгу. И может быть, даже кому-то ещё. Для чего она надобна самому Гари – совсем непонятно. И из дедушкиных разъяснений понятнее не стало.

Вот например, сказал дедушка Мангкаван, надо нам распределить долг. Собрать сто кариндов с двадцати семи человек. Сколько с каждого причитается? – Пусть отдадут по четыре, предложил Гари. – Но это выйдет больше ста, – возразил дед. Так и хорошо же! –

Но несправедливо. – Тогда с самых хороших можно взять поменьше, прекрасный выход! Но он дедушке почему-то не понравился.

После этого господин Мангкаван объяснил Гари правила деления и задал целую страницу примеров. Причем одному Гари, братцу Вамбайе такого задания не дал. Якобы Байя делить уже давно умеет, хотя и старше всего на несколько месяцев. Так ему оно, может, надо было. А Гари – на кой?

Вот вчера всё было весело. Гари с Байей лазали по дому Гундинг. Если как следует его обшаривать, одного дня не хватит, но Байя обещал показать самое увлекательное, а Гари подумал, что раз уж он здесь пока поживет, то как следует можно будет и потом облазить. А пока следовать за Байей.

Ждали, когда оценится дядина собака Тучка. Но та не стала. Потом дали свободу запертому в подвале матросу с дядиного корабля. И Гари ради этого даже стащил ключи у ключницы. Но матрос, запертый за пьяную драку, на свободу не пошёл, продолжал дрыхнуть.

В другом подвале – не пропадать же ключам – нашлась бочка с заморским вином, его все так хвалят. Гари уговорил Байю попробовать, но вино, видно, хранилось слишком долго и прокисло. А может быть, его лучше закусывать? Очень кстати обнаружился кувшин с мёдом, и вот он-то оказался превосходным. Жаль только, доесть его не удалось, потому что вдруг откуда-то привели благородного Курратту и взрослым потребовались ключи от подвала. Гари с удовольствием помог с поиском ключей. Спящего матроса всё-таки растолкали, поместили в его каморку нашего Курратту, а матросу велели охранять, если Курратта вдруг вздумает буйствовать. А чего ему буйствовать-то, он же всегда спокойный был? Гари даже встревожился, не потому ли Курратту заперли, что он Датте вызов перебил, но дедушка объяснил: все в порядке, благородный Урбериджи просто сошел с ума и одержим Пламенным, поэтому до маминого прихода посидит в подвале, где гореть вроде бы нечему, кроме матроса. А матросу выдали жбан квасу, так что тоже не так всё плохо.

Потом пришли мама и досточтимый Габирри, поговорили с Курраттой и сказали, что он не опасен. Затем мама отыскала Гари, попыталась расчесать ему волосы, слипшиеся от мёда, но быстро бросила это дело и попросила служанку либо отмыть, либо отстричь то, что безнадежно свалялось. Служанка пообещала этим заняться, но Гари вовремя улизнул на мужскую половину. Сначала в гридницу, а после – к дедушке.

И тут пришли гости – дедушка Вонгобай и еще один брат, Райя, сын маминой сестры Унагунг. Оказалось, дедушка Вонго на самом деле не в гости пришел, а нарочно с Гари поговорить, но раз дедушка Мангкаван на это не обиделся, то Гари тоже обижаться не стал. Жалко что ли? Дедушка Вонго ведь сыщик, он, наверно, иначе не умеет.

Самыми важными деду Вонгобаю показались две вещи. Это когда Гари вспомнил, что убийца был без бороды, и когда сказал, что рыцарь Кандамулли никак не отозвался на вызов благородного Курратты. Кажется, Вонго стал даже думать, не убийца ли Кандамулли. И Гари, конечно, не стал говорить, что по его мнению, это – полная

чушь. Ведь рыцарь везде ходит со своим мечом, а у убийцы меча не было. Но тут уж пускай дедушка сам догадывается, он же сыщик!

А мастер Видаджани вчера так и не пришел. Обещал навещать каждый день – и не пришел. Но может быть, вчерашний день – не считается, раз они с утра виделись?

Гари в помощь выдали Байин учебник царского счета. Только там дедушкиных примеров совсем нету, всё какие-то с другими числами. И написано по-арандийски. Гари змейский язык, конечно, знает, говорит не хуже царских людей, но вот читать... Все буквы друг за друга цепляются, пойдя их ещё расплети, чтобы понятно было. Зато вот если к прямоугольнику добавить палочек, а к этому кругу – много мелких кружочков, получится, будто бы Тубу Мардек Рамбутан сражается с умблом. Где-нибудь в горах Дибулы. Надо тогда еще горные вершины пририсовать...

В комнате потемнело – внезапно, не как бывает при грозе. Гари поворачивает голову. Так и есть: мастер Видаджани переваливается через подоконник. Милость Матери-Плясуны – ходить по воздуху. Гари тоже бы так хотел.

– Привет!

Мастер доволен, видимо, день складывался удачно, и, кажется, немного смущен.

– Привет!

Гари охотно отодвинет чернила и книжку.

– Очень надеюсь, Гари, что в следующий раз по окнам лазить будешь ты. И не ко мне, а к более привлекательным особам.

– Чего это – по окнам? Я лучше по трубе!

Гари только сейчас сообразил, что в его комнате печки как раз и нету. А напрасно!

Мастер быстро оглядывает комнату: невелика, три на четыре аршина, такого узкого окошка вполне хватает. Взрослая кровать у стенки, на ней бы и Датта уместился, не то что Гари. Лавочка и стол для занятий, сундук в углу. Учебник на столе и полупустой лист мастер, конечно, тоже заметил.

– Уроки делаешь? – спрашивает мастер участливо: бедный мальчик, что же они с тобой сделали?..

– Ой, да ну! Дедушка решил, мне деления не хватает.

Мастер задумался, а потом – опять с сочувствием – говорит:

– В кои-то веки я соглашусь с господином Гундингом. Насчет деления. Как ты посмотришь на то, чтобы немножко поделиться своей сомнительной славой?

Ну, слава – не любовь и не деньги, можно и поделиться. Но Гари всё-таки уточнит:

– С кем?

– Ты ведь знаешь барышню Амонанку Гангобер?

Кто ж ее не знает, дочка нашего зодчего, что храм строил.

– Ну да, тюха. А чего ей надо?

Похоже, мастеру такое величание барышни не слишком-то по душе. Он кривится, но продолжает:

– Рехнулась. Не Матушкиной милостью, а просто. Пришла сегодня в храм, говорит: «Я вашего Баррая убила!».

Гари задумался, замотал головой:

– Не-а, это она врёт.

– Я пытался ее убедить, что она повинна в другом преступлении. В пособничестве тебе.

– А что я сделал?

Кривляясь, мастер начинает рассуждать:

– Ну, не мог же воспитанный домашний ребенок пяти лет от роду...

– Шести, – поправляет Гари.

– Шести, да. Не мог же он самостоятельно сбежать из дому с полумесячным запасом продовольствия и с кучей денег!

– А почему это не мог?

– Или придётся признать, что перед нами на редкость способное дитя, что настораживает. Или у него был сообщник.

– Ага. А ей зачем надо в сообщники?

– Потому что это очень грустно, – серьёзно отвечает мастер, – быть порядочной послушной барышней и ничего не мочь.

Всё равно непонятно, отчего именно так. Но если мастер хочет, Гари что – жалко, что ли?

– Надо сказать, что она мне помогала?

– Ну да. То есть, наоборот, всё отрицать. Ты ведь покрываешь своих сообщников?

Сообщников в Белом мире все покрывают. Так принято.

– Ага. Так отпираться, чтобы все поняли?

– Да, так. Ты про поединок слышал уже? Новый?

Снизшла милость Воителя на город Марбунгу: поединок за поединком! Впрочем, тот, первый, не получился же.

– Между кем и кем? Маэру и Дине?

– Нет. Джанатта и Кандамулли.

Вот тебе и здрастье!

– А им-то с чего?

– Из-за того, кто будет убитого посланника хоронить. А Дине – с чего?

– Раз они свидетелями были. То есть не были. Хорошо, что не Дине. Но плохо, что Джанатта. Если с ним чего случится, Марри расстроится.

В разговорах с мастером матушку можно называть по имени.

– Да я тоже расстроюсь. Давеча он со мною по-человечески поговорил. Не хотелось бы, чтобы перед смертью.

Как было в храме без благородного Джанатты, Гари не знает. Ему рассказывали, что храм только основали, и господин Кайтай сразу приехал. Гари тогда еще не родился. И даже старший братец Джанга – тоже не родился. Стародавние времена. Тем меньше хочется к ним сейчас возвращаться. Впрочем, взрослые любят всё усложнять.

– А нельзя его оттуда выкрасть?

– Кого, Джанатту?

– Нет, покойника! И схоронить! Пока Надвратный не опомнился.

И тогда нет причины для поединка.

Мастер Видаджани озадаченно трет щёку.

– Это я, пожалуй, не решусь.

Хотя и видно: затея ему понравилась. Гари-то верит, что мастеру всё по плечу. Но если не решится – всё равно что-то делать надо!

– А его непременно надо сжечь, посла этого? Чтобы хобы не обиделись?

– Да. Марри так говорит.

– Тогда я знаю, что надо! Давай его прямо там в Надвратном и сожгём? Тут в подвале большие запасы змейского сала. Я сам видел. Ключи я достану. Нам же одного бочонка хватит?

Вообще-то посол был крупным мужчиной...

– Ну, или парочки?

– Нет, это не выйдет, Гари, – отвечает мастер с видом, что вообще-то сжечь храм для него раз плюнуть. – Начнется пожар, башни могут обвалиться. Тоже жалко будет. Марри особенно.

Да, Гари помнит, что матушка когда-то в том храме училась. И мастера там встретила. Но Видаджани продолжает рассуждать:

– Хотя забрать тело – почему бы и нет? Пойду-ка я и впрямь перемолвлюсь с досточтимым Гамарри.

Это значит, мастер уже сейчас уйдёт? Вот и предлагай после этого хорошие мысли. Гари не маленький, реветь, как девчонка, не станет. Только расстроится.

Мастер, похоже, это заметил. Разводит руками: если ты не обиделся, иди ко мне. Он и дома так иногда делает, для матушки. Но она куда вреднее, чем Гари.

От мастера пахнет ветром и водорослями. И еще успокоительным зельем. Кого это он нынче утешал – неужели досточтимую Марригунд?

Белый шарф мягкий и совсем не колет. Сколько раз Гари засыпал, уткнувшись в него носом. Шарф чудесный, Плясуньей-Матушкой благословенный, на нем пятен не остаётся. Только сейчас Гари не хочет засыпать, а то проснёшься – а мастер уже ушёл...

Он не ушёл. Обнимал-обнимал, но вдруг вскинулся, спрашивает у Гариной макушки – по-взрослому, но не свысока:

– Я верно понял, ты рассказывал, что Баррай и тот, кто его убил, поговорили друг с другом, а потом обнялись?

Да, так и было. Баррай даже руками развёл – почти как мастер.

– Ну да.

– А можешь показать, как?

– Могу. Кого показать: посла или того, другого?

– Обоих.

– Ну вот посол сделал так, – Гари отстранится и отведет правую руку вверх и в сторону, а левую вниз. Слово обхватывает кого-то. А потом ещё и наваливается на него, сверху вниз. – А теперь ты меня держи и укладывай, чтобы я не упал. Тот дядька его тоже придержал, опустил осторожненько, будто боялся, что посол ушибётся.

Мастер снова притягивает Гари к себе, поднимает на руки.

– Я болван, Гари. В твоих словах самое главное прослушал. Надо было за это ещё вчера уцепиться.

– За что?

– Да вот за это. Не просто подпустил к себе, а обнимал. Уже с пробитым сердцем. Это нам сужает поиски. Совсем. До всего одного человека.

– Которого? Кого он любил?

– Да! – отвечает мастер мрачно. – Понять бы ещё, кто это.

– А может, это тётка была на самом деле? Она на женщину не похожа. Но вот тётя Байджи тоже не похожа. И Джелли.

– Может быть, – соглашается мастер еще мрачнее. – Всяко давняя любовь.

Теперь он смотрит прямо, куда-то за голову Гари, на окно:

– Если бы Нарека так зарезали, не нашего, а королевского... Похожий случай даже был. Советник Диневан приехал тогда на съезд, в коронный город Билликен. Сказал, что жить будет не в палатах, а в шатре за стеной. И к нему однажды вечером пришёл Джа Рубежник. То есть человек, кто имел все права и причины его убить. За свою искалеченную жизнь и за многих других, погибших. И вот я думаю, Нарек его бы точно так же... приветил. А тот ему: не-ет! Ты у меня, сука, жить будешь! И все оставшиеся годы помнить, как я тебя не зарезал! Такая вот любовь.

– А-а... Какой-то старый друг.

– Да. Жаль только, ни Марри, ни Кайтай не знают про барраевых настолько старых друзей.

– Джа Рубежник. Это наш, в смысле, тёти Байджи дядя?

– Да.

– А что бы с ним было, если бы он зарезал, а его бы поймали? Его бы тогда казнили, да?

– Да, я думаю.

– Но ты же говоришь, он все права имел советника зарезать? Может, у нынешнего тоже все права? Может, тогда его не надо искать?

– Угу. Властям сдавать, может, и не надо. А для себя знать хотелось бы, кто это.

Эх, понять бы ещё, для кого это – «для себя». Для мастера, для Марри? Для благородного Джанатты? Для дедушки Вонго?

Мастер говорит:

– Знаешь, я вдвойне болван. Марри не поладила бы ведь с ним, с Барраем, ежели он не способен был любить – вот так, когда ради дорогого человека жизни не жалко. Уже тогда способен, когда она в первый раз к нему ездила, а не под старость, когда дурачка этого себе завёл... Ни шиша не правы наши вояки, когда говорят: он, мол, людей за товар считал. Понимал он прекрасно, чем торгует, именно это ему и нравилось! Что в руках у него не просто какой-то там человечек, три сотни ценою, а целый мир. Огромный мир, где всё.

– Нет! Много миров. У каждого же еще свои любимые, и родные, и друзья. А у тех – свои. Это же десятки, тыщи, сотни, целые миры миров!

– Да! И вот эти миры миров он продавал. Размах как раз под стать досточтимой Марри. Щас она позволит, чтоб его кто-то другой хоронил!

Гари пожимает плечами:

- Значит, надо ей помочь!
- Да. Я сейчас на разведку в Надвратный.
- Меня с собой возьмёшь?
- Пока нет. Но вечером зайду.

Раз Гари это придумал, значит его непременно надо взять с собой. Если не на разведку, то уж на само дело обязательно!

– Ты мне тогда маррину шляпу из храма захвати. Вдруг улетать придётся.

Есть у досточтимой такая шляпа – наденешь на голову и можешь по воздуху ходить. Как Плясуньин избранник. Очень полезно, считает Гари. Жаль, прежде до нее добраться не удавалось, матушка за нею присматривает.

(Кандамулли, рыцарь Воителя Пламенного)

Едва успели Семерные храмовники уйти, как рыцаря взяли в оборот здешние бывалые жители. Вы ведь, герой вы наш, заступник, до сих пор с горбуном ратного дела не имели? Признаться, да: ни со здешним, ни вообще с горбатыми, слепыми, безрукими-безногими сражаться не доводилось. Так слушайте! В самом деле, не молиться же вам перед божьим судом, много вы там вымолите – лучше послушайте Воителей верных угодников.

Они расписали в подробностях все поединки, что провёл Джанатта Баллури в Марбунгу: шесть, не считая мелких стычек. Особенно опасен ударом снизу. Всё ещё силен в свои пятьдесят два года, и что хуже – скор, а ведь немолодые бойцы первым делом теряют скорость. Не только мечник, но и меткий стрелок, вам это тоже может быть важно. Множеству людей покалечил руки, навсегда или надолго: при первом удобном случае старается выбить оружие. Владеет многими обманными приёмами и даже, говорят, чарами. Но вы не опасайтесь, в храме проследят, начнёт чудесить – бой остановят, ибо нечестно.

Досточтимый Гамарри последнее уверение подтвердил. А ещё заметил: Джанатта все последние пятнадцать лет даёт уроки подросткам, на любые недостатки супостата у него глаз намётан.

А ещё же надо учитывать свойства места! Какие знаменитые поединки проходили по благословию Надвратного храма. О нескольких рыцарю и прежде рассказывали, теперь охотно повторили и дополнили. Добрались до времён, когда Тубу Мардек Рамбутан, герой прошлого столетия, тут сражался с давним врагом. И одолел, хотя после боя рассудок его помутился. Если верить, что Мардек прежде был в здравом уме. О том божьем суде песня сложена: *И не знает стыда победитель...* Да нет же, наоборот, его одолели! Ибо сказано от Мардекова лица: *Было столько врагов, а сразил меня самый бездарный...* Вот и думайте, благородный Кандамулли, что вы должны делать как рыцарь Воителя, если марбунганцы сейчас прямо в зале в рукопашную сцепятся. Или на оружии пойдут выяснять, кто лучше знает предания старины.

Они не передрались. Долго ещё вооружали поединщика разными сведениями. Хотели даже позвать человека, который сам с горбуном однажды дрался и может поделиться опытом. Но к настоятелю явился гость – мастер Видаджани. Белый жрец с ним уединился, а рыцарь сказал, что пойдёт проветриться. Ну да, Мать Плясунья Отцу Воителю не чужая! Ветер – в ратных делах тоже вещь важная...

А мог бы три часа назад выйти. Молился бы перед огнём или хоть вид делал, никто бы не отвлекал – кроме вестей из Ставки или откуда ещё. Так хоть новости принял бы, полезное дело сделал. Или шёл бы не к огню, а к колодцу Владыки, Судии Праведного. Раз перед богами судиться собрался.

Не бестолковой этой жизни жалко сейчас. Скорее уж, своих заблуждений жалко. Если завтра выяснится, что там, за гробом, никакая служба, ничья, Нареку Диневану не нужна больше, и продолжение дел его не нужно, и вообще на взгляд оттуда всё не так, как мы тут видим лживыми смертными глазами. Очень будет глупо.

Куда идти? Где с меньшей вероятностью узнают в лицо. То есть не в гавань, не в Поганую слободку, не за ворота, не по кабакам уж точно. Куда-нибудь, где реже бывал.

Тесные здешние улицы, жители ещё работают или торгуют, до ночи далеко. Дети играют – во что-то восточное, судя по воплям. Болотники стоят возле водостока, плотно забитого после грозы, обсуждают, видимо, как прочистить. Никто ни с кем не дерётся и даже не бранится. А я к прохожим задираться не буду, понятное дело.

Чего её жалеть, жизнь-то, если она давно уже – как чужая? *Шагнуть в огонь, как в летний дождь*, – сказано у Ладжинги. Если бы – как в дождь... Огонь – он и есть огонь, светлый и ясный, кабы только «огнём» не называлось ещё невесть сколько всякого, тоже – по нашей части, от новостей через костры и до больших межгосударственных сношений. Никому не легче: подвижник Ветра тоже рад бы с одними облаками да птицами дело иметь, а не с жуликами и сумасшедшими...

И почему-то любая улица здесь рано или поздно погибает к морю. Не к гавани – так просто к берегу. А море на Озеро совсем не похоже. Не тихая даль, а пустота, в пасмурную тёплую погоду, как сейчас, особенно пустая. Нет, здесь точно делать нечего. Разожжёшь костёр – набегут с вопросами, что готовишь, да не пожаришь ли заодно, или не сожжёшь ли, вот это, это, да ещё пятое и десятое...

Чего проще: двигаться по городу не вниз, а вверх, там точно моря нет. И чем богаче дома, тем меньше народу.

Склады Гундингов. Жилой их дом должен быть где-то внутри этого складского квартала. Ни разу так и не побывал в гостях. Зачем было ехать в Марбунгу, ежели не знакомиться с Гундингами...

Тот самый пустырь, изрядно вытоптаный стражей и зеваками. Мастер Видаджани, кажется, искал второе мёртвое тело, так и не известно, нашёл ли. Или нашёл и как раз по этому поводу явился в Надвратный храм? А Гамарри ему: нет, знаете, чтоб ещё кого-то лишнего наш рыцарь зарезал, мы сведений не имеем, даже если зарезал – забыл, а значит, воля Воителя... Ну вот завтра на поединке и ответит заодно, а вы приходите, поглядите...

Сколько можно отвечать, сколько раз – за одну и ту же пролитую кровь? Вопрос праздный: сколько будет богам угодно, столько и раз. Не хотел бы убивать вообще – шёл бы в Пёстрые рыцари, они хоть лечат, а если убивают, то уж по самой крайней надобности. Надоел сам себе настолько, что вправду жизни не жалко, – двинул бы в Чёрные, умер для мира, и сейчас тебе жрец Гадарру отдал бы прямой приказ. Кого, за что, насколько вывести из строя. Дерись и не думай.

Да если б мог, я бы и мирянином прекрасно служил, в голову брал не цели, а только способы.

Лошадь у чьей-то коновязи. Под седлом, не очень вроде бы усталая. Отвяжи да поезжай: меч при себе, какие-то деньги тоже, а прочими вещами пусть Гамарри распорядится в счёт твоих долгов и потрав. Сбежишь от божьего суда, избавишься от рыцарского сана, станешь просто Канда с Озера. Только непонятно, куда ехать, не к родителям же. И не в Диневан, хоть отсюда и близко.

Ещё пустырь, посвободнее. Мог бы поупражняться, вспомнить, что умеешь насчёт ударов снизу. Или придумать, какого боя ты бы хотел на завтра сам, чтоб не Джанатта тебе навязывал, а ты ему? Да смысла нет, божий суд – не место для выяснения, у кого какие вкусы.

Если уж без костра, то на мече своём мог бы помолиться. Он-то хотя бы мой, жрецы сегодня подтвердили. Только о чём молиться: не подведи? Так он никогда и не подводил.

Вот: новенький, красивый. И голодный, наверно. Мало крови пил, а чтоб насмерть – никого ещё не ранил. А где теперь та кочерга, которой я в первый раз врага убил, я не знаю. Всё там же, в Ставке, скорее всего, служит по прямому своему назначению...

Бывает, поединщики себе сами кровь отворяют перед боем, чтоб оружию в радость. Хочется? А другие не в огне, а на клинке видят, что хотят увидеть. Солнце ещё не совсем закатилось – попробовать?

Погоди. Это не чужое ясновидение, но кто-то смотрит...

Джелли. Стоит поодаль, на дороге возле пустыря.

Искала меня? Или просто окрестности обходила, отсюда до дворца королевны недалеко.

Меч в ножны, выйду к ней.

– Отвлеку? – спрашивает она. – Или не до того сейчас?

– Отвлеки.

Не надо так глядеть, будто я уже проиграл и умер. Это никуда не денется, но это – завтра. А до завтра ещё полно времени.

Глупо радоваться? Ждала, что я сам заявлюсь, а я не заявился, и она пошла в храм, встретились по дороге... Может, и не глупо. И вообще самое умное, что я тут наделал за эти месяцы, были наши с тобой разговоры, мастерша Джелли.

– Госпожа моя хочет с тобой потолковать.

В саду при дворце, в беседке. Среди деревьев почти темно, Джелли ушла и вернулась с фонарём. Государыня королевна шагает следом. Как всегда, в мужском платье, но поверх него восточная кружевная шаль. Спрашивает:

– Скажите мне как рыцарь Воителя, – говорит она, – завтрашний поединок имеет смысл?

В самую точку. И в речи у неё, как у обоих братьев, короля и королевича, очень слышен голос советника Нарека. Кому-то, наверно, именно это и дорого: служат, чтобы хоть так, отзвуком, его слушать...

– Я лицо причастное. Как я могу оценить?

– Я тоже причастное лицо. Мне надо ответить на прошение благородного Джанатты.

Стало быть, супостату моему ещё не дано разрешение на бой. Он-то и без разрешения сделает, что захочет, но занятно.

– Вызов я принял. Жрецы благословили.

Так же в лоб, как спросил бы советник, она спрашивает:

– Вы рыцарь Воителя Пламенного?

Иначе говоря, готов ли отвечать сам.

Если по-честному, то ответить надо бы так: мой господин умер, его близким, ныне живым, я не понадобился. Как и своим, потому что они тоже – его, им отобранные люди. Разве что пригожусь ещё как свой человек в среде храмовников, далеко не единственный и не самый нужный. Но есть Отец Воитель – его Отец, Нарек сам так величал бога, чтимого в Красном храме. Для меня Воитель всё равно как батюшка покойного господина, и конечно, я не брошу его, как не бросил бы старика. Но ничего от него не жду, как от старого княжича не ждал бы.

– По мере моих способностей.

– Вопрос о погребении Баррая действительно столь важен?

Незачем повторять про хобские порядки и прочее, все доводы обеих сторон госпоже, конечно, сообщили. Тогда что же:

– Вопрос неразрешим, потому что стороны его ставят по-разному. К общему пониманию не пришли. И не придут, скорее всего, но хотя бы покойник будет похоронен. Как-то.

Она кивает: так и думала, что мне по совести всё равно, сожгут Баррая или зарюют. Джелли качает головой, а королевна спрашивает:

– Зачем же вы согласились драться?

– Не зря ж я гостил в Надвратном храме столько времени. Было бы неблагодарно отказаться.

– За кров и еду, как наёмник?

Последнего разбора наёмник, да. Тем больше чести храму.

– Есть же на свете вещи беспроигрышные.

Благодарность. Верность родным. Государыня видела в своё время моих родителей, они меня на Красную службу благословили, когда советник предложил этот выход. После того как я чуть не убил его.

На королевича Таннара напали двое, убийцы или похитители, некогда было разбираться – они достали оружие. Нарек схватился с одним, второго ударил я. Матушка моя, няня Таннара, закрывала королевича собою, какая разница, кого я защищал, если до Таннара мимо неё было не добраться... Я ударил кочергой, сильнее, чем надеялся, и загорелся изнутри – но господин остановил меня. Тягался с самим Воителем за меня, зная, что может на этом надорваться. Он ведь когда-то был одержим, ему от меня не зажечься – уже было выше сил человеческих, а он устоял и меня вытащил.

– Воистину, – отвечает госпожа, подумав. Видимо, пересчитала для себя, какие она знает вещи такие, что за них во всякий час можно подраться и не бояться проиграть.

Джелли кивает мне: погоди, она ещё не договорила. Да я не тороплюсь.

Через несколько мгновений госпожа молвит:

– По мере способностей, сказали вы. А найдутся у вас способности и силы для службы ещё и мне?

Звучит надвое: наполовину твёрдо, как у советника, наполовину – с восточным самоукором: моя, мол, вина, человек не знает, куда себя деть, а я до сих пор ему дела не нашла...

– Завтра видно будет.

– Разумеется. Но вы же сами сказали: есть вещи...

Ничего пошлее нету, чем красоваться: если завтра выживу, вот тогда... Но раз спросили, уж ответьте:

– А вам, госпожа, покойный Баррай был нужен на что-то?

Усмехнулась мельком, невесело, продолжила серьёзно:

– Мне важно было, станет он искать поддержки у нас с супругом или нет. Вам, в вашу очередь, было важно, что мы ему ответили бы?

– Да.

– Он не успел к нам обратиться. Его убили вы?

Ну да: пока Баррай, нарочно или невольно, не устроил вам и царевичу этакой проверки. Непрошенный слуга Короны...

– Нет, не я.

– Кто, знаете?

– Нет. Доказать не могу: ни того, ни другого.

Госпожа забирает фонарь у Джелли. Молвит напоследок:

– Если сочтёте нужным, приходите ко мне сами. Здесь, в Марбунгу, не царская столица. У родичей правящего дома нет задачи пребывать в надеянии. Служба для вас найдётся.

И ушла.

Джелли показывает дорогу, как выбраться из сада. Уже снаружи, за воротами, остановилась:

– Нет, не понимаю. Зачем драться, раз тебе всё равно.

Зато ей – совсем не всё равно, чем завтра дело кончится.

– Спросили бы меня – я отложил бы похороны до поры, когда убийцу найдут. Ледник в храме глубокий, тело хоть до зимы пролежит.

– А толку?

– А тогда спорить станет не о чем. Ясно станет, что ни Надвратный храм с Короною вместе, ни Семерной с Гундингами и прочими родичами Баррая не убивали.

– Точно знаешь?

– Что ни те, ни другие? Почти уверен. Сейчас обоим храмам очень не хочется оказаться причастными. Оттого они и торопятся с похоронами, что сами этого убийства не замышляли и не желали, а вот нечаянно оказаться покровителями убийцы – могут. Оба хотят чуда, подтверждения своей невиновности. Без чуда не надеются раскрыть, кто из их людей за их спиной это сотворил, и именно потому, что не знают, за что Баррай убит. А раз так, каждому храму нужны свои

похороны и своё чудо, одного на двоих не хватит. Иначе давно уж согласовали бы общий обряд.

Мастерша Джелли сдержалась, а хотела выразиться как-то очень грубо. Спрашивает:

– Вот почему бы, Канда, не сказать им прямо всё это?!

Выйти завтра на поле боя, да и заявить? Красивый ход, не спорю.

– Поздно уже. Согласился на храмовые условия.

– Храмовые! А боги, по-твоему, вообще ни при чём?

Благочестивая ты женщина, Джелли.

– Что я богов не боюсь, если берусь драться за чужое решение?

Так по этой части мы с супостатом друг друга стоим. Он тоже не абы за что сражаться выйдет, а именно за то, про что ты мне говорила. Он сколько угодно может давать мудрые советы, а решает в итоге досточтимая Марригунд. Это ему и дорого. А я – я сказал, как сам считаю, но я ж не уверен, что это для всех годится. И тоже собираюсь по сути не на суд, а знаменья искать. Что я прав, только не знаю точно, в чём.

– Угу...

– Но я подумую. Может, ещё и скажу.

Обниму на прощанье?

Ох! Обхватила, вцепилась так, будто у неё прямо сейчас отбирают кого-то, кого она нипочём не отдала бы.

Тогда уж так:

– Я тебя люблю, Джелли. И не собираюсь тебя бросать.

– Вот и правильно.

Мне всего-то надо было – обнять живого человека. Ни победы никакой не надо, ни правоты, ни даже любви в ответ.

– И знаешь, я ещё сообразил. Досточтимая торопится – пока не узнала про Баррая чего-нибудь такого, после чего ей его и хоронить не захочется. Что, мол, убили его за дело, и ей придётся встать на сторону убийцы.

Усмехается. Как хорошо, когда так вот близко смеётся кто-то. Даже когда особых поводов и нет.

– Так это разве не по-человечески, Канда?

– Вполне.

И всё вчера было по-человечески: постояли и разошлись. Не по-дружески, а по-женски она тоже умеет обниматься, я сказал – не могу, очень хотел бы, но не перед боем. Она в ответ: с такой зажатой спиной – как ты драться будешь? Ничего, сам как-нибудь разожмусь. И вернулся в храм, заснул, как счастливый человек. Проснулся, спустился во двор, примерился к мечу и к себе – вроде ничто не мешает.

Бой будет за воротами, старый досточтимый Дигенбойя уже взял огня от храмового костра, зажгёт на площадке. Молитву не обязательно начинать одновременно, от срока, сколько молишься, успех не зависит.

Супостат явился почти к самому началу поединка. Ещё в воротах слушал что-то, что ему говорил мастер Видаджани, шагая рядом. А за ними следом досточтимая настоятельница, её старшие дети – дочка и

воспитанник, порученец покойного Баррая, Красная жрица из Семерного храма, их же Лиловый и Зелёный жрецы и толпа бывших пленных. Но эти – ладно, эти мне хотя бы не будут орать «убей». Прихожан Надвратного храма тоже много, это хуже. И просто зевак, даром что время раннее.

Вот и есть о какой победе молиться. Чтоб не послушаться, когда мне заорут. Я не знаю, как доказать Отцу Воителю, почему не надо, чтоб я убивал, поэтому просто прошу: пусть у меня получится, как однажды Твоею милостью получилось, не броситься ни на супостата, чья гибель мне не нужна, ни на крикунов, хоть им и поделом было бы. Не надо, Отче, чтоб поделом. Пусть будет, как Тебе в радость.

Начинаем?

(Благородный Джанатта Баллури и Кандамулли, рыцарь Воителя Пламенного)

Всю дорогу до городских ворот мастер Парамелло пытался убедить досточтимую Марригунд и Джанатту: вы знаете, не можете не знать, кто причиной всему происходящему, а если знаете, то божий суд сегодня устраивать нельзя.

– Баррай не опоздал вытащить оружие, не лажанулся – он не стал сопротивляться, он убийцу как родного обнимал на прощанье, Гари это видел и вспомнил! Воителю во гнев, а Судии во гнев сугубый, если смертные божьим судом выясняют какие-то частности...

Так почему бы не пойти искать убийцу? – отвечала досточтимая.

– Мне, да? Чтобы не путаться у вас под ногами? Так я-то покойного не то что не знал – я его живым и не видел! Я не про искать. Я прошу: хватит хоть сейчас отмалчиваться, или врать самим себе, или друг дружке врать – или ещё по каким причинам вы не можете назвать, кто другу вашему был дороже жизни!?

Маэру слушал всё это. Ладно – о друге, но о господине не знать ответа на такой вопрос совсем тяжко. Получается, был никудышным его человеком.

Вчера вечером Парамелло ходил в Надвратный храм, пытался договориться, чтоб тело отдали без боя. Не смог.

Рыцарь глядит спокойно. Стоит, расслабившись, и видно: меч в руке не не тяготит, а наоборот, помогает. Учтён и задействован в распределении сил. Дине пока так не умеет, полезно будет научиться.

По местам?

– Погодите.

Парамелло перескочил через ограду, идёт к нам.

– У меня вопрос, если досточтимые не против.

Марригунд, прикрыв глаза, творит про себя короткую молитву. Красный жрец качает головой. Мастер обращается не к нему и не к Белому жрецу, а к Чёрному:

– Я хочу, чтобы стороны назвали: чьи именно похороны являются предметом божьего суда. Имею подозрения, что у сторон на сей счёт остались непрояснённые разночтения.

Гадарру вопрос принял. Наш Гамурра согласился.

– Полутысячника Хобского войска Баррая Лабирри, до кончины своей ответственного за возвращение мэяанских пленников на родину.

От Джанатты мастер иного ответа и не ждал. Разворачивается к рыцарю.

– Бывшего королевского дворянина, благородного Баррая из удела Лабирри, что в верховьях реки Лаби, перебежчика на сторону Хоба. Дальнейшие его занятие и звание уже названы.

– Отлично.

И снова разворот, от одного поединщика к другому и обратно:

– А вам он кто был?

– Друг.

– Предатель.

– И всё?

– Да.

– Всё.

Махнув рукой, Парамелло уходит с площадки. Жрецы объявляют: пусть боги рассудят. Пусть рассудят!

Супостат. Не человек – три четверти человека. Будто бы четвертушку оторвали и прилепили на спину как попало.

Верхняя рубаха ярко-белая, по-особому сшитая, чтоб горб помещался. Я в красной, стиранной уже много раз, почти серой – под цвет здешней земли. Удачно.

А вы в белом – во славу Плясуни и жрицы её? Будто для досточтимой большая радость вас сейчас на этом ристалище видеть.

А ещё говорят – из умнейших людей нашего века... Князьим любимцем были. Могли бы сделаться грамотеем, кудесником, да хоть жрецом любого храма. Сидели бы назначали сейчас поединки. И – видят боги: тогда благословенью вашему я был бы рад и суждению доверял бы.

Кто мне покойный? Да никто. И все тут мне никто, по сути-то, кроме одного человека, да и с ней – лучше б она в голову не брала, что я ей наговорил давеча. Ну, и кроме супостата.

Слава невеликая – одолеть калеку. Проиграть – сугубый позор. Так что – начали!

Начали. Сшиблись и разошлись.

Не зря этот малый выиграл новогодние состязания. А Джанатта напрасно ни разу за три месяца не пригласил его на потешный бой.

Но что с ним сделалось за это время? Тогда, за награду и за улыбки юных дам, он явно дрался не в полную силу, но сейчас – в малую долю той силы, что чувствуется через меч. Чего-то ждёт? Известий? Нападения третьей стороны, да такой, что нам против неё придётся сражаться вместе? Городского бунта, высадки неприятеля?

Рядом с досточтимой Дине и диневанцы. Прикроют, если...

Наше дело сейчас – суд. Вперёд!

Ясно, как вы защищаетесь своим увечьем. Чтоб вас туда били, где у людей тело или клинок, а у вас – ничего. Пустота вместо второго оружия. И не сверху, не слева, а с любой стороны, как вам угодно.

Расходимся. У нас с вами таких сшибок ещё много впереди. Пока не надоест.

Вам тоже не ахти победа – за меня же ни Ставка не спросит, ни храм. Бродяга, хоть и при рыцарской бумаге. Даже не любимец Нарека Диневана, так – чай заваривал да со стола убирал.

Продолжим?

Он сбился, привык драться на ровный счёт. Хорошо. Было бы хорошо, кабы сам он дрался, а не время тянул.

Надеется, что я выдохнусь? Здорово. Или собирается невесть до каких пор вид делать, что сражается. При этом не похож на лицедея вроде Маэру, тот хотя бы зрелище создаёт выразительное.

Проверим?

Покойник ваш – наш, спорный – одобрил бы. Драка дракой, а поберечь друг дружку надо. И вас, и даже меня столько раз ещё можно будет продать. И перепродать, и ещё раз, и ещё... И ещё!

Так. Отскочили. Зацепил я, что ли? Похоже, да.

Ну вот, другое дело! А то похоже было, будто храмом парень ошибся, крови не переносит.

Но до первой раны – это не наш уговор. Вперёд!

Достали-таки. Своим недомерком снизу – под колено. И ждёте, встану я или нет. Или одним калеккой на свете больше?

Нет, благородный Джанатта. Чем хромым на всю жизнь остаться – лучше пусть меня прямо нынче закопают, раз уж Чёрный жрец похорон хотел.

А нате!

Эххх!

Тебе любой противник вроде хоба, говорил князь когда-то. Все будут рубить сверху, твоя задача не попадаться. И почти получилось.

Назад! Ещё не хватало мне вас зарубить. Почти ушли из-под удара, ранены в бок. Слышно было. Мерзкий звук: не стон, а просто воздух, из груди вышибленный.

Такие раны если сразу не залечить, потом даже зельями целительными заливать бесполезно.

Выходите из боя. Хватит.

Нет. Долго я так не простою. А ему по-прежнему чем дольше тянуть, тем выгоднее. Теперь и вправду, кажется, выгоднее стало.

Тогда – что, Отче? Сразимся с тобою?

Утренний серый свет мутнеет ещё больше – и вот, в нём на месте противника проступает воин из давних времён, из Диневана. Как князь Муллаваджи, когда тот был ещё не стар, грозен и весел.

– **Довольно, Канда.** Дальше я сам.

И поверх моей руки за рукоять берётся рука господина. Это он – хоть ни разу, даже в первом нашем бою, он до меня не дотронулся. Но я видел, он так показывал королевичу Таннару, как оружие держать.

И рад бы я списать всё на свой страх и дурь – только супостат тоже его почувал. Раскрылся, рванул вперёд.

Но – нет. Я, конечно, присягал, молча, да господин и без слов знал. И там, откуда он сейчас, в воинстве Отчем, господин мой Нарек Диневан – не последний воевода. И ясное дело, ему есть за что добить дядюшкиного горбуна. Только я-то супостата уже достал, с него хватит. И с меня тоже.

Будь по-твоему, – отозвался господин. Хочешь обороняться – обороняемся. Смотри и не говори потом, что не видел!

– **Поединок нужно остановить,** – тихо, но слышно молвит Габирри, жрец-кудесник.

И кто из двоих одержим? Настолько, что со стороны заметно?

Нет, не я. Меч противника, новый храмовый меч, загорается сначала красным, а потом чистым солнечным светом.

Красные жрецы идут сюда. Дигенбойя кричит:

– Божий суд свершился! Воитель Пламенный явил чудо!

– Воистину! – отзывается Муллари.

Хороший бой был в итоге. Хороший день и жизнь хорошая.

Божий суд свершился. Я проиграл.

Выхожу. Точнее, уже вышел из боя.

Красный досточтимый руками показывает, чего-то хочет. А, ясно: чтоб я меч отдал. Да берите. Теперь-то он не мой.

Совсем не обжигаясь, он забирает клинок, на двух ладонях поднимает над головой. Чудо, он будет молиться, жрица тоже.

Супостат свой меч вкладывает в ножны. Раз пять мог быть убит, но выстоял с обычным клинком против уже чудесного, есть чему радоваться. К нему бежит Белый мастер, следом поспешает, как может, Зелёный жрец из их храма, на ходу ломает печать с горлышка бутылки.

Настоятельница направляется не к своему поединщику, а ко мне. Настоятель за нею. Ну да, надо же засвидетельствовать.

– Жду вас сегодня вечером на погребении, досточтимая, – говорит Гамарри.

– Это мы ещё посмотрим, – отвечает Марригунд. – Покажите вашу правую руку, благородный Кандамулли.

Нате, смотрите. Сожжена до костей. Чудо Пламенного, сама рукоять не сгорает, но горит. Был бы на моём месте настоящий рыцарь, стойкий к жару, – он уцелел бы.

– Вот!

Настоятель кривится и кивает. Не поспоришь: да, я продолжать не мог. Я не рыцарь. Чудесное оружие у меня – уже не моё. Бой стал неравным. Джанатта мог бы продолжить, раз уж решил, а я нет. Я решить-то не мог ничего, никогда раньше, а сегодня и вовсе.

Живут же люди как-то без рук. В Семерном есть один такой. Без воли собственной, без самого себя, наверно, тоже можно жить. Зачем только, непонятно.

– Ладно, – молвит Гамарри. – У нас чудо, нам всяко сейчас не до того. Забирайте свои тела, – он взглядывает на Джанатту, – увозите.

И принимается за молитву.

Убраться отсюда, пока на ногах держусь. Понять бы, куда. И дальше что делать. Левую кисть я бы себе сумел отрубить, наверно. С правой сложнее. Но не оставлять же так.

Хорошо, что мирян сюда пока не пускают и сами они не суются.

При войске есть костоправ. Пусть удалит. Если денег хватит. Вот да, мысль. Если Джелли подойдёт, ей сказать: надо выцепить из храма деньги и что у меня там осталось. Сходи, пожалуйста, попробуй забрать. Сразу так сказать, пока она не видела...

– Вы куда, благородный Кандамулли? – это досточтимая, надо её обойти. Только я теперь по прямой хожу, вбок – никак.

– Уже нет.

– Чего – нет?

– Не благородный. Не рыцарь же.

– Стойте и не рыпайтесь.

И призвала милость Матери Небесной. Взялась за то, что от руки осталось, развернула ладонью вверх. Стоять, говорите? Когда сюда, в ожог, будто ветром ударило? Да, так хотя бы не болит. Небо завернулось воронкой, всё вкрутилось сюда. И что дальше – то без меня уже, так что пусть будет, как Матушке угодно.

(Дине, приёмный сын Джанатты и Марригунд)

Досточтимый Чандари вздыхает:

– Я бы всё же не советовал.

– Хорошо, – якобы смиренно отзывается батюшка. – Попробую пока заснуть.

Дине тоже вздыхает. Ясно: благородный Джанатта во что бы то ни стало собирается идти вечером на похороны. И неизвестно еще, что хуже. Если послушается совета жреца, значит, ему совсем тяжко. Раны затянулись, но столько целительных зелий сразу... А если отправится к костру, не сведёт ли на нет всё исцеление?

Надо будет взять с собою... что? Скамейку, чтобы он мог сесть хоть ненадолго? Тёплый плащ? Ночью будет прохладно, а отца и так знобит. От скамейки он, конечно, откажется. От плаща тоже. Костёр, будет даже жарко. Кому нужна твоя бестолковая забота? Все твои старания – пригодились хоть кому-нибудь?

В том-то и беда: поступать, как досточтимая, Дине всё равно не может. Едва остановили бой, она бросилась не к благородному

Джанатте, хотя тот на ногах едва держался. Одною волей держался, Дине-то видел. Досточтимая поспешила к его противнику – чтобы дело в нашу пользу решить. И отец это одобрил: так и надо.

Дине не может, как надо. Если бы сегодня отец... Если бы не вернулся, Дине вызвал бы этого Кандамулли, а кабы рыцарь отказался от поединка – просто так бы с ним бился. До смерти. Столп Земной ни для кого не опустеет с Дининой кончиной. И досточтимой Марригунд, и барышне Джангати – есть для кого жить дальше.

Говорить об этом стыдно, да и незачем – батюшка и так знает. Знает, но не считается. Иначе разве вёл бы себя так? «Хуже, – злится Гати, – чем все выходки мастера Видаджани, вместе взятые...»

До вечера ещё есть время. Досточтимая просидела с благородным Джанаттой несколько часов, но теперь всё-таки ушла – готовится к обряду. Увела с собою Гати, и хорошо, что увела. Потому что когда отца так упрекают, Дине не может не спорить. А как спорить, если про себя думаешь: не так уж она и неправда...

Ну вот, ушли. Ставни приоткрыты – не столько ради света, сколько для свежего воздуха. В полумраке лицо благородного Джанатты кажется ещё бледнее, тени под глазами – ещё чернее.

Сейчас, наедине, самое время спросить:

– Вы для чего меня растили?

Он смотрит, будто не расслышал или не понял: как – для чего?

– Разве я не храмовый поединщик? Ведь это я должен был драться с благородным Кандамулли?

– Ничего такого ты не должен. Баррай мой товарищ был, и за него вызвал я. Мы с досточтимой. А ты... правда думаешь, что я тебя растил для чего-то? А не потому, что ты – это ты? И как, по-твоему, я тебе докажу, что это неправда?

Улыбается:

– Хочешь сам поединка со мной?

Самое сейчас время – думать, как бы подраться опять!

– Вы же знаете, – Дине подсаживается ближе, чтобы отец не напрягал голос и чтобы успокоится самому. – Я не этого хочу. Но... вы с матушкой оба считаете, что я бы не победил. Даже Маэру... Он опытнее намного, но вы и его не пустили. А тогда я зачем?

Отец отвечает вопросом:

– Ты понимаешь, почему Кандамулли не смог победить сегодня?

– Потому что вы... ты – лучший боец, чем он. И ещё он драться не хотел. Вообще.

– Я не лучший. Опытнее, но не сильнее. Но ты прав: драться он не хотел. Ему не за что было, Баррай ему безразличен. Если начальник стражи считал иначе, то теперь ясно – Кандамулли не убивал. Почти наверняка. А тебе – если было за что сражаться, то не за Баррая же. За матушку, за меня, за храм. И это было бы неправильно.

– Как сейчас – тоже неправильно!

Ему неудобно лежать, сколько Дине ни пытался подбить подушки повыше. На бок не повернуться – из-за раны. Надо на ночь перестелить

постель по-другому. Или кровать подвинуть к другой стене? Дурацкие, ненужные хлопоты...

– Всё не без пользы, – отвечает он. – Теперь я лучше знаю свои нынешние возможности. А Кандамулли – свои.

– И к чему такая польза?

Что с рыцарем, Дине не видел. Вроде бы его унесли с ристалища. А потом в храм заходила Джелли из дворца, сказала – жив.

Благородный Джанатта говорит:

– Ты давно готов к поединкам. Но я теперь знаю, помимо прочего, что я к твоим ранам пока не готов.

– А я готов – к твоим? Мы – готовы?!

– Тоже нет, я понимаю.

Понимать-то понимает, а делает по-своему.

Если не отпускать от себя любимых людей, кто же будет воевать, ходить по морю, изучать чародейство? Дине сейчас не вспомнит, кто ему когда-то это сказал. Может быть, мастер Видаджани.

Отец говорит:

– Я всё ещё боюсь выпустить тебя из рук. С того самого дня, как мы с тобой и с досточтимой уехали с Таггуда. Тревога, что не услежу и ребёнок потеряется. За пятнадцать лет никуда не делась.

Да вот же он я. Неужели не видно, что наоборот, сейчас следить надо за тобой?

Гати может на родителей кричать. Джанга – подкалывать, а порой и жестоко насмеяться. Даже на это Дине не способен, а уж объяснить, доказать отцу что-то, когда тот упёрся...

Батюшка якобы примирительно подводит итог:

– В следующий раз драться будешь ты. Стар я уже для меча.

– Нет!

Смотрит вопросительно: чего боишься? Дескать, было бы совсем худо – он бы так и сказал, а это просто вывод из сегодняшнего боя.

– Я готов доказать!

Как обычно, глупо, но как иначе?

А ему понравилось. Не могло не понравиться:

– Ты будешь доказывать, что я ещё годен к бою? А я – отстаивать свою небоеспособность? Боюсь, на такое нас даже мастер Видаджани не благословит.

Ну да, звучит безумно. Кто проиграет, тот, значит, боеспособен... Но на то и божьи суды, чтобы побеждала правда, а не здравый ум.

Отец поднимает руку, как если бы предлагал побороться.

– Сейчас?!

– А что?

– Ты ранен.

– Зато под зельями. Одно другое выровняет.

Ну хорошо же! Дине спускается на пол, ставит локоть на кровать. Тут достаточно жёстко, отцу толстого тюфяка или перины нельзя.

Взялись. У него хватка крепкая. И коварная, как всегда в ручной борьбе. Сколько раз он укладывал на стол самых разных соперников – прихожан, паломников, гундинговских моряков... Молодым, показывал, как надо, чтобы с кем-то сильным справиться. И если сейчас это

одержимость, то не та, про какую учат досточтимые. Здесь не Воитель Пламенный, здесь только он, благородный Джанатта.

Ему надо. Надо бороться, чтобы набраться сил.

Но как хотите, господин, как хочешь, батюшка, – а поддаваться сейчас будет совсем грешно. Пусть Воитель рассудит.

Свидетели не успели бы сосчитать до двадцати, когда Дине пригнул отцову руку к простыне. Не без труда, но пригнул.

– Вот!

– Хорошо, – улыбается отец. – Значит, не стар ещё.

И вскоре уснул, а Дине остался караулить его.

Как он может не понимать, что он нужен здесь, в храме? И не затем, чтобы сражаться иногда на божьих судах, а – всегда нужен, каждый день? Что без него тут точно так же всё рухнет, как без досточтимой и без мастера Видаджани. Что для Дине он вообще самый нужный на Столпе Земном человек...

А в чём вы все его, собственно, вините? – спросил бы мастер, если бы был сегодня тут. Сразу после исцеления мастер ушёл, и хорошо, не хватало ещё с ним спорить. Но по правде: чем отец виноват? Сражался слишком неосторожно, не жалея себя? Не придумал, как без боя с Надвратным храмом договориться? Допустил, чтобы Баррай погиб и вся эта свара заварилась? Так можно далеко отматывать, и чем дальше, тем шире круги. Виноват, что привёз сюда Дине и вырастил, а тот теперь толком усмотреть за ним не может, только на словах возмущается...

И так слово за слово, незаметно, выходит: досточтимая хотела, чтоб был божий суд, чтобы отец сразился, то есть чтобы ранен был – тоже хотела... А это неправда, и хуже гораздо, чем неправда! Отца же не за раны винят, а за беспечность – теперь, после боя. Вот кто, Семерых ради – кто его осудит, или посмеётся над ним, или уважать перестанет, если он будет спокойно лечиться?!

Уж кажется, благородному Джанатте всё равно, кто про него что подумает и что скажет. А на самом деле нет. Никому не всё равно, разве что нашему Нареку, да и то потому, что безумный.

А почём ты знаешь, сказал бы маленький Гари, – может, это Джанатта перед князем своим хорохорится? Ну, перед Грозным? Может быть, до сих пор отцу важно, как на него поглядел бы Светлый Муллаваджи, важнее, чем все наши тревоги.

Вот уснул, во сне лицо чуть расслабляется, и можно вообразить, какой он был тогда, на княжеской службе. Или каким был бы его сын – настоящий, а не как Дине.

Но ведь князь любил его! Разве сказал бы: иди и побеждай любой ценой?

А был бы отец осторожнее – может, тогда у рыцаря меч бы не загорелся? И в чём тогда была бы наша победа?

Не получится из Дине храмовый поединщик. Не вмещается всё это в его тупую голову.

И кого жалко, ужасно жалко, так это Маэру. Если ему так плохо, как Дине только краешком примерил на себя... Досточтимая уже

предлагала ему остаться в Марбунгу, Маэру отказался. Собирается продолжать дела своего господина. Но потом, когда с кораблями всё будет улажено, – неужели он бы не смог вернуться сюда?

В тот день, в грозу, в трактире Маэру спросил: приходилось ли Дине раньше свидетельствовать поединки. Дине честно сказал: ни разу. А сам Маэру бывал свидетелем, но давно, ещё до Таггуда, в том храме, где учился. Стали говорить, чего хочет благородный Куррата и чего хочет Баррай. И Маэру за своего господина ответил: показать, что нет на свете необсуждаемых вопросов. То есть что говорить про выгоды войны не оскорбительно и важно. – Но что мешает благородному Майадатте Гундингу это понимать? – Воспитание, наверно, ответил Маэру, как будто самого его воспитывали как-то иначе, не по-благородному, как будто бы он с детства был в рабстве, хоть теперь Дине и знает: это неправда. – А разве отец его, господин Гундинг, не понимает? Маэру сказал: господину Гундингу можно это понимать, но нельзя об этом говорить, а благородному Майадатте нельзя даже понимать, иначе получится, что они лезут в державные дела. Этого Дине не понял, и Маэру объяснил: ему, мол, господин рассказывал, что в пору мятежа благородный Мангкаван, отец нынешнего господина Гундинга и досточтимой, очень много сделал для обороны Марбунгу. Но считалось, что он никакой не воевода, а просто в ополчении. Иначе слишком многие бы подумали, будто он тем самым рвётся к власти, хочет здесь себе такого же почёта, какой его предки имели в Царстве. А семейству Гундинг ничего такого совсем не надо, и даже нельзя давать повод кому-то заподозрить, будто надо. И если кто-то из Гундингов станет обсуждать военные, рубежные дела, выгоды-невыгоды, на них точно подумают: ну всё, захотели власти... Маэру очень хорошо объясняет, и удивительно – как будто давно здесь живёт. Примерно то же самое сказал бы Джанга, только другими словами, если бы не оборвал себя сразу: нет, Дине, для тебя это пока слишком сложно, вырастешь – узнаешь...

Проще сходу обижаться на такие речи про войну и не продолжать по существу, – подвёл итог Маэру. Дине возразил: но ведь Датта на самом деле обиделся, а не потому что проще! Маэру согласился: да, он оскорблен, потому что он так воспитан, а воспитан он так потому, что таково положение дома Гундинг. Но ведь Куррата Урбериджи не будет его поединщиком, он будет драться за себя? – И Дине тоже согласился: благородный Куррата за себя, и он-то как раз всё понимает. – А за что тогда он будет сражаться? – спросил Маэру.

Господин Баррай, если бы вправду хотел объяснить Датте, что про выгоды войны важно говорить, лучше бы иначе с ним толковал. А как он – это только хуже. Он ведь это знал? Нарочно шёл на ссору? Вот поэтому его слова не были правыми. Вот за это Куррата и хочет драться. Дине это соображал сам, а лучше бы пошёл и у благородного Курраты спросил, что тот думает. Но не хотелось отрываться от разговора. И тут Маэру сказал: значит, Дине, нам не только надо обсуждать условия боя, но и хорошо бы попробовать их помирить? А условия – на случай, если уж ничего не выйдет. И вдруг сильно помрачнел и добавил: мой господин, я думаю, мог бы признать свою

неправоту вот в том, что ты говоришь. И тогда Куррата тоже не стал бы настаивать...

Но что-то тебе в этом не по душе, Маэру? Дине спросил, а тот ответил: я не знаю на самом деле, зачем мой господин затеял ссору. Храбрость свою показать? Нет. Привлечь внимание? Тоже нет... – А нельзя его спросить, зачем он так? Маэру ещё мрачнее отвечал: его без толку спрашивать. Скажет: «Дураков надо учить», или что-нибудь вроде. – Значит, он счёл Датту дураком? И хочет доказать, что тот дурак, не переубедить, а просто ткнуть в неправоту?

Маэру надолго замолчал, а потом вымолвил почти с ненавистью: «Если так подходить, он всех дураками считает. Тут ты прав, ему всю жизнь проще – ткнуть, чем разбираться». Так ненавидеть можно только кого-то, кого очень любишь, больше всех на свете.

И вот теперь его господин убьет.

Что-то в словах благородного Маэру не сходится. Но что, Дине сейчас не сообразит.

Время пролетело слишком быстро. Отец ещё не отдохнул толком, а к погребению всё готово. Говорили же – на закате? Хотя да, всё верно, до заката не больше часа.

– Может быть, носилки? – не слишком уверенно предложит Дине.

– Тут же рядом совсем, – возражает бабушка.

Дине его мог бы и на руках отнести. Или на спине. Да ведь он не согласится. Пойдёт сам, только на руку Дине опираясь.

Костер сложили. Пахнет маслом и слегка – благовониями. Это особый состав: когда костер займётся, запах станет сильнее.

На площадке перед костром – матушка и Гати. Благородный Маэру встал чуть впереди, позади них почти все наши рубежники, даже Нарек Безумный. Только благородного Куратты нет. Досточтимые сочли, что на него огненный обряд может плохо повлиять.

Подходит кормчий Райкиджи с супругой и старшей дочкой, при них ещё четверо моряков. Решили проститься с покойным – то есть всё-таки кормчий согласился хобов за дальние моря отвезти?

Мастерша Джелли тоже здесь, стоит чуть поодаль. И старухи-паломницы, и ещё из прихожанок женщины, они на все похороны ходят. Гати там же, завидев Дине и Джанатту, хмурится.

Кажется, можно начинать?

Да, вот и господин Гайладжи явился, слегка запыхавшись.

Досточтимая Марригунд не очень длинной речью поминает Баррая. Потом благородный Джанатта, отпустив Динину руку, делает шаг вперёд. Отец говорит на хобском. Это значит – совсем для немногих. О том как Баррай всё сделал, чтоб его соплеменников меньше убивали на войне, ибо любил войну, но не на истребление, а на укрепление сторон.

Огонь занимается быстро. Досточтимые молятся. Да и все остальные, кажется, тоже. Только Дине слова молитвы в голову не идут. Если бы сегодня отец... это всё было бы из-за Баррая. Впрочем, пусть упокоится. И никого больше не заберёт своим посмертием.

Совсем стемнело. Дине смотрит на рыжие языки, они то клонятся от порывов ветра, то вновь тянутся к небу. А ведь тебе повезло, парень, что ни разу не хоронил никого: ни друзей, ни близких. Повезло? Всё это еще впереди...

За спиною слышится бурчание: Нарек-безумец не смог смолчать.

– Он, может, был и предатель, только не враг никому из нас. И Диневану, и всему Мэйану не враг.

Кто-то из диневанцев ему отвечает, но невнятно, из-за шума огня и ветра не разобрать. И старухи ещё плачут, хоть и с чего бы? Они с посланником всего несколько дней под одною крышей прожили.

– Предатель, и неоднократный, – никак не успокоится Нарек. – А врагом, может, был всего одному человеку, тот его и убил. И это счастье.

Ну вот, посмотрелся в огонь. Он не сознаёт себя в такие мгновения. И похороны себе какие-то совсем другие воображает. Зря господин Гайладжи ближе придвигается. Какой спрос с безумного?

– Всё ради этого, досточтимая? – спрашивает начальник стражи. – Он что-то знает, но иначе как у костра не скажет?

Матушка взмахивает рукой: погодите, дайте дослушать!

– И дела господина переживут его, – отчетливо произносит Нарек. – И воздастся ему по справедливости, как уже начало воздаваться. Верно ведь, благородный Маэру?

Маэру оборачивается. Он тоже глядел в огонь, и теперь среди темноты пытается рассмотреть, но не видит говорившего. И всё-таки, помедлив, соглашается:

– Да.

А после подходит еще ближе к костру и что-то бросает в огонь. И так остаётся стоять – совсем рядом с пламенем.

Костру гореть еще долго, до самого утра. Досточтимые Гамурра и Муллари теперь молятся по очереди. Слава Семерым, чудес не случилось. Безобразий тоже. Те, кто приходил прощаться, потихоньку начинают расходиться. Кормчий со своими кивнул досточтимой и господину Гайладжи, двинулся прочь. Слово очнувшись, вполголоса заговорили и пошли к реке диневанцы, уводя с собою Нарека. И мастерша Джелли куда-то делась.

Досточтимая подойдет к Джанатте и Дине. Поправит у Дине ворот рубахи – Дине и не заметил, что тот завернулся.

– Тебе надо отдохнуть, – говорит досточтимая благородному Джанатте

– Тебе тоже, – отвечает отец.

– Я бы еще побыла здесь, – матушка кивает в сторону костра и Маэру, замершего рядом с ним.

– На то мы и храм Семерых, – возражает досточтимый Гамурра. – Можем подменять друг друга. Идите, досточтимая, я прослежу.

– Хорошо. Я вернусь попозже. Спасибо.

Досточтимая пошла к себе. И нет бы – спать или хотя бы лечь. Через час вернулась не к костру, а в домик благородного Джанатты. Наверняка выдержала ещё одну словесную битву с барышней

Джангати. И никто друг дружку не убедил. Бедная Гати – всю жизнь её родители ругаются между собой. Как девушке жить дальше? Как ладить с собственным мужем? Недолго ведь и поверить, что без ругани нет любви.

– Ну, что ты сам-то приуныл? – спрашивает матушка у Дине, присаживаясь на лавку.

Батюшка заснул, и это хорошо.

– Я, наверно, не смогу быть поединщиком, – говорит Дине.

– Почему?

Можно научиться не отставлять слишком далеко ногу, не задира́ть локоть при ударе. Даже не торопиться. А вот научиться говорить так, чтобы тебя услышали...

– Отец победил, доволен. А меня бы всё равно драться не пустил, потому что не моё дело. Но как же не моё?! Как бы я жил, если бы...

Нет! Не надо об этом даже думать.

Матушка проводит рукой по его волосам.

– Если бы так случилось, Дине, мне тоже было бы очень-очень плохо. Но это – дело благородного Джанатты, он вправе распорядиться своей жизнью. Как бы дорога она нам ни была. И он не смог бы выпустить тебя вместо себя, ты же понимаешь это?

Вздыхает и добавляет:

– А ещё я верю Джанатте. И в него тоже верю.

– А я тогда зачем?

– Как зачем? Разве у тебя не будет в жизни дел, которые бы тебя касались больше, чем Джанатты или меня? Дел твоих друзей и близких?

Попробуй тут не рехнуться!

– Но вот же, отец – мой! Я же и хочу – делать то, что ему пригодилось бы. И ничего не получается. Он говорит: я учил тебя, чтобы ты смог сразиться за то, за что сочтёшь нужным...

Досточтимая кивает.

– И вот я хотел, мне нужно было – сразиться за него. А нельзя. Получается, меня его дела не касаются.

– Касаются. Но его дела его самого касаются больше, нет?

– То есть мне не лезть? Пойти и где-то завести себе «своих» близких, которые не вы. И к ним навязываться, а от вас отстать. Так?

Хорошо, что батюшка спит. Не видит и не слышит, как Дине чуть не сорвался. Взрослому парню, воину, эдак не подобает.

Матушка отвечает:

– Разве я так говорю? Но Баррай – это дело мое и Джанатты. И еще Маэру. И как бы мы жили дальше, если бы с тобой что-то случилось из-за этого нашего знаконца?

Она тоже устала. А ей ещё возвращаться к костру. И, может быть, к Маэру тоже. «Как бы мы жили» – мы все трое, она, отец и Маэру?

Голова кругом от этих речей. Но Дине важно понять – сегодня, сейчас:

– Отец хотел сразиться. И ни ты, ни я, никто ему не указ. Получается так. Хотел – и всё тут.

– Думаю, да, хотел. И я не знаю, смогла бы я его отговорить, если бы взялась... Возможно, и смогла бы, но это было бы неправильно. Я стараюсь ценить его выбор. Больше, чем его безопасность.

– Но при чём тут тогда Воитель? И вообще боги?

Досточтимая смотрит на Дине с улыбкой:

– Воитель у каждого свой. Почём нам знать, вдруг Джанатта как раз пошёл на этот бой, потому что его Воителю это было нужно.

Может, и так. Отец живет в удивительном согласии с Воителем, не всякий жрец столь единодушен с богом, которому служит. И батюшкина уверенность – не оттого ли, что они с Пламенным обо всём договорились? Уверенность, которой так не хватает самому Дине.

А кабы хватало, тогда бы – что?

Пошёл и набил морду кому-нибудь из своих супостатов? Так их ведь нет. Которые смеются и глупости болтают – они же не сами, а со слов кого-то из наших, из храмовых. А ведь не скажешь Джанге: хватит ёрничать, ни шиша это всё не смешно...

Врагов личных, собственных – и тех нету. А друзья? Пойти сказать благородному Маэру: не уезжай отсюда никуда, пожалуйста, или давай вместе поедем, а то как ты один... Маэру сам будет решать, что ему нужно, и всяко не от костра же сейчас дёргать его...

Наведаться в веселый дом подальше от храма? Или как-нибудь увязаться за Джангой, куда он там ходит. Или лучше всё-таки за нашими диневанцами?

А лучше сказать Гати... Опять-таки: что? Как признаться самой решительной барышне города Марбунгу тринадцати лет от роду, чтобы не выглядеть в ее глазах полным болваном, не перейти границ приличия и не услышать в ответ привычное: «Дине, ты дурак!»?

Вот так. Отец отлёживается после поединка, а Дине опять думает невесть о чём. Значит, дурак и есть. С другой стороны – какая разница, о чём думать? Отец спит, досточтимая погрузилась в молитву. Кому есть дело до Дининых мыслей? Можно выйти под ночное небо, остудить голову.

Костра отсюда не видно, его деревья загораживают. Луна, располневшая к Преполовению, звёзды высоко-высоко и Матушкин свежий ветер. В такие ночи легко не спать, и разговаривать легко, когда не видно лица, и можно не стесняться и спросить напрямую: что не так со мною, с Дине Баллури?

А потом от реки раздаётся свист – сначала протяжный длинный, а после короткий, словно оборванный. Так мастер Видаджани выучил свистеть детей досточтимой – и Джангу, и Гати, и Раджангара. И даже толстого Нири и малыша Лирри. И Дине уж заодно. Чтобы в случае опасности подать знак. А если это Джангати?

Дине рванёт к речке во всю прыть. Даже оружия не захватит, долго возвращаться в дом. На мосту драка. Трое, нет, четверо. Двое пытаются перейти мост, двое их не пускают. Одного из нападавших сбросили в воду, но он уже выбирается, чтобы продолжить. Хуже всего, что это наши же и дерутся, не злые какие-то неприятели. Двое рубежников с одной стороны, благородные Бериджи, их матушка посылала на поиски досточтимого Байды, и вот они – вернулись.

Против них Джанга и Джа-Могильщик, уже основательно побитый. И еще кто-то лежит на мосту, даже не пробует подняться. Значит, свистел Джанга.

Не в первый раз между диневанцами случаются свары. Правда раньше досточтимые разводили буянов прежде, чем дело доходило до серьезных побоищ. А сейчас все либо заняты, либо спят. Но ведь Дине не маленький – сам разберется.

Драку надобно прекратить.

– Эй, а ну, стой! – крикнет Дине на бегу.

Остановиться никто и не думает, но Дине и не рассчитывал. Он врежется в драку, собственным телом оттесняя от Джанги нападавшего, двинет кому-то по уху. Здесь, в бою, всё понятно и просто, и не нужны дурацкие вопросы, и даже ответы на них не важны.

– Что ж ты, Дине? – сплёвывает старший из Бериджи, Динарра. – Ты же наш!

А Джа разве не наш? А Позорник? Это он лежит на бревнах, не шелохнётся – не прибили ли сгоряча? А Джанга? Если его покалечат – лучше даже не представлять, что досточтимая сделает с этими болванами.

– Стоять! – рявкает Дине уже как следует.

И драка действительно прекратилась, рассыпалась на пятерых побитых и грязных людей. То ли от Дининого окрика, то ли оттого, что с другого берега уже бежит досточтимая Муллари, а с нашей стороны – матушка и досточтимый Гамурра, и за ним ещё кто-то, кажется, Троекратный. И в этот самый миг Джанга, ещё не отдышавшись, одновременно зло и задорно, вытирая разбитый нос, вдруг говорит:

– Я знаю, кто убил...

И замолкает, не желая делиться новостью со всеми.

А ведь верно, думает Дине. Убийцу-то Баррая так и не нашли...

(Джанга Гундинг, старший сын досточтимой Марригунд)

Летел сюда – еле ногами за землю держался, чтобы не очень прохожих пугать. Выяснил! Даже странно, что по приезде хобского посланца никто сразу не догадался посмотреть, что на него есть в коронном Архиве. Не помнили, что он бывал в Марбунгу. Матушка с благородным Джанаттой если и знали – запомятовали. Теперь понятно, почему. И понятно, что зря!

И Гари с батюшкой оказались правы – но неправы! Да, убил кто-то самый дорогой для гостя нашего. То есть дороже всех ему обошедшийся из людей, с кем он в жизни имел дело, и это взаимно.

Как служащий Короны я должен был не в храм бежать с находкой, а прямо к господину Гайладжи. Тем паче что нам она ничем не грозит, даже наоборот: грозит, но не потому, что мы причастны, а как раз потому, что убийца опасен и нам, мы выходим не виноваты.

Но я рванул к своим, обрадовать и предупредить. И пожалуйста: всё как всегда. Сначала драка на мосту. Теперь – разбирательство по свежим следам, никому не до убийцы.

– Вот только тебе не хватало драться, Джанга! Именно сегодня! Когда зелья все потрачены!

Сестрёнке сложно орать шёпотом. Вслух не получится: нельзя же пропустить, как матушка выслушивает двоих Бериджи. Но и смолчать нельзя, раз уж я тут.

Я и не ранен вовсе. Дине тоже. Позорнику вот нос сломали, последнее исцеление потратили на него. Джа побит, как и Бериджи, но без увечий, лечиться будут обычным путём. Основной же запас зелий и молитв ушёл на утренних поединщиков.

А я и сам не ждал, что рукопашная на ночь глядя, да со своими, да со старшими – такая приятная штука. Это всё от находки моей, в другой раз, на спокойную голову, я так драться не сумею.

– Дине, значит, можно, а мне нельзя?

– Ему положено!

– Кем?

– Храмом. Он в поединщ-щники готовится, если кто забыл.

Гати так шипит, словно бы Дине лучше податься в изуверы, чернокнижники или вроде, чем готовиться к такому ремеслу.

– Значит, вопрос не в том, что здоровье своё ставишь на кон, а в том, кем числишься? Если бы я за Корону сражался...

– *...участь Короны печальна была б!* Как маленький, Джанга, честное слово. Прекрасно понимаешь, про что тебе говорят, а споришь.

– Не понимаю!

– Не про то, что тебе можно или нельзя, а про то, что сегодня мог бы побережись! Маме только не хватало, чтобы ещё и ты...

– А если не я, а Дине, лучше, что ли?

Он стоит надутый, отвернулся от нас, но то и дело поглядывает. На мосту рыкнул, аки тигр: стой-ятть! Двоих взрослых дядек скрутил, мы с Джой Могильщиком только помогли. А сейчас уже сомневается, прав ли был, не доконал ли окончательно нашего и без того шаткого храмового равновесия. Не придётся ли матушке выгонять диневанцев, если да, то только Бериджи или других тоже, и куда им податься, в разбойники, или с голоду помирать, и так и этак мы будем виноваты, то есть Дине виноват...

Сами Бериджи, как всегда, Невинны. При жрецах сдулись, говорят: устали с дороги, выпили с остальными, кто в трапезной тризну правил по Барраю, охмелели... В общем, нечаянно.

– Вы говорили, что пойдёте осквернить обряд, – напоминает Джа.

И это объясняет, почему сам Могильщик встал у них на пути. При чём тут Позорник, непонятно, ему пока велели отлёживаться, завтра сам расскажет, если захочет.

Досточтимый Гамурра качает головой. Джу можно понять: боги защищают святость похорон в том числе и руками человеческими. Дальше вопрос, чьими именно. Не знаю, рад Гамурра или нет, что ему не пришлось по злочинцам шарахнуть проклятием. Если бы эти умники правда решились в костёр плюнуть или чего они там хотели.

Взглянув на небо, матушка говорит Невинным:

– Многих хмельное бодрит и радует. А вам, благородные Динарра и Динелли, оно, похоже, мешает соображать.

Они кивают. Раз уж настоятельница их назвала по именам, дело плохо.

Не выгонит. Продолжает:

– Значит, пить вам вредно.

Иные удивляются, зачем вообще в храме подопечным выставляют выпивку, хоть бы даже и по особенным случаям вроде сегодняшнего. Но матушка считает – людям нужно. Иногда.

Нужно, да не всем. Она обводит взглядом небольшую нашу толпу возле мостика:

– Благородным Бериджи придётся теперь блюсти трезвость. Надеюсь, все меня поняли.

Да ясно: кто им нальёт, тому попадёт.

Она снова обращается к ним:

– Если вы остыли и протрезвели, соображаете лучше – самое время извиниться перед Джой. А завтра – перед Булле.

Поясняет для всех, кто не понял, как и я, о ком речь:

– Вы его называете Позорником, а на самом деле он Ардобул, Булле. Он наконец-то назвал своё имя. Хоть такая польза от всего этого безобразия.

Вот оно что. Видимо, когда ненадолго очнулся после драки и перед исцелением, сказал, под каким именем его отпевать, если...

– Крепко испугался, стало быть...

– Ещё бы! Нос когда ломают – знаете оно как?

Талдин Троекратный говорит по опыту, ему нос ломали, кажется, несколько раз.

Гати морщится. Ардобул, тоже мне... В первое время, когда этот парень тут появился, ей, естественно, очень было любопытно, кто он такой. Сочинила себе его – и вот, оказалось, всё не так?

Невинные мрачно говорят Могильщику, что берут все свои слова назад.

Насчет того, чтобы им передо мной извиниться, матушка ничего не сказала. И правильно. Она не видела меня в драке, но чует, что тут было, и со мной у неё будет отдельный разговор. Возможно, даже не в храме, а в Доме. Потому что находки находками, но надо же держать себя в руках. Летел, летел, только не как сама она и не как мастер Видаджани, а как никому из нас нельзя летать, потому что этак сам не заметишь, как улетишь в царскую столицу... Змий несчастный.

Ни матушка, ни дядя, ни даже дед не поймут. Я же не потому летаю, что Гундинг и потомок Змиев, а потому что я это я.

Дине мне говорит:

– Что ты тогда начал... ну, на мосту ещё?

Расслышал и запомнил. Дине Баллури – пример хладнокровия, сестрёнка зря злится на него.

– А, да. Про то, что я нашёл в Архиве.

– Идём, расскажешь, – говорит матушка.

И направляется не к нам, а к домику Дине и Джанатты.

Знает, что я нашёл? И всегда знала тайну Баррая, а в Архив меня отправила, чтоб я не мешался? Чтобы самолюбие моё поддержать?

Или ещё не знает. Просто ей надо провести Джанатту. Тот у себя лежал, как обычно, при горящем огне. На вид будто мёртвый или при смерти, но едва матушка вошла – глаза открыл и точно помолодел лет на двадцать. И она улыбается, будто не было этих тяжких дней, и божьего суда утром, и молитв, и обряда.

Умеют жизни дать друг другу, не в ругательном смысле, как это говорят, а в настоящем. Никогда мои родители между собой так не умели. Наоборот, силы выматывают, даже если не бранятся.

Но нам с тобой грех жаловаться, сестрёнка. Будь всё иначе, были бы мы довольные дети счастливой семьи, я – болван хуже Дине, да и ты дура душой. А так – *ранние трудности сердце развивают, нестроения в семье упражняют ум.*

Нас тут пятеро, Гамурра с Могильщиком вернулись к погребальному костру, диневанцы – или туда же, или спать. Матушка садится на край постели, для Гати Дине притаскивает скамеечку.

– Что ты узнал, Джанга? – спрашивает матушка.

– Похоже, выяснил, кто убил Баррая Лабирри.

– И?

– Вот вы, благородный Джанатта, что-нибудь знаете про прежнего господина Баллури, держателя вашего удела?

Не бойся, матушка, я не собираюсь этой ночью работать за мастера Видаджани, начинать рассказ за три версты от сути вопроса.

– Удел был выморочным. – отвечает Джанатта. – Бывший Баллури погиб в пору мятежа, потом в удел долго никого не назначали.

– И это всё?

– Да.

– Почему-то я так и думал. А между тем Баррай Лабирри в пятьсот восьмидесятом году здесь, в Марбунгу, в королевском суде проходил по делу об убийстве благородного Вендарина, господина Баллури.

Нет, не знали. Ни мать, ни Джанатта. Удивлены.

Вот напрасно благородный Джанатта ставит знание истории настолько ниже воинских навыков. Если её изучать подробно, многих побоищ вовсе удалось бы избежать.

– Как понять – проходил по делу? – спрашивает Дине.

– Как свидетель. Он тогда был четвертьсотник королевского войска. Порученец его правду говорит: Лабирри и повоевать успел, поуспокоить мятеж, и потом остался в войске. Ездил по полуострову с отрядом, обеспечивал порядок. Точнее, отрядов было два, но и в совокупности они до четверти сотни не дотягивали. У второго отряда был свой начальник, благородный Маэру Гайтарра. Такой же, как Баррай, молодой дворянин с южных берегов Озера, и судя по записям в деле, были эти двое большие приятели. А господина Баллури им придали как знающего здешние места. Ему тогда было ближе к сорока, он мятежному боярину служил, потом ещё до замирения перешёл на сторону Короны. И вот, летом пятьсот восьмидесятого года, как раз около Преполовенья Змиев, как сейчас, Баллури был убит в селении Лагури, что на полпути отсюда до замка Онтал. И не очень-то близко от самого удела Баллури.

- Как убит?
- Зарублен саблей. Саблю и казённый кафтан в пятнах крови нашли недалеко от тела, в местном кабаке. И там же – благородного Гайтарру, без кафтана и пьяного вдребезги. Ко времени, когда войсковой сотник и стряпчий приехали разбираться, он едва протрезвел, вины своей не признал и не опроверг, говорил, что не помнит. И на суде потом держался таких же показаний.
- Ты помнишь это разбирательство? – спрашивает Джанатта у матушки. Та качает головой. Могла бы помнить, она ведь тогда уже училась в Надвратном храме.
- Может быть, вспомнит Гамурра, – говорит она.
- И мне:
- Продолжай, Джанга.
- Суд был задуман громким и гласным, чтобы весь Онтал видел: за насилие над местными жителями Корона спросит даже со своих верных людей. Получилось не совсем так. Вендарин этот Баллури, как я понял, человек был не из приятных, никто о нём особо не жалел.
- Семья у него осталась?
- С семьёю вот что. Жена его родом была из боярства Нарва и годатри уже совершала паломничество по храмам Подателя Жизни. Молилась о рождении наследника.
- То есть детей не было.
- Да. И в деле есть её письмо. С ней, конечно, связались, когда началось следствие, она ответила, что Онтальский край покинула, как только боярин Дунга вступил на путь мятежа, уговаривала мужа последовать за нею, но Вендарин остался. А она-де с ним и наследством его более не желает иметь ничего общего и надеется всецело на милость Семерых.
- Могло быть убийство ей выгодно?
- Которое? Тогдашнее или нынешнее?
- Матушка задумалась.
- Да, вопрос! Но что Баррай?
- Был свидетелем. На час убийства Вендарина у него самого имелась целая толпа свидетелей непричастности. Понимаете, как раз в тот день в горах чуть севернее Лагури случилось землетрясение.
- Ох...
- Всё одно к одному. Ну, пусть и не землетрясение, но мощный обвал. Баррай повёл отряд на помощь горцам, вытаскивать, кого завалило. И к приезду сотника всё ещё был занят разбором завала, в Лагури не возвращался. По крайней мере, по словам свидетелей.
- Есть причины сомневаться?
- Могут быть. По словам его же собственным, Барраевым, записанным в деле, Гайтарра пьян был в тот день ещё с утра. Получил известие, что дома у него родился сын, принялся отмечать, а к крепкому был нестойк. Мог по ходу пьянки впасть в буйство, зарубить человека и тотчас забыть. Но могло быть и так, что в час убийства он уже лежал в стельку и был небоеспособен. Тогда, конечно, убить мог кто угодно, но...
- Но мог и Баррай, – кивает матушка.

– За что? – спрашивает Джанатта.

– Не знаю. К Вендарину много у кого могли быть счёты, предатель всё-таки. Но за что бы ни было – больше похоже, что сделал это кто-то нездешний. Онталец бы позаботился, чтоб тело нашли не сразу или вовсе не нашли, тем более – обвал... Ну, или недобитые смутьяны постарались, чтоб подозрения пали на коронных людей.

– И что решил суд?

– Гайтарру осудили в каторгу. И там он, я проверил, числится погибшим. Вместе со всей ладьёй, где он был гребцом. Ладья «Свинка», затонула осенью пятьсот восемьдесят второго года.

Досточтимая отзывается:

– Это я, кажется, помню. Проверю.

– А Баррай через несколько дней после приговора подал прошение об отставке. Я прочёл – он пишет, что не может оставаться на службе после того, как потерял друга таким прискорбным образом.

– И уехал на Таггуд.

– Да, матушка. И это больше всего наводит на подозрение, что к делу Баллури он причастен. Отчалил, пока ничего нового не всплыло.

Вот. Это, в общем-то, основные мои находки.

– Дальше уже домыслы, но, по-моему, если всё это сложить с тем, что рассказал Гари, то выходит: к Барраю возле «Рыла» подошёл его давний-предавний знакомец. И Баррай его не от великой любви обнял – а не понял, что поздно, что тот его уже смертельно ранил. Всё ещё надеялся доказать, что ничего плохого никому не желал.

Тут матушка согласна. То есть я угадал: на хобского работорговца это больше похоже, чем то, что батюшка сочинил?

– Не понимал, что убит, – повторяет Джанатта. Слышно: на себя примеряет. Сегодня дрался, не замечая, что раны почти смертельные.

– Так за кого мстить-то пришли, за Баллури или за Гайтарру? – спрашивает Дине.

– Или за того, или за другого. Всяко поиски это сужает почти до предела.

Проклятье! Пока я дочитывал дело, пока нёсся сюда – думал, что убийцу уже знаю. А спросить теперь: чьё имя собирался назвать? Не отвечу. И не потому что забыл – просто тогда казалось так ясно...

Вот это и называется вдохновением.

– Я думаю, убийца – либо сам Гайтарра, если он таки уцелел, но это с меньшей вероятностью. Потому что ему тут надо было бы очень тщательно скрываться, старому каторжанину. Легко могли узнать.

Матушка слушает с сомнением. Уж не этого ли дядьку мастер Видаджани где-то прятал и не его ли разыскивать бегают последние дни? Но если каторжник смылся из укрытия, уже бы попался.

Если, конечно, он в Марбунгу недавно. А если давно и вполне уже освоился?

– Либо молитвы госпожи Баллури, даже если они были притворные, не остались бесплодны.

– То есть она, уже сбежав от мужа, узнала, что таки носит дитя? – вскидывается Гати.

– Да. А возвращаться побоялась. И вот, госпожа вырастила сына под иным прозванием, а потом он узнал, что в Онтале у него есть законный его удел, и решил его себе добыть. Или просто себе и всем доказать, что он – Баллури, а не кто-то там.

Теперь задумался Джанатта, что и немудрено. Если все пятнадцать лет у их с Дине имения был наследник, сын Вендарина...

Сестрѐнка спрашивает:

– А нет в деле описания, как выглядел тот Баллури?

– В деле не было, но я нашёл. Ничего особенного: росту среднего, волосы тѐмно-русые, глаза серые...

– Но ведь у того господина Баллури мог быть и внебрачный сын! Может, госпожа на самом деле из-за этого его бросила, из-за измены?

– Может быть... Но и это круг нам сужает. Ведь как мы думали раньше: убийцу сложно найти, потому что любая причина могла быть у Семеро знают какого количества людей: и за пленных могли поквитаться сами пленные, их родичи и друзья, и так далее. А я думаю, его убил как раз кто-то, кто из-за Баррая лишился – и друзей, и родни, и доброхотов, остался один. И именно потому, что убивал одиночка, он сумел так мало оставить следов. Понятных нам следов.

Ибо гнездовой образ жизни очень выгоден, всей пользы его даже умом не охватишь, но налагает он и свои ограничения.

Гати отвечает:

– Допустим. Но ты видишь, Джанга, кто больше всех пострадал из-за того убийства? Не важно, кто убил тогдашнего Баллури.

– Не вижу.

Гати оглядывает всех.

– Так сам убитый, – отвечает Дине. – Другие хоть живы остались.

Джанатта думает о чём-то своём. Матушка качает головой.

Сестрѐнка отвечает сама:

– Люди в той деревне! Мало им было мятежа, усмирения, так ещё и убийство. И расследование, и суд! И всё на их головы. И вот если они узнали, что тогдашний благородный Баррай опять сюда приехал, да в больших чинах, как посланник...

А ведь могли узнать. Они ж не все в горах сидят, кое-то оттуда работает в городе и рядом. Например, в кабаке за заставой...

Ещё они сбывают ложное золото. Барышня Гати Гундаури такого не носит, а вот женщины и девицы попроще – вполне. В горах возле станции Лагури как раз сырьѐ для этого золота роют. Незаконно. И понятно, сыщиков те горцы боятся ещё больше, чем их соседи из других онталских селений.

Рвануть, что ли, к милейшему кабатчику Пайрунари? Даже жалко будет, если его односельчане виноваты в убийстве. Водка у него хорошая.

Это опять вдохновение, Джанга?

Ладно, не побегу. Джанатта тем временем спрашивает, тоже у всех или непонятно у кого:

– Что, если княжич Нарек в своё время больше сирот пристроил в приёмные семьи, чем нам известно? Отчасти это объясняет, почему на службе я ни разу не слышал ни слова о предыдущих господах

Баллури. Сам я не любопытствовал, но занятно, что и мне не пытались о них рассказывать.

Матушка задумалась:

– Но я не вижу, кто бы...

– Не тёмно-русый. Светловолосый, коренастый...

Она ещё помолчала – и похоже, поняла, хоть я пока не понимаю:

– Вендарин напал первым? Ибо нечто знал о недавнем... подвиге Баррая с некой местной женщиной? А ей пришлось искать милости в Пёстром храме, потому что...

– Да, из-за ребёнка. Вендарин мог ждать случая сквитаться и дождался: обвала.

– Но победа осталась за молодым... А мальчика потом воспитывали в безраздельной преданности советнику Нареку.

– Прекрасный способ добиться того, чтобы коронные люди молчали о других, более важных усыновлениях. Чтобы боялись за своих детей – теперь уже своих.

– Да уж. Поупражнялся на людях попроще, а потом... Какая всё-таки он был сволочь!

– Вы о чём? – спрашивает Гати.

Лучше бы ни тебе, сестрёнка, ни Дине про это не знать. Я знаю, да и то случайно: что на самом деле и государыня наша королева, и король Надрибул, и королевич Таннар – по крови не родня покойному королю Кайдилу и супруге его. Все трое приёмные, и подобрал их советник Нарек, и представил королевской бездетной чете, и ввёл закон, чтобы наследника избирать из королевских детей.

Матушка отвечает:

– О том, что про наследника Баллури никто никогда не слышал, потому что сын этот – да, родился, но воспитывался в другой семье. И мог лишь недавно узнать, кто его кровный отец. И кто был бы его отцом по закону, если бы не все вот эти события, что раскопал Джанга. Иначе говоря, благородный Вендарин в день большого бедствия пытался убить соблазнителя – или насильника, как он мог думать, – своей жены. Пытался – но погиб сам. А убил его благородный Баррай.

– Но госпожа-то ведь уехала, – замечает Дине.

– Может быть, не совсем. Письмо с заверениями, что она давно не в Онтале, может быть ложным. Как раз чтобы скрыть всё это.

– То есть его, Баррая, собственный сын убил, получается?

– Да, Дине. Сын, считающий себя сыном Вендарина Баллури. Джанга, скажи, а как звали госпожу-вдову?

– Благородная Балаяджи.

– Ну, а сын её, возможно, назван по материному имени. Балаярра Баллури или как-нибудь так. Но теперь его, конечно, зовут иначе.

– А как? – спрашивает Гати.

Мать отвечает:

– Давайте всё ещё раз обдумаем до завтра. И тогда уже сообщим господину Гайладжи. Если он, как обычно, окажется прав...

(Кандамулли, служитель Воителя Пламенного)

Очнулся я в той же светёлке, где жил при храме. На самом деле просыпался и раньше, ненадолго. Господина видел – вернее, воображал. Будто он говорит, что я справился и теперь всё в порядке.

Совестно, сколько чудес на меня потратили. Рука зажила, даже мозолей нет теперь. Как новенькая, только не слушается. Под коленом рана затянулась, это уже Надвратный храм зелья дал. Остальное – мелкие порезы. Голова кружится, мутит, но это всё должно пройти.

Как ты? – спросила Джелли. А я не знаю: кажется, внутри всё выгорело, что могло гореть, и я правда больше не одержимый. Только хорошо это или плохо, я по-прежнему не понимаю. И что делать дальше.

Велика задача! – отозвалась она. – Если думаешь, я твои штаны собираюсь стирать-зашивать, то зря! Займись, пока не ссохлись.

То есть я, по твоему расчёту, ведро с водой удержу? А потом даже и иголку с ниткой?

– Родная...

– «Сестрица» ещё скажи!

– Нет. По-другому родная. И утешить умеешь.

С тем она и ушла в храм Семерых.

Никто мне прислуживать больше не будет. Это раньше я был благородная особа, храмовник, а теперь кто? Сам – потомственный слуга, на нынешний день без места. Так что вперёд. Два ведра у храмового колодца я таки разлил, но с третьим управился, и кое-как – со стиркой. Решил, что хватит на первый день.

Коронной присяги я пока не слагал, божий суд её отменяет или нет – надо узнать, всяко в правилах это не написано, решается каждый раз смотря по человеку. Кроме службы или вместо надо будет искать работу. Вечером прикинул, куда бы наняться: скорей всего, в пожарные, этому я хотя бы учился. Но к кому? Здесь в Марбунгу сложно устроена пожарная охрана, по городским слободам, кто хочет, сами по очереди охраняют, но многие нанимают людей. В какой слободе больше важного творится – для Короны?

Джелли поздно вечером ещё заходила ненадолго, сказала только: покойного сожгли, супостат твой жив, исцелили его, к костру даже выходил. Как дальше будет, время покажет.

Глупее некуда – явиться в Семерной храм с вопросом: как дела у благородного Джанатты, сильно я его покалечил? Будто сам не должен знать. А если сильно? Что тогда: «Я не хотел»? Очень оно поможет, моё нехотенье...

Но поблагодарить досточтимую надо. Раз молитву выстоял с утра – не общую, а свою, – значит, до Семерного храма дойду. Потихоньку.

А сегодня ещё и праздник. Время раннее, но какие-то жители уже тянутся на обряд. За воротами возле святилища суета, и барышня здешняя спрашивает:

– Ага, благородный Кандамулли! Во-первых, с Преполовением! Во-вторых, вы знаете лично досточтимого Майрамулли из Хаккани?

– Знаю. Там большой храм. Только я не благородный.

– Не важно. Вы бы не послали туда весть прямо сейчас?

– А что...

– Ничего плохого, все живы! Хотя благородный Джанатта всё делал давеча, чтобы ваши старания пошли прахом. Мы же видели, вы не... Не хотели зарубить его, и даже наоборот. Сейчас он, к счастью, спит. А нам нужно! Праздник, люди будут в храмах, хакканинцы тоже. Пожалуйста, передайте досточтимому весть для уважаемой Галли, его прихожанки. Что сын её Ардобул – вот он! – вернулся из плена и скоро двинется домой!

Барышня указывает на одного здешнего малого, я его раньше видел. Из всех рубежников самый молодой и зашуганный, а сейчас к тому же побитый, в свежих синяках.

– Булле на самом деле год с лишним как вернулся, просто не говорил, откуда он родом. А теперь надо матушке его сообщить!

Я спросил раньше, чем подумал, что делаю: где развести огонь?

Удобная тут чаша рядом с полем для упражнений, можно держаться за края.

И как дохнуло чистым теплом в лицо – будто не было ничего вчерашнего, и давнишнего, а было и есть только вот это пламя. Мои когда-то убитые и раненые – за мною, никуда не делись, а чего я наслушался от других и сам себе выдумал про службу, того больше нет.

Но если молиться и благодарить, то делом. Майрамулли отозвался быстро, юношу такого вспомнил и велел ему встать к огню поближе, а мне – открыть обзор. Ардобула жрец опознал, обещал матери сказать. Но, – добавил, – ты, парень, поспеши, Галли-то жива-здоровая, а вот барин ваш... чудит хуже прежнего.

Откачнулся я от чаши – а к нам тем временем подошла досточтимая настоятельница. Пригляделась, причуялась.

– Хорошо, что вы пришли, Канда.

– Хорошо, что и у вас тут тоже праздник.

– Это да. А в Надвратном – чудо... Не жалко?

– Меча? Наоборот, хорошо, что он теперь такой.

– А вам, видимо, нужен будет другой.

– Не знаю. Я поклониться вам хотел за исцеление.

Что непросто, когда земля под ногами ходит ходуном. Но как иначе – после ран и чудес? Худо-бедно выпрямился.

Досточтимая благословляет:

– Крепкого Ветра, Канда. После ещё поговорим.

Но ежели так:

– А можно мне увидеть благородного Джанатту?

Повела бровью, словно глупость услышала:

– Конечно. Он проснулся уже и ждёт вас. Гати, проводишь?

Даже ждёт. Да я и не надеялся отвертеться. Чем раньше, тем лучше, если время тянуть, дела мои дурные умнее не станут.

К Джанатте – это через мост, на тот берег здешней речки. По пути барышня Гати рассказывает:

– Ардобул на самом деле сын своего барина, незаконный. Думал ежели на Таггуде прославится, отец его признает. А вместо этого в плен попал. И как дурак, два года скрывал, кто он есть! Вместо того чтоб домой вернуться. Кстати, ваши родители...

- В королевской Ставке.
- Они знают, что вы живы и поправляетесь?
- Они и про божий суд не знают, я надеюсь.

Барышня закатывает глаза:

- И вы туда же!
- Куда?

Объясняет:

– Вот вы посылаете вести милостью Пламенного. Я тут в храме смотрю за голубятней. Есть кудесники, есть наёмные гонцы, да многие люди и без денег соглашаются письмо передать, если по пути. Почему?! Почему надо всё скрывать?

– А мне пока сообщить нечего толком. Если про божий суд, надо же будет сказать, кто победил, что был за противник. И как он победил, и почему, и что теперь.

– А вы ещё не уверены, как и почему?

– Не уверен.

– Ну ладно. Если вашей родне всё это важно...

– Мне важно. Если не расскажу, мать будет думать, что я вру, а на самом деле мне мозги вышибли.

– Ясно. А вот скажите: барышня Убалалли...

И ждёт.

– Кто это?

– Я так и думала! Вы её по имени даже не запомнили. Моя названная двоюродная сестрица, приёмная дочка батюшкиного побратима. На новогодних состязаниях вы ей первоцветы вручили. И с тех пор один дурак её к вам чудовищно ревнует.

– Так напрасно же. Я просто – у кого увидел цветы, той и свои отдал.

– Да, её уже тот человек выбрал, он на стрельбах победил.

Пестроцветы новогодние сгнили давно, я не знаю, как их теперь взять обратно. Названная-приёмная... Нет, я хоть список Гундингов и учил, но такого родства осознать не сумею. Ладно, буду ждать выстрела из-за угла, раз лучший здешний стрелок ревнует...

Благородный Джанатта в небольшой избушке за мостом сидит на постели, как старик. Одет в домашнее, укрыт толстым одеялом. Измучен и очень доволен. На столе горит огонь – масляный, яркий.

Барышня ему пересказывает коротко про Ардобула и вести из Хаккани. Он кивает, хоть, кажется, ждал чего-то другого.

Парень, его воспитанник, заглянул в комнату, Джанатта покачал головой. Барышня вышла и дверь за собой прикрыла.

Хозяин глядит на меня.

Начну прощения просить – выйдет ссора, теперь уже настоящая. Это ведь всё равно что отрицать итоги божьего суда. А что сказать? «Вы были правы»? Он сам знает, что прав. «Хотел бы я, чтоб давешнего утра не было»? Так ведь не хочу в ту рыцарскую жизнь возвращаться. Спрашиваю глупо:

– Как вы?

– Неплохо для такого боя и для сильных целительных чудес.

– Я тоже.

- А что плохо?
- Стыдно, как я испугался, в бою и потом. Он наклоняет голову, будто прикидывает. Отвечает:
- Чего я не видел, так это страха вашего. Кабы видели, я бы тут сейчас не сидел?
- А я доволен, – молвит он. – Было... познавательно. А о том, чего не случилось, жалеть незачем.
- Что ни один из нас не убил вчера и не убит?
- Что да, то да. Сделать бы мне ещё выводы из этих знаний.
- И мне. Я для того и хотел бы с вами поговорить. Понять, что произошло.
- Только я, хоть в храме и учился бои разбирать, вчерашнего – не сумею, половину не помню.
- А я не про бой хочу спросить, а про вас. Если вы мои расспросы не сочтёте за оскорбление. Сдаётся мне, наш с вами поединок ещё только начат, продлится долго и большей частью не на бранном поле.
- Вы так говорите, будто большое удовольствие предчувствуете. Но хотя бы как поединщик, не как зритель, и на том спасибо. Или для вас одно другому не мешает?
- Было б из-за чего сражаться...
- Вот это я и собираюсь прояснить.
- Ладно. Что знаю, скажу.
- Киваете:
- Начну с самого начала. Который вам год?
- Двадцать седьмой.
- Ваше имя...
- Канда теперь. Канда Гуллаи.
- А до принятия сана?
- Такое и было.
- Прозвание по Озеру Гуна-Гулле?
- Да, я родом оттуда.
- А с каких берегов?
- Из Ставки.
- Ваши родители...
- Там при Ставке и живут. Мать была кормилицей, потом няней государя королевича Таннара, теперь старшая служанка в его покоях. Отец – мастер по плотницкой части. Оба тоже с Озера.
- Ждёте чего-то ещё?
- В роду одержимых не было кроме меня.
- Вы у родителей единственный?
- Нет, старше меня сестра, а младше – брат. Сестра замужем, у неё дети малые сейчас. А брат в Ставке работает с отцом вместе.
- Брат ваш – ровесник королевича?
- Да, почему мать и взяли в кормилицы. До того она на кухне работала.
- А вы в храме – с каких лет?
- С двенадцати. С тех пор как загорелся в первый раз.
- Хотели этого?

Вот как вам ответить? По итогу получилось – хотел...

– Нет. Так сложилось.

– Не расскажете?

– А для чего вам?

– Пробую сосчитать наших с вами общих врагов. Вчера мне показалось ненадолго, что вы ждали нападения... третьей стороны. И – нет, не вмешательства Воителя, а кого-то из людей.

– Может, и так. Но всяко не кого-то из тех времён.

Чтоб я советника не ждал? Неправда, а сейчас мне врать вроде незачем. Но советник и Отец Воитель – одна сторона.

Придётся объяснить:

– Люди... Не в самый первый раз, а потом уже, в храме, я однажды чуть по-настоящему не вошёл в боевое буйство. При народе. Вот, знаете, на кого-то большой пожар так влияет, на кого-то мороз или гроза, а на меня толпа. Не важно, она за меня или против, вооружена или нет. Самое противное, что мне-то она, по сути, ничем не угрожает, просто глазеет.

– Вы знаете это за собой – и всё-таки выходите на состязания?

– Надо же справляться.

По-ребячески звучит, да? Лучше я надорвусь и сдохну, чем эти люди смотреть будут, как я загорюсь. Назло.

– Впрочем, это раньше так было. Как теперь, ещё не знаю. И за это моя вам большая благодарность, благородный Джанатта.

Пропускаете мимо ушей. Спрашиваете про предыдущее:

– А если просто многолюдный рынок, войсковой стан, гавань?

– Нет, когда все своими делами заняты, ничего.

– Не сталкивался с подобным, буду знать. А в первый ваш раз?

Ладно уж, раз я начал:

– Я убил человека. Одного из двоих вооружённых, они ворвались в покои королевича, а я там – на подхвате, матери помогал. Я схватил кочергу и двинул по голове того, который ближе был, он наклонился как раз. Я думал – может, задержу. Получилось насмерть.

– А второй...

– Второго ранил королевский советник Нарек, он подоспел на помощь. Это не лазутчики вражьи были, а свои, недовольные новыми законами. Службы лишились, когда внутренние границы в Королевстве велено было открыть.

– Рогатники?

– Они. Тот, который выжил тогда, говорил: они думали королевича захватить и требовать, чтобы рогатки восстановили.

– Глупая затея.

– А я с испугу, или скорее даже – от одури, загорелся.

– Как?

– Одежда тлеть начала и обивка на стене рядом со мной. Напасть я больше ни на кого не пытался – или не успел. Советник Нарек тогда за меня с Отцом Воителем сразился и отбил.

– А это как?

– Просто смотрел мне в глаза, или через глаза – внутрь, где горело. Погасил. Он мог сам вспыхнуть, мог погибнуть.

– Но не вмешаться не мог. Я помню следствие по тому делу. Я был уже в Марбунгу. Следил за сведениями и слухами, потому что мы тут опасались: не обвинят ли в подстрекательстве к покушению наших крамольников, Видаджани и Джандарри. Про вас тогда не слышал.

– Да я показаний и не давал: мне же не было совершенных лет. И раз обошлось без ожогов, решили: милость Воителя, надо учиться. С тех пор я в храме прошёл обучение, рыцарскую присягу дал. А вчера Воитель Пламенный меня от неё освободил. Чудо, не поспоришь.

– Такое чувство, Канда, что вы этому чуду скорее рады.

– Ещё не знаю. Служить же и без храмовой присяги можно.

– Конечно.

И даже не обязательно служить.

Помедлив, вы спрашиваете дальше:

– Если вернуться к нынешнему делу. Можете рассказать, почему вы, когда услышали вызов Курраты, промолчали? Не благословили их с Барраем и не остановили?

Меня про это уже начальник стражи спрашивал.

– Вот, видно, потому, что плохой из меня был Красный рыцарь.

И чему вы усмехаетесь? За благословением они к жрецам сами потом сходили, а оспорить вызов у меня оснований не было.

– А были у вас причины самому убить Баррая Лабирри?

Были бы – наверно, от меня стража бы так просто не отстала. Не важно, знал бы я сам про те причины или не знал.

– У меня, по-моему, вообще таких дел нет, чтоб их можно было решить, убив кого-нибудь.

Сказал и подумал: а ведь и правда!

– Золотые слова... Я думал иначе.

Ну да, например, вчера в бою вас уложить раньше, чем вы меня уложите. Так то вчера. И суд Божий показал: я не за своё дело дрался.

– Вам, Канда, имя Вендарин говорит что-нибудь?

– А это кто?

– Мой предшественник, бывший держатель удела Баллури.

– Нет, ничего про него не знаю. А что с ним?

– Убит в год вашего рожденья, удел после него долго оставался под прямым управлением Короны. По сути, таково это имение и сейчас, я там ни разу не был. Хозяйство ведёт управляющий, я только дважды в год получаю долю дохода. Если всё-таки дело это вам не постороннее, думаю, его можно решить мирным путём.

– А как оно меня касается?

Медлите с ответом, опять что-то рассчитываете про себя. А потом:

– Что до меня, Канда, я не прочь был бы с вами носить одно прозвание. Пусть даже его былая слава и сомнительна.

– Погодите. Вы слышали, будто мне... Будто я ищу здешней службы, да не абы какой, а благородной, да ещё и на ваш удел нацелился?

Который у вас отнимут за неоднократные самовольные поединки, ага. И передадут вашему же супостату, чтоб позорнее было!

Отвечаете спокойно:

– Нет, ничего подобного я не слышал.

- Хоть так! Вообще-то это ведь бред.
- И хорошо, что бред!
- Смеётесь. Теперь в открытую, непонятно над чем.
- Мне, благородный Джанатта, другого прозвания, кроме Гуллаи, не надо.
- Да, я понял. Я себе сочинил целую повесть, кто вы такой, уже вчера после боя. И теперь вижу, что был неправ.
- Что я – кто?
- Неучтённый здесь, в Онтале, родич Вендарина. Тот был убит, и за его убийство осуждён человек, близкий когда-то Барраю Лабирри, его сослуживец по коронному войску. Некто Гайтарра. Если таковой родич у прежних господ Баллури действительно есть, он мог бы мстить за Вендарина Барраю, считая его причастным к тому давнему убийству.
- Нет. У меня никакой такой родни нет.
- А вы уже прикидывали, как со мной по-хорошему договориться, чтобы удел был общий? Трое Баллури, вы с вашим парнем да ещё я, а ну, кто на нас, кому жить надоело!..
- Неужели я на такого рвача похож?
- Если бы Баррая мститель убил, ему, по-моему, умнее было от тела не отходить. Не скрываться, а сразу объявить: вот он я, свершил правое возмездие, хотите – меня теперь судите, а хотите – простите и верните мне мою землю и службу.
- Пожалуй, да.
- Ладно:
- У меня к вам тоже есть вопрос, неприличный. Давно назрел.
- Так спросите.
- Вы знаете, кто кроме вас отсюда на север вести шлёт через огонь? На Таггуд или в Хоб.
- Задумались.
- Отсюда – из Марбунгу?
- Да нет, прямо отсюда, из храма Семерых. Длинные послания, почти каждую ночь, около полуночи.
- Ещё крепче задумались.
- Это ради чего я сам собирал сведения про Баррая. С тех пор как слухи прошли, что он сюда направляется. Я решил: его приезд и ночные беседы как-то связаны. Потом он прибыл и сам стал на север вести слать, а полуночник замолчал, но не надолго, и с тех пор ещё пуще разговорился.
- А... содержание вестей?
- Не знаю. Я не могу перехватить, сам не раскрывшись. Боялся спугнуть.
- Вы и приехали затем, чтобы выяснить, кто это вещает?
- Неплохо было бы ответить: не скажу. То есть – да, это и было моё тайное задание от Короны. Но тут уж вовсе нет смысла врать.
- Нет, я здесь уже заметил эти чудеса.
- А приехали...
- Приехал по совету своего храма. В помощь досточтимому Дигенбойе, а вообще-то – чтоб не болтаться возле Ставки, раз мне там

делать толком нечего. Поискал бы случая проявить себя... Проявил, ничего не скажешь!

Вы снова медлите. То есть знаете, скорее всего, кто вещает, просто это сведения не для посторонних. Говорите:

– Я не знаю, как ответить, кто таков, как вы говорите, полуночник. Мне нужно посоветоваться с досточтимыми. Но вы тем временем, кажется, решили одну из загадок в деле об убийстве.

– Которую?

– Кого Баррай ждал тем грозовым вечером. Не убийцу. Человека, который об этой встрече и знать не знал. И ловушки никакой не было, была ошибка. Только не дурацкая, а наоборот, от изошрённого ума. Завтра я, надеюсь, смогу вам рассказать, что к чему.

– Ладно.

Всё равно я не понял.

– Я ещё не знаю, Канда, буду ли я вас уговаривать остаться в Марбунгу и приходить на здешнее ристалище. Велик соблазн: уроки вдвоём, я вижу, для меня были бы ценны. Что я хотел и мог бы предложить взамен – другой вопрос. И непростой, если вчера утром я вас верно понял.

Насчёт того, что я бы лучше разговоры ваши слушал, чем на поле против вас вышел, пусть и науки ради? В общем, да.

– Всяко не сейчас, – говорю.

– Да, отлежаться надо. Зато я знаю, чего мне совсем не хотелось бы. Чтобы с вами поладил мастер Видаджани. Вам нравятся его песни?

– Сложно сказать. Я других-то мало слышал, всё больше его и похожие. А что?

– Он умеет и любит поощрять в людях их нелюбовь к самим себе. И неверие в себя. У вас, я вижу, этого добра и так более чем достаточно. А ведь есть все причины быть в себе уверенным и ценить себя.

– Так я ценю. Сюда вот дотащился, уже успех.

– Боевые навыки. Грамотная речь. Выигрышная внешность, притом обманчивая. Вас здесь первое время считали за холодного красавца, на чей столичный вкус Марбунгу – глухое захолустье...

– Я старался.

– А зачем? Или от оравы приятелей недалеко и до толпы?

– Наоборот. Больше рассказывали. Вот ты, мол, нос воротить, а у нас тут такие-то и такие-то красоты, преданья старины и прочее...

– Значит, и с лицедейством всё в порядке. Чего ещё недостаёт?

– Ответа на вопрос, чего я хочу и зачем.

– Да разве?

И потом, помолчав:

– Когда перебрался сюда из Диневана, я совсем не знал, чем заняться, кому служить. И вообще смогу ли я служить после кончины моего князя – и смогу ли обходиться без службы. Знал только: есть женщина, кого я люблю и не хочу с ней быть врозь. И вот, как-то всё устроилось. Я даже не развёл здесь ни соколов, ни соглядатаев: без тех и других, оказалось, можно жить. А теперь этот опыт мог бы пригодиться кому-то – если вам, я был бы рад, – но точно не сыну

моему. Дине свой выбор делает из совсем других условий, в каких я никогда не был и не могу дать ему совет.

Тогда уж я спрошу:

– Вот вы говорите – почему я вызова не оспорил. А сами вы почему другу своему не сказали, что вызов глупый?

– Куррата выступил, чтобы не дать молодому Гундингу бросить вызов.

– Да, я видел. Это и глупо.

– Баррай сам был не дурак. Прекрасно это понимал. Решил драться – его дело.

– Только какая же это дружба, если он друга не послушал бы? Или он вам был друг, а вы ему нет?

– Скорее, так.

– Вот потому, наверно, у меня приятелей и нету. Я так не могу.

А мастера Джелли – нет, не друг? Начну с ней спорить, она по моему решит – и что, я тогда пойду ко всем умблам, раз со мной не посчитались? Не пойду ведь.

Вы спрашиваете в ответ:

– А лично для вас Баррай был предателем – в чём?

– Лично ни в чём. Я глупость сказал, потому и проиграл.

– На самом деле я тоже. Что я Баррая назвал другом – это было слишком сильно сказано. Что бой и показал.

Когда-нибудь мы с вами, наверно, поладим. Только вот так – не надо, даже если это сущая правда.

– Ненависть к себе, говорите? Она не к себе, а вот к этому: когда твоими руками кто-то получает кару за свои слова, или мысли, или дела, богам ведомые... Понимаю, избежать такого нельзя, и не важно, рыцарь ты или нет, мироздание так устроено. Но всяко – орудие...

– Кто-то любит быть орудием добрых дел. Служит Кормильцу или Целительнице. Кто-то соглашается быть орудием неизвестно чего, это Белые. А кто-то ненавидит: это Красные. Кто скорбит – Чёрные.

Орудие богов – это ещё бы ладно, тут всяко никуда не денешься. А вот орудие людей...

– Благородный Джанатта, а вы бы не могли, если вам что-то вроде давешнего ещё нужно будет, и я смогу пособить, – не могли бы мне говорить заранее, чего вы хотите? Чтоб мне хотя бы не вслепую действовать?

– То есть принимаете мой вызов?

А то ж!

(Маэру-Рубежник)

Она говорила: просто сделай, что должен. Ты должен, Маэру, иначе – вся наша жизнь напрасна. Вот мы едим, спим, достаём себе какие-то вещи, тряпки, железки, каждая стоит трудов и унижений. И всё будет напрасно, если ты струсишь. Если забудешь. Если передумаешь. Ты ведь должен. Хорошо, сделаю, а потом? Потом, – отмахивалась она устало, – всё что захочешь. Он так и запомнил:

хотеть можно будет там, за пределом, где он исполнил, что должно, а её уже нет.

Каждый год, летом, как сейчас, и зимой, под Судьин день, она плакала и молилась, просила ясновидца, он открывал за пеленою дыма северный край, хвойно-зелёный или снежный. Запомни, Маэру, тебе туда. Рассказывала сотни раз одну и ту же сказку: вот ты едешь, проезжаешь такие-то места, выезжаешь к реке Таггуд... Находишь того человека... Смотри, не забудь его лицо, вон он, вон! Невнятная тень в дыму, Маэру говорил: вижу, запомню. Она окликала чудотворца: а теперь – что видит он сам? Покажите, нам надо знать, где он! Шатры, дома, деревья, извилистые берега, странные лица, по-хорошему их тоже надо запоминать, но их слишком много и год от года разные...

А в жизни от чуда до чуда всё новое вокруг было – для Рубежа, иначе ни к чему. Выучи вот этот приём, пригодится на Рубеже. Нельзя говорить грязные слова, какие слышишь на ристалище, на Рубеже всё по-другому, если на Рубеже ты такое ляпнешь... И снова, снова про того человека. Будто бы он тебе важнее отца, – ляпнул Маэру однажды и получил пощёчину. Что он важнее самого Маэру и её самой – даже незачем было говорить, и так понятно.

Кто-то опытный, вроде благородного Джанатты, сказал бы: сам по себе подобный гнев выдаёт неуверенность. Но нет, она верила. Верила, что всё будет правильно и хорошо, если только Маэру поедет, найдёт... Всего однажды, перед самой смертью, сказала: не бросай меня! Маэру сидел рядом, ничем помочь не мог, это была её слабость, совсем недолгая. А после похорон он двинулся на север – иначе предал бы её.

Реши теперь, чего хочешь. Раз она умерла, господин убит и ты ничего никому больше не должен.

Порою тот человек видел вокруг себя что-то совсем не рубежное. Лощёный пол, много яркого света, кружева на плечах и на головке какой-то дамы. Тебе нужны будут туфли, Маэру, туфли, чтобы учиться танцевать. Цветастые ковры, огромные кувшины со змеистой росписью, сады и огороды, где всё растёт не из земли, а из кадок на каменных ступеньках. Снасти парусных ладей, непохожих на озёрные. Лица ещё удивительней: то белые, как нарисованные на бумаге, то почти чёрные с медными глазами. Он странствует, он видит мир, разные земли и народы, а кто-то гниёт заживо... да если бы! Если бы гнить было легко и просто. Тебе нужно учить языки, как можно больше и как можно лучше, на случай, если придётся искать его по всем морям.

Она все свои последние годы только и жила этими виденьями. Маэру никогда не спрашивал досточтимого и не спросил бы – но если подумать: а вдруг жрец показывал, что в голову придёт? Не искал, кого запросили, а сам выбирал что-нибудь красивое для бедной женщины, раз уж она носит в храм с таким трудом добытые деньги.

Ничего этого здесь не объяснишь. Начнёшь – а досточтимая и девушка Гати в ответ гневно: но почему она сама не поехала? Неужто это вышло бы дороже, чем год за годом учить ребёнка на ристалище? И ладно – когда ты был совсем мал. Но ведь уже пятнадцать лет, как у

нас, в Марбунгу, храм занимается северными делами, неужели мы бы не помогли?!

А Дине смолчал бы, но подумал: и тогда уже много-много лет мы с тобой, Маэру, знали бы друг друга, ты мне был бы как друг или старший брат. И тотчас сам устыдился бы, что всю эту беду толкует в свою пользу.

А если бы при разговоре сидел мастер Видаджани, он спросил бы: может быть, у благородной госпожи эта её великая цель служила для другого? Не чтобы исполнить, а чтобы объяснить, почему сейчас жизнь такая унылая и тяжкая, почему тебе, парень, нельзя почти ничего, что можно другим детям?

Даже господину невозможно было объяснить. Маэру пробовал, несколько раз начинал – не вышло.

Вот растят человека для дела. Дине спрашивал вчера у своих старших: для чего вы меня воспитали воином, разве не для храмовых поединков? И даже досточтимая и благородный Джанатта ему не смогли ответить внятно. Придёт и твой черёд, пока не время... А ежели бы вырастили поединщиком, так Дине бы не смолчал. Или Дине, или Маэру. Джанатта ведь тогда в Надвратном храме выждал два удара сердца, целых два, прежде чем бросить вызов. Было время, раз уж хотели сами драться... И не важно, что досточтимая кивнула ему. Промешкали – значит, сами виноваты, не получилось из вас настоящих бойцов. Пока. Или вообще. Джанатта никогда такого вслух не сказал бы, но у его противника на лице именно это было тогда написано. Презрение.

Стоило дело на рыцаря этого, хлыща надутого, чудеса тратить? – судачили давеча рубежники. Лучше б... Да ну, вот кабы кого из вас лично горбун покалечил, тогда бы да, а хобы... Нет, всё из-за Джелли, она на этого малого глаз положила, а баба с бабой всегда заодно. Так что, ребята, ищите себе невест – может, и вас к свадьбе подлатают... Не-а, чудо – оно только по свежим ранам работает, а я себе ногу по новой ломать не дам!

– Он наш, – сказал безумный, который себя числит княжичем.

– Чей – наш? Ваш, диневанский, что ли?

– Здешний. Не столичный.

– С какого это боку?

– Увидите.

И прибавил:

– Нынче время – его. Для Марбунгу должно хватить.

Время таких, как он?

Для тебя точно хватило бы, Маэру. Раз уж рыцарь выжил и вылечился, что тебе мешает с ним задраться? У него меча простого, неосвящённого, нету теперь, зато у тебя два, поделишься. Если не хочешь больше жить. Если бы тебя – мечом господина, это было бы хорошо, а кто – какая разница... Нет, не согласен?

Безумный, раз уж начал вещать, уставился на Маэру и молвил:

– Стран чужих чудеса. Горы карличьи, орочьи норы.

Рубежники объяснили: это из песни, про Тубу Мардека. Про него и на севере сказы есть, как он орочьего князя воспитывал. Это к чему: что для Маэру найдётся новый господин и наставник? Вряд ли.

А если помирать не хочешь, то и хорошо, что давеча промешкал. Так держать: умом нескор, отомстить за господина – это да, это надо, но я буду долго собираться, пока не спрашивайте, когда...

Дине в один из этих дней сказал:

– Наверно, мне надо поехать на Рубеж. Я ведь даже не пробовал своих тамошних родных найти, не знаю, как они, что с ними, если кто жив. А если никого нет уже – то кто их убил. Ясновиденьем искал однажды родителей, только слишком поздно. Уже оказалось – это досточтимая и господин.

Будто спрашивал: очень это плохо, что меня совсем не тянет туда, на север и на мщение? И что Маэру мог сказать? Ты очень хороший парень, честный и добрый, нечего тебе делать на Таггуде. Такие там или погибают, или осwoлочаются.

Меряешь по себе?

Остаться здесь. Или – вернуться сюда, после того как отвезёшь пепел господина. Заняться чем-нибудь, чего даже ещё не пробовал и не знаешь, вдруг у тебя дарование.

Выбор широк. Умеешь-то ты немного: драться, убивать, воровать и врать. Но неужто не любопытно, например, каково – вести хозяйство, не чьё-то, а собственное? Или: иметь много денег, тратить без счёта? Ничего невозможного, первый здешний господин Гундинг почти без ничего из Царства приехал – и нажил же богатство, а у него семья была. Ты один, тебе ещё проще.

Или любовные дела освоить. А то вон у Дине старшего брата нету, он хотел бы потолковать про женщин, вопросов много накопилось – а не с кем. С Маэру пока не решается, в похоронные дни нельзя. Но рано или поздно спросит, а рассказать-то нечего.

Господин иногда предлагал: хоть в бардак, хоть на гулянье в город, ты вольный теперь, тебя пустят, а денег – на, возьми. Маэру не ходил, объяснял: «Девушка одна, там, на юге...» То ли господин верил, то ли вид делал. Здесь досточтимая, конечно, расслышала неправду. Сказала мягко: девушки забываются, Маэру. А первая любовь иногда приходит совсем не сразу.

Остаться, прижиться здесь, в Марбунгу их столько замечательных, и юных, и постарше, и в храме, и вокруг...

Дине чуть не подрался со здешними вояками, когда те намекали, будто девушкам от Маэру нечего ждать, потому что – извращенец. Здесь ещё не совсем юг, страмную любовь не ценят наравне с семейной. Дине нужно было: скажи сам, что это всё враньё, а то мне нельзя будет с тобой водиться, то есть я-то смог бы, но для семьи Гундинг это грязь и гадость, поэтому... Маэру сказал: нет, меня к своему полу не тянет. А любовь и без тяги может быть, даже лучше без неё. Да, я понимаю, ответил Дине и ничего не понял.

Как самые близкие люди, и матушка, и господин: всё понимают и ничего не понимают.

Господин...

«Господин». Говоришь это слово вслух, имя его произносишь – и можешь дышать. Легко же тебе достаётся в жизни, Маэру.

Он на Рубеже сделался первостатейной сволочью, даже если прежде таким и не был. Не тебе жалеть о нём. Если твой хозяин был лучший из людей, с кем довелось тебе в жизни иметь дело, – тогда к умблам такую жизнь.

Ночью возле его костра досточтимая попросила: поговори со мной ещё о нём. Так легче стоять, легче не думать.

Маэру рассказал.

На Таггуде Маэру к тому времени пробыл полгода, примерно разобрался, что как устроено на рубежной войне. Ему сказали: держись подальше от отряда боярича Такого-то, его скоро возьмут. Опытные вояки всегда знали, кого хобы придут брать в ближайшую очередь. Маэру попробовал бояричу про это рассказать. Тот не поверил, и люди его тоже. Не ты, мол, первый, кармаешь... А хобы пришли. На самом деле хобской крови у тех охотников на целого хоба не набралось бы: один по виду полукровка с орком, ещё один слегка хобоватый, остальные – орки и люди. Боярич действовать стал по книжкам или по старинным сказам – поменялся снаряжением с одним из своих людей. Был бой, тот малый в итоге был убит.

Кого взяли, доставили в Бунджил. Боярские люди как один заверяли, что их господин погиб. Боярич сидел среди них же и поддакивал. А охотники своей промашки признавать не хотели, доказывали: нет, убитый – простой воин. Полутысячник Баррай присмотрелся и догадался, что Маэру – не из боярского отряда. Южанин, а те все диневанцы. Стал выпрашивать.

Маэру отвечал: а зачем мне выдавать боярича? Например, чтобы дали поест. Раны бесплатно перевязали, воды более чем хватало – начались уже осенние дожди. А жратвой своей подавитесь сами.

«Чего ты этим геройством добиваешься?» – спрашивал господин полутысячник. – «Понятно, боярские молчат, у них дома у каждого заложники: родня, близкие, кому не поздоровится, ежели они своего молодого господина выдадут. Но ты-то им чужой, думаешь, ежели что, эти северяне тебя прикроют? Выкупят, на службу возьмут?»

Ну вот вы же не можете вычислить, который из них боярич. Все со шрамами, мозоли у всех, значит, близок он к своему народу... «А ты?» – снова спрашивал господин. – А я сам по себе.

В итоге господин объявил, что весь улов той вылазки продаёт некому Койнари, посреднику из Коина. Чтобы посредник уже на свой страх договаривался с боярством Таким-то. Всех оптом, и с Маэру вместе.

Это был худший день в плену. Получалось уж совсем всё напрасно – не продержавшись и года, ничего не добившись, попасть с Таггуда на рабский рынок и оттуда неизвестно куда: на ладью, на рудник... На великодушие боярское Маэру и вправду не надеялся.

– И что же ты? – спросила досточтимая, дослушав до этого места.

– Попробовал сбежать. Благо дождь на время перестал.

– Из Барраевского стана?

Досточтимая бывала там, видела: бежать – затея безнадёжная. И точно, люди боярича не шевельнулись, когда Маэру рванул на стену, хотя другие пленные помогали. Мельтешились по двору, орали хором: лови-держи! Дело было днём, осенним, но светлым, оркам-охранникам при их сумеречном зрении проще было целить на звук, чем на глаз.

В итоге поймали, конечно. Вломили крепко, а когда Маэру очнулся, рядом был господин. – «Ну, и куда ты собирался податься в Бунджиле?» – А я слышал, коинский посредник не один, другие есть. Вот к ним, и им сказал бы всю правду про боярича. – «А зачем?» – А просто. Чтоб, чем смогу, испортить вашу поганую торговлю.

«Ну-ну, – отозвался Баррай. – А до рубежа ты чем торговал?» – С собой. Он улыбнулся: как это? Маэру честно сказал: на ристалище, где сам учился, занимался с новичками за деньги. – «Это не торговля. Но давай, продолжай, раз начал, любопытно.»

– И оставил меня у себя.

Вот-вот, рубежник Маэру. Самые светлые дни твоей рабской жизни. Потом ещё зима была, полно времени выучиться, как на хобский лад произносятся слова, которые ты учил ещё на юге: из орочьего наречия, змейского и хобского. Как понять, кого охрана бережёт, а на ком при случае отыграется. Чем отличаются друг от дружки разные покупщики, посредники и благотворители. Слышал про марбунганскую пару, жрицу и горбатого, про то, что они чарами владеют: могут из медяшек на время наделать настоящего золота, то-то Баррай их деньги старается поскорее сбыть с рук...

Господин знал, кто ты такой, Маэру. И что ты не просто так очутился на Таггуде. С самого начала знал? Или понял той зимой? Или – когда? Теперь уже не узнаешь. Убит – и больше нету человека, что осталось, сгорело на высоком костре, слава дурная забудется, добрая вот уже забыта... Как бы не так!

Теперь-то он навсегда останется, как был. Никогда уже не перерешит, не отпустит. И не объяснит, почему.

Был один бывший невольник, господин его отправил собирать сведения, доверял и платил. И вот он выследил тех жуликов, кто берёт с людей деньги за поиск и выкуп пленных, а потом исчезает. Господин решил с ними расчесться сам. Испросил у Дигендарайи отпуск, рассказал, что задумал, Третий после Верховного – одобрил. Баррай оставил в Бунджиле вместо себя старшего на ту пору из рубежных охотников, а Маэру взял с собою в Диневан. Было это два года назад, летом после первой зимы.

Якобы торговец родом с юга проездом из Бунджила домой задержался в городе Диневане. Рассказывал на постоялом дворе, как помог ему воевода Джа Таггуджи. «Обормот-то мой вон чего удумал – сбежал хобов воевать! Попался им, ясное дело, выручать пришлось...» И далее в подробностях, южанским мягким говорком, да с неподдельным чувством: как непросто нынче найти человека на Рубеже, как трудно договориться с храмами, каков мерзавец хобский начальник по выкупной части. И какое у нас на юге садовое да винокурное хозяйство: сливовицу гоним, всякое плодое, может, виноград ещё разведём... «Я сам виноват, конечно: смолоду в войске

был, потом всё по хозяйству, по торговой части, вот за сыном и недоглядел...» Маэру в качестве обормота сидел рядом, иногда бубнил покаянно: «Ну ба-атюшка!» Господин в ответ рявкал: «Поговори у меня ещё!» – а сам плакал, настоящими слезами. Вспоминал, как в молодости на Таггуд ходил. Слушатели ему: так ясно же, сын по вашим стопам на войну подался! «Да что я, хвастал, что ли, подвигами своими? Всё по правде: как еле ноги оттуда унёс...» И мрачнел так, что каждый бы поверил. «Вы по-другому рассказывали...» – возражал сынок.

Отца-купца печалила одна незадача: что не сумели ему найти на Таггуде, помимо сына, собственного его однополчанина, долгие годы томящегося в плену. А то выкупил бы и старика тоже! Стоянку, как оказалось, мы со слов соглядатая выбрали верно: вскоре объявились люди, готовые найти кого угодно из пленников. Взяли задаток и описание того выдуманного вояки, велели обождать несколько дней. Пока ждали, Маэру как раз и пробовал с господином объясниться, но неладно начал. Спросил наедине: а у вас на самом деле дети есть? «У кого, у меня?» – отозвался Баррай с видом: неужто похоже, будто я способен вляпаться в этакую глупость? И вдруг переменялся в лице. «А у тебя?» Дескать, я про тебя ещё не всё знаю, а тебя этот балаган навёл на воспоминания о зазнобе твоей и ребёночке? Оставалось ответить: нет, откуда бы... «И то хорошо!» – выдохнул Баррай, Маэру продолжать не стал.

«Ну, повезло вам!» – сообщили мошенники через несколько дней. Якобы старик нашёлся, живой, хоть и хворый, хобы готовы его продать. «А чтобы вам второй раз на север не мотаться, вы только денег дайте: прямо в Ларбар вам его и доставим, или в Лабирран, куда скажете...» Сделку заключить пригласили к себе, в домик на окраине, было их там четверо включая парня, который брался съездить за пленником. «Да, повезло нам. А вам, видно, не повезло», – молвил господин и без долгих объяснений вынул кинжал. Жулики опомниться не успели: зарезал одного и второго, а Маэру – третьего и четвёртого. Тела там же в домике и бросили, а сами рванули на корабль и отбыли.

В самом деле, с тех пор новых слухов о ложных посредниках не доходило. Прочие шайки стали вести себя тише. Правда, когда осенью после той вылазки в Бунджил приехал благородный Джанатта, Баррай на всякий случай велел Маэру гостю на глаза не попадаться. Горбун давно уже не на диневанской службе, а всяко – если убийц летних ищут, да к нему по старой памяти обратились за советом...

«Убийц», будто речь про кого-то постороннего. Лёгкий человек, умел забывать. А у Маэру – поворачивался же язык величать его отцом. Пусть понарошку и для дела...

Вот и причина, наверно, почему он так доверял. Видел, что дело – общее.

Ну, упёрся бы ты, что хочешь непременно от него ответа, а иначе не станешь ни пить, ни есть, потому как незачем, не для того тебя растили, чтобы ты отступился. Он бы ответил: да, это я, по праву крови господин твоей жизни и смерти, а разве не заметно? Я ведь

вроде так себя и веду с тобой с самой первой встречи. И не поспоришь: ещё тогда он про боярича спрашивал по-хозяйски, будто сам заслал Маэру лазутчиком на сторону врага... Или ответил бы: да ты что, рехнулся, конечно – не я, тот Баррай Лабирри давно покойник. Имя же его я взял – потому что кроме тебя да госпожи до вашего Баррая давно никому дела нет. А кто я на самом деле, изволь догадаться сам, а то даже обидно... Но не прибил, не выгнал бы, даже за дверь не выставил, а продолжал бы ворчать: можно подумать, я для чего-то другого все эти годы живу... А не для того же самого, для чего и ты.

Ни одному из ответов поверить было бы нельзя. Потому и незачем жалеть, что не спрашивал. Мало ли Маэру слышал другого его вранья...

Костёр остынет, Чёрные служители соберут пепел, отдадут тебе. И всё равно, где его развеять или зарыть: господин теперь – только с тобой, от тебя зависит, останется ли он на божьем свете ещё хоть ненадолго или нет. Ты же не за себя выбираешь, Маэру, жить тебе или умереть. А за неё и за него. За госпожу и господина. Прекрасный случай поквитаться?

Он помнил её до последнего дня. Скоро день твоего рожденья, Маэру. Кого и почитать в этот день, как не матушку твою...

А ты – не хочешь помнить? Господин спросил бы без упрёка, он поддержал бы любое из решений: считать, что её заботы загубили твою жизнь, или – что создали. Да чего там: он и сейчас поддерживает, никогда никому не было и не будет важно, чего ты хочешь, а ему – важно.

У костра досточтимая Марригунд спрашивала: есть ли тебе к кому ехать на север? Маэру ответил: Джу Рубежника знаю только по рассказам, вся надежда – что ему надобен ещё один человек с хобской стороны. Да у него перебежчиков уже немало. Из воевод едва ли кто-то меня вспомнит по тем месяцам, что были до плена.

– А бояре? Чьего родича ты пытался предостеречь.

– Хорошо, если счёт не предъявят, что я его в ловушку заманил. Его выкупили, он на Рубеж с тех пор не ездил.

– А та женщина из Красного храма в Бунджиле? Сколько раз мы были там, благородный Джанатта всякий раз в храм ходил без меня. Говорил, мне там может быть нехорошо.

Понятно, почему. Там поединки все – насмерть, обычай такой. А ещё большой огонь, и часто суд устраивают прямо в нём. Даже из рабства можно вырваться – если пройдёшь через пламя, хобы признают, что Воитель себе человека затребовал, и из неволи отпустят. Каждый день кто-нибудь горит, кто не дотла сгорел, так и лежат...

Господин там прошёл однажды. Как раз ради той женщины, подвижницы: стал ухаживать, она сказала – жду тебя на той стороне огня. Правда, дело было зимой, одежда на нём была вся в снегу, борода и волосы мокрые. Но что так нельзя, оговорено не было, значит – сумел!

Рассказывал про это и смеялся.

– Может статься, вы нужны друг другу, ты и она, – сказала досточтимая. – Раз вы оба любите его.

Вот уж едва ли. Подвижница и её родня очень надеются, что хобы уедут. И полуостров Хоб опять будет их, как когда-то в прошлом. Отвоёвывать не взялись бы, но если захватчики уберутся сами – почему бы не взять власть обратно? Но в том, что хобы договорились с кормчим Райкиджи, никакой заслуги Маэру нет.

Маэру невпопад спросил у досточтимой Марригунд:

– А как вы думаете, господин вообще в богов верил?

– Верил. И в богов, а ещё больше – в себя, в свою удачу.

– А я нет.

Она поняла по-своему:

– Но ведь и ты создан богами. И разве неудачно получилось?

В себя-то Маэру как раз верит. Другое дело – что радоваться тут нечему, ежели только не попытаться в самом деле начать какую-то совсем новую жизнь.

А если бы по-настоящему поверил в господина – не словам его, нет, а делам начиная с Онтальской войны и до нынешних дней, – сейчас и горевать было бы не о чем.

Дине вчера сказал: досточтимая очень хочет, чтобы ты тут остался, с нами. Или вернулся бы, когда на Таггуд съездишь, раз так надо. Потому что неправильно, когда хороший человек мыкается неизвестно где... Маэру спросил: а господин Кайтай? А он на покойного господина посланника злится из-за тебя. Дрался давеча за него – а сам злится. За что? А что тот тебя не отпустил. Совсем, на волю. Только, по-моему, это без разницы, ты же не ушёл бы. Всяко господин тебе был уже не чужой...

Хорошие отзывчивые люди. Именно поэтому надо отсюда убраться поскорее. Чем дальше, тем сложнее будет.

Или сейчас всё им рассказать? Понимаете, меня с самого детства так воспитывали, что я должен поехать на Таггуд. Из-за отца, он сгинул, когда я был совсем мал. А матушка считала... В общем, я готовился, готовился, потом поехал, сам сделал всё, чтобы попасть на ту сторону. К господину. – И он узнал в тебе родную душу, оставил при себе, хоть и не обмолвился ни словом о том, что вас связывало? Это похоже на благородного Баррая... И теперь ты коришь себя, что не уберёг его, и это понятно, как же иначе.

Не валяй дурака, сказал бы господин. Оставайся, пока приглашают.

Нет.

Без него везде будет тяжело. На Таггуде – особенно. Двинуться искать какие-то новые места, где даже он не был?

(Вонгобай Гайладжи, начальник стражи)

Сыщики честно отработали два предпраздничных дня. Сверяли показания, отсеивали непричастных. Начальник стражи к вечеру четырнадцатого числа получил новый список, не сильно сократившийся. Храмовники, люди дома Гундинг, моряки «Снежной

кошки»... Дождевик, найденный на задворках «Свиного рыла», опознан как принадлежавший одной из паломниц, гостящих в храме, но стащить его мог кто угодно из этих трёх разрядов подозреваемых. Особенно в день, когда искали мальчика, в общей суматохе.

Если довериться чутью: видел ли уже Вонгобай Гайладжи убийцу? И если видел и расспрашивал – какой ответ на главный вопрос слышался за его враньём. Тем убийца и отличается от свидетеля, что вопрос – не ты ли постарался? – слышит всегда, о чём бы сыщик ни спрашивал. И отвечает, не важно, какими словами. «Да, убил и не жалею»? «Пришлось убить, сам-то я не хотел»? «Убил, но впредь буду вести себя хорошо»?

Похоже, среди опрошенных убийца был. Расширять круг поисков можно, этим пусть пока занимаются младшие, всяко опыт полезный. А Вонго сосредоточился на нестыковках в том, что уже известно.

Пытался сосредоточиться. Только сначала был поединок в Надвратном храме, потом похороны в Семерном, а поздним вечером начальника стражи пригласили к себе королева и царевич. Откликнулись на его отчёт, точнее, на записку с винной кляксой.

Обрадовали. Почерк советника Нарека не мог не привлечь сугубого внимания убитого. И понятно, что порученец его о причинах мог только догадываться – и догадался неправильно, ежели не врёт. Не кто иной как Баррай Лабирри однажды по сходной цене уступил досточтимой Марригунд хобского соглядатая: того рубежника, который якобы помешан и именуется Нареком. На сбор сведений и передачу их через огонь у этого безумного хватает рассудка. Взыскан милостью Пламенного, настроиться может через самый малый огонёк, вроде курительной трубки. Досточтимая и господин Баллури этого лазутчика не сразу, но раскрыли – уже около двух лет назад – и сообщили не прежнему наместнику и не нынешнему, а царевичу и королеве. Имели подозрение, что соглядатай работает на две стороны: и на Хоб, и на Царство. Теперь, получается, уже на три, включая Корону.

Мастер Видаджани будто бы о «нашем Нарেকে» не знает. Не должен знать. Однако – догадался? Решил проверить? Это если он врёт, что записку просил передать Джанатте, а на самом деле послал её Барраю – и пришёл посмотреть, сильно ли хобский гость задёргается. И столь важным считал это дело, что даже притворился отбывшим за моря? Тут что-то прояснить мог бы Талари, но он пока ни мастеру, ни страже не попался. Да и не мог бы, ежели только не вернулся в город: искать его по всем пещерам полуострова – ничьих сил не хватит.

И всё-таки – где у нас нестыковки и дырки в показаниях? С хобами кормчий «Снежной кошки» в самом деле договорился, это подтвердили и из дворца королевы, и из гавани. Замечено движение в нескольких малых заливах – проще говоря, в тех пиратских гнёздах, откуда княжич Райкиджи мог бы высвистать корабли себе на подмогу. Готовится большой поход, а раз Гундинги не слишком о том беспокоятся, значит – с их ведома, значит, вполне вероятно, в Бунджил. По-прежнему странно: Маэру Таггуджи почему-то не знал,

что господин его сладил дело, по которому приехал. Или парень решил темнить, ибо дело по его меркам – тайное?

Самая большая дыра – вокруг благородного Кандамулли, или Канды, как он себя просит теперь называть, хотя его выхода из ордена Красный храм не подтверждает. Что рыцарь делал в вечер убийства – свидетелей нет, ни в его пользу, ни против него. Вонгобай после поединка нарочно поднялся на Красную башню, прикинул: какая картина видна, если смотреть в сторону «Свиного рыла». Что творится там у заднего крыльца, не разглядишь, конечно, но как к трактиру с двух сторон шло множество людей с фонарями – не заметить было нельзя. Если только следить за городом, а не за чем-то ещё. И если вправду стоять на башне.

Слишком уж подходит рыцарь, сразу по многим признакам. Даже не беря ту картину убийства, что Вонгобай себе нарисовал. Толпы не видел, вызова перед тем – не слышал, о хобском госте расспрашивал по кабакам просто так, для собственного сведения... Откажись от него храм, есть все причины взять его под стражу. Но что-то не сходится. И прежде всего – то, как легко этот рыцарь признал поражение в бою. Слишком потрясён, очухается – оспорит ещё? Придётся подождать. Но если Канда таки убийца, то каков был его молчаливый ответ? «Не вам меня допрашивать»? И верно, пока он подлежит только храмовому суду. Мог бы и вслух это сказать, до поединка. Почему-то не сказал.

Две другие дырки, поменьше: у старших ребят досточтимой, Дине и Джанги, нет свидетелей на часть вечера. У обоих мощное прикрытие: храм и дом. И непонятна причина, как и у рыцаря.

Первый из трёх праздничных дней неплохо было бы провести дома, ещё раз спокойно обдумать дело. Только свояков-Гундингов поздравить – с преполовлением Змиев, не про вас будь сказано! Но не тут-то было. Два письма: досточтимая Марригунд приглашает на завтрак к полудню, кормчий Райкиджи – на обед.

Внуки напомнили: в Семерном храме нынче запускают бумажных змеев, наш – готов! С длиннющим хвостом. Погода хорошая, ясно, ветер сменился. Так что пошли.

У досточтимой в рабочей комнате накрыт стол на двоих. Мастер Видаджани занят змеями, благородному Джанатте лучше пока отдыхать.

– Вы помните, – начала она, – суд по делу об убийстве Вендарина Баллури? Пятьсот восьмидесятый год, судили четвертьсотника коронного войска, благородного Гайтарру. В деле ещё горный обвал упоминается, спасение пострадавших.

Как не помнить. Дело было – одно из первых после замирения, и хоть город Марбунгу сроду не бунтовал, начальство внятно намекнуло: всем, кто не в наряде, нелишне пойти послушать. И принять к сведению: жизни онталцев, недавних мятежников, дорого стоят.

Ни на убитого, ни на подсудимого у городской стражи ничего толком не нашлось. В Марбунгу благородный Вендарин бывал, но донос заместнику на него подали лишь однажды: о словесных оскорблениях законной на ту пору власти. Говорили, будто по той же причине боярин Дунга Онтал этого своего дворянина не то чтоб сослал

в имение – просто посоветовал не появляться в замке. Злоязычный был человек. Гайтарры вообще в городе не видели, до того как его привезли на разбирательство.

Судьи тогдашнего нет уже в живых – не по обряду, как Гадарру из Надвратного храма, а просто помер. Из стряпчих тоже никого не осталось: либо в отставке, либо служат в других коронных городах. Но писаря или стражники тогдашние, может, вспомнят. А к чему вопрос?

– Помните свидетеля, друга подсудимого? Это был Баррай Лабирри. Я только вчера узнала.

– Ох ты ж...

Был, был на суде рыжеватый юноша, тоже четвертьсотник, вид имел покаянный: тут такое творится, а я – вот он я, бодрый, здоровый и румяный... Старался сесть в зале поближе к подсудимому, а не к своим войсковым. Как его звали, Вонгобай за четверть века забыл – и зря!

Досточтимая рассказала: по ее просьбе сын её Джанга в Архиве искал сведения о службе Баррая в наших краях – только теперь, а лучше б нам этим озаботиться раньше, гораздо раньше! – и нашёл прошение об отставке, а затем и дело Баллури.

Как же это благородный Джанатта раньше не собрал сведений о прежнем держателе своего удела? Да что спрашивать: Вонго сам хорош! Должен был узнать Баррая в лицо, хоть тот и изменился.

– Вину Гайтарры точно доказали? – спрашивает досточтимая. – А если не доказали, почему его осудили?

Трудно теперь сказать. Признания он не дал, повторял только: пьян был, пьян... Выглядел хуже некуда: осунулся, то ли скис от позора и страха, то ли имел уже тягу к выпивке и с трудом отвыкал. Судья всё это толковал не в его пользу. Спрашивал о раскаянии, но каяться Гайтарра не стал.

– Что тут скажешь... Осудили, чтобы другим неповадно было.

Марригунд кивает. Так и думала.

– На суде присутствовал кто-то из его родных?

– Нет, только вот друг. Вспомнить бы мне его заранее...

– А ведь у Гайтарры была жена, как раз тогда родила... А скажите, благородный Вонгобай: можно узнать, кто ещё брал в Архиве его дело?

Хотя Джанга Гундинг и несёт уже коронную присягу, этих сведений ему, надо понимать, не дали. И правильно: не полагается.

– Запрошу, конечно.

– И... Не просил ли кто-то посторонний самих служителей Архива что-то посмотреть в деле.

– А кто бы, скажем?

– Мститель за Вендарина или за Гайтарру.

– Кому? Барраю?

– Да. Если это Баррай убил Вендарина и подстроил обвинение против своего товарища.

По крайней мере, это даёт нам чёткую причину для убийства. А то до сих пор подозреваемых у нас полно, а причины всё невнятные.

Досточтимая что-то ещё собиралась спросить – но переменялась в лице, точно от внезапной боли. Что не так? – взглядом спросил сыщик. Нет, ничего, – покачала она головой.

– Если чем смогу пособить... – сказал Вонгобай.

– Нет-нет, спасибо.

Сыщик спросил про безумного Нарека. Досточтимая в общем подтвердила слова королевны. Говорила – а сама думала о другом.

Пересчитала дни и поняла, что снова понесла, седьмого ребёнка? Годы не юные, да ещё и обряды, и труды в храме... Пёстро́го жреца по-прежнему нет на месте, спросить да узнать, беременна ли, не у кого. В другой храм идти с таким вопросом настоятельнице неловко – но пойдёт, конечно, ежели вправду дело в этом.

Вонгобай поблагодарил за сведенья и угощение. Не особенно надеясь на удачу, попросил досточтимого Гамурру помочь и зашёл поговорить с ещё не опрошенными гостями храма, паломницами. При жреце старушки не стали запира́ться и врать. Нет, ни одна из них не вдова Баллури или Гайтарры. Если как-то ещё связаны с делом пятисот восьмидесятого года, выяснять это – работа долгая. Но, по крайней мере, сами убить едва ли сумели бы, да и храм подтверждает, что в грозу обе они в город не отлучались.

Начальник стражи двинулся дальше.

Странное было время тогда, в войну и после. В пору молодости Вонго город Марбунгу был вроде острова на суше: коронная земля, с трёх сторон окружённая боярским владением, а с четвёртой – морем. Бояре Онталы на него не особенно зарились – имели собственную гавань Джанури на другой стороне полуострова. Но когда высокородный Дунга поднял мятеж, горожане ждали приступа: оставлять в тылу у себя большую крепость Онтал не стал бы. Город сработал на опережение: закрыл ворота до прихода королевских войск. В те дни Вонгобай как раз и познакомился с будущим свояком, Мангкаваном Гундингом, прежде не доводилось. Кто ждал, что Гундинги уведут свои ладьи или хотя бы семью и золото отправят подальше от войны, просчитались: корабли обороняли вход в гавань, челядинцы встали на стенах вместе с другими горожанами, Мангкаван носился туда-сюда, показал себя пусть не воеводой, но толковым командиром. Кем командовал сам Вонго, вспомнить странно: сборным отрядом из городской стражи и городских же Белых ребят. Водил разведку на вылазки, по таким ходам, куда теперь уж не протиснется, хотя и помнит их.

Марригунд и брат её тогда ещё не достигли совершенных лет. Если и помнят мятеж, то по-другому. Она спрашивает: как вышло, что осудили коронного войскового. А по сути-то – слишком мало времени прошло после мятежа. Что теперь справедливо, а что нет, что можно, что нельзя – никто точно не знал, решали на ходу, и понятно, не без переко́сов. Начать с главного: неужто боярин всерьёз хотел отложиться от Королевства, надеялся, что сможет? И что потом: Онтал как отдельная держава вроде Хоба? Или Онтал как заморское владение Арандийского Царя? И таким, и таким полуостров когда-то

бывал, но то в древности. А в наши дни – что? Ответа не было даже у досточтимой Марриджани из Тройного храма, хоть она в делах безумных хорошо понимала. Даже праведный Гамбобай не знал. Наверно, знали те, кто бывал в замке Дунги, кто знаком был с его подругой – кудесницей Хиоле. Вонго сам её ни разу не видал, даже когда её после победы под охраной увозили на запад, под надзор предстоятельного храма Премудрой. Из тех, кто здесь сейчас, Хиоле без покрывала на лице видели государыня королева да мастерша Джелли – обе тогда совсем дети. Может, кто-то ещё.

Дунгу убил его же соратник, господин Джанури. Боярские люди переходили на коронную сторону несколькими волнами. Вендарин, скорее всего, – где-то посерединке: уже когда ясно стало, что мятеж захлебнулся, но замок Онтал ещё не был взят. Счёты сводили все со всеми, смута – лучший случай... А зачем всё это было, даже боярский наставник Лантани не дал внятного объяснения.

Время показало, зачем. Ни о каком Нареке Диневанском тогда и слуху не было, но потом он объявился и – кажется, он один от чистого сердца, – поздравил государя нашего короля с победой. Так держать, умножение коронных владений – мера правильная и своевременная. Но это было потом, а в пятьсот восьмидесятом году младшие командиры королевского войска, эти вот Гайтарра с Лабирри, ведать не ведали – что они на этом гористом полуострове делают, надолго ли тут, назначат ли нового боярина вместо Дунги, не отречётся ли король и не объявят ли после новых выборов, что поход был ошибкой... Было с чего напиваться по-свински, было отчего бежать на дальний север.

Запрос в Архив. Просьба в Надвратный храм: связаться с Нарвою, узнать, как дела у вдовы Вендарина, жива ли и на месте ли она. Смутно помнится, что она потом заново вышла замуж за кого-то из земляков и в Нарве же осталась, но проверить надо. Другая просьба туда же: найти ход к имению Гайтарра, оно где-то на Озере, выяснить про родню осуждённого, что она поделывает сейчас. Марригунд сама уже, надо думать, озадачила собрата Гамурру – погиб ли Гайтарра на каторге, имела бы ответ, что нет его среди умерших, – сказала бы.

Вопрос к себе: видел ли Вонго когда-нибудь благородного Баррая тогда, молодого, до суда? Где-нибудь возле города или даже в самом Марбунгу? Вроде бы нет, но – надо вспомнить.

А люди змеев запускают, праздника ради. На широком речном берегу возле Семерного храма, за воротами на Королевской дороге, у моря, всюду, где есть место разбежаться. Змеи бумажные и тряпичные, домодельные и покупные, иные в золотой отделке, но которые попроще, летают выше.

Кормчий Райкиджи в письме не изволил указать, зачем приглашает. «Благородному Вонгобаю» – написал он. Не начальнику стражи, не прежнему наместнику. И дальше стихи в восточном вкусе: *Жду я друга-знатока: жалко одному наслаждаться зрелищем в этот летний день...* Что за зрелище? Моряки его разучили змеиный танец, хотят сплясать ради праздника? Человек сорок под одну змеиной шкурой – правда размах подстать княжичу, и если он их собирает, вывести в город, содействие стражи запросить нелишне. Или в ответ

на давешнее ясновидение Вонгобая он припас какого-то кудесника и собирается устроить разговор с Бунджилом? Раз уж Вонго любопытствовал, состоялась ли сделка. Или о чём речь?

Великовозрастный юнга, принесший письмо, отвечал: не могу знать.

На «Снежной кошке» гуляют, но умеренно. Кормчий трезв и весел. Поблагодарил за кабанчика и молвил:

– Попалась и мне недавно одна свинья. Не угодно ли взглянуть?

Под настилом на ладье, связанный, грязный и слегка побитый, у него сидит Талари. Вот уж воистину нечаянная радость!

– Где брали?

– Где и указала Премудрая, вашими молитвами.

То есть княжич сразу после прошлой беседы отправил своих пиратов к той самой пещере. Что опознал её – неприятно, но не удивительно, кому как не Райкиджи знать онтальские логова беспошлинных торговцев. Разумеется, весь товар из пещеры изъял в свою пользу, а законным властям готов зато предоставить искомого свидетеля.

Разглядев начальника стражи, Талари взмолился:

– Господин Гайладжи, спасите! Видите, что разбойники творят, среди ясного дня людей хватают!

Куда вы его? – спросил Вонгобай у кормчего.

– В Бунджи. Там люди сейчас подорожали, в связи с известными событиями.

– Слышите? Слышите?! Ни за что в рабство продают!

Сыщик присаживается на сундук. Княжич уходит к своим.

– Что, прямо-таки в городе и схватили? – уточняет Вонго.

– Ну... нет. На побережье.

– А туда тебя как занесло? Тебя вообще-то мастер Видаджани ищет, уже едва ли не хоронить собрался.

– Так и придётся! Схватили, едва не убили... На вас вся надежда!

– И так...?

– Отдохнуть хотел. Сами знаете, в городе – суета, толчея...

Как можно отдыхать вне Марбунгу, в горах, на море или даже в усадьбе Гайладжи, Вонгобай понять никогда не мог. Там или сырость, или комары, или то и другое разом.

– Не повезло.

Взрослый дядька, гроза Поганой слободки, принимается канючить, как мальчишка:

– Ну господин начальник!

– Так я и спрашиваю: ну?

– Так а чего? Я всё расскажу, что вам надо, вы только спросите.

– Когда ты снялся из города?

– А я помню? После грозы.

– Добро. Был у тебя Видаджани вечером накануне?

– Был, да. Слухи, что он совсем того, за моря отчалил, оказались дутые. Явился, переночевал...

– Писал он при тебе письмо?

– Было дело.

- Когда, кому и с кем он его отправил?
- Утром. С посыльным, есть у нас такой мальчишечка, Бенг.
- Кому, Талари. Это важно.
- Горбуну Джанатте. А ежели парень чего напутал...
- Та-ак...
- Так откуда ж мне-то знать? Кабы сам я письмо нёс...
- Вот именно. Откуда тебе знать, что письмо до горбуна не дошло.

Нечаянно или нарочно Талари проболтался, но теперь он вздыхает:

- Ну хорошо. Был я там, куда Джани горбуна приглашал. На задах у «Свиного рыла».

- Зачем?

- На всякий случай, мало ли. Джани – он так-то храбрый, и даже слишком, а вдруг бы его горбатый на месте прибил? За всё прежнее и за недавние эти разговоры, что Джани храм свой бросил якобы. Вот я вместе с ним и напросился. Письмо-то Джани мне показал, там так и было сказано: приходи, разговор есть.

- И что же ты видел?

- Во-первых, жуткую грозу. Потом – никакого горбуна. Почему я и знаю, что письма он не читал. Ну, или не отозвался. А ещё там был гость хобский, на заднее крыльцо вышел, я ещё думаю: чего стоит? А к нему подошёл кто-то в дождевике и – ножом. И насмерть. Я себе говорю: сейчас, Талари, на тебя это убийство и навесят. Вот и снялся, не дожидаясь. Но я не убивал! Век Неба не видать, господин начальник: не убивал!

- Описать убийцу можешь?

- Молодой парень или баба, морда гладкая, роста среднего, сложения крепкого, другого оружия кроме ножа я не видел. Гость стоит, значит, с фонарём, кого-то высматривает, тут этот – или эта – подходит, перемолвились парой слов, каких – я за дождём не слышал. И потом убийца бьёт, ножом, я со спины видел, самого ножа не опознаю, но – грамотный удар. Гость пошатнулся, ухватился за него, или за неё, за убийцу то есть, двумя руками, убийца его опускает осторожно... Фонарь даже не погас.

- Ты подходил, осматривал тело?

- Оно мне надо? Тогда бы точно я убийцей и оказался...

- А откуда ты знаешь, был гость смертельно ранен или как?

- Знаю. Навидался я таких поножовщиков в своё время. А что, неужто выжил?

- Нет. Убит.

- Ну вот видите!

- Кто к телу подходил?

- Что ж я, ждать буду? Дёру дал.

- Это всё?

Вонгобай поднимается с места.

- Господин! Это правда всё! Что ж вы...

- Мало этого, Талари.

- Так я не знаю больше ничего!

– Значит, и впрямь не повезло тебе.

Не слушая дальше сетований узника, начальник стражи вернулся к кормчему. Праздничный стол у пиратов богатый, разговор большей частью о хобах: все ли они в итоге переберутся на дальний остров или будут жить на две державы. И что их больше напугало: орочье княжество на севере, то самое, где когда-то подвизался Тубу Мардек, или карличье государство на Дибуле, что продвигается с запада. Или – местное брожение в рядах орков или людей Хоба, или тех и других.

– Вот вы спрашивали, что я думаю о списке благородного Джанатты, – сказал княжич. – Я не вижу, чей бы это мог быть отряд, кого из посягателей на престолы... Если только не самого покойного Баррая, ежели представить, что он в самом деле собирался отправить хобов за море и возглавить вольный Бунджил.

– И насколько это безумный замысел, как по-вашему? – спросил Вонгобай.

– Не такой уж и безумный. По крайней мере, если бы моя невестка... Как назвать супругу шурина? Если досточтимая Марригунд узнала бы, что людям из списка уготована такая судьба, отвоевывать Бунджил для Баррая, она бы значительно щедрее за них заплатила, чем просто за пленных. Не так ли?

– Похоже на то.

Выкупила бы за любую цену, даже если сами эти вояки считали бы, что учинить мятеж во вражьем городе – не самая плохая мысль.

Второй день праздника кормчий Райкиджи собирается провести с семьёй, а на третий – отплыть. Надо же чем-то порадовать здешнюю гостеприимную гавань...

Талари тоже понял уже: время торопит. Когда начальник стражи заглянул проститься с ним, кривляться перестал, сказал:

– Ваша взяла, господин. Ничего Бенг не напутал, я сам ему велел письмо отнести к Барраю. Там непонятно, кто к кому обращается, сказано только, что по делам севера. Я решил, что он клюнет. И клюнул же. Кабы не убийца...

– А чего тебе от Баррая понадобилось?

– Денег. Я же его с прежних ещё времён знаю, до того как он в Хоб подался.

– Так. Тебе тогда который год был?

– Почти пятнадцать. Только я не слепой был и не глухой. Вот и видел, и слышал про него кое-что, отчего бы ему не поздоровилось, кабы о том узнали. Вот и хотел с ним договориться. Что молчать буду.

– Заняться вымогательством?

– Ну да. Только если по-вашему выходит, что он птенчиком нежным в плен попал, да в плену уже оперился, так нет. За ним и тут уже такие дела водились...

– Какие же?

– Расскажу. Вам, господин Гайладжи, всё расскажу. Как есть. Но только не тут, а в управе, ладно?

– Будь по-твоему.

Вонгобай вызвал стражу сопроводить задержанного. Талари приободрился, стал просить: а может, носилки? Чтоб не весь город видел, как вы меня поведёте...

Пусть лучше весь Марбунгу думает, что Вонгобай Гайладжи пировал на пиратской ладье и набрался до бесчувствия?

(Благородный Джанатта Баллури)

Праздничный день, погожий, тёплый, в открытую дверь слышно, как на реке кричат – гоняют бумажных змеев. Дине туда не пошёл, хозяйничает дома. Не смирился и пока не готов смириться.

Ему трудно выговаривать «отец» вместо «господина». Наверное, так и останется навсегда. Но если господин – чего проще? Слушай приказ. А если всё-таки отец не только по грамотам? Если воспитал, но на главный вопрос ответа не дал: ради чего?

Чтобы ты охранял досточтимую и её детей, всех, кто ей дорог, пока я дерусь на поединках и отлёживаюсь потом? Будто для охраны мало людей дома Гундинг. Мало – потому что они не живут в храме, плохо знают, от кого из наших какого поведения ждать, особенно от младших. Будто рубежников мало! Их опыт – боевой, они, если не подведут, возьмут на себя врага, а твоя задача будет – прикрыть своих. А от кого, кто нам угрожает? Вот и за этим смотреть: за угрозами ближними и дальними. Держать связь с теми, кто поможет оценить, насколько велика опасность и можно ли решить дело миром. Связь – не только через огонь. Даже с теми, кого видишь каждый день, разговаривать, стараться не терять общего языка. Со жрецами, прихожанами, теми же рубежниками. Можно сказать и короче: делать всё, что делаю я, только лучше. У тебя и получается лучше, потому что ты уже здешний, свой в Марбунгу человек.

А для тебя чужой, получается? – спрашивал Дине, и ответить было нечего. Значит, придётся вернуться к самому началу. Заново решить, кто мы друг другу, теперь уже с почти взрослым парнем.

Начать с главного:

– Я ведь до сих пор не знаю, как быть отцом. И никогда не знал. Вместо родителя меня растил князь Муллаваджи, но именно – вместо. Со мной он лучше обходился, чем с кровными своими детьми, племянниками и внуками, говорил: «дитя моего гнева», ещё иногда – «дитя моего горя»...

Тот приступ боевого бешенства в самом деле совпал со скорбной вестью: далеко на западе, в княжестве Умбинском, скончалась княгиня, сестра Муллаваджи. Горе по ней, а ещё горе по Наттари, не важно, что она среди свитских дам вовсе не была незаменимой, и уж точно не была князю ближе прочих...

И как же скажет Джанатта сам теперь о Дине: дитя моего – чего?

– Я не вы, – отозвался Дине. – А вы не Муллаваджи.

Парень понимает гораздо больше, чем разрешает себе высказать вслух. На самом деле лучше, чем Джанатта, видит, насколько трудно

уживаться вместе. Кому угодно, и нам тоже. Но тогда вины нашей в этом нет?

– И к тому же змии – не соколы, – добавил Джанатта.

– Как это?

– Князь мне с самого начала выделил дело, чтоб я им занимался. Дело расширялось, от соколятни до замка и всего княжьего двора, но я всегда знал, что он мне поручил. У нас с тобой не так. Потому что мастер, их с досточтимой дети, вся её родня – люди, родные люди, и на них сложно не обижаться. Даже если раз и навсегда списать на змейство большую часть их странностей.

– Да их же не ты мне поручил.

– А кто?

– Я сам, – отвечает парень, будто бы это очевидно.

– Вот. Вот в чём дело. Едва я что-то тебе доверяю, как оказывается, что ты за это взялся сам, и опять не для меня, а для себя. Ты не можешь делать чужое дело, только собственное.

Он задумался. Спросил:

– А общего дела у нас быть не может?

– Наоборот! Это значит, что все дела – общие. И именно за это свойство я тебя люблю, если можно сказать, что люблю «за что-то».

Дитя моей надежды – тогда, пятнадцать лет назад. И сейчас. Видишь, я очень надеюсь жить ещё долго, и даже какое-то время после того, как перестану управляться с мечом. Я не могу сказать, в чём моя цель, никогда не имел замысла, как переделать мир вокруг. Скорее, мир меняется сам, а я выбираю, какие перемены поддержать, от каких попробовать защититься – или даже свести их на нет, если получится. А как я выбираю, ты знаешь. Чтобы досточтимая могла обустроить храм, чтобы, уж по-человечески это или нет, но в храме этом добрая воля – и разумная воля, и честность, и готовность к договору – ценились выше всего остального, включая святость, славу и прочее. И чтобы Гати знала, что здесь она человек, что её выбора никто не ограничивает, ни браком, ни устоями востока. Так же и для всех остальных, маленьких и взрослых.

В общем-то это всё, что я могу предложить тебе.

Дине немало труда стоило сегодня не выставить вон Кандамулли. Отцу тяжело, отцу надо отдохнуть... Сейчас он словно считает про себя, считает, как удары в бою. Сколько слов ещё можно сказать, а потом придётся замолчать, чтобы отца не утомлять совсем. И опять, опять не выговорить самого важного.

– Понимае... те... шь... Понимаешь, мне каждый день надо что-то делать. Иначе – я бесполезен. Вот не готовиться к чему-то, а – уже. Уже делать что-то. «Так и делай, кто ж мешает»? А я не могу.

Не надо бояться. Всё на самом деле обошлось гораздо лучше, чем могло бы. Слава богам.

– Ты прав, что я не Муллаваджи. У меня столько поручений нет.

Дине смотрит исподлобья, совсем как в детстве. Если это в шутку, можно не отвечать, мы, диневанцы, шуток не понимаем. Или всё-таки отозваться?

– А князь тебе одному доверял?

– Нет, конечно. Многим. Только не родне.
– А почему? Разве родным – не надёжнее всего?
– Ну вот как мастер Видаджани. Потому и отрицает своё родство с детьми, что знает: сам он ни насколько не надёжен. Из-за божьей милости. Князь то же самое знал о себе. И считал, что раз ненадёжен он, то и родичи в ответ ненадёжны.

– А жрецы?
– Как раз со жрецами он ладил лучше. Почему он сам не принял сан, я не знаю, и думаю, никто не знал.
– А разве можно – быть и божьим служителем, и княжеством править?

– Править и быть одержимым тоже нельзя, но он мог.

– А Муллаваджи был хороший правитель?

– Да.

Джанатта ответил, не задумываясь, как всегда отвечал, и наверно, до самой смерти будет отвечать так же. Как досточтимая Марригунд всегда будет говорить, что Видаджани хороший отец. И что Джанатта – надёжный человек, несмотря на все поединки...

Дине всё это расслышал. Спросил:

– А каким должен быть хороший правитель?

– Видеть очень многое сразу, если не всю страну – то почти всю. И земли, и семьи, и задачи. Поэтому у князя и приказов было много, на многих хватало.

Парень усмехается:

– Просто у нас страна небольшая: храм Семерых.

Дитя моей любви. Раньше бои обходились легче, ты не заставлял, чтобы досточтимая сидела со мной, как вчера. Несколько дней назад она пришла сюда после отъезда Видаджани – и такого на твоей памяти почти не бывало, разве что когда ты маленьким сам болел и она приходила к тебе. Любви никогда не достаточно: если не по себе и по мне, то по другим её детям ты эту жажду знаешь. Но и мало любви не бывает. Она или есть, или нет, а если есть – это уже безмерно много. И ты знаешь: есть.

Вчера после костра досточтимая говорила про Маэру. Какой он отчаянный и какая несчастливая ему выпала судьба. А недавно я говорил – у нас будут ещё дети. И вчера сказал: я не думал, что случится это так скоро, но, видно, боги ловят на слове. И она согласилась: да, думает уже о Маэру как о нашем. Я знаю, что и тебе он нравится, но как ты посмотришь, если он не просто в храме останется, а – с нами троими, как четвёртый?

Джанатта не успел ещё этого сказать, когда вошла досточтимая.

Сегодня Джанатта не ходил смотреть, как она молилась, праздника ради танцевала перед Плясуньей Небесной. Время обряда давно прошло, и по лицу досточтимой видно: что-то случилось.

Джанатта выбирается из-под одеяла. Досточтимая подаёт знак: не спеши. Говорит:

– Дине, найди, пожалуйста, Маэру. И побудь с ним, а мы скоро подойдём. Он где-то на берегу или в доме.

В большом гостевом доме, где кроме паломников живут и наши диневанцы. Парень двинулся к двери, но не успел выйти, как досточтимая окликнула:

– Нет, знаешь... не ходи, побудь пока тут. У себя.

И закрыла дверь. Дине остался ждать в своём уголке.

Очень тихо досточтимая говорит:

– Я вспомнила. Баррай говорил – на эти праздники у Маэру день рожденья, двадцать шесть лет. А Гайтарра, тот, кого осудили... Он напился пьяным по случаю рождения сына. Около Преполовения Змиев. Двадцать шесть лет назад.

– Да, сходится. Ты думаешь, Маэру и есть тот мальчик?

– Боюсь, да. И получается...

Она почти никогда не плачет, но сейчас – слёзы в глазах.

Получается, у Маэру была причина убить Баррая. Отомстить.

Воистину, боги ловят на слове. Совсем недавно Джанатта сказал мастеру Видаджани: молитесь о чуде, чтобы если убийца – из близких досточтимой, никто бы этого никогда не узнал...

– Я пойду, спрошу у него самого, – говорит Джанатта.

– Вместе? – не спрашивает она, а просит.

– Лучше наедине. А втроём или вчетвером – может быть, потом, смотря как пойдёт разговор.

Досточтимая кивает. И сразу же качает головой:

– Дине... Лучше бы ему вовсе об этом не знать. Если это окажется правдой.

И понятно: если убил-таки Маэру, досточтимая не собирается его выдавать властям. И не в Белых обетах дело. Если только сможет, скроет правду от всех, поможет убийце уйти от королевского суда. А Дине – мало того что думает уже о Маэру как о друге или брате, так ещё и сам несёт коронную присягу, то есть, если тоже решит не выдавать, сделается предателем... Лучше бы и в самом деле Дине ничего не знал.

– Я не смогу с ним так обойтись, – говорит Джанатта. – Молчать прикажу как начальник по службе.

Несколько мгновений досточтимая собирается с мыслями. Потом отвечает:

– Да.

И добавляет:

– Мы не знаем, как Маэру поведёт себя, когда... Если это он и если увидит, что мы догадались. Будь осторожен.

– И ты.

Джанатта зовёт сына, просит помочь одеться. Говорит пока так:

– Мы ещё раз сопоставили всё, что знаем об убийстве. У нас не получается, чтобы Маэру не знал, кто это сделал. Каковы бы ни были причины у него отмалчиваться, я попробую потолковать с ним. Как он это воспримет, я не знаю. Говорить я собираюсь у него в комнате, а тебя прошу быть наготове. Если я позову, беги на помощь. Если он побежит – лови. Что он опасен, когда вооружён, и чем именно опасен, ты помнишь. Будь очень осторожен.

– Я буду поблизости, – говорит досточтимая.

Звать на подмогу мастера Видаджани она не станет.

– Вы ведь с Маэру ещё не разговаривали, так, чтоб долго? – спрашивает Дине у Джанатты.

– Ещё нет. Вот и попробую воспользоваться этим.

Сын не спорит. Только уже по дороге к мосту остановился вдруг. Спрашивает теперь у обоих, и у отца, и у матушки:

– А если Маэру... Ну, в общем, если ему совсем нельзя говорить?

– Попробую убедить его, что если он дал клятву или обет, то сейчас самое время от этой клятвы или обета разрешиться.

Издавна в Диневане и в других землях по нашу сторону моря при знатных господах одни и те же люди отвечают и за охотничьи дела, и за сыскные. Пока не была учреждена королевская стража, ловлей преступников занимались княжеские и боярские ловчие, а кое-где этот обычай дожил и до сих пор. Муллаваджи Диневан своего сокольника Джанатту не посылал выслеживать разбойников и воров – слишком приметный вышел бы сыщик. Следить за всем, что творится в княжеском замке, – другое дело. Нынешние события показали, как много из тогдашних навыков Джанатта растерял. Полтора десятка лет сам решает, какие сведения важны, а без каких можно обойтись, несколько раз решил неверно. Мог бы знать об онтальском прошлом Баррая. Мог бы найти семью Гайтарры. Мог бы – много ещё сделать, чтобы сейчас не пришлось вспоминать свой давний опыт допросов.

Когда-то умел без огня и железа вытянуть признание чуть ли не из кого угодно. Сейчас нужна правда, а не признание. А если Маэру искренне горюет о своём господине, то легко возьмёт на себя вину – и что тогда мы с его ложью станем делать? Если он не просто солжёт, а сам себя убедит, и жреческая проверка тогда ничего не даст?

Порученец сидит на крыльце паломничьего дома, издали смотрит на бумажных змеев в небе. Дине и досточтимая отстали немного, скоро будут здесь, а мы пока поднимемся наверх.

Маэру возражать не стал: разговор так разговор. Идёт первым, Джанатта за ним.

Комнату ему отвели маленькую, кроме кровати да сундука здесь ничего нет. Вещей почти никаких, большая часть Барраевой поклажи заперта на складе. Мечей не видно, кроме ножа за голенищем – никакого оружия в ближнем доступе. У Джанатты тоже только кинжал.

Маэру неловко приглашает: садитесь, – указывает на сундук. Сам опускается на кровать.

– Вас, Маэру, при мне несколько раз называли благородным, вы не поправляли. Верно ли, что вы из дворянской семьи?

– Да. Хотя теперь уж – какая разница...

– Ваше прозвание было – Гайтарра?

Он поднимает глаза.

Во взгляде – ни страха, ни вызова, только боль.

– Да. Вы сами всё узнали.

– Слишком поздно узнали. Баррай Лабирри подвёл вашего отца под суд и каторгу, погубил его, чтобы отвести подозрения от себя?

Когда убил Вендарина Баллури, прежнего держателя того удела, что нынче числится за мной.

– Да. Всё так.

– Давно вы это знаете?

– Сколько себя помню. Свидетелей нашёл вот недавно, уже здесь.

– Однако дать показания в суде они отказались?

– В суде... Одни иноверцы, другой – беспошлинный торговец и вымогатель. И потом, я не собирался судиться. Я хоть вольный, а всяко бывший раб, кто бы мой иск принял... Да ещё к моему же господину, да к иноземному теперь чиновнику... Да и не важно это всё. Я обещал отомстить. А судиться не обещал.

– Кому обещали? Отцовской памяти?

– Матери. Она этим только и жила: что я вырасту и отомщу. Отца же я не видел ни разу, что мне... А у неё кроме меня никого и ничего не осталось.

И чем раньше вдова Гайтарра завела речь о мести, тем проще было с ребёнка получить обещание. А потом уже только настаивать: ты поклялся и ты сделаешь это любой ценой.

– Как вышло, что вы с матушкой вашей оказались вот так – только вдвоём?

– Ни её родня, ни отцовская её не захотела знать после приговора. Забыть и не вспоминать, раз такой позор. Нас в храме Воителя приютили.

– Там вы и росли, и учились, и успели сами поучить новичков? Насколько я могу понять по вашим навыкам.

– А я ничего больше не умею, тем и зарабатывал, пока матушка жива была. Ну вот языкам ещё учился. Она однажды сама сюда поехала, мне лет шесть было. И со свидетелем говорила, который кабатчик, теперь уж он умер, я только сына его нашёл.

– Сын – это иноверец или торговец?

– Кабацкая семья вся змейской веры. А торговец – это бывший денщик благородного Вендарина, тогда – подросток. А теперь он тут в Поганой слободе, кто-то вроде Белого мастера.

– И зовут его теперь...?

– Талари, если вам надо. Только ведь...

– Только ведь вы им поверили уже?

– Рад бы я не верить. Только господин сам мне всё подтвердил.

Там, во дворе трактира.

– Как это было?

– Я спросил: Вендарина Баллури вы убили? Он ответил: да. А улики Маэру Гайтарре вы подложили? – Да. – А вы знали, кто я ему? И он опять сказал: да, и руки протянул ко мне. То есть знал с самого начала: что я на Таггуд к нему приехал, и в плен нарочно сдался, а может, и что мы с матерью за ним много лет через огонь следили, он тоже знал. И вот пока он не сказал всего этого, я ударил. Убил его.

Здесь ни свечи, ни масляной плошки, а так хочется зажечь огня. Но лучше пока погодить.

– Да пребудет с вами Отец Воитель, благородный Маэру.

– Я не думал, что станется потом. Не знал, что он... Ему я никакого оправдания не нашёл. Он сделал, что сделал, и всё, что с нами, с матушкой, было, – всё из-за него. Я не боялся его пожалеть, или что он меня заморочит, или прощения станет просить... Я никогда, ни дома, ни в войске, ни в плену не думал – а может, не надо, раз матери уже нет, мне самому эта месть не нужна... нет. Я знал, что доберусь до него и убью. Только не знал, как он-то сам мне нужен. Не цель – исполнил и вроде как жить больше незачем. Нет, он, господин. Как дорог, как... хорошо мне было с ним. Не думал, что так будет.

– Баррай и ваш отец до Онтальского похода были знакомы?

– Нет, это я проверил ещё до Таггуда. Между ними никаких там личных, старых счетов не было, в том-то и дело: он отца не хотел погубить, просто сам очень хотел выкрутиться. Я это понимаю, и что в Бунджиле он со многими обращался по-скотски – я видел и помню. А всё равно. Он со мной, конечно, куда мягче был, чем с остальными, особенно с тех пор как вольную выписал. Доверял, наверно, хоть я и не понимаю – как он мог доверять, если знал, кто я такой.

Проклятая диневанская забава: держать при себе кого-нибудь, кто имеет все причины тебя зарезать. Баррай диневанцем не был, но, видно, воздух севера так влияет.

– А главное, он, даже если не доверял... Раскрывался. Не в смысле что удара не ждал, хотя и это тоже, а – рассказывал: что думает, что любит, а что ненавидит, сам жить любил и меня приохотил.

И это на Баррая очень похоже. Заразительная жадность до людей и прочих тварей божьих, до денег, до всего, что вокруг.

– А как вышло, что вы не вызвали его? Или в поединке – слишком честная смерть для такого, как он?

– Вот мне и мерещится – с того самого дня. Будто он меня спрашивает: а что ж не вызвал? Я не знаю, как ответить. Зря не вызвал. Он бы знаете что сделал? Поддался бы, чтоб я ранил его, почти насмерть, но всё-таки не совсем. И потом я бы уж точно при нём остался. И вроде как отомстил, и он жив был бы...

Маэру надолго замолчал. Джанатта ждёт. Но вряд ли к сказанному можно что-то добавить.

– Будьте пока тут, – говорит Джанатта. – Я должен посоветоваться.

Он кивает.

– Нож ваш отдайте мне пока, пожалуйста.

Маэру отдаёт. И вдруг усмехается:

– Знаете, вот сейчас я господина хорошо понимаю! Очень в каторгу не хочется. Если меня тут возьмут – так тому и быть, но лучше чтоб без суда, сразу бы... Или вы. Жалко, что нельзя так. Все вы тут со мной по-хорошему.

– Чтобы с вами покончил я?

– Ну да. Ехать-то мне теперь толком некуда. Незачем.

– Я. Или Дине? Или мы вместе с ним?

– Нет! Не дайте боги, чтоб ещё он...

– Вот и не надо. Не напрашивайтесь.

– Не буду.

– Подождите. Я понимаю: тяжело. Но какой-то выход должен найтись.

(Гари, четвёртый сын досточтимой Марригунд, и мастер Видаджани Парамелло)

Гари знал: они не напрасно мастерили змея. Спорили, ругались, склеивали планки. Клеила в основном Гати, у самого Гари терпения не хватало. Зато змей вышел красивый – белый, легкий, с красной Гатиной ленточкой.

И вот он, праздник. Столько змеев даже в Кэраэнге не всякий день увидишь. Всех цветов, угловатые и округлые, из ткани и из бумаги, с длинными хвостами и совсем короткими, с рожками, с ушками и прочими украшениями.

И мастер – так по-доброму радуется им всем. Этот самый длинный, а этот – самый разукрашенный, а тот – сложнее всего сделан. А вот ваш – самый толстый. И не важно даже, что он не летает, все равно красиво! Хотя мастер честно пытался поднять в небо каждого.

Гари сначала распереживался: вдруг наш тоже не полетит? Но обошлось – почуял ветер, рванул в небо, будто всю жизнь только об этом и мечтал. Как сам Гари. Разве есть что-то лучше, чем поймать свой ветер, разбежаться, и кинуться в объятия этому небу, такому белому, такому огромному...

Мастер так может, и матушка. Гари видел, как они летали вдвоем, с тех пор и мечтает когда-нибудь также – бежать над землей вместе с мастером.

Сегодня мастер поднимался в небо всего однажды – вызволять из ветвей Ирриного змея. И то, старшая дочка тети Унг и дяди Киджи расстроилась: батюшке со дня на день в плаванье, а змей застрял – дурная примета. Вот мастер и помог.

А тетя Сумангат с Киррином и Карри не пришли – они по-другому празднуют. Ну и дураки, тут веселее.

Мастера хватает на всех. Вот он Ирри змея вызволял, вот с Райей разглядывает их поделку, пытается понять, отчего тот не летит. Вот с барышней Гангобер обсуждает ее змея, не плоского, а объемного, как ящик, сделанного по чертежам. А ещё с Нири долго-долго о чем-то говорит. Гари думал даже не обидеться ли, но не стал. Чего уж тут обижаться, ведь ясно: мастер всем нужен, не одному только Гари. Но когда запуски и беготня все-таки закончились, не удержался и предложил:

– А давай завтра вместе полетаем? Попросим у Марри шляпу и полетаем?

Шляпу, что дарует чудо полета. В последнее время она её стала прятать. То ли боится, что сопрут, то ли нарочно от Гари. И ради праздника мастер не смог отказать, пообещал попросить чудесную шляпу для Гари.

Не уехал никуда мастер Видаджани... Да?

Уехал, и вернулся, и нашёл в своём храме совсем не то, что оставлял.

Был у меня маленький мальчик Гари. А теперь ему надо в Небо. Летать. Говорю ему: страшно! – он не слышит. Чего страшного-то? Там хорошо! Высоко! Облака!

И конечно же, не зря ребёнок в храме рос:

– Я не одержимый!

– Знаешь, бывает, сидит такой вот тоже на земле птенец, воронёнок, скажем, орёт: летать, летать, наверх, наверх-ррх! А вокруг него тучей его старшие вороны. Все боятся за него, голосят: не трожьте, не трожьте, он у нас одер-рржимый! Вот так же и я буду теперь вокруг тебя.

Смотрит с подозрением:

– А ты не хочешь?

– Хочу. Но очень страшно.

И ему тоже страшно, только до головы пока страх не доходит. А сердце трепыхается, дрожью бьёт, как в лихорадке.

– Пёрышки полезли, – объясняет он.

Вот уж точно.

Ты же видишь, Марри: он полетит. Сейчас слишком рано, лучше бы хоть в десять лет, в двенадцать. Впрочем, другие говорят – чем раньше, тем лучше, надорваться может и взрослый, а маленькие легче привыкают.

– Ты будешь его учить? – спрашиваешь ты. Будто мне что-то другое остаётся.

Сам же учил его лазать по крышам, по печным трубам. И по карманам тоже. Чего ж теперь удивляться. Не очень вяжется ремесло воришки с прозванием Гундаури и знатными предками, да что поделаешь, когда пёрышки режутся.

И кабы только это.

Был другой птенчик, чуть постарше. Возвращаюсь и вижу: этого парня я себе выдумал много-много лет назад, когда не с кем было водиться – сочинял, какой у меня был бы друг. Не с улицы, как я сам, а хороший и умный. И вот он есть, оказывается, а я мимо хожу...

Не придумал лучшего, чем попросить прощения. Нири ответил: за что? Ты ни в чём не виноват.

За глупость. Что прячусь, вместо того чтобы разговаривать с тобой.

Он пожимает плечами. Отворачивается, потому что в чёрных глазищах – тоска не на восемь лет, а на тысячу, на десять тысяч, на все века, сколько есть на свете одинокие дети человечьи.

Я спросил:

– Тебе Джандарри рассказывал про остров?

– Где жить хорошо?

У братца моего названного была мечта – создать себе остров на суше. И поселиться там со всеми, кого он любит, и отдельно от

остальных. В итоге Марри это сделала. Не совсем остров, с мостиками в остальной мир. Но да, хорошо.

– Я тебе прочту, а ты скажешь – обидно или нет?

Нири задумался: для кого обидно? Ага, для матушки, наверно. Это можно, он кивнул.

– Ты скажи, скажи: где то море, где моя тревога отпустит меня? Море, где собою остаться я мог бы с лучших моих дней до последнего дня. Ты скажи, скажи: где то море, белый мой кораблик и остров вдали, море – чтобы мне не казались тюрьмою каменные своды обжитой земли...

– Ты туда хотел уехать на самом деле?

– Ты скажи, скажи: где то небо, облачное небо моих миражей? Буду я, наверно, честнее, умнее, только вот счастливей не буду уже. Ты скажи, скажи, где то небо – вольная недолгая доля моя, мир, который вовсе без нас бы и не был, все его сады, города и моря...

Нири подумал, спрашивает:

– Ты тоже веришь? Что мир есть, пока есть мы сами.

– А чего тут верить, это так и есть вроде?

– Нет, для мамы не так. Она говорит, её не будет когда-нибудь, а мы и храм останемся

– А для тебя?

– Как ты сказал. Мой мир – только когда есть я.

– Вот да. И допустим, я с Джанаттой разговариваю – вроде в одном храме живём, но я чётко слышу: у него всё совсем иначе. Все слова понятные, а значат разное.

– Это как у меня с Гари.

– Почему?

– Потому что я не полечу. Я толстый.

Не в укор себе и не с обидой, а как самое весомое объяснение: я другой.

Но прежде чем спрашивать, почему так, надо сказать за себя. Почему уезжал и зачем вернулся.

– Я пытаюсь себя собрать в кучу. И это значит – понять, с кем у меня мир хоть как-то общий внутри, а с кем только внешне.

Нири опять кивнул, будто вот уж это он знает:

– Не надо в кучу. Наоборот, надо все разложить широко – и смотреть тогда.

Кажется, я понял.

– Что было, и мне этого жалко, и себя тогдашнего жалко, – это одна кучка. И это не значит, будто мне не дорого то, что сейчас. А чего не было и мне горько, что не было, это тоже отдельно, и тоже никому не в укор. Примерно так?

– Да. И ещё – что ты думаешь, что будет.

– Ты видишь, что это разные кучки?

– Да, но они боками касаются. И даже наползают одна на другую.

Не целиком, а краями.

Помолчал и прибавил в утешение:

– Но ведь там столько сокровищ!

Была у меня ты, Марри. С ясным знанием, за что ты отвечаешь сама и за что я никак не научусь отвечать. А теперь вдруг – в храме праздник, все змеев гоняют, смеются, бегают. И у Гундингов, кажется, всё спокойно, и племянник вроде бы согласился, что был неправ. И похороны прошли. И Джанатта милостью Семерых жив после поединка, и супостат его жив, даже сюда приходил... А ты сидишь у себя и плачешь. Горько, запойно, как девчонка. Не из-за меня, я же слышу.

– Что стряслось?

– Это Маэру. Он признался.

Дескать, он своего господина убил. Из мести.

Положим, для мести причины были. И парень невесть сколько лет готовился. И?

– Ты уверена, что он не врёт? Что он в крови по уши, я вижу. Но он всяко такой был бы, не важно, сам он зарезал или нет.

– Мы уже столько перебрали... всех. И Джанатта, и ты, и Вонгобай. На Маэру всё сходится: за что убил, как, почему ушёл незамеченным... А ты думаешь, врёт?

Не знаю. Берёт вину на себя, чтобы понести наказание – ради господина? За то, что не уследил или вроде. Не похоже, чтобы покойного порадовал этакий итог, но я ж не знаю, вдруг для парня этот Баррай был зеркало справедливости... Ты качаешь головой: вряд ли. А тогда зачем? Сложный способ покончить с собой. И лишние хлопоты, если он этак проверяет, точно ли здесь его полюбили как родного и станут ли вытаскивать, даже если он убийца. Ясно же – полюбили и станут.

Да когда же нас пугали сложные способы. Пример: Амонанку Гангобер. Может, когда-нибудь она скажет, зачем возвела на себя поклёп. Ведь запросто мог Вонгобай её для порядка взять под стражу: оговаривает себя – значит, помогает убийце.

Теперь выясняется: весь город знал, что у мастера Видаджани есть поклонница, самая преданная, всюду ходит, где только мастер поёт. И опять-таки все знали: люди вроде Видаджани рано или поздно сбегают к молоденьким, какая бы там ни была любовь с женою и сколько б ни было детишек. Правда, уж кто-кто, а Нанку на коварную зазнобу не похожа совсем. У неё глаза цвета супа! – говорит Джангати. Тюха, – говорит Гари. Тихая, книжная девушка, и лет ей уже двадцать пять... Теперь, стало быть, добрые прихожане храма и жители Марбунгу будут следить: да неужели мастер с этакой закрутил?

Веская причина свалить отсюда навсегда. Посмотрите на себя, граждане родные, и прикиньте, хорошо ли с вами жить.

Ни на кого больше сил моих не хватает. На тех-то не хватает, кто уже есть... И когда уезжал, и когда вернулся, я думал так. А вот нет.

Девчонки верят: вот сидишь-сидишь, а тем временем кто-то любит тебя, про кого ты и не думаешь. И Марри, и Гати, и Лалли, и все они верят. Потому что сбывается. Нанку – не знаю, верила или нет. Но хорошо бы, чтобы у неё сбылось.

Пытаюсь давеча понять, что с ней. Знаешь, кто гостя нашего зарезал на самом деле? Она: кто-то нездешний. Почему?

– Потому что убить – это... честно. А тут все врут.

И я первый, когда ей начал доказывать, что пусть лучше она не убила, а ребёнка украла. Понарошку.

– Всё понарошку! Вот вы уехали, все якобы боятся, что навсегда. А сами врут, даже в этом. Хотя вы всё равно не узнали бы, если бы...

Не врут, а просто у каждого свой мир и свой мастер Видаджани в нём. И творит ровно то, что ему там положено по условиям.

– А я не хочу, чтобы свой!

Вот и я теперь не хочу. Не хочу для Нанку остаться выдумкой.

Просто сказал ей: давай попробуем вместе. Что? А всё подряд. Вместе что-то сделать с этой понарошечной жизнью.

Испугалась. И даже не что это враньё опять, а просто – мало ли что я под этим разумею. Спать я с ней собираюсь, или в дом к ней переселиться, или как ещё.

Сказал: например, вместе записать и привести в порядок коинские и прочие байки, а то я их травлю, травлю, у людей сил нет уже слушать, а мне жалко, ежели пропадут.

– Книжку?!

Нири бы точно так же обрадовался...

Кстати о байках: про письмо самому себе. Грамотей, стало быть, посыльному говорит: это не мне. Да вам, точно, вам! Нет! Тогда посыльный надулся: значит, возвращаю отправителю! А на письме-то значит: высокоучёному Такому-то от Премудрой Бириун. Грамотей письмо принимает и молвит:

– То-то же!

Мастер матушку все-таки уговорил, пообещала выдать шляпу для занятий. «Завтра утром, вот здесь, на лужайке возле гостевого дома. Чтобы я вас видеть могла...». Сказала и вздохнула. А до этого – плакала ещё. Тайком, чтобы никто не узнал. Но Гари понял, потому что глаза красные. Даже испугался: не из-за меня ли? Он ведь ничего такого не делал. Перебрал в голове еще раз всё, что было в последние дни. Нет, точно, ничего!

Нири всегда знает, ежели кто плачет, приходит утешать. Гари спросил, что это с мамой, тот нахмурился, ответил: всё сразу. Ну спасибо, брат, объяснил!

На ночь глядя матушка куда-то уходила, вернулась за полночь, Гари слышал, но просыпаться не стал, слишком хотелось, чтобы утро настало побыстрее.

За завтраком Джанга сделал участливую мину и спросил, верно ли, что Гари собрался летать.

– Угу, – ответил Гари с набитым ртом.

– Тогда много не ешь! – предостерег братец.

– А что, шляпа меня сытого не поднимет, что ли? – спросил Гари с сомнением.

– Да мало ли. Ещё стошнит от высоты!

– Сам дурак!

Много бы он понимал!

День жаркий, вон в гостевом доме у Маэру окна приоткрыты. Небо чистое-чистое, так и ждёт. В траве кузнечики стрекочут. Пусть не боятся: Гари сегодня не по траве, а по небу бегать собрался.

Мама приносит шляпу – старую, из соломы, отдает её не Гари, а мастеру. Спрашивает громко:

– Знаешь, как ею пользоваться?

– Надеть, – кивает Гари, – подняться в воздух, потом спуститься.

– Надеть, – перебивает матушка еще громче, чем прежде, – и помнить, что она на тебе надета. Подняться, как по ступенькам, двигаться в нужную сторону, потом осторожно спуститься.

Вот странно: Гари вроде здесь ещё, на земле, рядом с досточтимой. А она объясняет, будто целому полю, чтобы каждая травинка услышала, каждый кузнечик, каждая пушинка на одуванчике. Мама продолжает:

– Ты сможешь ходить по воздуху, это чудо. Для тебя не будет преград, например, водных, но тебя видят с земли, если светло. И могут чем-то кинуть или выстрелить.

А это ещё с чего? Кто это в Гари выстрелит, когда он с мастером и на храмовой земле? Да и вообще!

– Очень высоко подниматься не надо, Гари. И не надо увлекаться. Шляпа тебя не сделает летучим созданием, просто поможет сократить путь.

Гари понял, он тянется к шляпе, но досточтимая не спешит её отдавать:

– ...и быстрее ты тоже не станешь. Как бегаешь или ходишь, так и будешь двигаться. И надо очень крепко держать в уме, сколько ты можешь пробежать за полчаса. Потому что чудес этой шляпы хватает только на такой срок.

Знать бы ещё, сколько я могу, думает Гари про себя. До дома Гундинг добегу. А если в другую сторону – то до моря точно!

– И лучше спуститься немножко пораньше.

– А как следить за временем? – спросит Гари.

– А вот этому, – говорит мастер, забирая шляпу у матушки, – мы с тобой и будем учиться.

– **Ему понравилось?** – спрашиваешь ты. И словно бы тебе самой не больше шести лет и тебе неловко, оттого что нечестно. Очень, очень понравилось птенчику в небе, гораздо больше, чем кому-нибудь из них нравятся стихи, или шпинет, или что ещё моё. Небо-то скорее твоё, даже если считается общим.

– Хоть плачь, хоть смейся, – отвечаю, – насколько дети похожи на тебя.

Надел шляпу, поднялся сажени на две, раскинул руки – будто всё Небо Белое обнять! И обхватил, и вцепился. Кому другому самое трудное объяснить – что за воздух можно держаться, а Гари сам нашёл, куда тут когти всадить.

Показываю, как было дело. Узнаёте себя, досточтимая?

Ты всё таким же девчоночьим голосом возражаешь:

– Я за тебя цеплялась!

На самом деле за подол Матушки Плясуни. Но наверно, отчасти это одно и то же.

Как я его низвёл с небес на землю? Пока давил на жалость: устал, дескать, старый мастер. Сострадать Гари особо не умеет и вряд ли научится, но игру принял. Ежели, отдыхая, я буду валяться, кататься и его тормозить.

Гари заметил, между прочим, что ты про шляпу ему всё объясняла, как глухому и тупому. Не знаю, понял ли, почему. А потому, что тебя должен был услышать Маэру-Рубежник. И усвоить, как пользоваться волшебной штукой, которую ты ему позволишь спереть.

Ты, как я понимаю, уже договорилась с кормчим Райкиджи. Что если он, выйдя из Марбунгу, найдёт у себя на «Снежной кошке» неучтенного проезжающего, то не удивится.

Сам парень, кажется, пока не решил, бежать ему или нет. Полёты полётами, но это дело тебе по-прежнему не даёт покоя. Настолько, что даже шляпы не жалко, если парень таки сбежит, а её потом не вернёт.

– Нельзя оставлять человека совсем без выбора...

Что верно, то верно.

– Потолкую с ним?

– О чём? – спрашиваешь ты безнадежно.

– Попробую понять: он просто хороший малый, кому отчаянно не повезло? Или он убийца. Ты ведь этого для себя решить не можешь, потому и плачешь?

– Он хороший. И ему правда очень-очень не повезло. И он – убийца.

Тогда и вправду разговаривать с ним не о чем.

– Я не думаю, что ему нравится убивать. Но если сочтёт надобным, убьёт. Ещё и ещё.

Он может счесть. Не то чтобы его супостат и благодетель раз навсегда в себе сосредоточил всё зло мироздания – и прочих, если с ним сравнить, убивать не за что.

– Я напишу Дже Таггуджи, – говоришь ты.

Ну да, на случай, если парень таки собирается продолжать на Таггуде.

– Или лучше я напишу Самсаме? Он подвижник Смерти или кто...

Был бы здесь сейчас мастер Джакилли, я бы посоветовался с ним. Но он со всей артелью уехал выступать по полуострову, пока дороги сухие, а держать тут парня до его возвращения, как я вижу, не захочешь ты. А нашему Гамурре, как и Гадарру из Надвратного, я не сумею объяснить, про что речь.

Вот почему не убийца Кайтай, чего бы он ни наворотил в пору диневанской службы? И насколько бы ни радовался по сию пору, когда в руке острое железо или хотя бы крепкое дубьё – и рядом кто-нибудь с такой же хреновиной, и значит, можно драться. Потому что он не рассчитывает наперёд. Не строит замыслы свои на том, что с завтрашнего дня, если получится, такого-то человека уже не будет. А юноша Маэру, как оказалось, убийца. Пусть он и не придумал, как дальше жить после своей правой мести, – всяко рассчитал, как вести

себя, чтоб не сразу попасться, что говорить и про что молчать, чтоб не заподозрили... Может, он и сам не знал за собою такого дарования, а вот справился же. Значит – да, убийца и есть.

(Вонгобай Гайладжи, начальник стражи)

Дело Баллури никто не читал за прошедшие четверть века. Даже тогдашние стряпчие не брали его – освежить в памяти подробности, когда сочиняли свои отчёты. Времена сменились, страна теперь другая, хоть и зовётся по-прежнему Королевством Мэянским. Многие согласны, что не Нарек, а сам покойный король задумал её переделать на новый лад, и первым шагом к тому был его Онтальский поход, – а всё равно тяжбы той поры никому уже не любопытны.

Преполовение – понятие растяжимое. Праздники длятся три дня, и отвлечься от дела сыщик Вонгобай даже не пытается. Государыня королевна в давешнем разговоре на срочности не настаивала, но понятно – чем скорее, тем лучше. И для пленных в Бунджиле, и для храма Семерых, и в целом для Марбунгу.

Вечером пятнадцатого числа, очутившись в управском застенке, Талари начал было опять темнить. Вонгобай оставил его подумать, сам наконец-то отправился домой, к семейному застолью. До поздней ночи вспоминал, кого бы расспросить о суде пятьсот восьмидесятого года, утром отправился к ним – но никто, ни старики, ни ещё сравнительно молодые, не видели Баррая в этот его приезд. А разговоры про то, как дела в суде нашем и в городе велись раньше, веселья не добавляют.

Зато проведал давних знакомых. Мастеру Видаджани о поимке его знаконца пока сообщать не стал. Собрал всё, что имеет стража на незаконного торговца Талари, и ближе к вечеру вернулся к допросу.

– Так чем ты собирался устрашать гостя с севера?

Талари рассказал всё то же: убийство Вендарина Баллури, пьяный четвертьсотник Гайтарра был невиновен, а убил Баррай. Сам же Талари на ту пору был ближним слугою Вендарина, только на помощь господину прийти не успел, но всё видел и запомнил.

– А господин, между прочим, мне был заместо отца родного! В мятежный год к себе взял, кормил-поил, одел-обул, обучал всему. У него сыновей-то не было, а сердце не каменное – вот он меня и пригрел. Не подумайте, никакой грязи, просто как супруга его сбежала – ему совсем одиноко на свете сделалось...

– Но с чего ты взял, что Баррай тебе заплатит? Надеялся убедить, что ты иначе в суд пойдёшь? И судьи решат пересмотреть приговор?

Уроженец Хоба или какой ещё далёкой земли, может, и поверил бы. Но чтобы Баррай, выросший в Королевстве, не сообразил, что перед ним жулик?

Не слушая вопроса, Талари продолжал со слезою:

– Вот, поверите ли, господин для меня молоко брал в трактирах! Когда уже мы с коронным отрядом ездили. Ты, говорил, ещё растёшь, тебе надо. Сам пиво пил, а мне, значит, молочка...

– Ближе к делу, Талари.

– Насчёт суда Баррай, может, и не испугался бы. А вот кабы я Белой жрице, досточтимой Марригунд, всё рассказал про него...

– Уверен был, что она не знает?

– А неужто знала? Думаю, нет. Она, конечно, женщина безумная, разное может простить, но чтоб такое...

– Отчего бы ей поверить тебе, а не ему, когда он стал бы всё отрицать? Учитывая, что ты принимал у себя в слободке мастера Видаджани, а досточтимую известить не спохватился.

– Так я бы через Джани дело и повёл! Ему, понимаете, лет пятнадцать уже эти её ходки на север – поперёк горла. Из-за горбатого, да и вообще. И вот скажите, господин Гайладжи: вы сами не согласны разве, что бабе место дома? При детях?

Не дождавшись ответа, он продолжал:

– Я к тому, что Джани на то и поэт, чтоб супруге всё про Барраю расписать самыми-самыми словами. Может, песней даже. Чтоб проняло!

– Если мастер Парамелло до сих пор этого не сделал, то вряд ли по недостатку сведений. Тёмное прошлое супостата мог бы и сам измыслить, и при желании у бывших пленных набрать свидетельств.

– Но это, господин начальник, мы с вами знаем. А Баррай же Джани не видал никогда. А про славу евонную много слышал.

Уж если бы Белый мастер был в самом деле заботливым супругом в восточном вкусе, мог бы сам съездить в Бунджил и познакомиться с работорговцем. Или как-нибудь чудесным путём выйти с ним на связь. Не делал этого – значит, поездки досточтимой в Хоб его устраивали.

– Ну, а что Баррай тебя на месте не зарубит, не прирежет? На это ты на каком основании надеялся?

– Так я и смотрел из-за кочки, с чем он выйдет, кабы с мечом – я не полез бы, знамо дело. Как ни старался господин Вендарин меня на мечника выучить – не успел. А говорил ведь, говорил: учись, парень, пригодится в жизни...

– И с чем Баррай вышел?

– С фонарём да с кинжалом на поясе. Я уж думал высунуться – а убийца раньше успел.

Вонгобай велел ещё раз описать, что видел Талари. Тот долго торговался, что свидетелем быть ему невместно, ибо несёт он Белое служение, и если не сама настоятельница Марригунд, то мастер Джани его обеты непременно подтвердят... Сыщик двинулся было восвояси – сиди, мол, тут, раз сказать нечего, – но беззаконник махнул рукою:

– Ладно, под запись – так под запись. Всё как я и давеча говорил. Рост средний, лицо без бороды, одет в дождевик. Коротко переговорил с Барраем, ударил ножом и – в дверь.

– Куда?

– Да в трактир.

Допрос пришлось прервать. Вернуться из застенка в рабочую комнату, пересмотреть заново все показания, а дневального отправить за Джою и Талле.

Убийца убежал, по словам малолетнего Раджангара. Куда убежал, мальчик не говорил, а Вонгобай не спрашивал.

Или оба соглядата не постижимо облажались, а в «Свином рыле» убийцу покрывают все, включая трактирщика, подавальщика и гостей. Или... остаётся, кажется, всего одно объяснение.

Вводя к Вонгобаю двоих обормотов – нашлись Джа и Талле быстро, но за праздничным столом, и вопрос, смогут ли так же скоро протрезветь, – дневальный доложил: к вам господин Баллури. Несколько мгновений ушло на то, чтобы сообразить...

– Благородный Джанатта? Очень хорошо. Попроси его подождать.

Если храм таки узнал, что Талари тут, – почему хлопотать за него явился Джанатта? Помня, что в прошлые разы у Вонгобая с Видаджани разговора не получилось? Или...

Сверили наблюдения соглядатаев в трактире. Вот Баррай вышел на заднее крыльцо. Вот Джа устраивается в сенях, чтобы следить за ним, и едва выглядывает – видит гостя уже убитым. Вот Талле поджидает Маэру, тот в последний раз говорит господину, уже в дверь: я скоро! – и бегом направляется к переднему выходу, по улице, в Поганую слободку на встречу с Дине.

Не нужно было никаких переодеваний.

«Я скоро» – парень сказал уже убитому. Своему господину, кого он сам только что зарезал. Выдержка редкостная, или наглость, или как это назвать, – но по-другому не получается.

Или он говорил: я скоро вслед за вами, ко Владыке? Дальнейшее его поведение ближе к этому, но что тогда его заставило убить?

– Вы один? – спрашивает Вонгобай, выходя в приёмную. Рядом с Джанаттой не видно ни воспитанника его, ни кого другого. Но вдруг остались ждать у ворот или во дворе? Тогда неплохо бы их послать в храм, предупредить. Или пусть Джанатта идёт и берёт убийцу?

Нет уж. Вонгобай лучше сам.

Ходатай по делам севера отвечает мрачно:

– Да, один. Прошу простить, господин начальник стражи. Я понимаю, праздник, и время позднее, но дело не терпит отлагательств.

– Похоже на то. Будьте тут, я сейчас вернусь.

И снова в застенок.

– Талари, только без торговли. Голову убийцы опиши.

Он ухмыляется:

– Выпустили бы вы меня, господин...

Понял, что сыщика припекло.

– Ты меня знаешь, – со вздохом говорит Вонгобай.

Знает, подлец, что за правдивые показания – сейчас, когда цель маячит совсем близко, – старик его отпустит и прежние подвиги ему не припомнит. До следующего раза, когда Талари попадётся на чём-нибудь.

– Так ведь и вы меня знаете, господин...

И руки складывает домиком над головой.

Как если бы под капюшоном у убийцы была хобская шапка.

– Да, ещё дождевик-то он в траву зашвырнул. Перед тем как уходить. А нож обтёр – и за голенище.

– Что ж ты раньше молчал, что узнал его?

– Что – что... Уговор?

Вонгобай вздыхает тяжелей прежнего. И это значит: да, отпущу.

– Так он побывал же у меня перед тем, парень этот.

– Накануне убийства?

– Да. Расспрашивал про господина Вендарина, и про Баррая, и про всё тогдашнее. Я рассказал. А до того он ещё из Пайрунари душу вытрясти пытался, тот мне и пожаловался: нельзя ли, мол, похорошему на этого малого укорот найти, а то грозен больно. И я-то нет, а Пайрунари, кабатчик, его признал... почти. Похож, сказал, на ту бабу, она ещё раньше, давно, приезжала про дело это сведенья собирать. На пьяницыну вдову, значит.

– Ясно.

– Я и думаю: давай, Талари, давай, назови лиходея! Сам же сообщником окажешься. Или этим... подстрекателем?

Вонгобай его уже не слушает, поднимается в приёмную. Джанатта Баллури всё ещё там.

– Идёмте к вам, – говорит начальник стражи. – По дороге расскажете.

– Хорошо. Только прошу вас прежде прочесть вот это.

Неполный листок, неровный почерк, сыщик видел уже его – в тех бумагах, что сам велел написать Барраеву порученцу. Признание. «Я, Маэру Таггуджи, сын благородного Маэру Гайтарры...»

– А сам он? – взглядывает сыщик на Джанатту.

Написал вот это – и? Убит? Вами же и убит? Или его божьим гневом разразило?

– Сидит под замком, – отвечает ходатай.

– Добро. Идёмте.

С собою Вонгобай на всякий случай берёт двоих стражников. Хоть Маэру, говорят, и не пытается сопротивляться.

По пути Джанатта коротко рассказал, как было дело. Досточтимая сопоставила дни и сроки, предположила, что как раз рождение этого парня праздновал Гайтарра в кабаке в Лагури, – и в ответ на прямой вопрос Маэру перестал заператься.

А ведь при первом допросе был осторожен. Надеялся уйти от подозрений? А потом – не так сладка месть оказалась, как он надеялся?

– Думаю, – отозвался ходатай, – он ради этой мести поступился чем-то главным для него. Конечно, не тою жизнью, какую ему обустроил его господин, хоть в ней и было больше радости, чем во всём его детстве и юности. И не совестью, и не добрым чувством к Барраю. Тем, что и было собственной его душой. Много к чему расположенной душою, но уж точно не к отмщению, не к наказанию, пусть и справедливому. И вот – пожертвовал ею, потому что нельзя иначе. Из-за матери. А потом понял, что теперь ему всё равно.

Душой! Душа, бывает, отрастает заново. Не так скоро, как раны заживают, а всё же. Иные её себе ломают нарочно, чтоб лучше росла...

В храме Джанатта направляется к гостевому дому. Настоятельница ждёт там – одна, наверху, возле запертой двери в конце прохода.

– По моим выкладкам подтвердилось, – говорит Вонгобай.

– Что ж... Посмотрим.

Джанатта отпирает дверь. Ключ был у него с собой. На случай, если бы в храме кто-то попытался парня выпустить, стал бы просить за него, а Марригунд не устояла бы?

Жрица медлит всего мгновение, опустив голову. Потом входит первой, ходатай и сыщик за ней.

В комнате никого. Окно открыто.

И как это понимать?

– Я не могла не оставить ему выбора, – говорит досточтимая.

Выбора – из чего да чего? Сдаться властям Марбунгу, покончить с собой, бежать?

Доведись самому Вонгобаю решать, что делать с этим малым, – он бы, пожалуй, тоже дал выбрать. Хоть самоубийство и ненавистно Семерым. И уж точно, если бы служил сейчас не в страже, а в суде, не хотел бы вести этакое дело – где хобский бывший раб убил своего господина, мэйанский дворянский сын отомстил за отца, и одно от другого не отплетёшь, как ни старайся.

– А толку-то?

Всяко сейчас придётся снарядить погоню. Только сначала понять, в какую сторону. Вонгобай достаёт ясновидческий камень, взглядом спрашивает у настоятельницы: нет возражений? Она качает головой.

– Вооружён? – спрашивает сыщик, пока готовится.

– С ним кинжал. Тот, что был у Баррая. Немного еды и денег... – Марригунд осматривается в комнате, не оставил ли парень чего. – И шляпа древлена Самсаме. Вы её, наверное, помните.

Зачарованная шляпа, даёт полчаса ходьбы по воздуху. Если кто достаточно уверен в себе или достаточно безумен, готов поверить, что Мать Небесная его поддержит.

Широкий выбор.

– Знаю я двенадцать беглецов, – начинает Вонгобай. – Гундинг, предок ваш, бежавший из Царства. Мастер Видаджани: бежал от всего подряд неоднократно...

И ещё десяток имён. В хрустале показывается Маэру-Рубежник. Бежит он уже не к берегу, а над морем, впереди – тёмный корабль, боевая пайрана. «Снежная кошка» княжича Райкиджи. Ушла-таки этой ночью, чуть раньше, чем собиралась.

Лучше бы предупредили. И решали все вместе. Марригунд это понимает, говорит:

– Мне очень, очень жаль, благородный Вонгобай.

Зато не придётся пересматривать позорное решение королевского суда.

Сыщик спрашивает:

– Вы-то сами дальше – как?

Отвечает Джанатта за обоих:

– Поедем в Хоб. Попробуем там объясниться.

Не позавидуешь. Но и это они решили вдвоём, советовать что-то бесполезно, досточтимая и ходатай всяко лучше Вонгобая знают, насколько это опасно.

Не то чтоб старый сыщик верил в справедливость: свершается людское правосудие или нет, каждый от Праведного Судии получит по заслугам – и убийца, и мститель, и те, кто помогал им и кто не сумел помешать. Примеров, когда – на мирской, сыщицкий взгляд – вполне виновные люди уходили от ответа, припомнить можно намного больше дюжины.

Хочется спросить: ну, уедете вы, а дети-то чем виноваты? А ничем, ваши – как и все прочие дети. Малые, и подростки, и совсем взрослые.

(В доме Гундинг)

– **Мог бы рассчитывать** хоть на два шага вперёд собственного хера!

Госпожа Мобайджи пришла на мужскую половину. Чтобы не ругаться при женщинах и детях. Глава дома по привычке расхаживает по комнате.

Выражение это хобское – не про недомыслие, а про безответственность. Сказано о горбуне, и возразить Джангамунгу нечего.

– Лучше бы Джанатта ехал один. Баррай же к нему сюда явился.

А не к Марри, но это сестре объяснять бесполезно. Пытались уже и Мунг, и Мобайджи...

А теперь Марри собралась в Хоб с Джанаттой вместе. Для них снаряжается «Шустрый», морякам предстоит так же выставить на кон свои жизни, как и Марри и её напарнику. Вся надежда на Семерых – да на то, что в северной немирной гавани, когда наши туда придут, окажется кормчий Райкиджи со своей ватагой, сможет прикрыть...

Кто, кажется, остаётся ни при чём, так это убийца.

– Уж ежели мстишь, – говорит госпожа, – мсти так, чтобы никого вокруг не зацепило. А то подло: скольких человек втянул, а они мстить не собирались вовсе.

Господину Гундингу нечего сказать. Сам он ни разу не квитался за обиды – поединки для него под запретом, а тайно сводить счёты не понадобилось. Либо обида бывала невелика, либо обидчик раньше получал по заслугам – в честном смысле слова, а не в том, что слуги или угодливые знакомцы Гундинга рассчитывались за него. Божья справедливость? Мунг верил бы, кабы отец, или мать, или сестра эту веру поддерживали. Джани Парамелло сказал бы: пакостить Дому само по себе редкостная глупость, и неудивительно, что такой человек в скором времени и на свою голову навлекает беду. По себе знаю! – добавил бы он, и тут уже нёс бы чушь. Советником Нарекон его покарало за всё, что дурного он наговорил и наделал Марри в первые месяцы их любви, – и кому было оттого хуже, не ей ли самой?

А вот госпоже Гундинг, урождённой Таджибери, довелось в юности долгие месяцы готовиться к мести – тайно от родни, ибо даже на севере подобный долг не возлагают на женщину, если жив хоть кто-то из мужской родни. Мобайджи подростком, не старше, чем Датта

сейчас, решила для себя: отомстить за Ладжингу. Во многом для этого она и училась драться. Мстить собиралась не хобам, а княжичу Нареку, его винила в том, что дядюшка обгорел и очутился в плену. Кто знает, чем обернулся бы её замысел, если бы в шатре под стенами Билликена Ладжинга и Нарек не встретились как друзья. Ладжинга, Джа Рубежник, Нарека любил и любит, а мстить за человека вопреки его собственной воле может только совсем уж безмозглый и бессовестный дуболом...

Сейчас она говорит о Маэру:

– Ему все наши так и остались безразличны – и Дине, и Марри, и Джанатта. Воспользовался их добротой и исчез. А им теперь отвечать.

И им. И морякам. И Джани с Раджангаром: Марри зачарованную шляпу отдала, а ведь им эта шляпа именно сейчас пригодилась бы, и вдобавок – это, кажется, последняя вещь, что оставалась в Марбунгу от кудесника Самсаме...

– И непонятно, ради чего. Ради кого из своих. «Дине с парнем подружился», нашёл, с кем дружить!

Одинокое живётся юноше Дине. А почему? Пока были детьми, дружили все вместе – и Джанга, и Лалли, и старшая дочка Унг. Подросли, стали отдаляться, и пожалуй, из Джанги и Дине друзей уже не получится: слишком разные.

– Но вот Датта уже тоже подросток, разве Дине не мог бы поладить с ним?

– Это хорошо бы. Особенно сейчас, пока Датта и Куррата привыкают друг другу.

Многократного предателя Урбериджи пригласили не просто на службу Гундингам – определили дядькой к наследнику дома. Дине бывшего рубежника хорошо знает, мог бы помочь ему и Датте.

Если Дине после всего случившегося вылетит с коронной службы, Джангамунг его, конечно, возьмёт к себе. И не потому, что он сестрин воспитанник. Жалко будет, если он останется храмовым поединщиком – и только.

Жадность, казалось бы, предполагает корысть, а для корысти надобно ждать чего-то хорошего впереди. Но бывает и другая жадность – когда ждёшь худшего. Если уж бедствовать – то всем вместе, всем своим, а своими люди как раз в час беды и делаются.

(В бывшем городском дворце бояр Онталов)

Королевна занята. Ходатая по делам севера принимает царевич.

– Мне нет прощения, – говорит Джанатта.

Едва ли верит сам себе. Едва ли понимает точное значение произносимых слов: редко доводилось вслух признавать свою вину. Не ошибку – а когда принял решение, сознательно не посчитавшись с теми, от кого ждёшь, что люди эти будут считаться с тобой.

Убийцу нашли и устроили ему побег. Признание имеется, дело раскрыто. Теперь решается, как быть с пособниками убийцы.

Царевич молча отдаёт ходатаю его прошение об отставке – без ответа. Говорит:

– По словам супруги моей, северная служба даже нарочно не могла бы управиться лучше. Иноземца убил иноземец, бежал чудом божьим, что засвидетельствовано...

Ещё Лэйгари добавила: Нарек бы одобрил. Но этого царевич повторять не будет. Хотела бы – сама сказала бы это в глаза Джанатте. Однако сегодня она предпочла другого собеседника.

Советник Нарек как раз понимал, что такое непростительная вина. Он другие слова считал бессмысленными: «Не было другого выхода». Выход всегда есть, связи свои с другими людьми каждый хранит или рвёт, как хочет и когда хочет, всё прочее – отговорки. Свободен каждый, даже раб, даже – одержимый, что бы ни думали на сей счёт Семь храмов. Иначе людьми не имело бы смысла пытаться управлять: не в большей мере, чем облаками или светилами небесными.

Не спеша забрать бумагу, Джанатта говорит:

– В ближайшее время мы с досточтимой Марригунд отправляемся в Бунджил. Отвезём прах полутысячника и объяснимся с его начальством. Если не вернёмся, прошу господина и госпожу о милости к моему сыну. И снисхождения к семейству Гундинг: они ни о чём не знали.

– Да, конечно, – с горечью отзывается царевич.

Грустно, когда просят смилостивиться – будто не видят, что ты вообще никого карать не хочешь. Ни виновных, ни причастных.

И Лэйгари не хочет. Надо ли будет перешагнуть через это нехотенье, пока неизвестно. А если – надо? И получается, вам выгоднее, чтоб хобы раньше вас наказали пособников убийцы...

Ходатай – не из тех, кого удерживает страх за близких. По крайней мере, когда он уверен в собственной правоте. Смерти Джанатта не боится – ни он, ни жена его. Верят, что выбрать путь кончины смогут для себя сами, а сроки всяко в ведении Владыки...

Но никакая любовь меж людьми – не причина пренебрегать законом. Это в храме Семерых понимают, затем ходатай и явился сюда.

И царевич говорит:

– Для супруги моей дело об убийстве Баррая Лабирри – часть дела о хобском переселении. Следует ли далее разыскивать убийцу и что делать с теми, кто помог ему или не помешал, будет зависеть от того, что станется с хобами.

Странно, но такого ответа Джанатта не ждал. Спрашивает:

– Почему?

– Пока мы всё ещё не знаем, кто именно убит. Даже если мститель не лгал вам, неизвестно, как будет понят в Хобе его поступок.

Вдруг Маэру-Рубежник окажется избавителем страны от злого заговора? Или погубителем вольного Бунджила? Или кем-нибудь ещё. А желал бы остаться убийцей королевского дворянина – он бы и не сбежал.

Ходатай, помолчав, говорит:

– И всё же мне очень жаль, господин. И особенно жаль, что вам я не могу предложить, что отвечу делом за то, что сделал.

Вот уж точно: царского ближнего родича на бой не пригласишь. Бывший дворец бояр Онталов мог бы выставить поединщика, но – глупо собирать извинения чужими руками.

– Да в чём передо мною виниться? Будь дело семейное и вы бы не спросили моего совета, мне было бы из-за чего горевать...

– Дело и было почти семейным. Для нас с женой.

Сказано твёрдо, и вот эта твёрдость – лучше самого слёзного раскаяния. Джанатта продолжает:

– Для досточтимой и для нашего сына этот человек сделался своим, близким. Потому что любил, по-настоящему любил. Беда, что любил-то он Баррая. Но это ничего не меняет.

– А для вас?

– Для меня по-другому. Мне важнее его дарования и выучка. И то, с какой скоростью этот парень учится на ходу. Он впервые оказался в Марбунгу – и ни одной ошибки, все ему верили. Не хотел бы я видеть его на стороне своих врагов. Если он уцелеет.

И добавляет:

– Баррая погубила жадность. Не смог выпустить из рук этокое сокровище, хотя видел, с кем имеет дело. Я не про родство благородного Маэру, а про способности.

Следующий вопрос чужой: сам царевич не стал бы спрашивать, но ответ может оказаться важен.

– А устранить его, пока не поздно?

– Как решат хобы. Или кормчий «Снежной кошки».

– А вы?..

– А я не убийца, – отвечает Джанатта, не задумавшись. Как если бы сказал: «я горбун» или «я диневанец».

– Да, – подтверждает собеседник.

Искренними речами человек сам очищается от скверны. Обученный служитель богов нужен только чтобы выслушать.

– А что сердца своего я парню не раскрыл, – говорит Джанатта, – так дело не в нём, а во мне. Я ведь и с Дине ждал двенадцать лет, прежде чем усыновить.

– Да.

Но раз так, надо и самому царевичу объяснить:

– Если бы со мной обсудили всё заранее, я был бы за гласное разбирательство. Оправдать Маэру Гайтарру и осудить Баррая Лабирри.

– Как один из путей мы это предложили.

– А предлагал бы я сам – пожалуй, не удержался бы: заглянул бы в глаза и попробовал склонить волю Маэру к этому пути. Думаю, хорошо, что я этого не сделал.

– Благодарю, господин.

И это тоже искренне.

На том ходатай откланялся. Царевич, стоя у окна, провожает его взглядом. Выйдя за ворота, Джанатта прочь не удалился,

прохаживается со складнем в руках, опустив голову. Ждёт, кто выйдет от королевны.

Через какое-то время из усадьбы быстрым шагом выходит Канда Гуллаи. Недавнего своего супостата не заметил, направляется в город. Рыцарскую важную повадку всю растерял – а ведь сослужил сегодня службу здесь как подвижник Пламенного. Ибо многие достоинства имеет названный двоюродный дедушка королевны, но не любые переговоры ему можно доверить. Канда это понял, не убоился и не возгордился, принял как естественное.

Джанатта чуть погодя следует за ним.

Запрета на разглашение переговоров нет. Если захочет, Канда расскажет, что передал кормчему «Снежной кошки» и что услышал от него. Если коротко – королевна и супруг её не просили задержать Маэру Рубежника и вернуть в королевство, а кормчий заверил, что поступит с ним по своему разумению. На деле, скорее всего, решать будет исходя из своего чувства прекрасного, а ему убийства претят. Значит – даст убийце если не искупить вину, то хоть что-нибудь кинуть на ту чашу весов, где копят дела небезобразные.

(Джангамунг, глава дома Гундинг)

Ну три дня, пять – но не семь же! Семь дней господин Гундинг не имеет вестей от сестры. Знает только, что корабль дошёл до Бунджила благополучно. А потом?

На кухне горит огонь в печи, глава дома сидит прямо перед ним. Боится пропустить вести, хотя и не уверен, пришлёт Марри птицу, или наймёт чародея, или, как обычно, свяжется через пламя. Вчера был летний солнцеворот, в Марбунгу жарко, а благородного Джангамунга и у огня пробирает дрожь.

Сестра жива. Если бы... Мунг почувал бы, уже змием летел бы жечь проклятый Хоб с Таггудом вместе... а если нет? Если никакой он не змий, хоть и потомок царей, обычный человек, ничего не могущий?

Отомстить. Домстились уже! Если бы не тот несчастный пьяница, не вдова его и не сын...

Нет, должна быть жива. Не то отец почувал бы. Или дети. Или в храме хоть какой знак явился бы. Она ведь может во всякий час в свой храм вернуться, как может каждый настоятель милостью Семерых. Правда, одна. И вернулась бы, если бы осталась одна. То есть и Джанатта цел? Проклятый горбун, вздумалось же батюшке в своё время его приветить... Дайте-то боги, чтоб и горбун был жив, сестра иначе не смирится.

Знатоки объясняли Мунгу: у северян в их малосолнечном краю сейчас большие праздники, дни солнцеворота, могут быть сложности с чарами. Но кормчий-то мог бы хоть на спасательной лодке отойти от гавани, если уж корабль не выпускают, передать хоть два слова!

Если задержан корабль, если сгорел... Наименьшая потеря, если живы люди, позорно жалеть. Но почему? Почему, почему?

На что храм, если жрецы не могут помолиться вместе? Они молятся, каждый день, впятером и порознь, но вестей нет.

Полмесяца с лишним глава дома не ест, пока не заставят, пьёт только воду. Супруга здраво говорит: ты изводишь себя, тревогу голод не унимает, а растравляет ещё пуще. Но как так? Как?!

Племянники в последнее время перебрались в дом: сначала Нири, а следом за ним и Джанга. Сейчас подходят, старший хотел было кинуть в огонь скомканную бумагу – но под дядюшкиным взглядом остановился.

Датты с ними нет. Сын теперь винит во всём себя. Кабы не вызов, хобский приспешник не переехал бы из храма, убийца поостерегся бы... Мунг виноват, лучше смотрел бы за сыном – тот не так остро чувствовал бы все эти немые упрёки: ты, дескать, Таджибери, а не только Гундинг, ты должен вызвать негодяя...

Смилуйтесь, Семеро! Только бы, только бы... Только была бы жива и здорова, только бы вернулась.

Дрова трещат, из печи валит дым. Просил же – чистого дерева, без домашнего мусора и прочей дряни... Ан нет! Прибор для ловли чар принимается звенеть и светиться красным. Вести?! Только бы не...

В клубах дыма появляется суровое лицо в пятнах от старого ожога. Джа Рубежник, он же боярич Таджибери.

– Гундинги, если слышите, ответьте!

– Слышим! – успевает первым племянник Джанга. – Прекрасно слышим вас, воевода Таггуджи!

Слуга, ждавший поодаль, бросается вон с кухни – за госпожой и за наследником дома. Раз уж их родич изволил явиться чудом Пламенного.

Почему? Почему старик, почему не... Нет! О боги, нет!

– Открываю обзор, – предупреждает Рубежник.

И сквозь дым – свет и в нём лицо Марри.

Слава богам!

– Брат. Нири. Джанга, – говорит сестра. – Как вы?

– В порядке! – отвечает Джанга. – Что у вас, где вы?

С мальчишками будем разбираться потом. Кто из них почуял, что вести скоро будут, – и почуял ли, или просто им в очередной раз надоело ждать.

– Мы тоже в порядке. По нашу сторону Рубежа, завтра идём домой.

Кормчий – где он их ждёт? Решился на морском корабле зайти в Таггуд и подняться к ставке воеводы? Или... Не важно, главное – живы. Марри жива, и как слышно по голосу, никого не потеряла там.

– Ты первая, – говорит Джанга. – Расскажи!

– Хорошо. Хобы, первая половина переселенцев, отправились на ладьях Райкиджи. В Марбунгу заходить он не предполагает, но если вдруг – будьте готовы. Брат, слышишь?

– Да, я передам, – отзывается Мунг. – Сколько их?

– Восемь полных судов. Это первая ходка, будут милостивы Плясунья и Владычица – в этом году предстоит ещё вторая. Или будущей весной.

Жена, сыновья и домовый чародей подошли, садятся рядом.

– Мобайджи, Датта, Байя, – приветствует их Марри.

И продолжает:

– Невольников мы вывезли. Все полторы сотни с нами не поедут, только двадцать два человека. Остальным помогает воевода. Передайте в храм.

Передадим, всё передадим.

– А он...? – спрашивает Джанга.

– Маэру попросил капитана, чтобы его высадили в Бунджиле.

– А говорил, что на Рубеж хочет...

– А решил вот так. Объявил о том, что сделал, просил суда над собою пред Отцом Воителем. Хоб Дигендарайя, наместник Бунджила, дал дозволение.

Зачем? Почему бы ему просто не прикончить бывшего раба?

Марри продолжает:

– Скорее всего, счёл для себя более полезным, чтобы жители Бунджила решили, будто Баррай убит с его, Дигендарайи, ведома, что Маэру действовал как его человек. Суд состоялся, Маэру – против подвижницы Джалинды из храма Пламенного. Той женщины, с кем покойный Баррай был близок.

– И?

– Маэру выжил. Она погибла. Потому мы и не выходили на связь: в Бунджиле хобы объявили дни скорби по ней как последней из рода прежних тамошних правителей. Но поход свой не отложили, и это хорошо.

– Выжил... и какой он теперь?

– Какой и был, Джанга. Ранен, но раны милостью Семерых удалось залечить. Одержимым...

Сестра, не говорила бы ты этого слова, когда вокруг чудеса!

Она поправляет сама себя:

– Боги с ним, как и прежде, и насколько я вижу – так же, как прежде. Он решил отправиться на запад. На Дибулу, к Самсаме.

– То-то мастер Видаджани обрадуется, – замечает Джанга.

– Как он сам?

– Паинькой! Занимается с Гари, бранится с Джангати, пишет, по храму хлопочет. Даже удивительно.

– Счастлив? – Марри не спрашивает, а словно бы подсказывает сыну объяснение, почему всё так.

Джанга, в свою очередь, сдерживается, чтобы не осквернить чуда грубым словом.

– Гари взялся учиться, пока наземным порядком.

– Хорошо!

– Гати как обычно. Дине сам пусть расскажет, как вернётесь. Он схлопотал.

– От кого и за что?

– Да от Гати же. За любовь, за что ещё...

– Но хоть без драки?

– Без. Лирри молодцом.

– А ты? И ты, Нири?

- Мы тебя ждём, – отвечает младший. Джанга кивает, Мунг тоже.
- Ну вот теперь уже скоро в обратный путь.

(Где-то в городе Марбунгу)

- Э-э, осторожнее!

Я понимаю, благородный Кайтай: у вас привычка. Но могли бы учитывать, что некоторые огни на свете божьем горят – не чтобы вести принимать, а затем, например, что на них еда варится.

– Джани, ты где? – спрашиваешь ты обычным своим голосом, тревожным для тебя, а на мой слух сварливым.

Обычным – это, Марри, прекрасно вообще-то.

- На кухне, пташка, а что?

Гари, умница, сперва проглотил, что ел, и только потом завопил:

- Марри, шляпа!!!

О да. Шляпа Самсаме у тебя, я теперь тоже вижу.

В остальном мне смотреть сквозь дым бесполезно, там все кажутся немного не такими, как на воздухе. И ты будто не устала вовсе, и Кайтай почти бравый имеет вид, и шляпа как новенькая, и даже цветы на ней.

- Шляпу привезу, – обещаешь ты.

- Скоро?

– Теперь уже скоро. А вот скажите мне: не находил ли случайно кто-нибудь из вас у меня небольшой плоский ключ?

- Который у посла был? – спрашивает дитя. – С птичкой?

У Баррая покойного за рукавным отворотом. Что ты, Марри, ещё до всех вызовов этот ключ вытащила, Гари не видел, но разведал. Подозреваю, ты сама же доставала при нём гостинец, а что ключик не наш, дитя сообразило. От замочка хорошей карличьей работы, с гравировкой в виде птицы, заказан был, видимо, нарочно для тебя.

– Всё ясно, – отвечаешь ты. – Тогда скажи мне, Джани... Я не спрашиваю, не вынул ли ты чего-нибудь из ларца, когда открыл его этим ключом. Мне любопытно: ты ничего туда не клал, прежде чем запереть обратно?

– Вольные грамоты на двадцать восемь человек, на бумаге, на дибульском языке и с хобскими печатями? Нет, это не я. Они там были. А что, не сработали?

– Сработали почти все. Шестеро ребят остались на рубеже, остальные едут с нами.

– Очень кстати. А то нас мало. Булле вот домой отправился, Троекратный его сопровождает. Куррата опять же...

И Маэру. Для Самсаме не жалко, и парня этого не заменишь – слава богам! – а всё же надобно какое-то восполнение.

Гари пролез поближе к огню:

- Ты, Марри, недолго там! А то тут всё разладилось опять.

- Что случилось?

– Ну как? – Гари загибает пальцы с озабоченным видом. С самым искренним, какой остался на нынешний день. – Во-первых, Канда. Его

Джелли совсем сманила. А он вроде как наш был. Во-вторых, Джанга. Или наоборот, он – во-первых. Его все его любви повыгоняли. И он после службы каждый раз домой идёт. Или к дедушке. В-третьих...

И так ещё с четверть часа.

Огон погас, довольный Гари усаживается на прежнее место.

– И зачем ты врал?

– Чтоб Марри приятно было. Что вот она уехала – и всё, без неё никак! И возвращалась бы поскорее. А что, не надо было?